Л. ВОРОНКОВА

В ГЛУБИ ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
334-324 гг. до н.э.
ЭВКСИНСКИЙ ПОНТ
ВНУТРЕННЕЕ (СРЕДИЗЕМНОЕ) МОРЕ
ПЕЛЛА
Геллеспонт
АБИДОС
ГРАНИК
САРДЫ
ЭФЕС
МИЛЕТ
ГАЛИКАРНАС
ГОРДИЙ
ИПС
ФАСЕЛИДА
ИСС
КИПР
АРАД
БИБЛ
СИДОН
ТИР
ДАМАСК
ГАЗА
ИЕРУСАЛИМ
ПЕЛУСИЙ
АЛЕКСАНДРИЯ
МЕМФИС
ГЕЛИОПОЛЬ
ОАЗИС СИВА
ЕГИПЕТ
ЛИВИЯ
АРМЕНИЯ
ГАВГАМЕЛЫ
АРБЕЛЫ
р. Евфрат
р. Тигр
ВАВИЛОН
ЭКБАТАНЫ
ГРАНИЦА ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА К 334 г. ДО Н.Э.
МЕСТА ВАЖНЕЙШИХ СРАЖЕНИЙ

С К И Ф Ы
р. Яксарт
САКИ
М А С С А Г Е Т Ы
ХОРЕЗМ
БАГИ
СОГДИАНА
р. Окс
МАРАКАНДЫ
АЛЕКСАНДРИЯ-ЭСХАТА (ДАЛЬНЯЯ)
БАКТРЫ
БАКТРИЯ
АЛЕКСАНДРИЯ КАВКАЗСКАЯ
БУКЕФАЛА
НИКЕЯ
р. Инд
р. Гидасп
ГИРКАНСКОЕ
ЗАДРАКАРТА
ПАРФИЯ
ГИРКАНИЯ
РАГИ
А Р И А Н А
ДРАНГИАНА
АЛЕКСАНДРИЯ АРАХОСИЯ
АРАХОСИЯ
ПАССАРГАДЫ
ПЕРСЕПОЛЬ
ПЕРСИДА
КАРМАНИЯ
ОТРЯД КРАТЕРА
Г Е Д Р О С И Я
ПУРА
ПОРТ АЛЕКСАНДРА
ПАТАЛЛА
И Н Д И Я
КОРАБЛИ НЕАРХА
О К Е А Н

Л. ВОРОНКОВА

В ГЛУБИ ВЕКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

Р 2
В 75

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами новое произведение писательницы Л Ф. Воронковой — исторический роман «В глуби веков». Вместе с книгой «Сын Зевса», которая вышла в свет в 1971 году, этот роман рассказывает о жизни и завоевательных походах Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.), пытавшегося создать под своим господством мировую империю. С огнем и мечом он прошел по многим странам, проложив свой путь от Македонии до глубинных индийских царств, с одной железной устремленностью — узнать весь мир, завоевать его и стать единым властелином.

Военные походы Александра Македонского представляют собой один из интересных и поучительных страниц древней истории.

Книгу завершает послесловие «Александр Македонский и его время», написанное доктором исторических наук, профессором А. С. Шофманом.

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки
И. Ильинского

В $\frac{0763-259}{101(03)72}$ 449—72

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ДАЛЕКИХ ПУТЕЙ

очему он раздарил все свои владения? — с тоской в заплаканных глазах сказала Ланика.— Или сердце говорит ему, что он больше не вернется в Македонию? Все раздарил друзьям — земли свои, города... Ну, все, что у него было!

Олимпиада ответила, не оборачиваясь:

— На что Александру жалкие богатства Македонии, если он возьмет все сокровища мира?

Ланика, кормилица царя, и царица Олимпиада, мать царя, стояли у бойницы дворцовой

башни и глядели, как уходило из Пеллы македонское войско. Оно уже вышло из городских ворот и теперь двигалось по широкой равнине, окружающей Пеллу. И женщины видели, как далеко, во главе конницы, светятся два белых пера на шлеме полководца.

— Хорошо, что нашлись люди с совестью, отказались взять последнее у своего царя,—продолжала Ланика.—«А что же ты себе оставляешь, царь?» А царь ответил так гордо, так красиво: «А себе я оставляю надежды!» Тут, видно, друзьям стало совестно. «Ну, и мы, твои соратники, возьмем долю в твоих надеждах!» И начали отказываться от его даров. Гефестион отказался, Неарх, Эригий... Но куда больше было просящих и получающих!

— Пусть просят и пусть получают,— холодно возразила Олимпиада,— верность друзей стóит того, чтобы подкрепить ее золотом. Александр это понимает.

Олимпиада немало лет прожила со своим мужем, царем Филиппом, который считал, что ни один вражеский город не устоит, если в его ворота войдет осел, груженный золотом. И в бескорыстную дружбу она тоже не верила.

Войско удалялось быстро, исчезая в желтом тумане пыли.

Вот уже конница вступила в горный проход. Скрылась и пехота. И обозы утянулись за холмы. Вот уже и нет никого. Нет никого. Только пыль медленно оседает вдали.

Ланика опустила голову, закрывшись покрывалом.

Олимпиада, с побледневшим лицом, крепко сжав губы, медленно сошла вниз.

Во дворце, в небольшом мегароне царицы, ее ждали знатные македонянки, жены ушедших с Александром полководцев, сестры и матери его молодых этеров — друзей. Олимпиада — царица, но ведь и она — мать, сын которой отправился в далекий и опасный поход. И только богам известно, кто вернется из этого похода!

Олимпиада остановилась перед ними. Черные глаза ее были усталыми и надменными.

— Я вижу печаль на ваших лицах. Почему? Царь македонский повел македонцев на великие подвиги, он повел их за славой, за богатством, за новыми землями. Царь Александр, а с ним и Македония станут властвовать над всей Элладой и над всеми эллинскими городами! Он выполнит то, что не успел сделать царь Филипп. Может, это вас и печалит?

Лишь одна старая женщина из рода Линкестийцев, македонской знати, рода гордого и строптивого, осмелилась ответить Олимпиаде:

— Война — не пир и не праздник. А дети наши — смертны.

— Смертны? — Олимпиада еле взглянула на нее. — Смертно тело. Но слава бессмертна. Не о гибели наших детей нужно думать, а об их славе. Пусть плачут те, чьи дети гибнут бесславно!

Движением руки Олимпиада приказала им удалиться.

— Счастье тем, кто может думать о славе, — прошептала Линкестийка, метнув на Олимпиаду взгляд, полный ненависти, — а что делать тем, чьи сыновья погублены злодейски и бесславно?

Двое сыновей ее казнены в тот день, когда был убит царь Филипп: их обвинили в заговоре. Третий еще жив — Александр Линкестиец в армии царя, в коннице царских этеров. Сколько осталось жить ее последнему сыну? Царь Александр, сын Филиппа, простил его. Может быть, за то, что тот прибежал и первым назвал Александра царем македонским. Может быть, поверил его слезам и клятвам в верности. Но разве простит когда-нибудь Олимпиада и разве поверит когда-нибудь, что Линкестиец станет искренним другом ее сыну, сыну Филиппа?

Линкестийка прижала руку к сердцу, которое сильно болело в эту минуту, и пошла, склонив голову, из царских покоев. Другом сына Филиппа? Да, тогда она сама проклянет своего сына и призовет гнев богов на его голову, если он станет другом сыну Филиппа, другом царю, ради которого казнили его братьев, ее двоих сыновей. Ведь Линкестийцы считали, что они тоже имели право на македонский престол!

Женщины тихо ушли из царского дворца. Большой двор, вымощенный плитами, опустел. На алтаре в углу двора, где сегодня приносили жертву, дотлевали подернутые голубым пеплом угли. Только стража стояла, как всегда, на стенах крепости. Да из большого царского мегарона, что на мужской половине, глухо доносились молодые голоса знатных юношей, оставленных царем для охраны дворца. Этого потребовала Олимпиада — она боялась.

Она боялась Линкестийцев, оставшихся в живых после жестокой расправы. Она знала, что в их горных замках Верхней Македонии затаились месть и ненависть.

Она боялась родственников полководца Аттала, которого убили, опасаясь, что он помешает провозгласить Александра царем. Боялась и родственников Клеопатры, на которой незадолго до смерти женился царь Филипп, отстранив Олимпиаду. Олимпиада, ненавидевшая Клеопатру, принудила ее покончить с собой.

Тени погибших не тревожили Олимпиаду. Ее тревожило, что еще много врагов осталось в живых. Она шла сейчас из зала в зал, из комнаты в комнату — трудно было сидеть в гинекее. Трудно и заниматься повседневными делами хозяйки, госпожи большого богатого дома, где много слуг, рабов и старых родственников... Пусть все идет как идет. Ланика присмотрит за порядком во дворце. А ей, Олимпиаде, надо навести порядок в своих мыслях и чувствах. Трудно провожать на войну сына. Не впервые она провожает его — и все-таки каждый раз трудно.

«Ну, ну,— ободряла она себя,— он — потомок эпирских и македонских царей, потомок Геракла и Ахиллеса. Пусть идет, пусть побеждает. Разве даром у нас на крыше сидели два орла, когда он родился?.. Все понимаю, все понимаю,— спорила она сама с собой,— и все-таки трудно, трудно».

Послышались тихие шаги. У входа стояла Ланика.

— Войди.

Олимпиада только Ланику могла выносить сейчас, только ее доброе присутствие помогало пережить эти тяжелые часы. К тому же можно было и позлословить и пожаловаться — Ланика никому не выдаст ее.

— Зачем он оставил правителем Македонии Антипатра? Я бы и сама справилась с делами. Не проходит дня, когда бы этот старый грубиян не дал мне почувствовать свое недоброжелательство. Еще бы! Он был бы рад возвести на царство своего зятя Александра Линкестийца, которого мой сын помиловал. И напрасно помиловал!

— Но Антипатр, когда спорили из-за царства, отстаивал Александра, сына Филиппа, а не Линкестийца,— мягко возразила Ланика.— Если бы не Антипатр и не старик Парменион, еще неизвестно, чем бы окончилась смута, которая была тогда.

— А я? Я, по-твоему, сидела и молчала?

Ланика затаила горькую усмешку. Нет, ее госпожа не сидела бездеятельно и не молчала. Много людей умерло тогда именно потому, что она не молчала, а требовала их смерти.

— Теперь будут говорить,— продолжала Олимпиада,— что Антипатр да еще Парменион сделали царем Александра. Но они отстаивали его только потому, что Александр — законный наследник. Кому же это было не ясно? Кстати, я и Пармениону не очень-то доверяла бы. Такое огромное войско у него в руках!

— Он позволил убить Аттала, госпожа,— напомнила Ланика,— а ведь Аттал был его зятем.

— Как ты спокойна! — закричала Олимпиада.— Конечно, ведь Александр тебе не сын. Если бы он был твоим сыном...

— Я бы каждую минуту благодарила богов, что у меня такой сын. Я боялась бы только одного — как бы Гера не позавидовала мне!

НА ЗЕМЛЕ ИЛИОНА

Когда-то у Афаманта, Эолова сына[1], рассказывает легенда, была жена, нежная Нефела — Облако. У них были дети: мальчик Фрикс — Дождик и девочка Гелла — Солнечный свет.

Нефела умерла, ушла в мир богов. А вторая жена Афаманта, мрачная финикиянка Ино, невзлюбила детей. Она мучила их, истязала и все придумывала: как бы избавиться от них?

Однажды случилось так, что боги разгневались на людей и наслали на землю долгую страшную засуху.

И вот Ино, чтобы умилостивить богов, решила принести им в жертву мальчика Фрикса.

Но мать спасла Фрикса. Нефела явилась к детям и привела с собой златорунного барана. Она посадила детей на этого барана, и баран умчал их от злой мачехи. Он скакал по лесам и долинам, через горы и ущелья. Прибежав к морю, он бросился в воду и поплыл. Фрикс крепко держался за его изогнутые рога, а Гелла в страхе хваталась за брата.

Эгейское море они переплыли. А в проливе поднялись высокие бурные волны. Гелла испугалась, руки ее разжались, она свалилась с золотого барана и утонула. И только имя ее осталось, дав название проливу — Геллеспонт[2], путь Геллы.

[1] Эол — бог ветров.

[2] Геллеспонт — Дарданеллы.

На берегу Геллеспонта царь македонский Александр ныне ставил алтари и приносил жертвы богам, готовясь переправиться через пролив на азиатскую землю. Настал день, которого Александр ждал с тех самых пор, как начал понимать, что такое завоевания, победы, слава. Рассказов об этом он наслушался с самого раннего детства в обширном, всегда многолюдном и шумном мегароне своего отца, воинственного царя Филиппа. Еще мальчишкой, услышав о новом завоевании царя, он восклицал с искренней досадой:

— Клянусь Зевсом! Отец завоюет всё, и мне не удастся свершить ничего великого!

А великое в его понятии заключалось только в одном — в военных победах.

Отец Александра, царь Филипп, подготовил этот поход в персидские земли. Персия владела огромными пространствами азиатских земель: она раскинулась от берегов Геллеспонта и Срединного моря[1] до самых Индийских гор. В Египте и Вавилоне сидели персидские наместники — сатрапы, управляя именем персидского царя...

А в Македонии, маленькой стране среди гор, издавна поселились бедность и нищета. Эллинские города-государства постоянно вынуждены покупать хлеб, который привозят к ним из чужих стран,— у себя, на камнях, хлеба не вырастишь.

Свои дерзкие замыслы — перейти Геллеспонт и захватить побережье — царь Филипп начал выполнять с присущей ему неукротимой энергией. Он добился главного командования над объединенными войсками — македонским войском и войском эллинских городов-государств. Он убедил эллинов, что идет освободить эллинские колонии, поселившиеся на приморском берегу, от персидской зависимости и наказать персов за то, что они когда-то вторглись в Элладу и разорили эллинские святыни.

Тайные мысли Филиппа были иными. Он захватит азиатский берег, прогонит персов из эллинских колоний и будет царствовать до конца своей жизни и над Македонией, и над Элладой, и над ее колониями...

Но мир обширен, а жизнь человеческая коротка. И особенно коротка, когда обрывается так трагически, так внезапно, как оборвалась она у царя Филиппа. Кинжал убийцы настиг его на самом пороге свершения его замыслов. Уже

[1] Срединное море — Средиземное море.

и войска были готовы, и авангард во главе с полководцами Атталом и Парменионом, перебравшись через Геллеспонт, стояли на азиатском берегу...

А Филипп остался под высоким могильным холмом в старом городе Эгах, где уже многие годы хоронили македонских царей.

Теперь завоевывать Азию идет Александр, сын Филиппа.

Войско через Геллеспонт переправлял старый, опытный полководец Парменион, верный соратник царя Филиппа. Суда шли немного наискось, сопротивляясь течению,— черные многовесельные военные корабли, всевозможные торговые суда, захваченные для переправы войска, плоскодонные лодки... Будто стая больших медленных птиц переплывала Геллеспонт по направлению к Абидосу. Парменион предусмотрительно удержал за собой этот прибрежный город, когда уходил из Азии, узнав о смерти Филиппа. И теперь сильный македонский гарнизон стоит в Абидосе, обеспечивая войскам Александра безопасную переправу.

Царская триера шла впереди. Александр сам стоял у руля. Он был в полном боевом снаряжении — в доспехах, в шлеме, в бронзовых поножах, надежно защищающих ноги. Рядом, прислоненное к борту, светилось синим блеском железное жало его тяжелого копья.

Этеры царя стояли за его спиной. Многие были его сверстниками, друзьями детства — Гефестион, Лаомедонт, брат его Эригий, Гарпал, критянин Неарх, Филота, сын Пармениона, и второй сын Пармениона — Никанор, и третий сын Пармениона, юный Гектор, который следовал за царем в числе его личной свиты.

Здесь же, на царском корабле, были и его телохранители — Леоннат, Лисимах, Фердикка, Птолемей, сын Лага... Были и многие старые военачальники царя Филиппа, уже не раз ходившие в сражение вместе с молодым царем. И среди них брат Ланики — Клит, по прозванию Черный. Он был старше царя, он знал Александра еще совсем мальчиком, когда тот впервые пришел в отцовский мегарон. А для старших младшие навсегда остаются маленькими, требующими защиты, разумного совета, а порой и поучения. Кто же, как не Клит, брат царской кормилицы, возьмет на себя такую смелость указать царю на его ошибки, если они случатся? Кто же, как не Клит, обязан хотя бы и ценой собственной жизни защитить царя, если понадобится? Готовый ко всем гря-

дущим опасностям и трудным испытаниям, Черный Клит сейчас не думал о них — походы не бывают легкими.

В свите царя было много знатных и образованных людей Эллады — писатели, философы, ученые. Здесь был историк Аристобул, призванный описывать сражения и победы македонского царя,— Александр, одержимый своим честолюбием, очень заботился о том, чтобы оставить память о себе и своих делах. Здесь был Евмен, эллин из Кардии, преданный царскому дому человек, которого Александр сделал начальником своей походной канцелярии и поручил ему вести подробный дневник похода. Поэты, актеры, певцы, музыканты следовали за царем. Александр, воспитанный Аристотелем, любил и музыку, и поэзию, и хороших певцов. В личных вещах царя хранились свитки известных трагедий и ученых трактатов. И среди них ценимая им, как драгоценность, «Илиада» Гомера.

Тут же, среди блестящей толпы царских друзей, вельмож царской свиты, стоял молчаливый Александр Линкестиец — всегда при царе, всегда около царя, всегда под внимательным, наблюдающим взглядом царя. Это было тяжело, как рабство, как плен. Но что же было делать ему, человеку, братья которого казнены на могиле Филиппа, обвиненные в его убийстве?

Смутно зеленеющий берег Азии медленно приближался, волнуя неизвестностью. За бортом плескалась беспокойная сверкающая вода. И чем ближе подступал этот берег, тем задумчивее становились военачальники царя. Они идут со своим очень небольшим войском воевать с персами. Что такое их тридцать две тысячи пеших и пять тысяч конных воинов по сравнению с неисчислимыми полчищами персидского царя? Когда Ксеркс в былые времена проходил через Македонию, его войска выпивали досуха целые реки!

Словно угадывая, о чем думают его этеры, Александр, желая ободрить их, сказал:

— Удивляюсь персам. Посмотрите, друзья, как глупо они распорядились. Оставили пролив незащищенным и позволили нам переправиться без всяких препятствий!

— Полководец Парменион знал, что делал, когда ставил гарнизон в Абидосе,— негромко возразил Филота, сын Пармениона.

Александр услышал его.

— Полководец Парменион поступил правильно. Однако

персы должны были защитить свой берег. Ведь у них четыреста боевых кораблей! Что бы им стоило загородить нам путь?

Критянин Неарх, родившийся в семье моряков и корабельщиков, любил корабли и знал в них толк.

— Четыреста! — вздохнул он.— Финикийских! А у нас всего сто шестьдесят.

— И даже не финикийских,— добавил Александр.

— В казне, кажется, тоже не густо,— проворчал Черный Клит,— я слышал, всего семьдесят талантов[1].

— Именно так,— уточнил Александр,— и кроме того, тысяча триста талантов долгу.

Филота задумчиво поглядел на него.

— И ты, царь, все-таки думаешь победить?

Этот вопрос удивил Александра.

— Мы идем не за поражениями,— ответил он,— иначе, клянусь Зевсом, зачем нам было бы переходить Геллеспонт?

— Кто был с Александром при Херонее, тот не должен спрашивать, победим ли мы,— сказал Гефестион, гневно взглянув на Филоту.

Филота выдержал его взгляд и с пренебрежением отвернулся, успев заметить, как Гефестион покраснел от обиды. Ага, понял-таки, что сын Пармениона не собирается трепетать перед ним.

Филота чувствовал, что Гефестион враждебен ему. За что? За то, что отец Филоты — Парменион оказал Александру такую услугу, о которой Александр не имеет права забыть? Ведь Парменион, когда умер Филипп и вокруг царского престола шла кровавая борьба,— Парменион помогал Александру захватить царскую власть. Или за то, что Александр доверил Филоте конницу? Но Филота доказал в свое время — хотя бы в Фивах! — свою верность Александру и стойкость на полях битвы. Он заслужил и свой чин, и свою власть, и свои почести. Неплохо было бы самому Гефестиону так же потрудиться, чтобы заслужить ту безоглядную любовь, которой Александр награждает его!

— Я не думаю о поражениях,— спокойно, собрав всю свою выдержку, сказал Филота,— просто я слышал, что военачальники встревожены, боятся потерять армию.

— Пусть не тревожатся,— ответил Александр, по-прежнему уверенный и невозмутимый,— армией командую я. А я ее не потеряю.

[1] Талант — 24 р. 25 к. золотом.

На середине пролива Александр остановил свой корабль. Остановилась и вся флотилия, шедшая вслед за царской триерой. И здесь, посреди залива, царь принес жертву богу морей Посейдону.

Жрец Аристандр, который и прежде сопровождал царя в походах, все приготовил для торжественной церемонии. Он вышел на палубу в белой одежде, в зеленом венке на седеющих кудрях, произнес положенные молитвы.

На палубу вывели молодого быка с гирляндами цветов на золоченых рогах. Бык, чуя недоброе, ревел и упирался, выкатив огромные глаза.

Александр, зная, что сейчас на него глядят со всех кораблей, помолился богам и одним ударом кинжала свалил быка. Потом принял из рук Аристандра золотую чашу с вином. Медленно, высоко подняв чашу, он наклонил ее и вылил в синюю воду пролива — совершил возлияние богу Посейдону. И, когда последняя янтарная капля вина сорвалась с золотого края, бросил в воду и чашу.

Теперь можно было спокойно продолжать свой путь. Царская триера, всплеснув веслами, понеслась к берегу, флотилия тронулась следом. Войско видело, как приносил жертву богам их царь и полководец. Это успокаивало, давало уверенность, что боги позволят им благополучно достигнуть земли и высадиться на берег. У Посейдона опасный характер. Когда-то в этом самом месте персидский царь Ксеркс пытался построить мост. И построил. Положено было много трудов, мучений и человеческих жизней на эту постройку. А когда мост был готов, Посейдон вызвал бурю и в одно мгновение разметал его.

Берег надвигался. Мягко рисовалась на светлом небе горная цепь Иды с ее извилистой линией вершин и склонов. Эта гряда гор стояла над равниной древнего Илиона, где когда-то поднимала свои могучие стены богатая Троя. Глаза Александра влажно светились от волнения — он приближался к священной земле Троады. Здесь, на этой равнине, сражались ахейцы [1], здесь разил врага Ахиллес, сын Пелея, его предок, предок его матери, происходившей из рода богов.

...Я родился от Пелея, Эакова сына,
Владыки многих племен мирмидонских [2].
Эак же родился от Зевса.

[1] Ахейцы — одно из эллинских племен.
[2] Мирмидоны — эллинское племя в Фессалии.

Эти строки Гомера Александр знал с детства и теперь, волнуясь, тихо повторял их. Древние легенды для него не были легендами. Об этом в его раннем детстве пела и рассказывала Александру мать...

Триера быстро шла под мерные всплески весел. На берегу, среди свежей весенней зелени, понемногу начали проступать красные и желтые черепичные крыши города. Абидос стоял на скалистом выступе, который далеко выдавался в море. Город словно вышел встречать идущий к нему флот.

В Абидосе их ждали. Ждали македонские воины оставленного здесь гарнизона. Ждали и жители Абидоса. Город, основанный милетянами, вынужден был платить дань персам. Македонцы прогнали персов из Абидоса. И теперь, встречая Александра, город шумел ликованьем. На берегу собралась нарядная толпа. Старейшины города стояли с золотыми венками в руках, чтобы почтить высшей почестью Эллады македонского царя.

Александр направил триеру немного западнее Абидоса, туда, где, по преданию, Агамемнон вытащил на песок свой черный корабль. И как только изогнутый нос триеры зарылся в белой пене прибоя, Александр схватил свое копье и с силой метнул на берег. Копье вонзилось в землю и стояло, дрожа древком.

— Боги вручают мне Азию! — крикнул Александр. И первым соскочил на азиатский берег.

Азия!

МЕМНОН

Персидское войско стояло на самых дальних отрогах Иды, в восьмидесяти стадиях[1] от моря, у города Зелеи. В большом шатре, раскинутом на берегу гремящей горной реки, полководцы персидского царя Дария Третьего Кодоманна держали военный совет. Сам царь оставался в Вавилоне, своей столице. Зачем ему тревожиться из-за ничтожной кучки македонцев, приведенных сюда дерзким мальчишкой, сыном Филиппа? Опасен был Филипп, но персидский царь часто побеждал его без войны, без боев. Ведь, кроме мечей и копий, есть еще одно оружие — подкуп.

[1] Стадия — 184,98 м.

Персидские полководцы возлежали на пушистых коврах, опираясь на шелковые подушки. В шатре собрались очень важные люди: сын царя Дария — Арбупал, зять царя Дария — Мифридат, военачальники царя Дария — Нифат, Петин, Реомифр... Был здесь и каппадокийский сатрап[1] царя Дария — Мифробузан, и угрюмый Арсам — сатрап Киликии, и надменный Арсит — правитель Фригии у Геллеспонта, и Спифридат — сатрап Ионии и Лидии, и брат Спифридата — полководец Ресак... Было здесь и еще много полководцев персидского войска, все знатные, богатые люди, уверенные в собственной власти, привыкшие к безопасности в своей огромной стране.

Немного в стороне сидел, нахмурив грозные брови, начальник наемных войск Мемнон, эллин из города Родоса. Он изредка скользил презрительным взглядом по самодовольным лицам персидских вельмож и тут же опускал глаза. Он был уже не молод, седина искрилась в его округлой кудрявой бороде. Слушая речи полководцев, он все больше хмурился, и морщины все резче проступали между тяжелыми черными бровями. О чем они говорят?

— Александр переправился через Геллеспонт,— сказал щеголеватый и нервный Мифридат, зять Дария.— Что предпримем? Жду вашего совета.

— Ну, переправился,— лениво отозвался толстый Мифробузан,— прогоним обратно, и все.

— Можно только удивляться, что он посмел с такой смехотворно малой армией явиться на нашу землю! — сказал сухопарый, с хищным носом и жидкой крашеной бородой лидийский сатрап Спифридат.

— Да, да,— подхватил его брат, полководец Ресак,— смешно!

Флегматичный Нифат пожал широкими плечами, отчего золотая волна прошла по его расшитой шелковой одежде.

— Глупец мальчишка.

— Так что же будем делать? — нетерпеливо повторил Мифридат.

Раздалось сразу несколько голосов:

— Двинуться навстречу и разбить!

— Прогнать обратно за Геллеспонт, и все...

— Или утопить в Геллеспонте.

[1] Сатрап — правитель, наместник царя.

— Не надо было пускать его на азиатский берег! — хмуро сказал Мемнон.

— А что потеряно? — презрительно возразил Арсит, фригийский сатрап.— Не так трудно избавиться от него.

— И не так легко, как вам кажется,— ответил Мемнон.— Этот мальчишка положил под Херонеей непобедимый «священный отряд» фиванцев. А потом и Фивы сровнял с землей.

— Велика сила — Фивы! — сердито сказал хмурый Арсам.— Ты что же думаешь, что он так же положит и наше войско, которое даже и сосчитать невозможно?

— Надо было поставить у берега корабли,— продолжал Мемнон,— надо было преградить ему путь в Азию.

Но зять Дария — Мифридат, сверкнув красивыми злыми глазами, перебил Мемнона:

— Ставить корабли, загораживать берег... Ради чего? Ради кого? Ради какого-то ничтожного царька из ничтожной страны. Пусть идет. Мы встретим его и погоним обратно. Зачем нам воровать победу? Мы возьмем ее с блеском и славой. При первом же сражении мы убьем Александра. На этом война и кончится.

— Так! Именно так! — отозвались полководцы.

— Именно так! — выкрикнул и юный Арбупал, сын Дария.

Это была его первая война. Он ждал сражения с веселым нетерпением. Он уже видел, как скачет на коне навстречу Александру, а потом гонится за ним, а потом настигает и убивает Македонца!..

— Пусть идет!

Мемнон с досадой покачал головой. Они ничего не понимают. Они, как слепые, не видят, что бессчетная персидская армия давно уже не так сплочена и не так воинственна, как была когда-то при царе Кире и даже еще при Ксерксе; что завоеванные персами государства совсем не стремятся защищать власть персидского царя, а, наоборот, стремятся эту власть сбросить...

Персидские правители не сумели объединить покоренные ими народы ни общим языком, ни общей культурой, ни общими интересами. Они знают только одно — облагать их налогами и всевозможными повинностями. Этим тупым правителям безразлично то, что народ их ненавидит, что народ изнемогает под тяжестью их жестокой власти. Они не понимают, что этот народ предаст их при первой же возможности.

Что эллинские города, расположенные на азиатском берегу, будут с радостью встречать Македонца, чтобы освободиться от персидской зависимости, как от тяжкого ярма... Молодой Александр не так опрометчив, как это кажется. Пустившись завоевывать Азию, он все учел: и разрозненность народов Персидского государства, и медлительность полководцев, и бездеятельность царя...

Мемнон встал.

— Позвольте мне дать вам совет,— сказал он,— я знаю македонцев...

— Еще бы! — ехидно усмехнулся Арсам.— Ты ведь когда-то гостил в Пелле у Филиппа!

— Я знаю их войско,— твердо продолжал Мемнон, кинув на Арсама холодный взгляд,— и не только в Пелле я видел македонские фаланги. Не так давно мне пришлось сразиться с авангардом македонцев, с их полководцем Парменионом. Как вам известно, я оттеснил его к Геллеспонту, однако спихнуть македонцев в Геллеспонт мне так и не удалось. Если бы вы тогда были поворотливей и пришли бы ко мне на помощь, мы бы овладели всем побережьем. Но вы медлительны, а македонцы действуют быстро. Битва с Александром будет трудной.

— Да он же мальчишка и глупец,— тупо повторил Нифат.

— Но с этим мальчишкой пришли старые полководцы Филиппа,— продолжал Мемнон,— а они умеют воевать, они не знают страха, а в битву их посылает жестокая необходимость — им не хватает свободных земель. И ради того, чтобы захватить эти земли, они будут биться не щадя сил. Сражение с ними обойдется нам дорого, и еще неизвестно, достанется ли нам победа.

Презрительные усмешки, сердитые восклицания: «Достанется ли нам победа?» А кому же она достанется?

— Ты, кажется, хотел дать нам совет? — прищурясь, напомнил Мифридат.

— Да. И совет мой такой,— ответил Мемнон,— не вступать в сражение с Александром: нам тут нечего ждать победы. Если они проиграют — неудачное нападение, вот и вся их потеря. А если мы проиграем — мы потеряем страну.

— О! Что он говорит?!

— Так он же эллин!

— Пехота македонцев сильнее персидской,— не смущаясь злых выкриков, продолжал Мемнон,— и они вдвое опасны,

потому что идут в битву под начальством своего царя. А в персидском войске царь отсутствует.

— Еще что! Он хочет, чтобы сам великий царь Дарий беспокоился из-за какого-то жалкого отряда македонцев!

— Мемнон не уважает великого царя Дария!

— Единственный выход — это избегать сражения,— холодно и твердо продолжал Мемнон.— Надо отходить в глубь страны и, уходя, оставлять за собой пустыню — вытаптывать конницей посевы, увозить хлеб, угонять скот, сжигать селения и города... Тогда Александр сам уйдет отсюда — ему нечем будет кормить войско.

Взрыв негодующих голосов заставил Мемнона замолчать.

— Уничтожать все? — в ярости набросился на него Арсит, правитель Фригии.— Вытаптывать посевы? Сжигать города? Да я первый не позволю, чтобы в моей сатрапии вытоптали хоть одну ниву, и никогда не допущу, чтобы у меня во Фригии сгорел хоть один дом!

Полководцы единодушно встали на сторону Арсита. Мемнон — эллин, можно ли ему доверять? Он просто хочет затянуть войну, чтобы как можно дольше получать от царя Дария почести и награды,— он же наемник!

Нет, персидские военачальники достаточно проницательны. Они не примут совета Мемнона.

Они поступят так, как и пристало полководцам великой державы: дадут бой и сразу покончат с Александром. Именно так они и сделают.

Мемнон ушел рассерженный. Да, он лишь наемник. Он не имеет права приказывать, он только может выполнять приказы тех, кто платит ему деньги,— приказы военачальников великого персидского царя, который так же ничего не смыслит в военных делах, как и его стратеги.

«Пусть идет»!— саркастически усмехался Мемнон, покачивая головой.— Эх, тупые ваши мозги! Он-то идет, и придет прежде, чем вы соберетесь его встретить».

Ворча и бранясь себе в бороду, Мемнон угрюмо, тяжелым шагом прошел вдоль костров своего лагеря. Исподлобья кидал он взгляды на стрелков и гоплитов, нищих, лишенных родины людей, у которых нет ничего — ни земли, ни пристанища, ни крыши над головой. Даже семьи свои, жен и детей, они возят за собой в обозах. Все их богатство — меч, да копье, да неверная судьба воина, каждый день рискующего жизнью.

И не за родину рискуют жизнью, не за родную землю, а за плату наемника, жалкую плату. Дерутся с кем прикажут, зачастую с людьми своего же племени... Впрочем, кто из них помнит свое племя?

И разве он сам, Мемнон, не такой же наемник, как все они?

Мемнон резко поднял голову, синие глаза его блеснули. Нет, не такой же. Теперь-то не такой же, когда Македонец захватил высшую власть в Элладе. Хотя Мемнон, начальник отряда наемников, уже давно скитается по разным странам со своим буйным и отважным войском, он все-таки — эллин.

Ах, если бы персы дали ему командовать персидским войском, он бы знал, как справиться с Македонцем! Но разве персидские правители — сатрапы — поступятся своей вельможной спесью и разве поверят, разве поймут, что ему, эллину, цари Македонии еще ненавистней, чем им, персам!

План Мемнона на военном Совете не принят. Значит, надо готовиться к сражению, чтобы «сразу убить Александра и на этом закончить войну».

Вернувшись в свой шатер, он велел позвать к нему сыновей.

Юноши явились тотчас, один за другим, оба в длинных персидских одеждах, стройные, с широким разворотом плеч. И совсем юные, как птенцы, которые только что вылетели из гнезда, но которым кажется, что они совсем уже взрослые птицы, что они все могут и что весь мир создан именно для них. Они молча стояли перед отцом и ждали, что он им скажет.

Мемнон, задумавшись, глядел на них. Что принесет им завтрашний день? Это его дети, дети любимой жены, кроткой и прекрасной Барсины, которая сейчас ждала его в Зелее. Такие же темные, затененные длинными ресницами глаза, такие же продолговатые, с нежным овалом лица... Знает ли Барсина, что завтра он поведет ее детей в тяжелый, очень тяжелый бой? Знает. Она всегда все знает — такое чуткое у нее сердце.

Мемнон неслышно вздохнул.

— Завтра наденьте полное снаряжение,— сказал он.— Обязательно.

— Отец,— старший, ему не было и семнадцати, выступил вперед,— да нам и воевать-то не придется. Македонцы убегут, как только увидят нашу армию!

— В доспехах тяжело будет догонять их! — улыбнулся младший.

— Делайте, как я приказал, — сурово ответил отец. — Воевать нам придется. Уж об этом-то Александр позаботится. А догонять? До сих пор во всех сражениях в Элладе догонял только он.

Сыновья вспыхнули, схватились за мечи.

— Уж не думаешь ли ты, что мы способны бежать с поля битвы?

— Нет, не думаю. Но приказываю: наденьте доспехи и будьте готовы встретить опасного врага. Очень опасного. Идите!

Юноши переглянулись, поклонились отцу и вышли. Полы шатра закрылись за ними.

— Старею, — проворчал Мемнон, — предчувствия, тоска... — И, закрыв глаза, мысленно попросил Барсину: «Помолись за нас, Барсина! Молитвы жен и матерей доходят до всех богов!»

ГРАНИК

Река Граник, которой было суждено остаться навсегда в человеческой памяти, невелика. Зарождаясь в вершинах горы Иды, она с игрой, с шумом и блеском сбегает в узкую прибрежную долину. Здесь она становится спокойнее, глубже, не торопясь пересекает побережье и впадает в синие воды Пропонтиды [1].

За Граником начиналось ущелье, горный проход, ворота в царство Дария. К этим воротам и вел скорым маршем свое войско Александр.

Александр торопился, стремясь перейти Граник, пока персы не догадались закрыть проход. Он ехал во главе конного отряда этеров, своих телохранителей — знатных македонцев, которые всегда дрались в бою рядом с ним. Конница этеров шла под командой Филоты, сына Пармениона.

Следом двигалось войско. Мчались отряды всадников — конницы македонская и фессалийская. Всадники были в шлемах, в панцирях, с копьями, с мечами при бедре. Ровным

[1] Пропонтида — Мраморное море.

шагом шли пешие тяжеловооруженные войска — педзэтеры. Это почетное название царь Филипп дал своим македонским фалангам; лес длинных копий — сарисс—покачивался над их шлемами, под их тяжкой поступью гудела земля. Шли гипасписты — более легкая пехота и более подвижная, чем фаланги, связующее звено в бою между нападающей конницей и фалангой. Гипасписты шли под командой молодого Никанора, сына Пармениона, брата Филоты. Быстро двигалась легковооруженная пехота, которая в сражениях со стрелами и дротиками пробивается вперед, налетает с флангов, забегает в тыл врага. Стройно шагали пельтасты — «прикрывающие щитом» — в жестких холщовых панцирях, пропитанных солью. Такой панцирь не брал даже топор.

Отдельно со своим командиром шли союзные эллинские отряды от всех эллинских государств. Не было здесь только спартанцев. Спарта не признавала ничьего командования, не признавала и Александра и воинов своих ему не дала.

Эллины шли в Азию, чтобы, как они говорили, отомстить персам за оскорбленную честь Эллады, за поругание ее богов. Но они хорошо знали, что идут добывать новые земли для своих новых колоний, и это придавало им отваги и рвения.

Впереди войска на вороном коне ехал Александр, царь македонский. Он — молодой полководец — уже умел побеждать. Войска помнили, как в свои шестнадцать лет он разбил гетов и трибаллов, как потом взял неприступную крепость Пелий, как в сражении при Херонее положил на поле битвы фиванский «священный отряд», а позже разорил Фивы... Но все эти победы македонцы добывали на своей земле, в боях с эллинами или с полудикими племенами гетов и трибаллов. У тех и войска были не так многочисленны, да и Македония у македонцев была рядом, за спиной. А здесь, за проливом, они уже на чужой земле. И здесь их ждет огромная персидская армия. А персы уже в полную меру показали эллинским народам и свою силу, и свою жестокость. Выстоят ли перед ними македонцы?

Александр был молчалив и сосредоточен. Первая битва решит многое. Александр должен ее выиграть. Должен. Если первая битва будет проиграна, персы укрепятся в своем могуществе, а македонцы падут духом и поверят, что персов победить невозможно. И что скажут там, в Элладе? Александру доверили главное командование объединенными войсками, а персы сразу разбили его!

Сквозь весенние разливы лесной зелени, сквозь белое цветенье диких яблонь на склонах гор македонцы приближались к долине Граника. Узкая прибрежная полоса понемногу расширялась. Горы отступали от морского берега, словно сторонясь идущего войска и безмолвно глядя на уверенную поступь грозно вооруженных людей. И, по мере того как расширялась долина, развертывалось войско Александра, перестраиваясь на ходу, чтобы занять весь берег между морем и стенами гор.

Александр мысленно уже вел войска через Граник, через горный проход на равнину Персии. Там ему придется трудно: у персов слишком много войск, они могут окружить Александра. Вот если бы ему пришлось сразиться с Дарием здесь, на этом узком берегу, — тут Александр мог бы выиграть битву. Но персы ведь не так уж недальновидны, чтобы спуститься к морю...

Внезапно перед войском появились всадники из македонского отряда разведчиков.

— Царь, персы стоят на Гранике!

— На Гранике? Много ли их там?

— Все войско стоит в долине!

Александр не сразу поверил этому. Неужели боги услышали его желание и выполнили его?

— Клянусь Зевсом, я их ждать не заставлю!

Царь приказал войску прибавить шагу. И сам помчался впереди своей конницы этеров. Ведь именно здесь-то и хотел он встретиться с огромным войском врага!

Македонцы подошли к Гранику, когда солнце уже катилось на запад. Шумная река сверкала под его красными лучами. А на противоположном скалистом берегу, высоко поднявшемся над водой, стояла персидская армия.

Александр быстро и внимательно разглядел построение персидской армии. И тут же увидел, что персы сделали все, чтобы проиграть битву. Им надо бы заманить Александра на широкую равнину, где они могли бы развернуть свою огромную армию, а они сгрудились в узкой долине. Им надо бы поставить впереди тяжеловооруженную пехоту, а они поставили конницу, которая хороша в нападении, но не в защите. Им надо бы прямо против центра дать место отряду наемников Мемнона, которые умеют драться не хуже македонцев, а они оттеснили их в сторону. И Мемнон, самый опасный противник Александра, стоит там, где ему нечего делать.

Необычайная способность Александра быстро определять обстановку и мгновенно принимать нужное решение не изменила ему и сейчас. Глаза его заблестели; он уже знал, что победит, потому что знал, как пойдет сражение.

На военном Совете, созванном перед боем, некоторые из его военачальников высказали сомнения. Наступать придется, переходя через реку, а персы будут бить сверху, с крутого берега. Течение реки быстрое, а глубина ее неизвестна... К тому же и месяц года неподходящий для битвы.

— Царь, месяц артемисий[1] прошел. Уже начался десий[2]. А в месяце десии македонские цари никогда не начинали войны!

— А мы месяц десий назовем вторым артемисием,— ответил царь,— вот и все!

Парменион с озабоченным видом сказал Александру:

— Мне думается, царь, что благоразумнее нам сейчас стать здесь лагерем. Персы не решатся ночевать так близко от нас, они отступят. А мы утром, прежде чем персы вернутся, переправимся без всякой опасности. Посмотри, солнце идет к закату. Река во многих местах глубока, течение стремительно, тот берег крут и обрывист. Персидская конница нападет с флангов и перебьет нас прежде, чем дело дойдет до боя. Первая неудача будет тяжела не только сейчас — она отразится на исходе всей войны.

«Как же ты, опытный военачальник, не видишь, что боги посылают нам самый лучший момент, чтобы напасть на врага и выиграть битву?—думал Александр, с удивлением слушая Пармениона.— Как же ты не догадываешься, что мы должны немедленно ухватиться за эту удачу?»

— Я все это прекрасно понимаю, Парменион,— ответил Александр,— но мне будет стыдно, если мы, так легко переправившись через Геллеспонт, позволим этой маленькой речке — Гранику задержать нас. Да и персы воспрянут духом, вообразят, что мы не лучше их. Мы переправимся сейчас, как мы есть. Этого требует и слава македонцев, и мое обыкновение встречать опасность лицом к лицу.— И тут же дал знак наступать: — За мной, македонцы! Ведите себя доблестно!

Персы были изумлены, увидев, что Александр, несмотря на свою невыгодную позицию, все-таки идет на них! Они

[1] Артемисий — с половины марта до половины апреля.
[2] Десий — с половины апреля до половины мая.

стояли неподвижно и ждали, они были спокойны и уверены в победе. Александр думает перейти Граник. Пусть переходит. Но как только македонцы вступят в реку, персы со своего крутого берега обрушатся на них и разобьют все их войско.

А македонцы шли. Вот они уже близко, идут не останавливаясь. Молча подходят к реке.

И только теперь, у самого берега, вдруг грянули их боевые трубы, македонцы запели пеан — боевую песню — и вслед за своим царем ринулись в бурлящую воду Граника.

Казалось, они идут на верную гибель. Черные тучи дротиков и стрел взлетали с персидского берега и падали им на голову — но они шли. Бешеное течение Граника сбивало коней с ног, местами вода захлестывала воинов с головой — но они шли. Ноги вязли и скользили в мокрой глине, каждый шаг давался с напряжением всех сил, смертельный ливень стрел и дротиков становился все гуще и злей... Многие падали, и река уносила их мертвые тела. Раненые лошади бились в воде... Но Александр со своими этерами уже вышел на вражеский берег, он уже дрался на подступах к персидскому войску. Македонцы, не останавливаясь, лезли прямо на острия персидских копий, направленных сверху им в лицо. Лезли, презирая смерть.

Персы, увидев, что вслед за передовыми отрядами уже и вся масса македонского войска подступила к их берегу, спустились вниз. И здесь, у самой воды, вспыхнула жестокая битва. Загремели копья о железо щитов и панцирей. Персидская конница ринулась на македонскую конницу, лошади сталкивали друг друга в реку. Всадники, обливаясь кровью, валились под копыта...

Македонцев было меньше, чем персов, намного меньше. И сражались они, перебираясь через реку, а персы стояли на твердой земле. Македонцам приходилось трудно, первые ряды их легли наповал. Были напряженные минуты, когда линия фронта колебалась и неизвестно было, кто пересилит...

Александр командовал правым крылом. Он шел сквозь смерть и сквозь смерть вел свое войско. Персы дико кричали, нападая. Македонцы дрались молча. И персидский фронт разбивался о твердые ряды македонцев, как волны разбиваются о скалы.

И вот уже царь македонский на своем могучем вороном

Букефале бьется на высоком берегу. Бьются рядом с ним конные этеры. Вот и Парменион вывел из реки на берег левое крыло...

Персы видели Александра, они узнавали его по блестящему панцирю, по белым перьям на шлеме, которые мелькали среди самой горячей битвы. Персы рвались к Александру, пробивались к нему через конные отряды. Убить его, убить царя македонцев!

Но Александр сам пробился к ним навстречу. Загремела, закружилась вокруг царя яростная схватка. У Александра сломалось копье. Царь крикнул своему конюшему:

— Дай твое копье!

Но у того в руках вместо копья был только обломок древка, и он дрался его тупым концом, отбиваясь от персидских кривых сабель.

В этот опасный момент, когда и копья в руках не было, Александр увидел, что прямо на него несется персидский военачальник. Дротик остро сверкнул в воздухе и впился Александру в плечо. Александр выхватил копье из рук своего этера, ударил перса в лицо, и тот свалился с коня.

Среди персов раздался вопль:

— Мифридат! Мифридат! Убит Мифридат!

На Александра тут же бросился Спифридат, лидийский сатрап, и брат его Ресак. От сабли Спифридата царь увернулся, а Ресак ударил его кинжалом по голове. Кусок шлема с одним пером отлетел в сторону, лезвие коснулось волос... Александр сбросил Ресака с коня, ударил его копьем в грудь, пробив панцирь. Копье снова сломалось, он схватился за меч... И в то же мгновение над ним взвилась кривая сабля Спифридата... Смерть!

Но еще быстрее взлетел меч Черного Клита — и лидийский сатрап мертвым свалился на землю.

Среди смертельной схватки, которая бушевала вокруг, Александр вдруг услышал, что Букефал храпит под ним. Он быстро соскочил на землю, велел увести Букефала, а себе взял другого коня и снова ринулся в битву.

Македонские отряды один за другим выбирались из реки и тут же вступали в сражение. Пешее войско смешалось с конным, дрались и копьями, и мечами, и врукопашную...

Но вот через Граник перешла македонская фаланга. Александр сразу двинул ее на бесчисленную, нелепо сгрудившуюся в тесной долине персидскую пехоту — персы дрогнули.

Один только вид стеной идущего на них войска со многими рядами копий, направленных в лицо, один вид фаланги, ее слитных, закрытых щитами рядов, которых ни разъединить, ни остановить невозможно, отнял у персов мужество. Персидская пехота растерялась...

В это же время македонцы прорвали фронт вражеской конницы на обоих флангах.

Персидское войско бежало. Бежало в беспорядке, в панике. Вся огромная масса пехоты и конницы смешалась. Персы гибли под македонскими мечами и копьями. И бежали, бежали, падая на бегу, сваливались с коней и умирали под ногами бегущих...

Александр со своей конницей гнался за ними. Вдруг все пошатнулось — небо, земля... Он падал, летел куда-то вниз — под ним убили коня. Ему тут же подвели другого, он еще успел подумать: «Хорошо, что не Букефала!» — и снова ринулся в погоню.

И тут он увидел, что отряд наемников-эллинов стоит неподвижно, обратившись спиной к холму. Мемнон и его два сына стояли впереди, подняв оружие.

Александр, тяжело дыша, остановил коня перед Мемноном. Они молча глядели друг другу в глаза. Лицо Александра полыхало от усталости и от гнева, капли пота стекали с висков. У Мемнона в холодном взгляде светились ненависть и презрение.

— Мы готовы сдаться,— превозмогая себя, хрипло сказал Мемнон,— но сдадимся при одном условии: если ты обеспечишь нам безопасность.

— Ты ставишь мне условия? — в бешенстве закричал Александр.— Ты, изменник, бесчестный человек, поднявший копье на своих, ты требуешь безопасности? Клянусь Зевсом, ты сейчас получишь эту безопасность во имя родины, которую ты предал!

Взмахнув мечом, Александр бросился на Мемнона. В тот же миг отряд Мемнона поднял копья. Эта битва была полна ненависти. Тысячи персов не погубили столько македонского войска, сколько положил их этот эллинский отряд. Наемники защищались с жестокостью отчаяния, потому что спасения им все равно уже не было. И гибли один за другим под копьями и мечами македонцев.

Увидев, что их уже мало, наемники наконец сдались в плен. Но когда Александр приказал привести к себе Мем-

нона, его среди пленных не оказалось: он бежал вместе со своими сыновьями.

Над долиной Граника сгустилась вечерняя тьма. Загорелись костры, факелы.

Македонцы ликовали:

— Победа! Победа!

Александр, слыша эти крики, только сейчас осознал свое торжество. Победа! Первая на персидской земле, огромная, почти невозможная. Победа! Победа!

Персов на кровавом берегу Граника остались тысячи. У Александра погибло немногим более ста воинов. Среди них были его этеры — двадцать пять человек. Двадцать пять конных статуй из меди сделал скульптор Лисипп, тот самый скульптор, который ваял статуи самого Александра и который шел за царем в его войске. Позднее Александр поставил их на берегу Граника — двадцать пять медных статуй над пеплом тех, кто первыми бросились в бой вместе с царем и первыми были убиты.

Воинов, погибших в этом бою, македонцы хоронили с почестями. А их родителей и детей Александр приказал освободить от налогов и от всех общественных работ. Пусть знают, что царь умеет ценить преданность и храбрость и не оставляет без помощи их родных.

В персидском лагере, в покинутых шатрах персидских вельмож македонцы нашли большие богатства — дорогие плащи и покрывала, расшитые золотом попоны, мягкие шелковые ковры, роскошную одежду, тяжелые золотые чаши, украшенные драгоценными камнями... Македонцы, у которых ничего не было, кроме военного снаряжения и походных палаток, ошеломленно глядели на все эти сокровища.

Александр делил захваченные богатства, как и обещал, поровну. И своим воинам-македонцам, и эллинским войскам, и фессалийцам... Свою царскую долю он приказал погрузить на верблюдов и отправить в Пеллу, матери.

А еще один караван ушел в Элладу. Триста полных персидских воинских снаряжений, самых драгоценных, Александр отослал в Афины, в храм Афины Паллады. Щиты, украшенные золотом, золоченые панцири, мечи и акинаки [1] с рукоятками, осыпанными алмазами и бирюзой, повезли македонцы из Персии, чтобы положить к ногам богини.

[1] **Акинак** — короткий персидский кинжал.

Было сделано и посвящение:

«Александр, сын Филиппа, и эллины, за исключением лакедемонян, из добычи, взятой у варваров, населяющих Азию».

Александр очень хотел завоевать расположение Эллады.

САРДЫ

Имя Александра после победы при Гранике пронеслось по берегам Азии, вызывая изумление и страх. Непобедимое персидское войско разбито! Много знатных персидских полководцев погибло — погиб Арбупал, сын Дария, погиб Мифридат, зять Дария, погиб Мифробузан, сатрап Капподокии, Спифридат — лидийский сатрап, Нифат, Петин, Фарнак... Арсит бежал в свою Фригию на Геллеспонте и там покончил с собой. Македонец победителем идет по азиатской земле!

Смятение и тревога охватили персидские гарнизоны, стоявшие в близлежащих эллинских городах. Они со страхом ждали Александра. Ждали его и эллинские города, захваченные персами, но ждали уже с надеждой.

Увидев, что воины отдохнули и кони способны продолжать поход, Александр позвал к себе Пармениона:

— Слушай мой приказ, Парменион. Ты пойдешь в Вифинию [1], возьмешь город Даскилий — тот самый город, в котором до сих пор жили сатрапы Мизии и Фригии на Геллеспонте. Ты возьмешь Даскилий и вернешься ко мне.

Парменион стоял, держа шлем в руках, как и полагалось стоять перед царем. Всегда властный и уверенный в себе военачальник, всегда с высоко поднятой головой, нынче он стоял перед царем, опустив глаза. Победа при Гранике ошеломила его. Как случилось, что он, старый полководец, не увидел тех возможностей выиграть битву, за которые сразу ухватился Александр, годившийся ему в сыновья? Ведь, казалось, все грозило гибелью, казалось, было безумием при тех условиях переходить Граник... Александр поступил противно всякому рассудку — и выиграл! Как случилось, что Парменион, никогда не ошибавшийся, так серьезно просчитался? Да и просчитался ли? Ведь он давал такой разумный совет, а что вышло?..

[1] **Вифиния** — область на северо-востоке Малой Азии.

Старик приподнял свои косматые брови. Его бледно-голубые глаза светились решимостью. Александр дает ему возможность оправдать его доверие, и Парменион его оправдает. Даскилий не маленький город, там стоит сильный персидский гарнизон. Но чем труднее дело, тем выше заслуга.

— Я пойду в Вифинию, царь. И возьму Даскилий.

Парменион с достоинством поклонился, надел шлем и вышел из царского шатра.

Александр знал, что Даскилий хорошо укреплен, и поэтому дал Пармениону половину всей армии. А сам с оставшимся войском направился в Сарды, древний город лидийских царей.

Александр всю дорогу был молчалив, замкнут. Гефестион, чей конь шагал рядом с конем царя, только чуть сзади, с удивлением посматривал на него. Чем расстроен царь? Чем озабочен?

Топот конницы сливался в однообразный шум. Тяжело шла пехота. Далеко вслед за войском поднималась рыжая пыль и, опадая, снова ложилась на широкую караванную дорогу.

— Позволь спросить тебя, царь,— сказал Гефестион,— что печалит тебя сейчас?

— Меня печалит, что я должен разрушить Сарды,— ответил Александр.— Когда-то здесь жил мудрый Крез, и даже великий Кир пощадил этот город.

Александр почитал персидского царя Кира. Он знал его историю и многому сам у него учился.

Когда-то лидийский царь Крез, взятый в плен Киром, увидев, как персы грабят Сарды, сказал:

«Это не мой город грабят твои воины, Кир, они грабят твое достояние!»

Александр уже считал Сарды своим достоянием, и ему хотелось сохранить этот город. Сарды славятся богатством, персидский царь хранит там свои сокровища. Персы будут отчаянно защищать город — как же уберечь его от разрушения?

Когда до Сард оставалось около семидесяти стадий, царю донесли, что навстречу идут персы.

— Много их?

— Это не войско. Едут, как видно, знатные персы с большой свитой.

Александр и Гефестион удивленно переглянулись. Кони

их не убавили шага, но этеры Александра теснее сомкнулись вокруг царя.

Вскоре на дороге показались всадники. Даже издали было видно, как сверкают их расшитые золотом одежды, как блестит бахрома на ярких попонах коней...

Александр остановился. И все войско остановилось. Сразу стало тихо. Так тихо, что воины услышали весеннее пенье птиц в цветущих садах щедрой лидийской земли.

Персы сошли с коней. Александр молча ждал. Персы, кланяясь, подошли к нему.

— Я — Мифрен,— сказал один из них,— я начальник крепости в Сардах. А со мной лучшие люди города.

— Чего вы хотите? — спросил Александр.

— Мы хотим сдать тебе Сарды, царь,— ответил Мифрен.— Мы не будем воевать с тобой. Твоя слава обогнала тебя.

Хитрый и льстивый перс понял, что ему осталось одно из двух: или бежать, или сдаваться. И он сдался, надеясь получить за свое предательство милость царя македонского.

А царь македонский вздохнул с облегчением. Он возьмет Сарды со всем их богатством и цветущей землей. Сарды среди эллинских городов азиатского побережья будут украшением его будущего государства.

Воздух наверху в крепости был свеж и прозрачен. Река Пактол, сверкая гранями стремительных горных струй, несла прохладу, смягчая горячее дыхание скалы.

Александр задумчиво ходил по улицам крепости. Все это происходило здесь. Здесь в своем роскошном дворце принимал Крез афинского философа и законодателя Солона. Здесь полыхал костер, на котором стоял Крез... Здесь сидел Кир, взмахом руки приказавший освободить Креза.

Все это давно прошло. Могущественные цари ушли в мир теней. Теперь здесь один царь — он, Александр. Здесь его владения, его боги.

— Я хочу поставить в Сардах храм Зевсу Олимпийскому,— сказал Александр,— и хочу, чтобы ему был воздвигнут алтарь.

Македонцам это понравилось. Пусть в чужой стране живут вместе с ними их боги. Но где поставить храм? Гефестиону хотелось в одном месте, Филоте — в другом. Военачальнику Кратеру совсем не там, где хотелось Филоте, а Клит уверял, что самое лучшее место — вот тут!..

Пока царь и его этеры ходили по широкой площади и, споря, выбирали место для храма, из-за горы внезапно поднялась тяжелая седая туча. Только что жарко светило солнце, только что люди изнывали от зноя, как вдруг дохнуло холодом и на горячую, сухую землю посыпался снег, закружилась метель. Потом ударила молния, пролился густой короткий ливень. И снова засияло солнце, словно удивленное тем, что произошло. Снег исчез, едва коснувшись земли. Снова стало сухо. Лишь в одном месте на площади бирюзово светилась дождевая вода.

— Царь! — воскликнул перс Мифрен.— Дозволь обратиться к тебе.

Он стоял перед Александром, склонившись чуть не до земли и, по персидскому обычаю, пряча руки в своих длинных рукавах.

— Я слушаю тебя, Мифрен.

Мифрен выпрямился:

— Ты видишь, царь, эту небесную воду, лежащую сейчас на земле? Сюда ударила молния, и пролился дождь. Здесь, именно здесь, стоял дворец царя Креза.

— Это — знамение! — тотчас поспешил вмешаться жрец Аристандр, давая понять, что уж ему-то очень хорошо известна воля богов.— Царь, это знамение послано Зевсом — здесь надо ставить храм.

Александр, широко раскрыв глаза, с изумлением смотрел на ровный выступ скалы, окруженный прекрасными деревьями, на ярко-голубую воду, упавшую сюда с неба... Да, это — знамение. Зевс услышал его и выразил свою волю.

— Здесь поставим храм,— сказал он,— здесь воздвигнем и жертвенник. Это самое достойное место в городе Креза, Кира... И Александра.

МИЛЕТ

Александр торопился. Ему стало известно, что персидское войско, снова собравшись, идет навстречу, что со стороны моря приближаются к Милету[1] триста персидских кораблей. И что Мемнон, его непокоренный враг, ждет Александра в Милете.

[1] Милет — важнейший город Ионии.

На пути к Милету, в городе Эфесе, к Александру явился Апеллес, сын Пифея, известный эфесский живописец.

— Я слышал о тебе,— сказал Александр,— ты достаточно знаменит. Ты о чем-нибудь просишь?

— Да, прошу, царь.

— Если я могу исполнить твою просьбу, я ее исполню. Говори.

— Я восхищен тобою, царь. Я восхищен твоей красотой, твоей молодостью, твоей славой. Я хотел бы написать твой портрет, царь.

Молодой царь еле скрывал тщеславный восторг, наблюдая, как под кистью художника возникают его черты, его облик полководца в царских доспехах, готового к бою. Кто сможет выступить против этого отважного героя, какой враг не падет перед ним на колени, прикрыв ладонью глаза? Ведь не ясеневое копье в руке Александра, в его руке — молния!

Портрет был так хорош, что его поместили в храме Артемиды Эфесской. И много лет люди приходили потом и смотрели на царя македонского, который прошел через их город в блеске своей громкой победы при Гранике.

Апеллес задержал Александра на тринадцать дней. Когда портрет был закончен, Александр приказал выступать. Путь македонцев лежал на Милет.

Милет, ионийский город, стоявший на морском берегу, был славен, богат и влиятелен. Окруженный двойными стенами, он стоял как большая крепость, способная выдержать и бой и осаду.

В ту часть города, что окружена внешней стеной, македонское войско вошло с ходу. Никто не задержал их, ни одной стрелы не вылетело из-за его стены. Жители тихо сидели в домах.

Но внутренний город, где за толстыми стенами хранились богатства и жили правители, накрепко закрыл перед Александром ворота. Милет стоял перед ним, возвышаясь каменными стенами и башнями, и там, за этими стенами и башнями, ждал Александра Мемнон.

— Закрылись! — с недоброй усмешкой сказал Александр, окидывая взглядом мощные стены.— Услышали, что их корабли подходят с моря.

Александра окружала его свита, его этеры.

— Не понимаю,— сказал Эригий,— им что же, нравится быть под пятой у персов?

— Это все Лемнон,— сердито проворчал Черный Клит.— Это он сбивает милетян с толку.

Эригий возмущенно пожал плечами.

— У милетян, видно, не хватает своего ума. Мы пришли освободить их от персов, а они закрылись.

— Эх, Эригий,— усмехнулся Лаомедонт, его брат,— неужели тебе не ясно? Милет ведь афинская колония. Так как же им терпеть верховную власть Македонца? Мы ведь для них почти варвары! Им пусть лучше перс, чем македонец!

— Ну что же,— зловеще сказал Александр.— Мы и поступим с ними, как с персами.

Гефестион непроизвольным движением положил руку на рукоятку меча, темные глаза его гневно сверкнули.

— Афины тоже не хотели признавать нас. Однако пришлось признать. Призна́ет и Милет.

— Но к ним на помощь идут персидские корабли,—вздохнул Неарх,— триста кораблей!

— Что ж,— возразил Александр,— наши корабли тоже идут к Милету. И они подойдут раньше.

Сказал то, чему сам не смел поверить. Он давно послал гонцов к Никанору, сыну Пармениона, которому поручил свой флот, с приказом привести корабли к Милету. Триеры идут медленно, как ни торопись. Но все-таки может же так сложиться, что Никанор придет раньше!

Город лежал на косе, уходящей в широкую спокойную синеву Латмийского залива. К северу от города виднелось мягкое очертание мыса Микале.

В заливе около города поднималось из воды несколько скалистых островков — желтые, красноватые, с легкой зеленью на вершинах. Они делили залив на четыре гавани: здесь было удобно останавливаться купеческим кораблям. А гавань у ближайшего к берегу острова Лады могла принять целый флот и надежно защитить его от бурь и от врагов. Тут бывали нередко морские битвы, то с иноземцами, то с пиратами, и остров Лада никогда не выдавал тех, кто искал у него прибежища.

— Вот здесь и станут наши корабли,— сказал Александр.

Он пристально вглядывался в прозрачную морскую даль. Глаза его были зорки. Но море сливалось с небом, взлетали серебряные чайки, солнечные стрелы пронзали воду... А кораблей не было.

Возвратившись в лагерь, Александр послал несколько фракийских отрядов занять остров Ладу. Фракийцы быстро перебрались через неширокую полоску воды и заняли Ладу. Гавань в руках македонцев. Но где корабли?

Каждый день македонцы с волнением вглядывались в лучезарный простор моря — утром, в полдень, вечером. Голубизна воды сменялась синевой, шли лиловые тени, волны вспыхивали алым отсветом заката...

Александр не видел красоты моря, он видел только, что его кораблей нет.

— Но ведь нет и персидских, царь,— успокаивал его Гефестион,— а это тоже хорошо!

— Они могут появиться в любую минуту.

— Но и наш флот тоже может появиться в любую минуту!

И флот появился. Медленно возникли на серебряной воде черные точки кораблей. Военачальники, окружив своего царя, ждали затаив дыхание. Флот — но чей?

Корабли приближались. Уже видно было, как туго натянуты их паруса, как взблескивают под солнцем длинные весла... Триеры. Но чьи?

— Наши! — вдруг закричал Неарх.— Наши триеры!

Александра охватило жаром. Так ли это? Но критянин не мог ошибиться. Да, это идут македонские триеры, это Никанор!

Македонцы, не сдержав радости, закричали. И первым закричал царь.

Сто шестьдесят триер вошли в Латмийский залив и заняли гавань у острова Лады. Македонский флот отрезал Милет от моря.

Через три дня на горизонте снова появились корабли — триста боевых финикийских кораблей. И, не дойдя до Милета, остановились у мыса Микале. Гавань Лады была занята, оттуда торчали железные носы македонских триер. Персидские наварxи опоздали.

Через несколько дней Александр созвал военный Совет. Надо решить — осаждать ли город, или прежде дать морской бой?

Выступил молодой наварх — флотоводец Никанор, сын Пармениона.

— Персы ведут себя вызывающе, царь. Они все время подходят к нашей гавани, выманивают нас, требуют сраже-

ния! Я, царь, готов выйти и принять бой, если так решат военачальники и если так решишь ты!

Военачальники колебались:

— Наш флот занял выгодную позицию — стоит ли ее терять?

— Да, но сто шестьдесят триер против трехсот...

— Что ж из этого? Персидское войско во много раз больше македонского, однако победа на нашей стороне!

— Если наши триеры не подпустят персов к Милету с моря — уже хорошо!

В спор вступил Парменион.

— Наш флот — афинский флот. А эллины всегда были сильны на море,— сказал он.— Я считаю, что победа на море принесет великую пользу для наших дальнейших дел. А если потерпим поражение... Ну что ж, это не нанесет нам большого урона. Но поражения не будет — вы же сами видели божественное знамение: орел спустился и сел у кормы нашего корабля. А что означает это знамение? Оно означает, что наш флот победит. Я сам, первый, хоть и старик, готов взойти на корабль и сразиться с персами!

Филота кивал головой, соглашаясь с отцом.

— Если мы будем бояться поражений из-за того, что наша армия невелика, нам надо уже сейчас возвращаться домой.

Александр всех выслушал внимательно, зорко вглядываясь в лицо каждого, кто говорил. И более внимательно, чем кого-либо, он выслушал Пармениона. Но чем горячее высказывал свои мысли старый полководец, чем более твердой и властной становилась его речь, тем сильнее хмурились округлые брови Александра.

На слова Филоты, брошенные с обидной снисходительностью, Александр ничего не сказал, будто не слышал их. А Пармениону ответил:

— Я не пошлю свой маленький флот сражаться с персидским флотом, который неизмеримо сильнее,— это бессмысленно. Я не хочу, клянусь Зевсом, чтобы отвага и опытность македонцев пропали впустую в этой неверной стихии и чтобы варвары видели, как мои воины погибают у них на глазах. Это ошибка, что поражение не нанесет нам урона. Поражение нанесет нам большой урон. Оно унизит славу наших первых побед. Подумайте, как зашумят, как заволнуются народы в Элладе, услышав о нашей неудаче! Нет, морская битва сейчас не ко времени. А что касается божественного знаме-

ния, то Парменион истолковал его неправильно. Орел послан богами — это так. Но он сидел на земле, а не на корме. И это знаменует, что мы победим не на море, а на суше. На рассвете начнем штурм Милета. Готовьтесь!

Парменион выслушал Александра, не скрывая неудовольствия. Маленькие, бледно-голубые глаза его, щурясь, глядели в лицо царя, будто стараясь запомнить не только то, что говорит царь, но и проникнуть в его мысли. И когда Александр умолк, приказав готовиться к штурму, Парменион опустил голову, вздохнул и молча вышел из царского шатра. Он шел тяжелым шагом, словно доспехи пригибали его к земле.

— Ты болен, отец? — Филота, увидев, как понуро идет Парменион, как согнулась его спина, догнал его.— Ты болен?

Парменион не остановился, не оглянулся.

— Я не болен, Филота. Наверно, я уже слишком стар.

Филота, богато одетый, с надменной осанкой, которую он приобрел в последнее время, шел рядом, в ногу с отцом. Это шли два воина, привыкшие к походному строю.

— Ты не стар, отец. Надень шлем, что ты несешь его в руках? У тебя огромное войско, оно тебе повинуется, оно любит тебя, оно идет за тобой без оглядки. О какой же старости ты говоришь?

Парменион снова вздохнул:

— Что-то случилось со мною, Филота. Я перестаю понимать царя. А царь перестает понимать меня. Уже не в первый раз он отвергает мои советы...

— Он — мальчишка! — с гневом и обидой сказал Филота.— Ему бы слушаться опытных и славных своих полководцев, а он...

— Но почему этот мальчишка умеет видеть и предвидеть, чему я за всю свою долгую жизнь так и не научился?

— Ты столько побеждал, отец, при царе Филиппе! Ты столько взял городов!

— Да. Было. Но вот что я тебе скажу: никогда не говори плохо о царе, потому что он — наш царь. Да и обижаться нам на него не за что. Я — полководец. Тебе доверена конница царских этеров. Никанору — флот. Младший наш, Гектор,— в царской свите. У него нет больших чинов, но он еще молод. Видишь, как высоко ценит Александр нашу семью.

— Значит, он знает нам цену, отец.

— Значит, хорошо, что он эту цену знает.

— А ты не заметил,— сказал Филота, оглянувшись, не слышит ли его кто-нибудь,— что я никогда не сижу с ним рядом на его пирах? Что я никогда не числюсь среди его ближайших друзей? Он меня не любит, отец.

— Ты не девушка, чтобы тебя любить.

— Да мне это и не нужно! — Филота поднял подбородок.— Его окружают пустые люди. Льстецы. Я их презираю.

— Храни это про себя,— сурово ответил Парменион.—Не забывай, что мы стоим высоко. А у тех, кто стоит высоко, всегда есть враги и завистники. Не вызывай их злобы — это грозит бедой... И кроме того, пойми, Филота,— продолжал Парменион,— Александр осуществляет замыслы царя Филиппа и делает это победоносно. Место ли здесь нашим мелким обидам, если торжествует Македония? Будь справедлив.

На рассвете македонские тараны ударили медными лбами в крепкие стены Милета. Из-за стен взлетели стрелы и копья, обрушиваясь на головы македонцев. Вскрикивают раненые, падают убитые. Железный дождь поливает македонцев, но македонцы стоят крепко, и тараны македонские бьют, бьют, бьют... И вот уже трещат стены, сыплется щебень, валятся обломки...

Никанор, сын Пармениона, зорко следил со своего корабля за действиями войска. Как только началось движение на берегу и загромыхали колеса таранов и осадных башен, направляясь к стенам города, флотоводец Никанор повел на веслах вдоль берега свои триеры. Рассвет был еще сизым, и бухта лежала в неподвижном серебряном сне. Триеры, расплескав веслами это сонное серебро, встали, сгрудившись, в самом узком месте залива у входа в гавань, обратив к морю острые железные носы.

Когда небо порозовело, от туманного мыса Микале тронулись персидские корабли. Они подошли к милетской гавани и остановились. На глазах персидских моряков македонские тараны разбивали стены Милета. Стены с грохотом разрушались и валились, а персы смотрели на гибнущий город и ничем не могли помочь — вход в гавань был закрыт. Так они стояли, не зная, что делать. А потом повернули свои корабли и ушли в море. Ушли совсем.

Македонцы с криками ворвались в город. Персидский гарнизон, отряды персидских наемников, заполнившие Милет, пытались сопротивляться. Но битва была короткой, воины персидского гарнизона бежали. Персы и наемники-элли-

ны прятались в узких улицах, стучались в закрытые дома милетцев. Пытались уйти на лодках в море, но гавань была заперта, и македонские триеры тут же топили их в глубокой темной воде.

Александр, стиснув зубы, носился по городу.

— Где Мемнон? — хрипло кричал он.— Клянусь Зевсом, где прячется этот презренный?

Он искал Мемнона, дрожа от нетерпения и ярости. Уж теперь-то Александр не выпустит его живым, изменника, недостойного называться эллином, самого злейшего своего врага!

Вдруг он услышал крик:

— Царь, смотри! Вот они — на море! — Это кричали македонские воины, поднявшиеся на стены Милета.— Они уплывают на щитах! Плывут на остров!

Эллины — наемники Мемнона — плыли на перевернутых щитах к пустынному островку, одному из тех, что недалеко от берега высунули из моря свои скалистые вершины... Они плыли сотнями — и мешая, и помогая друг другу. Хватаясь за мокрые голые камни, они вылезали на островок, заполняя его неприютные, заросшие мохом склоны...

Александр поднялся на триеру.

— Осадить остров! — приказал он.

— Царь, берега острова высоки и отвесны...

— Поставить на триеры лестницы!

Корабли подошли к острову. На передней триере стоял Александр. Наемники увидели и узнали царя — его драгоценные доспехи жарко горели под солнцем.

Триеры подошли к острову и остановились. На них медленно начали подниматься осадные лестницы. На островке теснилось около трехсот человек. Наемники стояли с оружием в руках, готовые к сражению, которое должно окончиться только их смертью. Они знали, что пощады им не будет.

— Выдайте Мемнона! — потребовал Александр.

— Здесь нет Мемнона,— ответили с острова,— он бежал.

— Бежал. Опять бежал! А вы — что же вы будете делать теперь?

— Сражаться и умирать.

Александр задумался, глядя на отважных людей, у которых не было никакого выхода, кроме смерти. Это стояли эллины, в таких же одеждах, как его воины, с таким же оружием в руках... И говорили они на том же языке, как и те

воины, которые пришли с ним из Эллады, и на котором говорит он сам...

— Кого же вы защищаете? Кому вы служите? Вам уже никто не заплатит за вашу верность!

— За нашу смерть нам платить не надо. А защищаем мы свою жизнь. Мы знаем, что нам суждено умереть здесь. Но умрем, как нам подобает — с оружием в руках.

Лицо Александра смягчилось, сведенные к переносью брови разошлись. Вот воины, которых он хотел бы иметь в своем войске! И он решил это дело совсем не так, как все ожидали.

— Я предлагаю вам мир,— сказал Александр,— но с одним условием: что вы пойдете на службу ко мне. Разве справедливее служить персам, чем воевать вместе с эллинами за счастье Эллады?

Над островом взлетел крик внезапного облегчения — наемникам все равно было, кому служить.

Получив жизнь, они немедленно перешли к Александру. А Александр, подарив им жизнь, получил отряд воинов несокрушимой отваги.

Наемники не обманули Александра — Мемнона среди них не было. В то время как начали рушиться стены Милета, а персидские корабли безнадежно удалились, Мемнон понял, что его ждет гибель, и снова бежал.

Александр запретил разрушать Милет. Он не хотел разорять свои города, а Милет он уже считал своим городом. Но милетских правителей и персидских вельмож, сражавшихся против него за Милет, Александр немедленно предал казни.

Старейшины города, богатые купцы, владельцы торговых кораблей встретили македонского царя с почестями. Переговорив между собой, они решили, что большой разницы не будет: платили персу, теперь будут платить македонцу. Лишь бы рука его была сильна и меч остер, чтобы защищать от нашествия кочевых племен и морских разбойников их город, их торговлю, их богатства...

Битва с Милетом окончена. Мертвые погребены. Победа отпразднована. Но в торжестве этой победы было немало горечи. Александр привык скрывать свои чувства, и только Гефестиону он мог высказать то, что было на душе.

— Я никогда не понимал этого крикуна Демосфена, который всю жизнь предавал проклятию моего отца. О какой свободе Эллады он кричал? За какую свободу Эллады бьет-

ся теперь со мной Мемнон? Он ненавидит меня за то, что я македонец...

— Не за это, Александр,— поправил его Гефестион,— а за то, что Македония подчинила Элладу. Они видят в этом порабощение и не могут смириться с этим. Ведь они понимают, что свою верховную власть, власть македонского царя над Элладой и над эллинскими колониями, которые мы отнимаем у персов, ты эллинам не уступишь.

— Не уступлю! Никогда не уступлю!

— Вот потому-то они и закрывают ворота.

И, видя, как нахмурился Александр, Гефестион улыбнулся.

— Но что из того, Александр? Это ведь им не поможет.

Македонское войско двинулось дальше — на Галикарнас.

ЦАРИЦА АДА

Кария [1]. Ультрамариновая полоса моря, рыжие, опаленные зноем горы, ущелья, заросшие лесом. Жара.

Багряная пыль стояла над войском, продвигавшимся по Карийскому побережью. Пыль застилала глаза, стекала со лба вместе с пóтом, скрипела на зубах. Мучила жажда. Лошади замедляли шаг, и поступь пехоты становилась все тяжелее.

Неожиданно впереди, словно мираж, возникла крепость. Она стояла на скале, и нельзя было различить, где кончается желтая твердыня скалы и где начинаются желтые каменные стены крепости.

Александр остановил войско. Ждал разведчиков, посланных вперед. Разведчики вернулись очень скоро и с хорошими вестями.

— Это крепость Алинды [2], город царицы Ады. Она с нетерпением ждет тебя, царь. Она хочет сдать город.

Белая каменистая дорога, поднимаясь по склону горы, привела македонцев в Алинды. Ворота крепости широко распахнулись перед ними. Царица Ада, окруженная своими придворными, вышла навстречу Александру:

[1] Кария — юго-восточная область Малой Азии.
[2] «Алинды» значит «Горная».

— Входи, Александр, царь македонский, входи в мой город, в мой дом! Я принимаю тебя как сына!

Войско расположилось возле крепости. Наконец-то воины могут снять доспехи без опасения быть внезапно убитыми. Могут спокойно разжечь костры, пообедать, потом и поужинать и выспаться так, как спали когда-то под родными кровлями Македонии.

Царица Ада устроила богатый пир для царя, для его свиты и военачальников. И пока царские этеры и полководцы наслаждались обильным угощением и хорошим вином, царица Ада и Александр вели долгую и обстоятельную беседу.

— Наберись терпения, сын мой,— позволь мне, царь, называть тебя так, ведь у меня нет сыновей,— сказала царица Ада, любуясь молодым царем,— и выслушай мои жалобы. Ты, конечно, знаешь, что Кария принадлежит мне по праву. И Галикарнас тоже принадлежит мне — этот город всегда был резиденцией карийских царей. Но теперь Галикарнас и вся Кария, кроме моей бедной крепости, отданы наглому персу Офонтопату. Это — эллинский город, это мы, эллины, основали его здесь, в Азии. Почему же Галикарнас, тоже наш город, и Кария в руках перса? Разве это справедливо?

— Это несправедливо,— согласился Александр.

Царица Ада охотно и подробно принялась рассказывать о своей жизни. Как всякий немолодой человек, она хранила в памяти большой запас разных событий и любила вспоминать их. Правда, сейчас ей важнее было рассказать о своих обидах.

— Ты слышал о Мавсоле, царь?

— Слышал. Вернее, слышал о необыкновенной гробнице, которую ему построила его жена Артемизия. Эта гробница, или мавсолей, как ее называют, считается одним из чудес света!

— Да, сын мой, это так. Мавсол был могущественным человеком. А когда он умер, царствовала его жена Артемизия. У нас в Карии такой обычай — жена наследует мужу. А когда умерла Артемизия, царем стал брат Мавсола — Идрией, мой муж. Он был воинственным человеком. Он завладел Хиосом, Косом, Родосом... Но и он умер.

— Почему же ты, царица Ада, жена Идриея, не наследовала Карийское царство?

— Вот об этом-то и речь, сын мой! Мой младший брат Пиксодар, у которого не оказалось ни чести, ни совести, от-

нял у меня царство! Только вот эту крепость и оставил мне.

Смуглые жирные щеки царицы Ады задрожали, на глаза набежали слезы. Но она закусила губу и не дала им пролиться.

— Пиксодар!

Александр со звоном поставил на стол чашу с вином, которую тихонько, словно согревая ее, поворачивал в ладонях.

Пиксодар! Тот самый Пиксодар, на дочери которого Александр когда-то собирался жениться!

— ...Пиксодар уже чеканил свои монеты,— между тем продолжала царица Ада,— хотел даже породниться с домом македонских царей. Ты был тогда мальчиком и, наверно, не помнишь об этом.

Александр, опустив глаза, поднес чашу к губам.

— Нет, не помню.

— А персидский царь пожелал, чтобы он выдал свою дочь за перса Офонтопата, вот за этого самого Офонтопата, который захватил теперь всю Карию,— ведь Пиксодар-то умер! И Галикарнас, наш эллинский город, теперь в руках перса. Разве это справедливо?

— Она была красива?

— Кто?

— Ну вот, та самая, дочь Пиксодара?

— Говорят, похожа на меня. Но, сказать правду, я в ее годы была красивее. Да не в красоте тут дело.

«Похожа на нее,— подумал Александр.— О, как прав был отец, когда так нещадно ругал меня за эту карийскую принцессу!»

Александр поспешил перевести разговор:

— Ты права, царица Ада. Все это несправедливо.

Царица Ада с мольбой сложила пухлые руки, звякнув драгоценными браслетами.

— Так отними у перса Карию, Александр! Отними у него Галикарнас! Вся карийская знать возмущена, что со мной так поступили. Все лучшие люди Карии будут поддерживать тебя и помогать тебе — это я обещаю. Одно только имя мое, имя царицы карийской, даст тебе множество друзей.

Александру не надо было долго объяснять, как выгоден ему союз с царицей Адой. Он это понял мгновенно. «Лучшие люди» — это люди знатные, богатые, влиятельные. И он, конечно, поддержит царицу Аду, если эти «лучшие люди» поддержат его.

Александр разослал глашатаев:

— Царь македонский Александр всем эллинским городам в Карии дарует автономию, освобождает их от всех податей и дани. Правительницей Карии назначает царицу Аду.

Эллинские города, стоявшие на карийской земле, тотчас откликнулись. К Александру отовсюду шли посольства с золотыми венками, с предложением дружбы, союза и помощи, если только их помощь понадобится македонскому царю.

Друзья-этеры и многие военачальники поздравляли царя. Как хитро склонил он на свою сторону Карию!

И только Черный Клит был в недоумении:

— К чему это вдруг ты назвал себя сыном царицы Ады? Разве у тебя нет своей матери, что понадобилась чужая? Вторая жена — это я понимаю. Но вторая мать?..

— Я тебе объясню, Клит,— терпеливо ответил Александр, хотя речи Клита его раздражали.— Царица Ада — властительница Карии, а я, как сын царицы Ады, теперь тоже получаю законные права на Карийское царство, и мне не нужно будет воевать с карийцами.

— Ты хитроумный человек, Александр! — удивился Клит.— И откуда ты такой хитроумный?

Прошло несколько дней отдыха в Алиндах. Во дворце, украшенном финикийскими коврами, бронзой и прозрачным янтарем, царица Ада окружила Александра нежностью и заботой. Удобно ли ему спать? Не голоден ли он? Она присылала ему сладкие и жирные угощения, которых он не мог есть. А в излишне мягкой постели, которую стелили ему, он задыхался.

Но вот наступил день, и снова затрубили походные трубы. Отдохнувшее войско построилось быстро и охотно. Александр тепло простился с царицей Адой.

— Только не забудь, Александр, сын мой, что в Галикарнасе сейчас Мемнон с персидским войском! — напомнила она.

— Нет, царица Ада, я помню об этом. Но Мемнон бежал от меня при Гранике, бежал из Эфеса, бежал из Милета. Надеюсь, что из Галикарнаса ему убежать от меня не удастся!

Александр уже сидел на коне, когда перед ним появилось несколько карийских придворных поваров:

— Царица Ада прислала нас к тебе, царь. Мы будем тебе готовить обеды и ужины. Царица Ада боится, что ты испортишь себе желудок, твой повар дурно готовит!

Александр засмеялся.

— Поблагодарите царицу Аду,— ответил он,— и скажите ей, что я от своего воспитателя Леонида получил еще более искусных мастеров этого дела — деятельную жизнь и воздержанность в пище! Это самые лучшие повара!

ОПЯТЬ МЕМНОН

Мемнон на могучем рыжем коне объезжал Галикарнас, осматривая укрепления.

Дарий, уже не надеясь на своих персидских военачальников, поручил Мемнону защиту жемчужины карийских прибрежных городов — Галикарнаса. Дарий был удручен и разгневан. Вокруг него гремело столько похвальбы, столько надменного презрения к врагу! И при первой же схватке с Македонцем, командуя бесчисленным войском, персы проиграли битву.

Если бы Дарий в свое время послушался Мемнона, который советовал опустошить берег, Александра в Азии уже давно не было бы. Но нет, древняя слава ослепила глаза и ему, и его полководцам. Где же они, кричавшие о непобедимости персидского войска? Легли на берегах Граника! И Мифрабузан, и Нифрат, и Петин... И молодой сын царя Арбупал...

Теперь лишь Мемнон, энергичный, мужественный человек, может спасти Персию! Дарий не ошибся, передав эллину войну против эллина-македонца. Мемнон ненавидел македонских царей за ту власть, которую они взяли над Элладой. Он ненавидел Александра за высокое звание вождя объединенных войск, которым наградила его Эллада. И за победу при Гранике ненавидел, потому что эта победа прогремела по всем землям Азии...

А кроме того, Александр жестоко унизил его, Мемнона,— Македонец трижды заставил бежать его, отважного, опытного полководца, из городов, которые он защищал!

Теперь Александр идет на Галикарнас. Здесь Мемнон еще раз встретится с ним. И сделает все, чтобы эта встреча была последней.

Как радостно вздохнет Эллада, когда он сбросит с нее это македонское иго!

В свите Мемнона были люди, разделявшие его чувства и надежды. Они тоже были из Эллады: афиняне Эфиальт и Фразибул, не пожелавшие подчиниться македонской гегемонии; полководец Аминта, сын Антиоха, только что бежавший из Эфеса от Александра вместе со своим отрядом; Неоптолем из рода Линкестийцев, бежавший к Мемнону сразу после смерти Филиппа, опасаясь, что его изобличат в причастности к убийству македонского царя...

Рядом с Мемноном ехал правитель Галикарнаса — персидский военачальник Офонтопат.

— С моря ему не подступиться,— сказал Офонтопат,— нет, не подступиться.

Мемнон молча смотрел на стены и толстые башни Галикарнаса, поднимавшиеся над гладкой синевой залива.

— Это так,— скупо ответил Мемнон,— но вот со стороны суши...

— А что со стороны суши? — Офонтопат пожал плечами.— Стены старого акрополя починили, рвы выкопаны — пусть попробует подкатить к стенам свои осадные машины. Ты же сам, Мемнон, присутствовал при этих работах!

— И все-таки тревожно,— проворчал Мемнон.— Что-то надо бы сделать еще...

— С моря нам его бояться нечего,— презрительно усмехнулся Аминта.— Вы слышали? Он распустил свой флот.

— Может быть, он сошел с ума? — удивился афинянин Эфиальт.

Фразибул поддержал его:

— И такому безумцу Эллада доверила войско!

— Но он не весь флот распустил,— ядовито заметил Линкестиец Неоптолем,— он все-таки обезопасил себя — двадцать кораблей оставил!

— Ха-ха! На потеху, что ли?

«У него какая-то непостижимая уверенность в своей непобедимости,— думал Мемнон,— может, это и помогает ему побеждать? Но конец тебе придет, Александр, царь македонский, конец тебе придет скоро. Иди, бросайся, захватывай города в Азии. А мой флот направится тем временем к островам, к берегам твоей родины, в глубокий тыл... Что ты скажешь тогда, царь македонский, когда я окружу тебя на азиатской земле и отрежу тебя от Македонии, а в Элладе тебя свергнут? Клянусь Зевсом и всеми богами, я тогда выслушаю тебя внимательно!»

Так думал Мемнон, но молчал, не желая ни с кем делиться своими планами раньше времени.

К ночи примчались разведчики и сообщили, что войско Александра приближается к Галикарнасу. И потом являлись один за другим:

— Александр идет на Галикарнас.

— Александр берет маленькие города с ходу. Идет на Галикарнас.

— Александр близко. Идет на Галикарнас.

И наступил день, когда Мемнон с высокой башни Галикарнаса своими глазами увидел идущее македонское войско. Оно приближалось, не останавливаясь, не замедляя шага. Сначала рыжая туча пыли на горизонте. Потом смутный блеск высоких копий. Потом стройные ряды конницы... И вот он сам, впереди, сверкает доспехами, и алый плащ развевается за его плечами.

Если бы долетела отсюда тяжелая стрела, Мемнон сумел бы прицелиться!

Галикарнас загудел. Галикарнасцы, персидские войска и эллинские наемники теснились на стенах. Всюду бряцало оружие. Слышалась громкая команда военачальников... Вскоре из конца в конец начали перекликаться военные трубы — неприятель под стенами города. Офонтопат и Мемнон следили за действиями Александра.

— Что он хочет делать, Мемнон?

— Расположился у самых стен. Думаю, хочет осадить нас.

У входа в старый город по берегу загорелись македонские костры. Мемнон видел, как Александр в сопровождении этеров разъезжает у стен Галикарнаса.

— Как тигр ходит вокруг, ищет лазейки.

— Ты прав, Мемнон, как тигр. Но ведь лазейки-то нет!

Мемнон пытался разобраться, что так томит его душу? Уж не напился ли он воды из Салмакиды? В Галикарнасе был источник Салмакида. Говорили, что если напьешься из него, то станешь слабым, как женщина. Полно! Мемнон разобьет Александра. В Галикарнасе у него не отряд наемников, а персидское войско. Он прогонит Александра с великим позором. А если боги позволят, то и убьет его, отомстит за все свои поражения, за все горе, причиненное ему и его родине!..

Но где-то в глубине сознания возникла угроза: «А если не ты разобьешь его? Если он разобьет тебя и возьмет Галикарнас?»

«О нет! — вздохнул Мемнон. — Этого не будет! Ему не взять Галикарнаса... Не взять... Стены крепки, а таранов он не подведет — ров не позволит подвести тараны... Нет. И вóйска у меня больше, чем у него!»

С этой мыслью он уснул, будто провалился во тьму. А на рассвете тревожный оклик ударил его в сердце:

— Македонцы заваливают ров!

Ров, шириной более тридцати локтей [1] и в пятнадцать локтей глубиной, был скоро засыпан. Три «черепахи» — стенобитные машины с широкими навесами — защищали македонцев, когда они работали у рва. Землю подровняли, и тараны со зловещим грохотом поползли к стенам Галикарнаса. Неуклюже двинулись и осадные башни, с которых можно обстреливать защитников города, стоящих на стенах. Одна за другой подходили машины, словно немые чудовища. Ни копья, ни стрелы, ни дротики были не в силах остановить их. И так весь день, без передышки.

Тяжелый мрак душной ночи свалился на землю. Но осадные работы не прекращались. Работали при факелах. Александр сам следил за расстановкой машин, поспевал всюду. Не спали и его полководцы, выполняя быстрые распоряжения царя.

В эту ночь стражу при машинах несли отряды Александра Линкестийца. Царь появился на минуту и снова исчез. Он ничего не сказал Линкестийцу, только взглянул и тут же умчался, пропал во тьме.

— Видит. Всегда видит! — с отчаянием прошептал Линкестиец. — Значит, все-таки не доверяет. Он никогда не забудет, что мои братья были замешаны в заговоре против его отца. Но ведь и я не забуду, что мои братья казнены на могиле царя Филиппа. Он следит за мной. Любой неосторожный или неправильно истолкованный мой шаг грозит мне смертью от его руки. Я вижу это. Я читаю это в его жестоких глазах. И так будет до конца моей жизни!

Внезапно красное пламя распахнуло черноту ночи. Персы подожгли стенобитные машины!

Линкестиец опомнился. Его стража тотчас подняла тревогу. Сильней тревога, громче! Не уследили, не углядели... Македонцы бросились спасать машины. Линкестиец сам гасил пламя, рискуя сгореть.

[1] Локоть — 0,4624 м.

В македонском лагере затрубили трубы, призывая к бою, и тотчас как эхо откликнулись военные трубы в Галикарнасе.

Персы, запалив машины, сделали вылазку. Они с криком бросились на македонцев. Македонцы приняли их на копья. Уцелевшие македонские тараны ударили по стенам. Появились проломы. Македонцы лезли в проломы. Персы отбивали их... Дрались врукопашную. А внутри города, взамен разбитой стены, персы уже строили новую стену; персов было много, и нагромождение камней быстро росло.

Машины македонцам удалось отстоять. Лишь немногие сгорели. Персов загнали обратно в город. Убитые остались лежать у внешней стены.

В этой битве за машины Линкестиец сражался с отвагой отчаяния. Но при свете последней вспышки пламени Линкестиец внезапно увидел своего племянника, молодого Неоптолема, который дрался на стороне врага. Лицо Неоптолема было искажено ненавистью и залито кровью. Линкестиец видел, как Неоптолем, теснимый македонцами, взмахнул кинжалом и упал...

Пламя погасло, все исчезло во тьме. Битва продолжалась при скупых отсветах факела. Линкестиец бросился было помочь Неоптолему, но опомнился и, простонав, остановился.

— Ты ранен? — спросил кто-то в темноте.

— Да,— ответил Линкестиец.

Утром, среди множества убитых врагов, грудами лежавших у стены, Линкестиец увидел тело Неоптолема. Македонцы не узнали его. А Линкестиец не посмел узнать. Надо было похоронить племянника, надо было отдать ему погребальные почести. Но как? Царю донесут об этом,— Неоптолем перебежчик, предатель!

Сердце Линкестийца сгорало от горя и страха. Становилось не под силу терпеть этот скрытый плен, не под силу жить под занесенным мечом Александра, готовым в любое время упасть на голову.

Наутро царь хоронил своих погибших воинов. Разрешил и врагам похоронить своих. Линкестиец видел, как унесли Неоптолема. Он облегченно вздохнул. Душа его племянника получит свое вечное убежище — могилу и не будет, бесприютно тоскуя, блуждать по земле. Но свою тоску ему было трудно скрыть.

Наступило затишье. Македонцы и персы залечивали ра-

ны, готовились к новому бою. Александр не собирался отступать, а Мемнон не собирался сдавать город.

Через несколько дней Александр двинул войско на штурм. Это была большая битва. Рушились стены и башни. Завывали стрелы; камни из камнеметов, тяжко гудя, проносились над головами. Было мгновение, когда македонцы дрогнули было и растерялись, увидев, как персы всем войском вдруг хлынули на них из проломов. Но Александр был здесь. Выхватив меч, он погнал коня на врагов, в самую кипящую битву, и македонцы без оглядки кинулись за ним... Бились среди развалин разрушенной внешней стены, бились у проломов, бились у распахнутых настежь городских ворот...

И снова взяли верх македонцы. Вот они уже теснят персов. Те, отчаянно сопротивляясь, отступают к тройным воротам. Отступают, но еще не сдаются, еще стараются устоять. Крики торжества, крики отчаяния... Отряды Мемнона бегут всей массой в панике, в беспорядке, они бегут к мосту, ведущему к воротам. Но мост трещит под ними, подламывается, и люди с воплями валятся в ров... А сверху сыплются смертоносные тяжелые стрелы, обрушиваются на головы македонские копья и мечи.

Самая страшная резня началась в воротах. Персидское войско, спасаясь от македонцев, вернулось в город. Но не все успели туда вбежать. Ворота захлопнулись, и тех, кто остался у закрытых ворот, македонцы убили. Убили всех.

Разгоряченные битвой и победой, македонские отряды были готовы лезть на стену, город был в их руках...

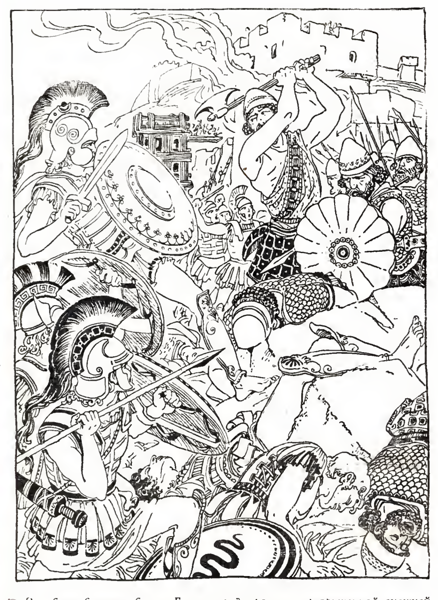
И вдруг прогремела труба. Отбой!

Царь остановил сражение.

Полководцы устремились к нему — рассвирепевшие от побоища, с окровавленными мечами в руках, недоумевающие, возмущенные.

— Если мы сейчас ворвемся в Галикарнас,— сказал Александр,— он будет разрушен. Зачем нам в наше владение получать развалины? Подождем. Я думаю, что теперь, видя, как мы сильны, Мемнон сдаст Галикарнас.

Ночью, когда менялась вторая стража, в крепости вдруг запылала большая деревянная башня, с которой персы поджигали вражеские машины. И сразу вдоль всех стен города жарко вспыхнули деревянные портики. В то же время загорелись стоящие у самой стены дома. Ветер раздувал пламя, охватывая город. Галикарнас горел.

Это была большая битва. Бились среди развалин разрушенной внешней стены, бились у проломов...

Александр проснулся от криков тревоги. Его шатер был полон зловещих красных отсветов. Схватив меч, он выбежал из шатра. Над городом в черном небе полыхало зарево.

— Это Мемнон! — охрипнув от ярости, крикнул Александр.— Это он! Я знаю! Немедленно в город! Тушить! Поджигателей убивать на месте!

И сам, надев доспехи, поспешил в горящий Галикарнас.

Живыми в крепости остались только жители, которых находили в домах; они не воевали и не поджигали. Но все, кто воевал, и весь персидский гарнизон погибли под македонскими мечами.

Александр рыскал по городу, искал Мемнона, искал его наемников, тушил пожар, убивал поджигателей и снова искал Мемнона. Уж теперь-то Александр доберется до него!

Мемнона не было. Наконец галикарнасцы рассказали: Мемнон велел поджечь город, а сам со своими военачальниками, сатрапами и наемниками ушел на персидские корабли, подошедшие в темноте, и уплыл на остров Кос.

Наступил рассвет. Царь македонский, почерневший от дыма, в обгорелом плаще, нахмурясь смотрел на погибший город. Разваленные дома, черное пожарище. На безмолвных улицах — неподвижные тела убитых. Кое-где еще тлеют красные головни, ветер поднимает седой горячий пепел над провалившимися крышами, над грудами кирпича и глины...

Александр вернулся в лагерь, отдал приказ:

— Павших похоронить с почестями. А что осталось от города — сровнять с землей!

— Царь,— доложили ему,— на горах засели персы. И с ними наемники.

Александр устало махнул рукой.

— Пусть сидят там. Нам не время возиться с ними. Царица Ада сама закончит войну здесь. Какое значение имеют теперь эти жалкие отряды? Галикарнаса больше нет.

ЛИНКЕСТИЕЦ

Снова дороги войны. Снова костры военных лагерей, маленькие города побережья, покорно открывающие свои ворота македонским фалангам, короткий отдых, пополнение припасов — и опять дороги...

Пармениона Александр отправил в Лидию, в Сарды. Он дал ему большое войско и велел взять с собой обоз. Вместе с Парменионом он отослал и Линкестийца с его конницей. Пусть они проведут зиму в Сардах, а потом встретят царя во Фригии.

Незадолго до этого у Александра с Парменионом произошел неприятный разговор. Узнав, что царь собирается идти дальше по азиатскому побережью, Парменион попросил выслушать его.

— Царь, не сочти это трусостью или усталостью,— сказал он,— страха я не знал никогда, а рука моя еще крепка, чтобы держать меч. Но скажи: зачем тебе продолжать этот поход? Пока все идет счастливо для нас, но боги могут изменить нашу судьбу. Царь Филипп хотел отвоевать эллинские города, закрепить их за собой, утвердить свою власть над Элладой и вернуться в Пеллу. Так вот я и думаю, царь, не пора ли и нам завершить здесь наши дела?

Александр смотрел на него с изумлением.

— Завершить наши дела, Парменион, теперь, когда мы побеждаем? Клянусь Зевсом, я тебя не понимаю. Разве менее могущественной станет Македония, если мы завоюем все побережье? А мы его завоюем. Я это чувствую, я это знаю. И мне нужно только одно, клянусь богами: если кто-то не хочет помочь мне, то пусть хотя бы не мешает!

Парменион увидел, что в глазах Александра начинают сверкать гневные огни. С царем Филиппом еще можно было поспорить, но тут лучше не вступать в спор. И Парменион, подчиняясь приказу царя, ушел в Лидию.

А царь со своим войском продолжал путь по берегу Срединного моря. С каждым днем спадала жара, дышать становилось легче. Начинались зимние дожди. Македонцы удивлялись:

— Это и есть зима? У нас уже снег на горах.

— Да. Вьюга теперь завывает в ущельях, без мохнатого плаща не выйдешь.

Почему-то приятно было поговорить об этом — о снежных буранах, об озерах, покрытых льдом... И о том, как хорошо прийти в жарко натопленное жилище и как это красиво, когда идет тихий, густой снег.

Середина зимы застала Александра в Ликии[1], маленькой

[1] Ликия — полуостров на юго-западе Малой Азии.

приморской стране, окруженной горами. Главный город ликийцев Фаселида стоял на берегу моря. Город был богатый, торговый, с тремя гаванями. Фаселиты навстречу македонскому царю выслали посольство. Старейшины города покорно попросили у Александра дружбы и увенчали его золотым венком...

Александр уже привык принимать золотые венки. Он уже не волновался, не краснел от радости и гордости, а считал, что это так и должно быть, что города и страны, через которые лежит его путь, обязаны принимать его с почестями, если не хотят испытать силу его меча.

Стояла нежаркая погода. Войско нагружало обозы и вьючных животных провиантом и кормом для лошадей. Со всех концов страны везли сюда обильные припасы, опустошая собственные закрома. Фаселиты молчали, улыбались,— а что же еще оставалось им делать? Войско надо кормить. Разве только одну их страну оно опустошает на своем пути? Лишь бы не жгли и не грабили. Лишь бы оставили в живых...

Фаселиты старались развлекать царя пирами, охотой. Но как-то выпал тихий, золотистый день, когда Александру захотелось побыть одному со своими мыслями, подышать морем, отдохнуть под равномерный плеск его синих волн.

Был раскинут шатер. Александр лежал на ковре возле самой воды. Длинная прозрачная волна возникала и таяла возле его ног. Александру казалось, что и море припадает к его ногам и отдает ему царские почести.

Александр старался забыться. Но думы и заботы не давали покоя. Он давно уже идет по берегу моря.

Он мог бы и раньше войти во внутренние страны Азии. Но ему нельзя было оставить побережье. На море еще следит за ним большой персидский флот. В бою победить этот флот невозможно — значит, надо взять его измором. Александр занимает все прибрежные города, все гавани, чтобы персидским кораблям некуда было пристать. А ведь морякам нужны и хлеб, и пресная вода. Но где они все это возьмут? Александр не даст им высадиться. Вот и пусть их боевые корабли болтаются в море без всякой пользы.

И Александр не отступит от берега. Он будет идти до тех самых мест, где, как ему сказали местные жители, скалистые отроги Тавра подступают к самой воде. Скалы не дадут персам пристать к берегу.

А тогда уже Александр свернет к городу Перге, а из го-

рода Перги — во Фригию, во внутренние земли огромного Персидского царства.

Но до Фригии еще далеко... Далеко.

С тонким звоном набегали волны, исчезая в белом песке. Пахло горькими сухими травами, растущими в опаленных солнцем горах. Благодатное чувство покоя и отдыха нежило Александра. Заботы, неприятные думы понемногу отошли. Он заснул.

Этеры-телохранители, сидевшие невдалеке, примолкли. Пусть отдохнет, ему не слишком часто выпадает тихая минута.

— Сколько же городов мы взяли, пока дошли сюда от Галикарнаса? — задумчиво спросил молодой этер и военачальник Аминта.

Ответил полководец Кратер, который участвовал во всех битвах:

— Почти тридцать. Здесь, в Ликии...

Он хотел было перечислить все эти взятые без боя города, но Гефестион, подняв руку, остановил его:

— Тише... Смотрите!

Над головой Александра кружилась ласточка. Она кружилась и щебетала, да так громко и тревожно, будто старалась разбудить царя, будто предостерегала от какой-то опасности. Александр слабо отмахивался от нее рукой — ее щебетание мешало ему. Однако ласточка не улетала, она даже опустилась ему на голову и все кричала и щебетала. И наконец, совсем разбудила его.

Александр поднялся. Ласточка, что-то крикнув ему в последний раз, улетела. Царь следил за ней глазами.

— Что это значит? Что она хотела мне сказать?

Друзья, изумленные этим, не знали, что ответить. Послали за жрецом.

Жрец Аристандр, выслушав их, сказал:

— Это — знамение, посланное богами, царь. Ласточка — друг человека, и ей всегда хочется помочь человеку. Если она узнала что-то недоброе, она всегда спешит предупредить об этом.

— О чем же хотела предупредить меня эта птичка? — настороженно спросил Александр.

Жрец нахмурился.

— Ласточка возвестила тебе, царь, что кто-то из друзей злоумышляет против тебя,— сказал он и грозно поглядел на

этеров,— но возвестила также, что умысел этот будет раскрыт.

Ученик Аристотеля, блестяще образованный Александр был все же человеком своего времени и безоговорочно верил всяким приметам и предсказаниям. Взволнованный, он поднял глаза на своих друзей. Мгновенно в памяти встало зловещее утро, красная заря, отец с окровавленной грудью, падающий ему на руки...

— Кто?

Гефестион, бледный, положив руку на грудь, подошел к нему.

— Успокойся, царь. Среди нас нет предателей.

Телохранители-этеры стояли перед Александром и смотрели ему в глаза.

— Царь, мы готовы умереть за тебя!

Горькая морщинка легла у Александра между бровями. Он вздохнул, оглянулся кругом. В бою он легко защитит свою жизнь. Но как защититься от измены и предательства?

Все словно померкло. Сверкание моря утомляло глаза. Выцветшее небо было пустым и гнетущим.

— Гефестион?!

В голосе Александра прозвучала мольба.

— Нет, нет, Александр! — сердечно ответил Гефестион и подошел ближе.— Никогда я не изменю тебе. До самой смерти!

— Не обижай нас, царь! — сказал Неарх.

Гарпал растерялся, ему стало страшно. Он ничего не замышлял, но вдруг царь подумает иначе? Эригий стоял, закусив губу, и чуть не плакал от обиды. Неарх сердито хмурился.

— Я верю вам, друзья,— сказал Александр.— Ласточка ведь могла и ошибиться!

Но подозрение уже, как отрава, вошло в сердце Александра. Веселясь ли на пиру со своей обширной свитой, отправляясь ли в горы на охоту, занимаясь ли делами в канцелярии, он вдруг вскидывал глаза и незаметно вглядывался в лица окружающих его друзей.

«Кто?!»

Прошло несколько дней. Ласточка с ее щебетанием понемногу уходила в забвение. Но однажды утром, когда Александр сидел с Евменом, разбираясь в делах канцелярии, явился посланец из Лидии, от Пармениона. Усталый, почернев-

ший от загара и пыли, он вошел в царский шатер и снял шлем.

По его лицу Александр понял, что посланец явился с недоброй вестью.

— Царь, меня прислал военачальник Парменион. Там,— он кивнул через плечо,— мой отряд. Мы привели пленника. Вот письмо.

Александр принял свиток. Письмо было короткое, но его вполне хватило, чтобы глубоко омрачить душу.

Парменион писал, что ему попался в плен перс Сисина, посланный Дарием. Сказал, что едет к фригийскому сатрапу Азитию. Но когда допросили как следует, сознался, что он послан Дарием к Александру Линкестийцу.

Линкестиец. Все-таки Линкестиец!

Невольно вспомнилась ласточка, которая, по словам Аристандра, предупреждала его. Неужели хитрый жрец уже тогда что-то знал об измене?

Потемнев лицом, царь приказал привести перса.

— Ты — Сисина?

Перс, худой, дрожащий, будто охваченный ледяным ветром, стоял, опустив голову под грозным взглядом царя.

— Да. Я — Сисина.

— Зачем ты послан к Линкестийцу? Рассказывай все и говори правду.

Светлые глаза Александра как кинжалы пронзали Сисину. Ему казалось, что царь и так видит его мысли и скрыть их все равно невозможно.

— Великий царь Дарий получил от Линкестийца письма...

— Как попали эти письма от Линкестийца к Дарию?

— Их передал Аминта, сын Антиоха, тот, который бежал от тебя из Македонии к царю Дарию.

— Что велел передать твой царь Линкестийцу?

— Царь велел дать ему клятву, что... что если он...

— Ну?

— Если он... убьет...

— Ну?

— Если он убьет царя македонского Александра, то великий царь Дарий отдаст ему Македонию.

Александр с минуту не мог произнести ни слова. Сисина, серый как пепел, неподвижно стоял перед ним.

— Ну? И еще что?

— А еще... что даст ему за это тысячу золотых талантов.

— Дальше.
— Всё.
— Что же ответил Линкестиец?
— Я не видел его.
Царь позвал стражу.
— Возьмите перса.

Александр тотчас созвал военный Совет. Пока собирались его полководцы, он в раздумье ходил взад и вперед, тяжело ступая грубыми походными сандалиями по цветному персидскому ковру, взятому у Граника.

...Как он просил тогда пощады, как заверял! «Царь, защити меня, я ни в чем не виноват! Царь, я буду верно служить тебе!» Царь... А ведь Александр еще и не был тогда царем. Это, что ли, подкупило его и обмануло? Линкестийцы убили царя Филиппа. А сын Филиппа пощадил Линкестийца!

На Совет Александр созвал только близких друзей. Те уже понимали, что произошло что-то страшное. А когда узнали, что произошло, возмутились.

— Я ему поверил,— сказал Александр,— я его простил. И разве я обижал его потом? Клянусь Зевсом! Он был моим этером, он был моим стратегом во Фригии у Геллеспонта. Теперь он командует у Пармениона фессалийской конницей. Как еще мне было возвысить его?

Этеры гневно зашумели. Они беспощадно поносили Линкестийца и весь линкестийский род, жадный, преступный, ненавистный...

— Что же мы решим, друзья? — спросил царь.— Как нам поступить с Линкестийцем?

Гефестион выхватил кинжал. Его нежное красивое лицо исказилось от ярости.

— Никакой пощады! Я сам убью его.

— Убить Линкестийца! — закричали этеры.— Никакой пощады изменнику!

— Убрать, пока не натворил худшего,— сурово сказал Черный Клит.— А ты, Александр, поступил неразумно, отдав конницу человеку, которому нельзя доверять. Фессалийская конница — большая сила. Что, если эта сила теперь на его стороне?

Александр нахмурился. Он не терпел упреков. Но сейчас приходилось стерпеть — Клит был прав.

Решение было единодушным — схватить Линкестийца немедленно.

В тот же день, к вечеру, из ворот Фаселиды отправились в путь несколько всадников в длинных азиатских одеждах. Доехав до перекрестка, они повернули коней в сторону лидийского города Сард.

Александр Линкестиец, военачальник фессалийской конницы, вместе с Парменионом прибыл на зимовку в Сарды. Получив приказ царя вести конницу в Сарды, Линкестиец еле сумел скрыть свою радость. Наконец-то он уйдет от этих холодных наблюдающих глаз, наконец-то он сможет не следить так напряженно за каждым своим шагом, за каждым словом, за выражением лица. Ни одного дня он не был счастлив с тех пор, как увидел кровь своих погибших братьев, с тех пор, как назвал Александра, сына Филиппа, царем. Почести, власть, высокое положение... Он командует конницей. Он сидит за царским столом. Он сверкает доспехами среди царских этеров. Но хоть бы раз он встретил утреннюю зарю с легким сердцем и улыбнулся наступающему дню!

Линкестиец покорно склонял голову перед Александром. Улыбался его друзьям. И втайне думал только об одном — как ему утолить свою ненависть и отомстить сыну Филиппа?

Как часто, наблюдая издали за царем, он мысленно говорил ему: «По какому праву носишь ты царскую диадему? Ведь такое же право есть и у меня, а я, как раб, трепещу перед тобою. Но не настанет ли день, когда ты, Александр, попросишь у меня пощады? Не наступит ли день, когда я сам надену царский венец?»

Но одному ничего не достигнуть. Нужны союзники. Кто поможет ему? Персы. Только враги сына Филиппа — персы...

Конница расположилась среди широкой долины, у реки. Линкестиец объехал свой лагерь. Все было спокойно. Люди отдыхали. Кони ушли на пастбища. Возле палаток горели костры, конники варили ужин. Слышались негромкие разговоры, смех, иногда перебранка... Линкестиец поднял глаза — вдали, на фоне желтого закатного неба, четко рисовался лиловый силуэт горы и башен старой лидийской крепости.

Парменион? А что думает Парменион?

Парменион сейчас в Сардах. Линкестийцу показалось, что Парменион тоже с легким сердцем уехал в Сарды от Александра. Линкестиец сам слышал, как Филота однажды назвал царя мальчишкой, а ведь Филота — сын Пармениона. Что, если отправиться в крепость и попытаться проникнуть в мысли старого полководца?

Желтая вечерняя заря, тишина в горах и долинах. И — одиночество. Такое полное, безысходное одиночество! Линкестиец вздохнул, провел рукой по щеке. Отросла щетина.

И тут же, как мальчик, обрадовался. Вот и пусть растет. Он не будет здесь бриться, царь не видит его!

Линкестиец слез с коня. Для него был поставлен шатер, приготовлен ужин. Занятый своей думой, отослал сопровождавшую его свиту.

Ночью он не мог спать, выходил из шатра, смотрел на звезды. Мысли все о том же — как найти союзников его делу? Может быть, все-таки поговорить с Парменионом? Он ведь тоже не слишком ладит с царем.

Однако когда взошло солнце и трезвый дневной свет успокоил его, Линкестиец испугался своих ночных мыслей. Довериться Пармениону? Он сошел с ума! Парменион так же, как и Антипатр, умрет за своих царей по одному их слову!

«Ну, а если царем буду я? Тогда они и за меня умрут!»

Но прежде надо стать царем. А еще прежде — дождаться известий от Дария. Линкестийцу удалось послать ему несколько писем. Но Дарий медлит с ответом. Почему он медлит? Почему же он медлит? Сейчас, когда глаз Александра не следит за Линкестийцем,— зачем он теряет время?!

Проходили дни, пустые, томительные. Линкестиец исправно нес свою службу. И ждал, ждал тревожно, с нарастающим нетерпением тайных известий от персидского царя.

А всадники в азиатских одеждах, посланные из Фаселиды, уже приближались к лидийской земле. Они прибыли в Сарды незаметно, никто не обратил на них внимания. Так же незаметно пробрались в лагерь Пармениона. Здесь один из них сбросил азиатскую одежду. Перед изумленной македонской стражей явился царский телохранитель Амфотер, брат полководца Кратера.

Амфотер приказал тотчас проводить его к Пармениону, но о его появлении в лагере молчать.

Парменион не удивился, увидев Амфотера. Он протянул руку, ожидая получить письмо.

— Письма нет — оно у меня в голове,— сказал Амфотер,— приказ царя передам тебе устно.

Парменион позаботился, чтобы никто не помешал им и никто не подслушал их разговора.

В тот же день к Линкестийцу явился отряд, посланный Парменионом. Начальник отряда потребовал у него оружие.

Линкестиец все понял, как только воины окружили его. Он молча отдал свой меч и позволил надеть оковы.

«Кто узнал? Кто предал?»

Он ни о чем не спрашивал — разве ему ответят?

Парменион, когда Линкестийца привели к нему, посмотрел на него уничтожающим взглядом.

— Ты мог бы выслушать меня,— сказал Линкестиец.

— Нет,— ответил Парменион,— я не слушаю речей изменников.

— В чем меня обвиняют?

— Ты сам знаешь.

— Кто оклеветал меня?

Парменион рассердился:

— Тебя оклеветали? Ведь, кажется, не мне и не кому-нибудь другому вез письмо перс Сисина от царя Дария, а тебе, Линкестийцу! Зевс и все боги, его оклеветали!

И он, гневно махнув рукой, приказал отправить Линкестийца к царю с хорошей стражей и ни под каким видом не снимать с него оков.

«А я хотел найти в нем союзника!» — подумал Линкестиец.

— Напрасно ты меня так презираешь,— сказал он, глядя на Пармениона дерзкими глазами.— Еще неизвестно, как повернется твоя судьба. Под рукой царя жизнь полководца полна превратностей!

Парменион ответил ему с достоинством:

— Как бы моя судьба ни повернулась, изменником я никогда не буду.

Линкестийца повезли к царю.

Не было длинней и тяжелей дороги, чем эта. Линкестиец не глядел по сторонам, не разговаривал ни с кем. Но когда они спешились в Фаселиде, он потребовал, чтобы его провели к царю немедленно. Но Александр не принял его.

— Гефестион, я не могу его видеть. Избавь меня от этого.

Перед Линкестийцем стояли друзья царя Александра. Он затравленно глядел то на одного, то на другого. Каменные, враждебные лица. Ни одной искры сочувствия в глазах.

Ведь когда жрец предупреждал царя об измене друга, он смотрел прямо на них, на друзей, стоявших около Александра, он бросил на них тень подозрения из-за этого предателя!

— Я могу оправдаться, пусть только царь выслушает ме-

ня! Пусть он меня только выслушает. Ну, не ради меня самого, хоть ради Антипатра, преданного друга царской семьи, ведь его дочь — моя жена!

— Царь не хочет видеть тебя.

Линкестиец глядел на Гефестиона и не узнавал его. Куда девалась нежная красота этого человека? Рот кривился от сдержанной ярости, в огромных глазах горела ненависть... Он был страшен.

Линкестиец обратился к Кратеру. Полководец стоял хмурый и печальный.

— Кратер, скажи Александру, что умоляю его выслушать меня. Ведь всё обвинение держится только на лжи проклятого перса. Разве не могли это устроить мои враги, чтобы лишить меня милости царя?

— Тебя надо убить,— ответил Кратер.

— Неарх, ты — давний друг царя. Я знаю, если он выслушает меня, его сердце смягчится, он поверит мне!

— Он тебе уже поверил однажды! — с горечью и презрением сказал Неарх.

Александр слышал эти мольбы. Они не трогали его.

«Мать была права,— думал он,— сколько раз она предупреждала меня, сколько раз предостерегала! Я верил ему, Линкестийцу, а он в это время договаривался с персидским царем о моей смерти!»

МОРЕ ОТСТУПИЛО

Перед тем как выступить из Фаселиды, Александр спросил, как ему пройти во Фригию?

Он не знал страны, и у него не было карты. Карту составляли в пути землемеры и географы, которые шли вместе с ним в его войске.

Фаселиты охотно объяснили Александру:

— Сейчас твой путь пойдет через Памфилию. Это соседняя с нами страна. Отсюда ты поднимешься к памфилийскому городу Перге. А оттуда — прямая дорога в Великую Фригию.

— А как ближе пройти в Пергу?

— К Перге можно пройти двумя путями. Один путь — через горы, это путь далекий и очень трудный. Другой путь—

по берегу моря, здесь идти ближе и легче. Но сейчас зима, и тебе, царь, придется идти через горы.

— Если берегом короче и легче, то почему же через горы?

— Потому что зимой по берегу не пройти. Сейчас дуют южные ветры, берег залит водой. Ты не пройдешь, царь.

— Я пройду.

— Там скалы и море, царь, а берег всего лишь узкая полоска. Если бы дул северный ветер, он бы отогнал волны. Но дует южный, и волны бьются о скалы. Пройти там сейчас невозможно!

— Невозможно? Я не знаю такого слова!

Наутро, лишь только засветилось над городом нежно-серое небо, Александр тронулся в путь.

Александр разделил армию. Большую часть пехоты, часть конницы и обоз послал в Пергу через горы.

— Линкестийца отправьте с обозом,— приказал Александр,— и чтобы охрана была крепкой.

И Линкестийца, как раба, повезли в оковах вслед за войском, в котором он так недавно был военачальником блестящей фессалийской конницы.

Сам Александр с остальными отрядами спустился к Памфилийскому заливу.

Залив был окружен горами, тесно подступившими к воде. Желтые и серые скалы поднимались над заливом террасами, как ступенями, одна над другой. Фаселиты называли их лестницей. У их подножия лежала узкая кромка берега, та самая дорога, по которой решил пройти Александр.

Дул сильный ветер с юга, в горах гудело. Зеленые пенистые волны мчались издали, от самого горизонта, и с размаху расшибались о серые скалы. Казалось, все огромное море поднялось, чтобы обрушиться на прибрежную полосу земли. Шум и грохот воды оглушали людей. Берега не было, море закрыло его.

Войско со страхом смотрело, как бушуют внизу волны. Но Александр не замедлил шага. Он спустился с горы и вошел прямо в этот грохочущий прибой. Войско тронулось следом; оно не могло остаться на скалах, когда царь идет впереди. Волны захлестывали Александра, но он не останавливался, и войско шло за ним. Даже у старых, видавших много тяжелых походов воинов замирало сердце. Море — противник жестокий, оно похоронит их всех в это страшное зимнее утро.

Но царь идет — и войско идет за ним. Идет, обреченное на неизбежную гибель.

И тут случилось что-то непонятное. Южный ветер вдруг упал, из-за гор поднялся ветер с севера и круто погнал волны обратно в широкое море, в холодную лиловую даль. Береговая полоса обнажилась.

Воины шли по мокрой гальке, пораженные чудом, которое совершилось на их глазах,— море отступило перед их царем! Нет, тут дело не простое — Александру помогают боги. Видно, правда, что он с ними в родстве!

Воинам Александра — македонским горцам, пахарям и звероловам — было очень легко поверить во всякое чудо. Безудержная отвага их молодого полководца, его неизменные удачи при самых опасных положениях, когда он со своим войском выходил невредимым там, где всякий другой встретил бы гибель,— все это поражало воображение. И проще всего им было решить, что тут дело не обходится без вмешательства богов.

Шли целый день, огибая Памфилийский залив. Море порой отступало, далеко обнажая берег, порой возвращалось назад, и тогда македонцы шли по грудь в воде. Вода кипела среди камней, как в котле. Но теперь уже никакая опасность не могла остановить воинов.

К концу дня скалы отошли от берега, и широкая долина Памфилии приняла македонское войско. Отходя в долину, македонцы оглядывались назад, на тот путь, которым они только что прошли.

— Неужели мы были там?

— Неужели мы прошли через эту пучину — и остались живы?

— Это чудо! Царь знал, что боги помогут ему!

Скоро по холмам запестрели палатки. Жарко запылали костры. Море шумело, мерцая вскипающими барашками волн.

В эту ночь измученное войско уснуло мгновенно. Но Александр еще долго не спал. Он сидел с землемерами и географами над картой, составленной ими. Не спали и его близкие друзья, военачальники — интересно было посмотреть, что получается на карте.

— Где те дороги, по которым мы прошли?

— Вот они, царь...— Указка скользила по чертежу.— Города, горы, реки, дороги...

— А узнали вы, далеко ли тянется этот открытый берег?

— Да, царь, узнали. Открытый берег тянется до города Сиды. А там горы снова подойдут к морю.

— Значит, за Сидой персы высадиться уже не смогут?

— Говорят, что там нет стоянок, царь.

Александр удовлетворенно кивнул головой.

— Так. Возьму Сиды, и тогда — берег наш. А персидский флот пускай болтается в море сколько пожелает. Высадиться я персам не дам.

Черный Клит усмехнулся в свою смоляную кудрявую бороду.

— «Я дойду»... «Я возьму»... А мы что будем делать, если ты, царь, один все возьмешь?

Наступила внезапная настороженная тишина. Александр гневно блеснул на него глазами. Но улыбка Клита была добродушна, будто старший брат ласково подшучивал над младшим.

Обижаться было нельзя — Клит ему почти родственник. Он брат его любимой кормилицы Ланики. Но все-таки шутить так не стоило бы. Тем более, что старые этеры, военачальники царя Филиппа, незаметно переглянулись между собой и потупили глаза.

Александр овладел собой и так же шутя ответил:

— Вам я тоже найду дело. Об этом ты, Клит, не тревожься!

А когда покончили с делами, Гефестион спросил:

— Александр, как же ты все-таки сразу ринулся в воду? Разве ты знал, что ветер повернет?

— Другим я сказал бы, что знал. Но тебе скажу правду: я не знал ничего. Просто надо было пройти и захватить берег.

— Но ветер мог и не повернуть?

— Мог. А тогда бы мы прошли по скалам, которые фаселиты называют лестницей.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Войско проходило по широким фригийским полям. Вот она, Азия! Теперь Александр занимает уже не эллинские, а коренные азиатские города.

Где-то недалеко его ждет Дарий со своими полчищами.

Но где? Долго ли еще Александру искать встречи с ним, чтобы разбить его окончательно?

У ворот города Гордия, что стоит во Фригии, Александра встретил Парменион. Он явился сюда из Лидии, точно выполнив приказ царя. Войско, увидев у стен чужого города македонские шапки, подняло радостный крик. Воины Пармениона откликнулись таким же ликующим воплем. Полководцы окружили царя.

Александр вошел в город, утонувший в садах и рощах, как в свои собственные владения. Небо Азии светилось прозрачной голубизной наступающей весны. Чужая речь слышалась на улицах. Странно одетые люди в штанах и длинных одеяниях стояли по сторонам у желтых глиняных стен своих жилищ и смотрели на македонцев...

Македонский лагерь раскинулся и в городе, и вокруг города. И не успели македонцы расположиться, как прибыло новое войско — вернулись молодые воины, отпущенные в Македонию на зиму. Царь сам выехал встречать их. Молодое войско, под начальством полководцев Птолемея, Кена и Мелеагра, явилось прямо из Пеллы.

Александр сидел на своем вороном Букефале и смотрел, как идут его воины. Молодые македонцы прекрасно держали строй, крепкие, бодрые, веселые. Завидев царя, они во весь голос прокричали приветствие, и царь, тоже во весь голос, отвечал им. Три тысячи македонской пехоты прошло перед царем, триста македонских всадников, двести всадников-фессалийцев, сто пятьдесят элейцев, которых вел элеец Алкия...

Александр улыбался. Он был дальновиден — молодые воины провели зиму в своих семьях, отдохнули и вернулись, как приказано царем. И, как приказано, с пополнением.

В тот же вечер Александр призвал к себе полководцев, которых он посылал с молодыми в Македонию. Он хотел послушать о делах на родине, о том, как живут в Пелле, о матери... Казалось, что эти люди, пришедшие из македонской земли, принесли с собой и воздух ее, и шум ее лесов, и прохладное дыхание снегов родной горы Олимпа...

Начал Птолемей, человек гордый, властный, с красивыми, но жесткими чертами лица:

— Трудно было договориться с царицей Олимпиадой. Она никак не хотела отпускать свою охрану — целый отряд молодых этеров прятался у нее во дворце.

— Но ты взял их?

— Почти все здесь.

— Хорошо. А что Антипатр?

— Антипатр здоров,— ответил Мелеагр, старый полководец царя Филиппа,— вот письмо от него. Надо сказать, что ему тоже трудно с царицей Олимпиадой.

— Друзья мои, оставим царицу Олимпиаду в покое. Ну, что может сделать слабая старая женщина!

Птолемей отвернулся, сжав тонкие губы, чтобы скрыть усмешку. Слабая женщина! Как она проклинала, как она угрожала ему, Птолемею, а ведь все знают, что угрозы ее не бывают пустыми. Хорошо, что у него с собой был приказ Александра!

— Вы лучше расскажите, друзья, что там, в Элладе?

— В Элладе худо,— осторожно, стараясь подбирать слова, ответил полководец Кен,— в Спарте опять начинаются какие-то безумные замыслы.

— Царь Агис?

— Да. Собирается воевать с Македонией. Поэтому Антипатр держит войска наготове.

— Агис! Тупица, как все спартанцы,— сказал Александр.— Надоело ему носить голову на плечах. Ну, Антипатр поможет ему потерять ее!

— Хуже другое, царь,— хмурясь, продолжал Мелеагр,— в тылу у нас — Мемнон!

Мемнон, опять Мемнон! Александр вспыхнул.

— Что же он там делает, этот проклятый изменник?

— Он подогнал корабли к берегам Афин, взял остров Хиос, оттуда отплыл к Лесбосу и там захватил все города — вот что он там делает! — резко сказал Птолемей.— Он старается отрезать нас от Македонии. И если это ему удастся...

Между бровями царя врезались морщины. Если его оторвут от матери-Македонии, он затеряется здесь, в Азии, со своим войском и, не получая поддержки, погибнет.

— Да. Только Мемнону это не удастся!

— А почему не удастся, царь? — осторожно, после недолгого молчания, спросил Кен.

— Почему? Да потому, что пока Мемнон собирается поднять на меня Элладу, я разобью Дария. Мне только что донесли, что персы уже недалеко. Значит, и победа наша близко. А когда Азия будет в моих руках, кто сможет мне противиться?

«Проклятый Мемнон! — думал Александр.— Когда же я сброшу его со своей дороги?»

— А не напрасно ли ты, царь,— очень осторожно спросил Мелеагр,— распустил наш флот? Мы могли бы задержать Мемнона на море.

— Флот, который у нас был, не смог бы его задержать,— ответил Александр.— Ненужная трата сил и денег. Если понадобится, я могу снова собрать корабли. Но сейчас главное — встретиться с Дарием. Встретиться и победить.

— Не только главное, но и единственное, что нам сейчас остается,— сказал Птолемей.

И все согласились с ним.

Знатные горожане Гордия предложили Александру свои лучшие жилища. Они покорно принимали чужеземцев — царь Дарий далеко, а сила македонцев велика. Стараясь расположить к себе Александра, устроили для него и для его войска большой пир. На пиру, среди веселых забав, песен и танцев, слегка захмелевший Александр обратился к фригийским старейшинам:

— Я в детстве слышал странную историю о вашем городе. Правда ли, что у вас есть повозка с узлом на ярме, который никто не может развязать?

— Да, это так,— ответили ему,— у нас есть это чудо.

И рассказали такую историю.

Когда-то, очень давно, молодой поселянин по имени Гордий пахал поле. Он был беден, даже быки у него были чужие — нанял, чтобы вспахать пашню. В то время как он пахал, на ярмо сел орел и сидел так до самого вечера.

Это показалось Гордию удивительным. Он пошел в соседний город к жрецам спросить, не предвещает ли ему что-нибудь этот орел. Недалеко от города он встретил девушку; она доставала воду из колодца. Гордий попросил напиться. Девушка подала ему воды и спросила:

— Куда ты идешь?

— Я иду попросить совета у жрецов.

— О чем же ты хочешь советоваться с ними?

Гордий рассказал об орле. Девушка слушала очень внимательно.

— Не ходи к жрецам,— сказала она,— я и сама могу ответить тебе, почему орел сел к твоим волам на ярмо: я обучена искусству гадания. Так вот слушай: орел предвещал тебе царство!

Гордий от изумления не мог сказать ни слова. А девушка продолжала:

— Я готова остаться с тобой, если ты захочешь взять меня в жены. Потому что я знаю: случится так, как я тебе сказала,— ты будешь царем.

Гордий глядел на нее, не зная, верить ей или не верить. Но девушка была так хороша, что, уж конечно, никогда не согласилась бы стать женой такого бедняка, как он, если бы не была уверена, что он станет царем. Гордий женился на этой девушке, они поселились в его бедном домишке и жили, как все бедные люди в их бедной деревне.

Вскоре после этого во Фригии началась большая смута. Фригийцы так устали от раздора в стране, что пошли к оракулу спросить: когда кончатся у них все эти распри и неурядицы?

Оракул ответил:

— Тогда, когда у вас будет царь.

— Но кого же нам выбрать царем?

— Когда вы пойдете отсюда к себе домой, вам встретится поселянин, едущий на повозке, запряженной волами. Вот он и будет вашим царем.

Посланцы, возвращаясь домой, встретили Гордия, который ехал на волах. Они остановили его, низко поклонились.

— Приветствуем тебя, наш царь!

Так Гордий стал царем. В память об этом дне он поставил свою повозку в храме Зевса. Там она стоит и сейчас. А город, в котором он царствовал, назвали его именем — город Гордий.

— А узел? — спросил Александр.

— Там, на ярме[1], есть и узел, который Гордий сам завязал,— ответили ему,— и есть предсказание: кто развяжет этот узел, тот будет владеть всей Азией. Но еще никто его не мог развязать, а пытались многие.

— Я хочу видеть эту повозку!

В храм Зевса, где стояла Гордиева повозка, Александра сопровождала вся его свита и старейшины города. А следом шла толпа. Всем было интересно, что скажет царь и что он сделает, увидев Гордиев узел?

Александр осмотрел повозку и узел из тонкого вишневого лыка, хитро завязанный на ярме.

[1] Ярмо — деревянный хомут для парной упряжки волов.

— Это и есть Гордиев узел?
— Да, это тот самый узел, царь.
— Я развяжу его.

Александр решительным шагом подступил к повозке. В храме стало очень тихо. Фригийцы с напряжением следили за ним, еле скрывая ироническую усмешку. Македонцы смущенно переглядывались. Ну, зачем Александр взялся за это? Ведь он не сможет развязать проклятый узел и станет у фригийцев посмешищем!

Царь внимательно осмотрел грубое деревянное ярмо, повертел в руках узел. Узел был запутан и перекручен так, что концов его было невозможно найти. У Александра пошли по лицу красные пятна. Неужели и он не развяжет?

Но этого не может быть. Не должно быть.

Однако, несмотря на его усердные старания, лыко не развязывалось. Тогда Александр, закусив губу, отступил на шаг, выхватил меч и одним ударом разрубил Гордиев узел.

Толпа ахнула. Фригийцы стояли, ошеломленные. Македонцы радостно и гордо усмехались.

Александр окинул окружающих дерзким взглядом.

— Если нельзя развязать — надо разрубить! — сказал он. И, сунув меч в ножны, пошел из храма.

В македонском лагере торжествовали — Азия будет в их руках!

ЦАРЬ ДАРИЙ КОДОМАН

Для царя Дария это был тяжелый удар: только что, внезапно, умер Мемнон, его полководец, его лучший полководец. Хотя Мемнон был эллином, человеком чуждой крови и чуждой религии, но он знал свое дело. И он был из тех, на кого царь Дарий мог положиться.

В покоях от пряных благовоний кружилась голова. Царь поднялся с мягкого, разнеживающего ложа. Из-за тяжелого занавеса, услышав движение, выглянул молодой телохранитель, но Дарий с досадой отмахнулся от него. Сложив на груди руки, он принялся ходить взад и вперед по огромному залу неслышным медленным шагом. Его высокая фигура то попадала в луч солнца и вся загоралась блеском украшенных золотом одежд, то уходила в тень...

Надо все обдумать, надо привести в порядок мысли, чтобы стало наконец ясно происходящее. В его государство ворвался Македонец, дерзкий мальчишка, который сам не понимает, что он делает! С горсткой воинов, без всякого флота, без всякой поддержки — Элладу считать нечего, там персидское золото делает свое дело — этот безумец вздумал воевать с ним, с непобедимым царем Персии!

С непобедимым? Дарий страдальчески поморщился. «С непобедимым!» А разве не его царские войска этот мальчишка Александр начисто разбил у Граника? Зачем он, Дарий, послушался своих персидских военачальников, почему не принял совета Мемнона! Не было бы разгрома у Граника, если бы он доверил командование Мемнону. А эти жирные царедворцы, которые сами уже давно разучились воевать, у Граника поставили Мемнона в стороне, чтобы он не отнял у них славы. Ну, так они сами у себя отняли эту славу!

Дарий вздохнул. Много знатных людей погибло там. Много. Нет на свете его сына Арбупала. Нет на свете и Мифридата, его молодого зятя. Дочь до сих пор плачет о нем. Мифридат был смелым и горячим человеком. И вот — погиб. И Ресак погиб... И Арсит погиб. В этом позорном поражении немало вины Арсита: он никогда не хотел слушать советов Мемнона. Кому польза от того, что он, бежав от Граника, покончил с собой, когда пало столько славных полководцев, столько людей, которые Дарию были до́роги! Покончил с собой, и правильно сделал. Если бы Арсит явился к царю после Граника, царь сам покончил бы с ним!

Но что же теперь? Мемнон умер. Кому поручить вести войну? Македонец идет по Азии, захватывает города, и никто не может остановить его. Самому, что ли, браться за это, самому, что ли, выходить на поле битвы, если полководцы ничего не умеют?

Когда-то Дарий, которого тогда звали просто Кодоманом, сам служил в войсках. И вовсе не надеялся стать царем. До царского трона ему было так далеко, что и мечтать об этом не приходилось. Он был дальним родственником великого царя Кира Ахеменида, основателя персидской державы. А трон занимали прямые потомки Кира; их было много, царских сыновей.

И все они умерли.

Багой!..

Холод прошел по спине царя. Ему вдруг показалось, что

желтолицый египтянин бесшумно подошел и стоит за его спиной. Царь быстро обернулся. Никого не было. Нет, этот зловещий человек уже не подойдет к нему. Дарий больше не увидит его узкого лица, его длинных черных глаз, в которых всегда прятались никому не известные замыслы.

Скольких царей убил он? И скольких возвел на престол этот коварный евнух? Багой был всемогущ при дворе царя Оха, или, как этот царь называл себя, Артаксеркса Третьего. Артаксеркс Третий, человек необузданный в своей жестокости, приблизил его к себе. Он любил Багоя и доверял только Багою. И Багой отравил его. А потом убил и его сыновей.

Лишь одного царского сына оставил в живых — Арсеса. Не мог же евнух, египтянин, сам стать персидским царем. Он ждал, что Арсес будет царствовать так, как Багой прикажет. Но Арсес презирал его. Тогда Багой отравил Арсеса и убил его детей.

Так неожиданно царский трон освободился для него, Кодомана Ахеменида!

Он был тогда молод, силен, отважен. Нет, не Багой возвел его на престол. Кодоман, потомок великого, вечно почитаемого царя Кира,— он имел на это право.

Дарий светло улыбнулся. Он увидел себя молодым полководцем в войске царя Оха — Артаксеркса Третьего. Тогда была война с кадусиями. Стоят на равнине два войска: персы и кадусии — разбойничье мидийское племя. Мидийцы всегда ненавидели персов: ведь царь Кир отнял у них царскую власть. Они стоят друг перед другом, гремят мечами, ругают и поносят друг друга самыми оскорбительными словами.

Но вот из мидийских рядов выступает огромный свирепый кадусий:

— Кто из вас может победить меня? Выходи!

Персы затаили дух, молчат. Артаксеркс краснеет от ярости, оглядывается на своих сатрапов, а они будто вросли в землю, будто ослепли и оглохли.

Тогда он, Кодоман, усмехнулся, вышел из рядов войска и встал перед кадусием:

— Я могу победить тебя!

Дарий вздохнул всей своей могучей грудью, лицо его вдруг помолодело, плечи распрямились сами собою, все еще сильные мускулы напряглись... Как он размахнулся тогда, как он ударил кадусия! Тот даже охнуть не успел, как уже лежал в пыли и грыз землю.

Громко славили тогда персы Кодомана! Артаксеркс не знал, как одарить его. Дал ему целую сатрапию в горах — Армению.

Вот почему персидское войско и персидский народ вспомнили о Кодомане Ахемениде, когда царский трон Персии опустел. На этот трон возвел его не Багой. Багой только не препятствовал. И думал, что Кодоман будет признателен ему за то, что позволил Кодоману надеть тиару...

Но прочь, довольно об том трижды презренном убийце Багое! Предстоит большой военный Совет; царю надо собраться с мыслями, надо решать дело войны, которая ворвалась в его царство.

Чуть заметно колыхались и подрагивали ковры в проемах дверей, чуть шелестели шаги в соседних залах и коридорах, чьи-то тени появлялись и исчезали за колоннами. Дворец был полон людей, которые оберегали царя.

Надо бы с кем-то поговорить, посоветоваться... Может, позвать Бесса? Он умен. Он влиятелен. Он старается — Дарий видит это — завладеть доверием царя. Но можно ли доверять царедворцам? Артаксеркс доверял Багою, а Багой отравил его. За что? Не простил смерти Аписа. Артаксеркс жестоко расправился с Египтом, когда покорил его. И своей рукой убил их священного быка Аписа. Багой — египтянин. Сам ходил вместе с царем покорять Египет, сам убивал своих соплеменников. А смерти Аписа не простил, не вынес, убил Артаксеркса. И никто не узнал, отчего умер Артаксеркс. Но Дарий это знает.

Почему привязались к нему сегодня такие тяжелые воспоминания? Может, дух Багоя бродит во дворце и преследует его? Ведь он, Дарий Кодоман, сам отравил Багоя!

Губы царя снова скривились в жестокой усмешке. Вот здесь он, Дарий, возлежал тогда, а этот столик, украшенный янтарем, стоял перед ним. Дарий знал, что отравитель приготовил для него чашу вина: его предупредили, что яд уже положен. Ведь он, Дарий Кодоман, потомок царя Кира, Ахеменид, и не подумал благодарить Багоя за царскую тиару!

Слуга, ничего не подозревая, поставил перед царем чашу. Царь велел позвать египтянина. Тот вошел кланяясь, льстивый, с ускользающим взглядом, с отвратительно голым подбородком, на котором никогда не росло ни одного волоска. Царь улыбнулся ему со всей своей любезностью.

— Ты наш верный слуга, Багой, я высоко ценю твою

дружбу. Прими мою милость, выпей вино из моей царской чаши!

Как он побледнел, как страшно вспыхнули его узкие глаза! Он замер на мгновение, пристально посмотрел на царя. А потом взял чашу и выпил вино.

Через час Багоя не стало.

Неожиданно, прервав воспоминания царя, из-за широкой узорчатой колонны вышел Бесс, бактрийский сатрап, высокий, худощавый, с горбатым носом и яркими белками пронзительных черных глаз.

— Бесс? — удивился царь.

Бесс поклонился, коснувшись пола.

— Ты призвал нас на военный Совет, царь. И вот я здесь. Я готов служить тебе и словом и делом.

— Да, да,— вздохнул Дарий, и вдруг усталость охватила его,— пора. Скажи там, чтобы пришли одеть меня.

Дарий лег бы сейчас на тахту, он бы вышел в сад, где ходят, распустив хвосты, павлины. Он бы заглянул в бассейн, в котором отражаются густые шапки деревьев и плавится солнце. Он бы прошел в тихие женские покои к своей жене, красивой, как луна в зените, к своим милым дочерям... Этот уголок его дворца всегда полон радости, ласки, нежности... Но надо идти на военный Совет. А что ему там нужно будет сказать, он так и не придумал.

Царь сидел на троне в тяжелых роскошных одеждах, с высокой тиарой на голове. Ему было жарко в этом густо затканном золотыми узорами одеянии, тиара казалась тяжелой, сползала на брови, мокрые от пота. Золотые цепи и ожерелья из оникса, из розового сердолика и темно-синего лазурита лежали на груди, как панцирь, мешая дышать... Дарий за последние годы стал тучным, его мучила одышка, ему нравилось нежиться на шелковых ложах и ни о чем не думать. А вот приходится сидеть здесь, увешанным драгоценными украшениями, принимать от царедворцев и военачальников земные поклоны, давать каждому свой царский поцелуй... И решать, как вести войну!

А откуда он, царь Дарий, знает, за все время своего царствования не бывавший на поле сражения, откуда он знает, как надо вести войну? До сих пор он воевал с Филиппом Македонским подкупами, иногда клеветой. Эту войну он и сейчас готов вести, золота хватит. Может быть, стоит попытаться?

Военачальники царя Дария сидят вокруг и ждут, что скажет царь. Дарий, наморщив густые черные брови, старался припомнить все, что говорил ему Мемнон о своих военных планах.

— Надо перенести войну из нашей страны в Элладу,— сказал он.— Теперь я хочу, чтобы вы обсудили, послать ли мне войска в приморские области, куда ворвался Александр. Или мне, царю царей, самому вести войско и разгромить Македонца?

Персы высказались осторожно, со всей лестью, которою подобало насыщать речь, обращенную к царю. Но почти все они говорили, что правильно будет, если сам царь царей Дарий возьмет на себя командование армией. Войска, видя царя царей и зная, что его взоры обращены на них, будут воевать отважнее и будут яростней стремиться к победе.

Недалеко от царя сидел афинянин Хоридем, тот самый Хоридем, который бежал от Александра, когда царь македонский потребовал его выдачи в числе десяти афинян, выступавших против Македонии. Дарий ценил его советы, ему льстило, что Хоридем предпочел служить ему, а не Македонцу.

Но кому только не служил начальник наемных войск Хоридем! Он воевал вместе с Филиппом Македонским, отцом Александра, и воевал против Филиппа. Воевал вместе с Афинами и воевал против Афин. На верность Хоридема было трудно полагаться. Но сражаться он умел, храбрости был необыкновенной и почти не знал поражений, как не знал совести. Со своим отрядом в тридцать тысяч опытных эллинских воинов он был крупной силой.

Хоридем встал, поклонился царю по персидскому обычаю, только не так низко, как персы, и сказал:

— Если ты, царь, благоволишь выслушать меня, я дам тебе совет воина и полководца.

Царь кивнул.

— Я не советую тебе, царь, так опрометчиво рисковать своей жизнью и своим царством. На тебе лежит тяжесть управления огромной страной, подвластной тебе. А на войну ты пошли хорошего полководца — полководца испытанной доблести. Стотысячного войска, треть которого составляют эллинские наемники, закаленные в битвах, вполне довольно, чтобы разбить Македонца. И если ты, царь, доверишь мне войско, я берусь осуществить это дело.

Дарий облегченно вздохнул. Это справедливо. Царь — для того чтобы править страной, а на войну пусть идут полководцы. Зачем же ему рисковать своей царской жизнью?

— Ты правильно сказал, Хоридем. Ты привык командовать войском. И кто же победит эллина, как не эллин? Я согласен возложить на тебя эту войну. Надеюсь, что она будет недолгой.

Персидские военачальники сразу заволновались. Ропот прошел по их рядам. Дарий с удивлением окинул их взглядом. Что такое? Они противятся решению своего царя?

Поднялся Бесс:

— Будет все так, как ты решишь, царь. Но выслушай и нас, как выслушал чужеземца. Почему ты сразу поверил этому человеку? Разве ты не знаешь, скольким царям и правителям он уже изменил? Разве ты не знаешь, что войско его сражается во имя денег, а не во имя защиты родины? Хоридем добивается верховного командования. И если ты сделаешь его полководцем всего персидского войска, он предаст персов македонцам, как предавал многих. Македонцы одной крови с ним, с эллином, а мы, персы, ему чужие!

Заговорили и другие царедворцы, родственники царя:

— Неужели, царь, у тебя нет своих, персидских полководцев? Если бы это было так, то откуда взялось бы твое огромное царство?

— Это позорно для нас и обидно, царь, идти в бой под командой эллина, да еще наемника!

— Ты отдаешь Персию в руки чужеземца, царь. Ты верил Мемнону. А почему Мемнон оставил незащищенным Кизик на Геллеспонте и этим позволил македонцам переправиться на наш берег? Он изменял тебе. Изменит и Хоридем. Он предаст царство Кира!

Дарий снова нахмурился. Да, они говорят правду. Может быть, он и в самом деле поторопился со своим решением?

Но тут опять выступил Хоридем. Как всегда дерзкий, как всегда несдержанный, он со всем своим гневом и грубостью обрушился на персидских вельмож.

— «Неужели нет у царя персидских полководцев!», говорите вы! — закричал он.— А разве есть? Вы, ожиревшие, забывшие, как держат оружие, вы, которые дни свои проводите в празднествах и обжорстве,— полководцы? Вы трусы, бежавшие из-под Граника от горстки македонцев, собираетесь вести такое огромное войско? Вы хотите воевать с македонца-

ми? Но македонцы знают, что такое война, а вы этого не знаете! Огромное государство! Еще бы! Только оно приобретено тогда, когда персы действительно были воинами!

Это было слишком. Персы вскочили с мест, они кричали, что это неслыханно — так оскорблять их в присутствии царя. Царь, не помня себя от обиды — ведь и он перс! — вскочил с трона и схватил Хоридема за пояс.

— О! О! — прошло по залу.

Хоридем побелел. Он знал, что это значит. Царь отдавал его на казнь. Стража тотчас бросилась на Хоридема. Но пока его тащили из зала, он успел прокричать Дарию.

— Ты, царь, скоро раскаешься в этом! — кричал он.— А за несправедливость твою наказанием тебе — скорым наказанием! — будет крушение твоего царства! Александр близок, и никто не защитит тебя от него!

Хоридема вывели из зала и тут же задушили.

Дарий вдруг опомнился. Что он сделал! Что он сделал! Он убил своего лучшего полководца и воина, какой у него еще оставался.

Дарий знал цену своим персидским военачальникам — это показала ему битва при Гранике. Надо сейчас кого-то назначить военачальником всех войск. Но кого? Царь угрюмо смотрел на своих полководцев, прикидывал... Этого? Нет, не годится. Или этого? Нет. А назначить надо немедленно: Александр идет, идет, не останавливаясь!

— Я согласен с вами,— сказал он упавшим голосом.— Я сделаю так, как решил прежде, чем выслушал вас. Я сам поведу мое войско!

РЕКА КИДН

Киликия[1], подвластная персам приморская страна, окруженная цепью крутых, обрывистых гор Тавра, полыхала пожарами. Горели города, ютившиеся в долинах, пылали камышовые и соломенные кровли селений. Жители уходили от беспощадных македонцев в горы, угоняя скот и увозя хлеб. Персы вспомнили совет Мемнона и теперь опустошали страну, по которой должны пройти македонские войска.

[1] Киликия — прибрежная область Малой Азии.

Александр подходил к Киликийским Воротам — узкому горному проходу, через который только и можно было войти в Киликию.

Ворота были заняты сильным отрядом персов — киликийский сатрап Арсам позаботился закрыть проход. Александр остановил войско. К ночи он объявил, что идет снимать у Ворот вражеские сторожевые посты.

— Войско останется здесь, под командой Пармениона. Со мной пойдут щитоносцы, лучники, агрианы.

— И Гефестион,— добавил Гефестион, садясь на коня.

Как только ночь заблистала звездами, легкий отряд Александра помчался к Воротам.

Парменион, глядя вслед, сокрушенно качал головой.

— Безумие, безумие,— шептал он,— никакой осмотрительности, никакого рассудка... Ну разве ему самому надо было лететь туда? Надо было бы послать крепкий отряд. Пусть бы и сражались. А когда открыли бы проход, тогда и идти. Но вот помчался сам, ночью... Один удар копьем — и все. И что тогда?

Парменион не мог спать. Его томили одни и те же мысли. Александр и не думает остановить поход, он все дальше и дальше углубляется в Азию...

Вспоминалось, как Александр в Гордии разрубил Гордиев узел и молодые полководцы кричали потом с восторгом: «Азия наша! Азия наша!»

Но Парменион не одобряет этого решения — захватить Азию. Нарушится вся жизнь. Пусть даже они победят, но Азия велика, а македонцев мало. Как смогут они удержать эти огромные земли, эти бесчисленные азиатские племена?

Вот и в войсках уже слышится ропот. Пора бы и домой... Но что делать? Александр об этом не хочет и слышать. Он одержим своим безмерным честолюбием. Победы безоглядно влекут его всё дальше и дальше. Ах, неразумно, неразумно все это. Он забывает, что милость богов непостоянна!

Но может случиться и так, что Александр не вернется из этой опасной своей экспедиции?.. И тогда все решается просто: они возвратятся в Македонию.

Парменион, испугавшись этой мысли, тотчас отогнал ее. Как он мог так подумать о своем царе!

А все же подумал...

Парменион заснул лишь под утро. А на рассвете услышал ликующие крики:

— Царь вернулся!

Парменион вздрогнул, открыл глаза, вскочил. Худощавый, легкий, он почти выбежал из шатра.

Кричали этеры:

— Царь вернулся!

В бледном свете зари Парменион увидел царя. Александр соскочил с коня. Этеры окружили его. Военачальники спешили к нему со всех концов лагеря.

— Проход свободен, Парменион! — Глаза Александра возбужденно блестели.— Им довольно было увидеть вот эти белые перья!..— Он взмахнул рукой над своим шлемом.— И они бежали!..

И тотчас отдал команду выступать.

«Все выходит так, как он хочет,— подумал Парменион.— Клянусь Зевсом, один его вид наводит ужас! Слава победы у Граника и Галикарнаса летит быстро... А страх — еще быстрее».

Войско Александра растянулось длинной вереницей, лишь четыре человека могло идти в ряд. Мрачное ущелье с нависающими над головой скалами было нелегкой и опасной дорогой. Узкая полоса рассветного неба светилась где-то очень высоко, оставляя глубину прохода в сырости и полумраке. Острые камни, осколки скал мешали идти. Горные потоки, холодные и яростные, наполняли ущелье грохотом падающей с далеких вершин воды.

Александр послал вперед легковооруженных. Стрелки́ из лука, держа стрелы наготове, шли впереди и осматривали тропу, опасаясь внезапного нападения. Македонцев могла встретить засада, а в ущелье не развернешься к бою.

— Армия вступает не в горный проход,— сказал Александр, подведя войско к Воротам,— армия вступает на поле сражения!

Так македонские отряды и шли, напряженные, готовые к битве.

Задние ряды не знали, долго ли придется идти под страхом смерти в этом жутком сыром полумраке. А передние отряды уже видели широкий солнечный просвет. И пока длинная вереница воинов еще далеко тянулась по ущелью, Александр выехал на широкую зеленую равнину киликийской земли.

— О Зевс и все боги!

Только это он и мог сказать, вырвавшись из ущелья.

Его расчеты, что врагу и в голову не придет искать Александра на таком безнадежно опасном пути, оправдались. Ведь так просто было погубить его здесь вместе со всем его войском! Можно было завалить камнями проход и сверху такими же камнями закидать и похоронить македонцев под ними!

Македонское войско вздохнуло свободно, выбравшись на светлую теплую землю Киликии. Воины легко шли по равнине. Полусожженные Арсамом города, полуразоренные села не сопротивлялись. Чистые реки, пересекающие страну, давали вдосталь хорошей воды...

Александр двигался к городу Тарсу [1]. Разведчики донесли, что Арсам пока еще находится в Тарсе. Арсам надеялся сохранить Тарс. Но, узнав, что Александр уже прошел Ворота, собирался оставить город, и жители боялись, что Арсам, прежде чем уйти, разорит и опустошит его. Услышав об этом, Александр во главе конницы и самых быстрых вооруженных отрядов помчался к Тарсу. Он хотел сохранить город и его сокровища для себя.

Солнце палило по-летнему, отряд окружала горячая желтая пыль.

Тарс лежал на равнине. Еще издали Александр увидел, что город горит — то в одном конце города, то в другом поднимается черное облако дыма и вспыхивают бледные отсветы огня. Царь приказал легковооруженным скакать в город и тушить пожары. А когда он и сам со своей конницей ворвался в городские ворота, ему донесли, что Арсам бежал. Город, покорный и тихий, лежал перед Александром. Пожары один за другим погасли. Арсам не успел опустошить Тарс.

И только сейчас, когда скачка кончилась и наступила тишина, Александр почувствовал, что задыхается от жары и от усталости. Солнце стояло в зените, обрушивая на голову пламя полуденных лучей. Пот заливал лицо, серое от пыли, тело задыхалось от доспехов.

Войско вступило в Тарс. Неожиданно перед усталыми, истомленными зноем людьми засверкала быстро бегущая река Кидн, пересекавшая город. Это был широкий чистый поток, он дышал прохладой и свежестью снежных вершин, откуда текли его сверкающие воды. Тенистые деревья осеняли его берега. Александр соскочил с коня, тут же сбросил доспехи, разделся и прыгнул в реку...

[1] Тарс — главный город Киликии.

И сразу потерял сознание. Его неподвижное, оцепеневшее от ледяной воды тело на глазах всего войска медленно уходило в темную глубину, на дно...

Крик поднялся над Кидном. Воины, этеры, телохранители в одежде, как были, бросились в реку, выхватили из-под воды Александра, на руках отнесли в шатер. Друзья со страхом глядели на царя — жив ли? Александр открыл глаза, хотел что-то сказать и не мог. Жизнь еле теплилась в нем.

Тревога грозой пронеслась по македонскому войску. Военачальники, этеры, старые полководцы — все толпились около царского шатра, старались пробраться ближе к царю; стража еле сдерживала их. Весь лагерь уже знал, что́ случилось. Люди были в растерянности, в смятении...

— Царь умирает! Царь умирает!

Старые полководцы проклинали себя за беспечность:

— Что же это мы не углядели? Не уберегли сына Филиппа! Что бы сказал нам сейчас наш царь Филипп?!

Среди воинов пошел страх.

— Кто же нас выведет отсюда, если царь умрет? Мы без него погибнем!..

Гефестион не отходил от Александра. Врачей призвали немедленно. Они растирали тело царя до тех пор, пока не привели его в чувство. Они лечили его, поили разными снадобьями. Александр боролся со своей болезнью, но сильный жар отнимал у него силы. Он весь полыхал, он не мог заснуть ни днем, ни ночью, его била дрожь. Сразу осунувшийся, он смотрел широко открытыми глазами на всех, кто подходил к нему, и хриплым, еле слышным голосом спрашивал:

— Скоро ли вы меня вылечите? Разве не знаете вы, что Дарий снаряжает войско? Скорей поднимите меня, я слышу шаги врага!

Но врачи ничего не могли поделать. С сумрачными лицами, в безнадежности отходили они от ложа царя и тихо переговаривались между собой:

— Река погубила его.

— Болезнь не поддается лечению...

И только врач Филипп Акарнанец молчал, задумчиво глядя на больного.

Гефестион с тоской и страхом видел, как меняется лицо его друга, как обостряются его черты... Александр быстро слабел. Он ничего не ел, не спал. У него пропал голос...

Гефестион грозно подступил к смущенным врачам:

— Говорите прямо — вы можете спасти царя?

Врачи опустили глаза.

— Мы больше ничего не можем сделать.

У Гефестиона перехватило дух.

— Царь умрет? Александр умрет?

— Я берусь вылечить его,— вдруг сказал Филипп,— только пусть никто не мешает мне.

Он покосился в сторону врачей. Врачи, пожав плечами, удалились.

Возникла надежда. О Филиппе шла добрая слава. Он умел лечить и многих вылечил. Гефестион взял его за руку, поглядел ему в глаза.

— Филипп, спаси нам Александра!— и, стыдясь своих рыданий, пропустил Филиппа к царю.

Внезапно, растолкав воинов, перед царским шатром появился гонец.

— От полководца Пармениона! — крикнул он, подняв над головой свиток.— Приказано передать немедля!

Гефестион загородил вход.

Но гонец настойчиво требовал пропустить его.

— Во имя жизни царя! — сказал он наконец.

И Гефестион отступил.

Гонец вошел в шатер в ту минуту, когда врач Филипп подавал Александру чашу с лекарством, которое он составил. Гонец поспешно шагнул к ложу царя, подал свиток.

— Парменион просил прочесть немедленно!

И тотчас вышел.

Александр развернул свиток. Глаза, опаленные жаром болезни, еле разбирали буквы. Почерк Пармениона был тороплив, малоразборчив. Но все-таки Александр прочитал и уловил смысл. Парменион спешил уведомить царя, чтобы он не доверял врачу Филиппу. Ему, Пармениону, стало известно, что Дарий подкупил врача; они уговорились отравить Александра. Дарий обещал Акарнанцу тысячу талантов и свою сестру в жены.

Врач стоял перед ним с чашей в руках. Александр поднял на него глаза, передал ему свиток и принял из его рук лекарство. Какое-то мгновение он держал чашу у губ, не спуская глаз с Филиппа. Увидев, что врач не испугался, но побледнел от гнева, Александр насмешливо скривил губы. «Парменион опять промахнулся»,— подумал он.

И, глядя Филиппу прямо в глаза, выпил лекарство. Алек-

сандр пил снадобье, а Филипп, потрясая свитком, бранил и проклинал тех, кто оклеветал его перед Парменионом, чтобы погубить царя.

Лекарство огнем прошло по телу. На мгновение царь потерял сознание. Но тут же открыл глаза — ему стало легче дышать.

— Я вылечу тебя, царь,— сказал Филипп, растроганный его доверием,— только ты в дальнейшем слушайся меня!

Царь улыбнулся запекшимися губами и закрыл глаза.

— Вылечи поскорее,—прошептал он,—персы идут. Я слышу, как они идут. Помоги мне встать, чтобы встретить их...

Филипп согревал остывающее тело Александра горячими припарками. Царь не хотел есть — Филипп приносил вкусно пахнущие кушанья, ароматное вино и этим возбуждал его аппетит. Когда сознание Александра прояснялось, но глаза еще были пусты и безучастны, Филипп заводил разговор о войске, о битвах, о победах, вспоминал о матери царя, царице Олимпиаде... Так он возвращал к жизни Александра, который уже видел Харона, поджидавшего его у Стикса, в подземном царстве мертвых.

На четвертый день царь, превозмогая болезнь, поднялся шатаясь, надел военные доспехи и, не слушая ничьих уговоров, сел на коня. Медлить было невозможно. Стало известно, что через пять дней Дарий будет в Киликии.

Македонское войско снова тронулось в путь. Снова загремели копыта коней, загудела земля под тяжкой поступью фаланги, заскрипели колесами обозы...

«Почему он не умер, о Зевс и все боги? — горько упрекал богов Александр Линкестиец, прикованный к повозке.— Почему вы не позволили ему умереть?!»

ПЕРСЫ ИДУТ

Огромное, пестрое войско персидского царя стекалось со всех концов страны к Вавилону, к резиденции Дария. Шли войска персов, мидийцев, гирканцев. Шли отряды из Лидии. С двусторонними секирами и легкими прямоугольными щитами шли барканцы из города Барки, что в Киренаике. Шли дербики — племя, живущее на восточном берегу Каспийского моря. У них были копья с медными и железными наконечни-

ками. А те, у кого не было копий, несли толстые, заостренные палки, обожженные на огне. Шли отряды разных племен, которых и сам царь не знал, кто они такие. Неисчислимые костры военного лагеря горели вокруг Вавилона. Ночью Евфрат был полон огней.

Готовясь к походу, царь Дарий Кодоман осматривал войска. Он не глядел в сторону своих роскошно одетых полководцев. Разве победил бы Македонец, если бы они проявили хоть немного желания сражаться? Они просто отдали победу в руки жалкому македонскому войску, сами отдали. Ну можно ли поверить, чтобы кучка македонцев оказалась сильнее их?

— Сколько у меня войска?

Ни один полководец не смог ответить Дарию, сколько у него войска.

— Столько, что и сосчитать невозможно!

— Это вам невозможно,— проворчал царь,— а я сосчитаю. Царь Ксеркс тоже считал когда-то!

Дарий, по примеру Ксеркса, велел соорудить круглую ограду из кирпича, такую по размеру, куда могло бы войти ровно десять тысяч воинов в полном вооружении. Воины входили туда толпой. Полнó? Значит, десять тысяч. Отходи в сторону, входите следующие. Еще десять тысяч. Отходи в сторону. Следующие...

«Когда увидят, что их так много, смелее будут воевать»,— думал Дарий.

Считать начали с утра, лишь взошло солнце. Отряды воинов входили в ограду и выходили, входили и выходили. Постепенно они заполнили широкую равнину вокруг Вавилона. Только ночь заставила прекратить счет, а войско еще было не все сосчитано.

Царь не покидал лагеря. Над его шатром высоко поднималось сверкающее изображение солнца, светлый лик Ахурамазды — бога, которому молились персы. Войско, просторно расположившееся на равнине, казалось еще многочисленнее, чем было,— такое широкое пространство оно занимало.

Царь отправил свои деньги и сокровища в город Дамаск, в Келесирию[1], подальше от войны, от врага. Приближался день, назначенный для похода. И чем ближе подступал этот

[1] Келесирия — Глубокая, или Нижняя, Сирия — долина между горами Ливаном и Антиливаном. Дамаск — столица Келесирии.

день, тем тревожнее становилось на душе у царя. Нападала тоска. Нарушена его спокойная, полная удовольствий и наслаждений жизнь — это сердило Дария. Царедворцы досаждали лестью. А что ему их лесть, если никто из них не смог заменить его и он сам должен вести войско! Сатрапы являлись с просьбами и жалобами. Только и думают о своих делах, а как защитить их сатрапии — об этом должен думать царь!

Дарий стал бояться приближения ночи, ему снились странные, полные непонятного значения сны. Он призвал магов, толкователей снов.

— Я видел лагерь Александра. Он весь пылал, да так ярко, что глазам было больно. Что предвещает этот сон?

— Это хорошее предзнаменование, царь. Лагерь Александра сгорит не только во сне, но и наяву.

Дарий успокоился. Но вскоре ему опять приснился сон.

— Я видел, что македонского царя привели ко мне. И он был в персидской одежде, в такой, какую носил я, когда еще не был царем.

— Это хороший сон, царь. Царь македонский вместо царской одежды наденет одежду простого воина, потому что перестанет быть царем.

Но на этот раз, как только угодливые маги умолкли, вперед выступил старый, седой жрец. Он встал перед царем прямой и непреклонный.

— Эти толкования неправильны, царь. Твои сны предвещают другое. Яркий свет в лагере Македонца сулит ему победу. А персидская одежда на нем означает, что ему быть царем Азии. Ведь и на тебе, царь, когда ты вступал на престол, была такая же одежда!

Придворные громко зароптали и вытолкали жреца из царского шатра.

— Он выжил из ума! Царь царей, не слушай его! Ты просто не можешь не победить Александра!

А потихоньку тревожно шептались, вспоминали еще одну дурную примету. Когда Кодоман только что нарек себя Дарием, он приказал переделать форму ножен для персидского кинжала — акинака. Эллинские ножны ему нравились больше, пусть и у персов будут такие же. Маги еще и тогда предсказывали недоброе.

— Мы отказались от своего персидского оружия, предпочли эллинское. Так и власть над персами перейдет к тем, чьему оружию мы подражаем!

И царедворцы, привыкшие к лени дворцовых покоев, где так хорошо жилось при столь бездеятельном и беспечном характере Дария; и сатрапы, приведшие войска из своих отдаленных сатрапий, где они сами были как цари; и полководцы, на которых теперь наваливалась тяжесть войны,— все эти люди были встревожены неприятными предзнаменованиями. И так уже было довольно военных неудач, а тут еще сны царя и разные приметы, грозящие бедой!

Утешала только надежда, что на этот раз, при таком огромном войске, они наконец разобьют Александра. И тогда снова на их земле и в их жизни наступит спокойствие.

Из Киликии пришло известие: царь македонский в Тарсе, он тяжело болен и не выходит из шатра. Мрачное лицо Дария сразу просветлело.

— Он по-настоящему болен?

— Разное говорят, царь. Македонцы плачут. А киликийцы думают, что он притворяется, чтобы не воевать с тобой.

Дарий засмеялся.

— Я так и знал! Конечно, притворяется. Проведал, сколько у меня войска, и теперь испугался!

Дарий приказал тотчас готовить войска к походу. Надо настигнуть Македонца в Киликии. И там, среди гор, где он прячется, как лисица, уничтожить его!

Подошел день, назначенный для похода. Накануне, ночью, в войсках почти никто не спал, к рассвету все должны были тронуться в путь.

На рассвете костры погасли. Войско построилось. Но сигнала к выступлению не было — персы ждали, когда взойдет солнце. По древнему обычаю, они должны были приветствовать восходящее светило, совершить свои молитвы ему. И тогда уже начинать все, что задумано.

Солнце поднялось над широкими равнинами Месопотамии, божество показало свой светлый лик, и персы с молитвой пали на землю. И как только молитва была произнесена, у царского шатра завыла военная труба. Сигнал к выступлению.

Персидские войска тронулись в поход. Дарий торопился. Он хотел как можно скорей обрушиться на Киликию всей своей военной силой. Но войско его, огромное, разнородное, не умело и не могло двигаться быстро. К тому же надо было соблюдать все обряды и обычаи: ведь с войском идет сам

царь царей, Дарий Третий, Ахеменид, бог на земле, окруженный всеми почестями и роскошью, без которых он не может показаться народу.

Это было торжественное шествие. Первыми шли маги. Они несли серебряные алтари с мерцающим на них огнем — божеством персов. Это был, по словам магов, священный огонь, который никогда не угасал. Маги, все в белых одеждах, шли медленным шагом и громкими стройными голосами пели древние священные гимны.

Вслед за их белыми рядами ярко полыхал пурпур плащей. Это шли юноши; их было триста шестьдесят пять, столько, сколько дней в году.

Сохраняя интервал, белые кони везли роскошную золоченую колесницу, сиявшую под лучами солнца. В колеснице никого не было, но персы знали, что на ней восседает сам Ахурамазда, бог света, их высшее божество, которое сопутствует царю в его походе и делает его непобедимым.

За колесницей вели огромного, необычайной красоты коня, покрытого драгоценной, шитой золотом попоной. Это был «Конь Солнца», конь божества.

Потом ехали десять колесниц, сверкавших золотом и серебром. Возницы были в белых одеяниях, с золотыми венками на голове. За ними следовали всадники двенадцати племен Персидского государства, все в одеждах своего племени, все с оружием своего племени...

Ровным шагом, гордо красуясь военной выправкой, шли «бессмертные». Роскошь их одежд и украшений ослепляла — густо расшитые золотом плащи, одежды с длинными рукавами, на которых, как звезды, сверкали драгоценные камни, тяжелые золотые ожерелья на груди... «Бессмертных» было десять тысяч — поток золота, ярких тканей и блеска драгоценных камней.

Чуть приотстав от них, шли «царские родственники» — придворные царя. Можно было подумать, что это идут женщины,— так пестро и нарядно они были одеты и так мало у них было оружия. Их было пятнадцать тысяч — еще один поток роскоши и сверкающих украшений.

Дорифоры, придворные, хранившие царскую одежду, шли с копьями. И уже вслед за дорифорами ехал сам царь царей Дарий Третий, Кодоман.

Царь в своей колеснице возвышался над всем войском. На его колеснице с обеих сторон были золотые и серебряные

изображения богов. Дышло своим радужным сиянием заливали драгоценные камни. Две золотые статуи богов — Нин и Бел,— в локоть высотой, охраняли царя, а между ними раскрывало крылья золотое изображение птицы, похожей на орла.

Царь стоял неподвижно, глядя вдаль поверх голов своих воинов и телохранителей. Он был в пурпурном одеянии с белой полосой посередине. На плечах был накинут тяжелый плащ, расшитый золотыми ястребами. На его кушаке, которым он был опоясан, висел акинак в драгоценных ножнах. Фиолетовые с белым повязки украшали кидарис[1] Дария.

Двести приближенных царя, его телохранители, сопровождали его. А следом за ними шли пятнадцать тысяч копьеносцев, у которых копья были украшены серебром.

Потом снова шли пехотинцы. Тридцать тысяч воинов шагали, поднимая огромную густую пыль. А стадий спустя, там, где пыль снова ложилась на дорогу, ехала мать царя Сисигамбис и его прекрасная жена. Толпа женщин верхом на конях окружала их колесницы.

Царские дети тоже не остались дома. Они ехали в повозках — гармамаксах. А с ними — их воспитатели, слуги, евнухи... Шестьсот мулов и триста верблюдов, под охраной стрелков, везли богатую царскую казну. Тут же ехали жены родственников царя, жены его придворных, толпа торговцев, снабжавших войско провиантом, слуги, рабы...

И следом за этим сверкающим окружением царя шло его разноплеменное, плохо вооруженное, плохо обученное, собранное со всех концов Азии войско. Войско двигалось тяжело, медленно. На пятый день оно привалило в широкую Ассирийскую равнину.

— Вот здесь мы и остановимся,— сказал царь,— здесь и будем давать бой.

Лагерь раскинулся на равнине, словно огромное селение. Можно бы отдохнуть после нелегкого перехода. Но Дарий не давал воинам ни покоя, ни отдыха. Он боялся, что Александр застанет его врасплох. Он все время ждал его появления и держал в напряжении войско.

Но Александр не появлялся. Дозоры, окружавшие лагерь, видели только пустынные горизонты с их жаркой, неподвижной тишиной...

[1] Кидарис — царский головной убор.

Дарий начинал нервничать. Царедворцы и военачальники кланялись ему до земли, обливали его лестью, как патокой, осторожно давали советы. А советы были такие, которые совпадали с мыслями и желаниями самого царя,— эти люди словно подслушивали их.

— Александр испугался. Александр затаился в Киликийских горах. Надо настигнуть его там, пока он не бежал и не скрылся.

Александр в это время уже вышел из Тарса и двигался к Иссу [1]. На несколько дней он задержался в городе Солы, чтобы принести жертвы богам в благодарность за выздоровление. Он уже шел навстречу Дарию, но Дарий еще не знал об этом.

«Если бы нам встретиться с персом в этих теснинах! — думал Александр, проходя по узким долинам Тавра.— Если бы боги захотели дать мне победу, они бы привели его сюда, клянусь Зевсом!»

Это желание, эта страстная надежда македонского царя сбылась. Придворные царя Дария сами внушили ему это.

— Александр не пойдет сюда, на равнину, воевать с нами. Он же теперь не знает, что ему делать. Тебе, царь, надо двинуться в Киликию и одним ударом покончить с ним навсегда. Ты растопчешь его одной своей конницей!

Против этого возражал только один человек, македонец Аминта, сын Антиоха, который когда-то бежал от Александра из Македонии и теперь жил при персидском дворе.

— Ты ошибаешься, царь, если думаешь, что Александр тебя испугался. Не уходи с этой равнины, где ты сможешь развернуть свое войско. Александр сам придет сюда!

Но советы льстивых персидских военачальников Дарию нравились больше. Почему он должен сидеть здесь и ждать, пока Македонцу вздумается наконец появиться? Дарий пойдет и растопчет его своей конницей, которой одной хватит, чтобы растоптать все македонское войско!

Дарий дал приказ поднимать войска и двигаться в Киликию. Дорога вела Дария через горные ущелья и узкие долины к городу Иссу, к роковому для него городу Иссу.

[1] Исс — город в Киликии у морского залива, названного по его имени Исским.

БИТВА ПРИ ИССЕ

Войска разминулись.

Дарий прошел через горный хребет и спустился к морю, к цветущему киликийскому городу Иссу, стоявшему на Исском заливе. Здесь побережье делает крутой изгиб и уходит дальше, к Финикии.

Дарий занял Иссу. И тут он услышал удивительное донесение:

— Александр уже был здесь. Оставил своих больных и раненых воинов, а сам пошел через горы, чтобы встретиться с тобой!

— Чтобы встретиться со мной? Или убежать от меня?

Мысль, что он упустил Македонца, привела Дария в ярость. Дарий спустился к морю одним ущельем, а Македонец прошел вверх, через горы, другим ущельем.

— Он не убежал от тебя, царь! — уверял Дария Аминта, сын Антиоха.— Он сам ищет тебя, чтобы сразиться. Вернись на равнину, и тогда ты победишь Александра.

Но Дарий не хотел слушать Аминту. О чем он говорит, когда яснее ясного, что Македонец убегает от него!

Дарий тут же приказал изувечить и казнить оставленных в лагере беспомощных больных македонцев, которые даже меча в руках держать не могли, чтобы защитить себя.

— Казните всех,— приказал Дарий,— а одного оставьте в живых. Покажите ему наше войско и пошлите его, изувеченного, к Александру: пусть он расскажет своему царю о том, что видел здесь, и пусть его царь знает, чего ему ждать.

На следующий день Дарий с войском прошел к реке Пинару — войску нужна была вода. Около шестисот тысяч всадников и пехоты сгрудилось на узкой приморской долине, отгороженной от внутренних земель обрывистыми и крутыми горами Тавра.

Александр, когда ему сказали, что Дарий у него в тылу, онемел от изумления. В первое мгновение он внутренне содрогнулся. Дарий отрезал его от побережья, отрезал от всех путей на родину, откуда в трудный час могла бы прийти помощь. Дарий окружил его. Конец. Но быстрая мысль тут же осветила происшедшее совсем другим светом. Дарий покинул выгодную для него Ассирийскую равнину и забрался в

тесный гористый угол. Теперь его войскам негде развернуться. Дарий сделал именно то, чего так горячо хотел Александр, на что он даже надеяться не смел!

Опасаясь, что Дарий поймет свою ошибку и уйдет обратно на равнину, Александр не медля повернул к Иссу. Он боялся верить этой удаче. А вдруг не успеет захватить Дария, вдруг он уже ушел оттуда? Чтобы удостовериться, что персы действительно стоят у Исса, Александр послал вперед легкий отряд.

— Найдите какое-нибудь судно или сколотите плот — все равно. И незаметно, с моря, поглядите, там ли еще Дарий?

Расторопные посланцы вернулись очень скоро.

— Дарий стоит под Иссом. Вся долина Пинара занята персами.

У Александра сверкнули глаза.

— Клянусь Зевсом, он у меня в руках!

Прежде чем выступить, Александр приказал хорошенько накормить войско. Небольшой отряд он отправил осмотреть дорогу, ту, по которой они только что поднялись и по которой теперь будут спускаться. Он велел проверить, нет ли там засады. Засады не было.

Ночью македонцы вступили в ущелье. Они шли обратно, вниз, к Иссу. Перед утром Александр остановил войско и дал отдохнуть. Усталые люди повалились тут же на скалах и проспали остаток ночи.

На рассвете, освеженные отдыхом и сном, македонцы спустились в долину.

Выйдя из теснин, Александр развернул войско широким фронтом. Армия шла, занимая всю прибрежную полосу от линии гор до кромки моря. Увидев вдали сверкание персидских копий, Александр остановил войско. Так между горами и морем, на узкой прибрежной полосе у Исского залива, две армии снова встали друг против друга.

Наступил решающий час. И, как всегда перед большой битвой, Александр обратился к своим воинам с речью. Суровый и торжественный в своих блестящих доспехах и в боевом шлеме, царь встал перед войском:

— Македонцы! Помните о вашей древней славе. Вы, которые всегда были победителями, будете сражаться с теми, кого всегда побеждали. Сам Зевс вложил Дарию мысль запереть свою армию в теснину, где македонцам вполне хватит места развернуть пехоту, а персам их большое войско ока-

жется бесполезным. Вы, прошедшие с победой по стольким странам, покорите персов! Берегите вашу славу!

— Мы сбережем нашу славу! — грянули в ответ македонцы. — Мы сбережем славу Македонии!

Александр обернулся к отрядам эллинских городов:

— Помните, эллины, что война против Эллады была начата персами по дерзости Дария Первого, а затем и Ксеркса, который требовал от вас земли и воды, чтобы не оставить вам ни глотка в ваших реках, ни куска хлеба. Дважды были разрушены и сожжены эллинские храмы, дважды осаждались ваши города, нарушались все божеские и человеческие законы. Помните, эллины, мы пришли отомстить за Элладу!

— Отомстим за Элладу! — ответили эллины.

Александр подъехал к отрядам иллирийцев и фракийцев. Зная, что они пошли с ним в Азию с надеждой захватить побольше сокровищ, он сказал им:

— Храбрые воины! Смотрите на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром. Они не оружие несут на себе, а добычу. Нападите на них со всей отвагой, отнимите у них золото, обменяйте свои голые, холодные скалы на их богатые поля и луга!

Так, ловко и безошибочно находя пути к сердцу каждого, Александр воспламенил армию. Военачальники бросились к царю пожать ему руку, сказать ему о своей преданности. Войска кричали и требовали, чтобы он немедленно вел их в сражение.

Рассмотрев, как стоят войска у Дария, Александр несколько изменил свой строй, чтобы уравновесить силы. И, убедившись, что воины его готовы к сражению, выехал вперед на своем вороном Букефале и повел войско в бой.

Дарий не тронулся с места. По персидскому обычаю, он стоял на высокой царской колеснице посреди строя. Дарий хорошо видел армию Александра — она была невелика. И все-таки, когда царь македонский двинул свою фалангу, сердце у Дария дрогнуло. Фалангиты, блестя щитами, медленно, мерным шагом приближались к нему. Дарий видел, что Александр, подняв руку, сдерживает их, все время сдерживает, сдерживает... Фаланга надвигалась, как что-то неотвратимое. Это действовало на нервы, это грозило неизбежной бедой, это было невыносимо! Хотелось отпрянуть, бежать от того, что шло на него. Дарий чуть не крикнул, чтобы гнали коней!..

Но опомнился. Между ним и Александром стояли густые ряды его персидских воинов.

Македонцы приблизились к персам на полет стрелы. Персы сразу подняли дикий, нестройный крик. Македонцы тоже закричали, громыхнув щитами. И в тот же момент Александр, перестав сдерживать фалангу, бегом бросился к реке, а за ним ринулось и войско.

Дарий махнул рукой. Персидская конница пошла на македонцев. Началась битва. Войска столкнулись и смешались в тесноте узкой долины. Они так сгрудились, что воины не могли размахнуться копьем, били мечами. Сталкиваясь, гудели щиты. Раненым было невозможно уйти из сражения — впереди враг, сзади тесные ряды своих,— и они дрались до последнего дыхания. Меч Александра взлетал, как молния. Он видел Дария, видел, как этот чернобородый, в сверкающей тиаре человек машет рукой и яростно кричит, посылая своих воинов в атаку; он видел Дария и, расчищая мечом кровавый путь, рвался к нему.

Могучий перс Оксафр, брат Дария, понял, что́ делает Александр. Оксафр бросился на защиту царя — он поставил свою конницу перед его колесницей. Он был силен и отважен, македонцы падали под его ударами, его конница стояла стеной... Но левое крыло персидского войска уже сломалось, не выдерживая рукопашной схватки...

В это время и у македонцев разорвалась линия фронта. Эллинские наемники Дария, увидев это, бросились туда, надеясь сбить и смешать македонские ряды. Наемники старались спихнуть македонцев в реку. Македонцы не отступали, что есть сил пробиваясь на берег.

Александр поспешил на помощь своим. Они дрались и в реке, и на берегу. Битва была свирепой, яростной, полной ненависти...

Дарий еще надеялся на победу. Его конница перешла реку и сражалась с фессалийской конницей Александра,— Оксафр еще боролся...

Но Александр, отбросив наемников, снова подступил к отряду Оксафра. Он со своей фалангой вломился в самую гущу его конницы. В свалке кто-то ударил царя кинжалом в бедро, но он только вздрогнул, не опуская меча.

Дарий с ужасом смотрел, как падают с коней один за другим его защитники, его самые славные полководцы. Уже горы мертвых воинов лежат вокруг его колесницы... Еще

дерется Атизий, еще держится Реомифр. Но македонцы уже достают копьями коней в его колеснице, кони бесятся от боли, рвутся из упряжи... А Македонец все ближе; они уже смотрят издали в глаза друг другу, и Македонец видит, как бледнеет, как растерянно оглядывается вокруг персидский царь, ища спасения...

А где спасение? Вот, окровавленный, падает с коня Реомифр... Уже лежит под копытами конницы Атизий. От удара мечом по голове валится правитель Египта Стабак... Александр близко, он пробивается к Дарию неотвратимо, как сама смерть; его жестокие глаза светятся, как острия копий!..

Дарий не выдержал. В ужасе, забыв о своем царском величии, он сам схватил вожжи и погнал квадригу. Колесница перекатывалась через груды мертвых тел, кренясь то в одну сторону, то в другую. Дарий, как безумный, гнал коней по узкому побережью залива — только уйти из рук Македонца, только вырваться, спастись!

Царь бежал. А вслед за ним бежало и его огромное войско. Персы бежали, не оглядываясь, сначала всей массой, потом одни бросились по дороге, ведущей в Персию, другие спешили укрыться в горах...

Персидские всадники не могли уйти от фессалийской конницы: они были скованы своими тяжелыми пластинчатыми панцирями и в бегстве были так же медлительны, как и в битве. Спасаясь от фессалийцев, персидская конница смешалась на узких дорогах со своей бегущей пехотой, и пехотинцы с воплями погибали под копытами коней беззащитно и бесполезно.

Александр видел, как, сверкая золотом, быстро удаляется колесница персидского царя. Однако еще дрались у Пинара наемники Дария, еще не закончена была битва. Но как только последние персидские отряды были отброшены и фронт сломлен, Александр ринулся в погоню за убегающим персидским царем.

Дарий мчался по долине, поднимая тучу пыли и песка. Он слышал за своей спиной шум бегущего войска. Он промчался мимо своего лагеря — нельзя было промедлить ни часа. Колесницу кидало то в ямы, то на бугры, то заваливало в расщелину. Окровавленные, израненные в бою лошади выбивались из сил.

Но долина кончилась. Горы заступили дорогу. Колесница остановилась. Дарий готов был кричать от отчаяния.

Наконец кто-то из его небольшой свиты догадался дать ему верхового коня. Дарий сбросил свой тяжелый раззолоченный плащ и разукрашенную тиару, швырнул в колесницу не нужное ему вооружение — лук и щит. И, вскочив на лошадь, исчез в горах вместе со своей свитой.

Александр гнался за Дарием, как хищник-волк гонится за оленем. Словно буря, широко захватившая всю долину, вместе с ним неслась конница царских этеров.

— Царь! Лагерь Дария!

— Вижу! Дария там нет!

И снова топот копыт, пыль, храп коней.

— Царь! Колесница Дария!

— Вижу, она пуста!

И дальше, дальше через холмы, через расщелины, через каменистые, протянувшиеся к морю лапы гор...

Ночная тьма, упавшая на землю, остановила погоню. Словно Зевс устал смотреть на безумие людей и заставил Александра повернуть коня.

Дарий бежал.

Так закончилась и эта великая битва, битва при Иссе, окончательно уничтожившая могущество Персидского государства.

Александру шел двадцать четвертый год.

ПАРМЕНИОН ВЕЗЕТ СОКРОВИЩА

Войско Пармениона покинуло побережье и свернуло к Аравийским горам. Там, у их подножия, расстилается цветущая область дамаскенов и стоит прославленный красотой и богатством город Дамаск.

Долина дамаскенов утопала в светлом океане солнечного утра. Горы стояли голубым видением, что-то белело на их вершинах — не то снег, не то белые облака. Порыжевшие лесистые предгорья мягко прилегали к обрывистым скалам. Стояла прозрачная горная тишина.

— Вы не смотрите, что тихо,— проезжая через пустынные поля поздней осени, говорил Парменион военачальникам своих отрядов,— разбойники шуметь не будут. Они, как тигры, подползут с гор и прыгнут на загривок. Скажите там,— он кивнул на идущую сзади конницу,— пусть не дремлют.

Македонцы в походе всегда были готовы к битве, держали и луки и мечи наготове. В Аравийских горах таилось множество пещер, где жили враждебные горные племена.

Тихо было и в селениях, мимо которых они проезжали. Глиняные хижины, окруженные стенами, словно замирали и жались к земле, услышав топот конницы. Будто и людей здесь нет, будто и не живет никто. Только дымки из очагов да скот, пасущийся возле деревни, выдавали, что здесь все-таки живут люди.

— Бежал Дариев сатрап из Дамаска,— размышлял Парменион,— или ждет меня? А если ждет, то, видно, войска у него не мало...

Когда уже совсем недалеко оставалось до Дамаска, Парменион послал туда разведчиков и узнал, что сатрап сидит в городе. Если сатрап сидит в городе, значит, он будет защищать город. Парменион прищурил бледно-голубые, с красными веками глаза, поджал сморщенные губы... Если сатрап собрался защищать город, то Пармениону, пожалуй, его не одолеть... Придется просить у Александра помощи. А этого Александр ох как не любит!

Старый военачальник, согнувшись, сидел у лагерного костра, ждал, когда сварят обед. И думал.

То туда, то сюда гонит его молодой царь. И все подальше от себя, от своей свиты,— Парменион это уже давно замечает. Это очень горько...

А почему гонит? Потому что Парменион не может молчать. А то, что он говорит, не нравится Александру. Но что сказал бы царь Филипп, если бы его старый полководец молчал, видя, как сын Филиппа готовит себе гибель. И себе, и Македонии. Огромную Азию нельзя покорить, а молодой царь не знает меры в своих завоеваниях, честолюбие туманит ему голову. Как же тут молчать?

Однако Александр все же доверяет ему. Вот послал в Дамаск взять сокровища, оставленные там Дарием: знает, что Парменион не обманет его. Такое доверие — большая честь. Это так. Парменион все сделает, как он скажет, ведь он — царь. Сын Филиппа. А Филипп был не только царем — он был ему другом...

В лагере послышался шум. Парменион тотчас выпрямился. Фессалийцы вели к нему какого-то человека в персидской одежде — смуглого, с косматой черной бородой.

— Вот поймали. Стащили с коня — скакал куда-то.

— Ты мард?[1] — спросил Парменион, приглядевшись к пленнику.

— Да.

— И конечно, разбойник. Куда ты мчался?

— К царю Александру. Везу письмо.

Парменион развернул свиток. Сатрап Дамаска писал македонскому царю: пусть македонский царь поспешит прислать к нему своего полководца, и он передаст этому полководцу все, что Дарий поручил ему охранять.

Парменион подозрительно посмотрел на марда:

— И это правда?

— Я не сомневаюсь,— отвечал мард,— правитель обязательно передаст македонскому царю все богатства Дария. Правителю своя голова дороже. Ему гораздо выгоднее быть другом Александру, который побеждает, чем Дарию, который проигрывает битвы.

— Я знаю, ты плут,— сказал Парменион,— но если ты не соврал, иди обратно и скажи вашему правителю, что полководец царя македонского уже идет. Пусть приготовит то, что обещает.

Он отослал марда вперед и дал ему своих провожатых. Однако провожатые скоро вернулись и объявили, что мард бежал.

— Я так и знал, что это просто обманщик,— сказал Парменион и вздохнул.— Теперь жди засады!

Значит, снова сражение. А в руках и в спине ломота. Погода внезапно испортилась. Темно-лиловые тучи сползали с гор в долину. Из ущелий прорывался ледяной ветер, в горах гудело... Воины оделись в плащи. Парменион все еще сохранял прямую осанку полководца, но старое, усталое тело просило покоя, отдыха, тепла...

Где же он, этот Дамаск, долго ли еще идти до него?

К Дамаску подошли на четвертый день. Всю ночь бушевала буря, хлестала ледяная крупа. Земля стала звонкой от мороза. А наутро пошел густой снег. Давно уже не видали они такого снегопада. Очертания города возникли неясным силуэтом сквозь снежную завесу.

Постепенно день прояснился. Снег скрипел под копытами лошадей. От белизны снега долина наполнилась особенно резким светом и особенно яркой стала желтизна город-

[1] Марды — персидское племя, жившее в горах.

ских стен, сквозь бойницы которых голубыми глазами глядело холодное небо.

Из города навстречу шло войско.

Парменион дал команду приготовиться к бою. Отряд лязгнул оружием. Сверкнули копья и мечи. Луки ощетинились стрелами.

Парменион уже готов был бросить отряд в атаку — нападать надо внезапно... И вдруг придержал коня.

Это было не войско. Из города шла огромная толпа мужчин, женщин. Носильщики-гангамы несли разную кладь: тяжелые расписные ларцы, ковры, скатанные в огромные трубы, тюки одежд, сверкающие золотом, золотые ложа, корзины с золотой и серебряной посудой... Люди жались от холода. Носильщики, то один, то другой, не выдержав, сбрасывали с плеч тюки, доставали первый попавшийся халат из своей ноши, надевали его, чтобы согреться. А потом так и шли в пурпуре и в золоте, шагая по снегу грязными, заплатанными сапогами...

Вслед за толпой из города вышли груженые верблюды и мулы, целый караван в несколько тысяч голов. В повозках и на верховых конях ехали женщины, закутавшись в яркие шерстяные покрывала. Парменион сразу увидел, что это не простые женщины — так одеваются только жены царских вельмож...

А вот идут эллины, их немного, всего пять человек. Идут, высоко подняв голову и плотно запахнув теплые плащи. Уж эллинов-то Парменион узнает где хочешь!

Толпу дамаскенов сопровождал вооруженный отряд. Их копья поблескивали ледяным отсветом над головами идущих. Охраняют ли они? Или ведут пленных?

Впереди этого странного шествия ехал на коне перс, судя по одежде — один из военачальников Дария.

«Или это сам сатрап? — старался догадаться Парменион.— Неужели? Но что же это он затеял?»

Перс поднял голову и словно только сейчас увидел стоящую перед ним вражескую конницу. Он дико закричал, хлестнул коня и помчался куда-то в сторону. Воины, сопровождавшие толпу, в панике прянули врассыпную. Только что грозно сверкавшие копья летели в снег, сброшенные с плеча колчаны со звоном ударялись о мерзлую землю. Бросились бежать и гангамы-носильщики. Кто мог, уносил свою ношу. А кому было не под силу — бросал ее по дороге. Пурпур, ли-

ловый и желтый шелк, золото чаш и кувшинов, ларцы, окованные золотыми пластинами, и множество разных вещей остались лежать на снежной равнине. Караван остановился.

Не стараясь разгадать, что произошло, Парменион дал команду к бою, и конница его, только и ждавшая этого, ринулась на безоружную толпу. Никто не сопротивлялся. Парменион приказал отвести пленных обратно в Дамаск и собрать разбросанные сокровища.

Ворота города были открыты.

— Что же тут случилось? — недоумевал Парменион.— Ведь это сокровища Дария. Почему их выкинули мне по́д ноги?

Парменион ревниво следил за тем, чтобы ларцы с деньгами, драгоценные украшения, золотые и серебряные сосуды, золотая сбруя и все огромные богатства персидского царя были собраны и остались в сохранности. Сразу сосчитать все, что захватил Парменион, было невозможно.

— Да еще сколько царской одежды порвали — вон клочья на кустах,— ворчал Парменион, укладывая добро,— да разбросали по снегу... Да еще и затоптали... Куда они все это тащили? Спрятать хотели от меня, что ли? Видно, сила Дария кончилась — тащат его богатства и не боятся!

До царских сокровищ он не дал дотронуться никому.

— Это — нашему царю,— сказал он фессалийцам, помня наказ Александра,— а у вас целый город в руках, там и возьмете свою долю. Мы ведь не в гости пришли!

В городе начались грабежи. Воины врывались в дома богатых горожан, тащили все, что попадалось под руку, дали полную волю своей жадности и жестокости — ведь сам военачальник разрешил им это.

— Что же у нас там за пленники? — вспомнил Парменион, закрыв сокровищницы и поставив сильную стражу.— Надо разобраться.

Пленники, окруженные македонскими конниками, стояли на площади, оцепенев от холода. Парменион, прямой, высокий, властно вошел в их круг. Он внимательно оглядел их. Молодые женщины с детьми на руках... Кто такие? Жены царских сановников. Три девушки стояли, тесно прижавшись друг к другу. Кто? Дочери погибшего царя Оха — Артаксеркса, а рядом с ними их мать. А кто эти, так богато одетые? Это — дочь Оксафра, брата Дария... Это — жена Фарнабада, который сейчас командует войском на побережье...

Эти три — дочери Ментора, брата Мемнона. А это — его жена...

— Чья жена?

— Мемнона.

— Мемнона?!

Парменион остановился перед молодой женщиной. Она стояла молча, опустив ресницы. Ни жалости, ни сочувствия к ней не было. Мемнон умер, жена Мемнона в плену. Судьба расплатилась с ними за измену родине!

Эллины, все пятеро, стояли в стороне, гордые, надменные, с ироническим выражением лица. Парменион хищно усмехнулся, горбатый тонкий нос стал похож на клюв орла.

— Союзники Дария?

— Послы Эллады к царю Дарию,— надменно ответил спартанец Эвфикл.

— Изменники и предатели,— поправил Парменион.

— Мы только послы,— попробовал смягчить разговор афинянин Ификрат,— наша родина поручила нам...

— Поручила вам договориться с врагами, как погубить Элладу? — прервал Парменион.— Расскажете царю Александру, кто вы такие. А я вас и слушать не хочу!

Он гневно отвернулся и, приказав разместить пленных, ушел.

Позже Парменион узнал, что́ произошло в городе. Правитель Дамаска, оставленный здесь Дарием, испугался Македонца и решил сдать ему город. А чтобы заслужить милость Александра, он предал Пармениону людей — жен и детей персидских вельмож,— которых должен был охранять, и все сокровища Дария, доверенные ему.

— Но почему вы все вышли навстречу мне? — спрашивал Парменион у пленных дамаскенов.— Почему вывезли сокровища из города?

— Сатрап задумал обмануть всех нас и нашего царя Дария,— отвечали дамаскены,— он сделал вид, что хотел спасти все это, но будто бы не мог: дескать, македонцы напали и всё отняли! А теперь как увидит, что царя Дария ему бояться нечего, то и явится к тебе!

— Значит, надо думать, что он явится ко мне?

— Придет, придет! — уверяли дамаскены.

А были люди, которые в это время мрачно молчали. Им уже было известно, что воины, преданные Дарию, везут ему в мешке голову сатрапа, предавшего его.

Парменион снарядил гонцов к Александру. И написал письмо. Вернее, это было не письмо, а отчет, сколько взято богатства в Дамаске. Захвачена военная казна Дария, одной только чеканной монеты на две тысячи шестьсот золотых талантов. Много дорогих сосудов, серебра на пятьсот фунтов весом. Множество украшений — золотые цепи, кольца, драгоценные пряжки и лихниты — «светящиеся камни» с темно-малиновым светом, и «камни карфагенские», желтые, как кошачьи глаза... Тюки дорогой, шитой золотом одежды, обитые золотыми пластинами и украшенные тонкой резьбой ларцы.

И пленные. Тридцать тысяч пленных. Среди них женщины и дети, семьи знатных персов, оставленные в Дамаске для безопасности. И огромная толпа царских прислужников...

«Я нашел триста двадцать девять рабынь царя, знающих музыку и пение,— писал Парменион,— сорок шесть служителей для плетения венков, двести семьдесят семь поваров для приготовления кушаний, двадцать девять поваров у плиты, тринадцать молочников, семнадцать слуг для приготовления питий, семьдесят для согревания вин и сорок для приготовления ароматов...»

И в конце письма сообщил, что среди пленных он нашел эллинов, которые только что прибыли к Дарию послами от своих государств договариваться о союзе против Александра.

Получив письмо, Александр приказал Пармениону захваченные сокровища хранить в Дамаске, а эллинских послов тотчас доставить к нему. Парменион, оставив в Дамаске крепкий гарнизон, сам привез пленников к Александру.

Александр ждал этой встречи с волнением. Сейчас они войдут в его шатер, люди, предававшие его отца Филиппа, предающие теперь его, Александра. В то время как он с такими трудами, не щадя сил и самой жизни, завоевывает для Эллады новые земли, Эллада направляет послов к своему извечному врагу — персу, стремясь погубить Александра. Видно, сильны еще люди в Афинах, которые не терпят македонского владычества!

Он сидел и ждал, стараясь сохранить хотя бы внешнее спокойствие, но в больших глазах его сверкали молнии и красные пятна горели на лице.

— Где они? Пусть войдут!

Эллины вошли и задержались у входа: афинянин Ификрат, сын стратега Ификрата, фиванцы — Фессалиск и Диони-

содор, победитель на Олимпийских играх. И спартанец Эвфикл. Они не знали, как примет их македонский царь и как он с ними поступит. Стояли хмуро, не поднимая глаз.

Александр встал. Афины, Спарта, Фивы... Множество событий, заполнивших последние годы, сделало далеким то время, когда Александр ходил по их земле то послом, то полководцем.

— Почему эллины изменили мне,— сказал он, и голос его дрогнул,— почему вы предали меня персу? Разве мы не одной крови с вами, разве не одни у нас боги? И разве не в отмщение за ваши обиды пошел я воевать с Дарием?

— Мы никогда не признавали тебя,— дерзко ответил спартанец Эвфикл,— и договора с тобой не заключали.

— Я знаю,— холодно ответил ему Александр,— вам, спартанцам, никогда не была дорога земля Эллады, кроме вашего города. Но золото персидское вы уже давно научились ценить.

И, отвернувшись от Эвфикла, он подошел к Фессалиску и Дионисодору, фиванским послам. Несколько секунд Александр молчал. Вспомнились Фивы, охваченные огнем, стены, лежащие в развалинах, жители, идущие в рабство... Много, слишком много наделал там беды царь македонский!

— Вы оба, граждане фиванские, можете вернуться домой. Ты, Фессалиск, сын благородного человека Исмения, и ты, Дионисодор, победитель в Олимпии,— я отпускаю вас.

Фиванцы, не веря себе, глядели на него изумленными глазами. Они знали, как жесток бывает к изменникам македонский царь,— они ждали самой страшной кары.

Но они не знали, как нужно было македонскому царю добиться благоволения Эллады, благоволения великого города Афин!

— Да, я отпускаю вас,— повторил Александр, видя, как они потрясены,— вы свободны... А ты,Ификрат,— обратился он к афинянину,— останешься со мной. Я глубоко уважаю твоего отца, полководца Ификрата, чье имя ты носишь. Я почитаю Афины, твой город, город эллинской славы. Ты останешься со мной, но не как пленник, а как друг, и как друг царя македонского ты будешь окружен всеми почестями. Если ты согласен.

Молодой Ификрат стремительно подошел к царю, протянув к нему руки:

— Благодарю тебя, царь. Я заслужу твое доверие!

Эвфикл ждал, не сводя с Александра острого взгляда. Царь презрительно посмотрел на него.

— Ты тоже ждешь моей милости? Теперь, когда твой царь Агис начал против Македонии открытую войну, когда он рыщет вместе с персами по островам Эгейского моря и добивается моей гибели, я должен щадить тебя, его посла? Нет. Спарта воюет со мной. Ты — спартанец, значит, ты военнопленный. Военнопленным и останешься. Стража, возьмите его!

Эвфикл побледнел, хотел крикнуть что-то злое. Но стража вывела его из шатра.

ПИСЬМО ДАРИЯ И ОТВЕТ АЛЕКСАНДРА

Македонское войско двигалось к финикийскому побережью, к древним торговым городам. Обрывистые горы Ливана поднимались все выше и круче, отгораживая македонцев от внутренних областей Азии.

На пути к Триполису [1] Александра встретило пышное посольство. Это были послы большого города Арада. Сын правителя Стратон вручил Александру золотой венец. Вместе с золотым венцом он отдавал во власть Александра и всю Арадскую область.

Александр собирался въехать в Арад на коне. Но оказалось, что город стоит на острове, в двадцати стадиях от материка.

«Кругом скалы,— думал Александр, с любопытством оглядываясь по сторонам,— и сам остров — скала. Однако домов на нем немало».

Ему захотелось осмотреть город. Несколько триер перевезли его туда с отрядом телохранителей.

Арад показался странным. Узкие улицы, высокие, из-за тесноты, дома. Дома глядели в глаза друг другу, окна в окна. Ни садика, ни клочка зеленой луговины — нет места.

— А где у вас река или озеро? — спросил Александр.— Откуда же вы берете воду?

— У нас нет ни реки, ни озера,— ответил Стратон,— а

[1] Триполис — Трехградье: Арад, Сидон, Тир.

воду мы привозим с берега. Кроме того, у нас есть водохранилище для дождевой воды.

— А если война? К берегу же не подступиться?!

— Тогда добываем из пролива.

— Соленую?

— Нет, царь. У нас есть для этого воронки.

Царь захотел посмотреть и воронки. Свинцовые, с широким раструбом и кожаной трубкой вроде кузнечных мехов воронки опускались к источнику пресной воды, который был на дне пролива. Они нагнетали этими воронками воду. Сначала шла соленая, морская вода, а потом чистая вода источника. Так и добывали воду для питья, если нельзя было сойти на берег.

Все это было интересно и удивительно. Кругом о скалы острова плескалось море, шум его днем и ночью наполнял узкие улицы.

В каких только местах не живут люди!

Не задерживаясь в Араде, Александр прошел дальше по белым пескам побережья. В Марафе, богатом арадском городе, где были и вода и зелень, Александр остановился на отдых.

И тут он получил от персидского царя Дария письмо.

«Царь Дарий — Александру» — так начиналось это письмо. В письме было много упреков. Царь Филипп с царем Артаксерксом сохраняли дружбу. Но Александр к нему, к царю Дарию, никого не прислал, чтобы утвердить с ним дружбу, а вторгся с войском в Азию и много зла сделал персам. Он, царь Дарий, защищает свою землю, спасает свою, унаследованную от отцов, власть. Но кому-то из богов угодно было решить сражение так, как оно решено. Он, царь Дарий, просит отпустить его мать, жену и детей, взятых в плен. Он, царь Дарий, желает заключить дружбу с Александром и стать Александру союзником.

Александр возмущенно отшвырнул свиток. Письмо было и жалкое и дерзкое. «Персы ничего плохого не сделали»! Дарий забыл, как персы разоряли Элладу и Македонию, как жгли Акрополь в Афинах, как он сам, Дарий, подкупал убийц Филиппа! Ничего плохого, еще бы!

— И как обращается ко мне? Я разбил его. Я иду по его земле, его царство в моих руках. И все-таки он — царь Дарий! А я — просто Александр! Он все еще не понимает, кто из нас царь. Хорошо, я ему отвечу!

Александр диктовал письмо в сильной запальчивости:

«Царь Александр — Дарию.

Дарий, имя которого ты принял, разорил эллинов, занимающих берег Геллеспонта, а также их ионические колонии. А затем, объявив войну Македонии и Элладе, с большим войском переправился через море. Потом пришел Ксеркс в нашу страну с полчищами грубых варваров. Потерпев поражение в морской битве, он все же оставил в Элладе своего полководца Мардония, чтобы разорять города и выжигать поля. Кто не знает, что отец мой Филипп был убит людьми, которых вы соблазнили надеждой получить огромные деньги? Вы начинаете нечестивые войны и, хотя имеете оружие, покупаете за деньги предателей, как и ты, имеющий такое войско, хотел недавно нанять убийцу против меня за тысячу талантов! Я пошел на тебя войной, потому что враждебные действия начал ты. Я победил тебя и твое войско и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне... Я теперь владыка всей Азии. И хотя не следовало бы оказывать тебе никакого снисхождения, все же обещаю, что если ты придешь ко мне с покорностью, то получишь без выкупа и мать, и жену, и детей. Я умею побеждать, но умею и щадить побежденных.

А когда будешь мне писать, не забудь, что ты пишешь не только царю, но *своему* царю. Если же ты собираешься оспаривать у меня царство, то стой и борись за него, а не убегай, потому что я дойду до тебя, где бы ты ни был».

Александр отправил послов Дария обратно. А вместе с ними с ответным письмом поехал его посол Ферсипп. Ферсиппу было сказано:

— Отдай письмо Дарию, но ничего с ним не обсуждай.

Из Марафы Александр направился к Сидону. Это было шествие победителя. Сирийские цари встречали Александра в священных повязках на голове и приносили свою покорность. Он без боя взял старый город Библ. А Сидон сам призвал Александра.

Сидоняне вышли ему навстречу с приветствиями и дарами, они благодарили его за то, что он разбил ненавистных им персов. Персы когда-то разорили сидонскую землю и сожгли их город. Город снова отстроился, но ненависть к персам была все так же сильна.

ГОРОД ТИР

В Сидон пришло письмо из Пеллы от Антипатра. Спартанский царь Агис собрал восемь тысяч войска. Агису нет покоя. Нет покоя и в Элладе. Демосфен все еще пытается поднять афинян против Македонии. Но пока что воевать собирается только Агис. Он, Антипатр, конечно, разобьет Агиса и защитит Македонию. Однако не пора ли и царю возвращаться домой? И еще: он, Антипатр, не понимает, почему царь не догонит Дария за Евфратом и не покончит с ним? Ведь тогда и войне наступит конец!

Это письмо расстроило и рассердило Александра. Не столько известия о Спарте взволновали его, сколько высказывания Антипатра о его действиях, действиях царя и полководца. Не понимают! Не понимает Парменион, не понимает Антипатр. И многие друзья не понимают. Уже и в войске удивляются, что Александр идет по финикийскому побережью и захватывает финикийские города, вместо того чтобы захватить Дария.

А ведь все так просто. Сначала необходимо взять Финикию, покорить и освоить Египет, чтобы противник не мог зайти с тыла. И только тогда можно идти в глубь Азии и сражаться с Дарием. Только тогда!

Впрочем, Антипатр, кажется, так же как и Парменион, считает, что Александру совсем незачем догонять Дария, а надо вернуться и укрепить власть Македонии на побережье Срединного моря?..

Пока что покончено и со всей Сирией и с Северной Финикией. Здесь все земли во власти македонского царя. Но впереди — Тир, самый, сильный, самый укрепленный город финикийского побережья. Если тирийцы не сдадутся, взять его будет нелегко. А взять надо: ни слабого, ни сильного противника нельзя оставлять у себя в тылу.

Снова затрубили походные трубы. Снова двинулись фаланги, сверкая копьями. Снова пошла конница, пошла пехота, загрохотали осадные машины, заскрипел повозками обоз...

Войско Александра устремилось на Тир.

Идти было трудно, ноги утопали в прибрежном песке. С обрывистых гор Ливана, с желтых склонов и снежных вер-

шин, сползали тяжелые холодные тучи, летел снег, из ущелий дули зимние ветры. Снег тут же таял, превращаясь в пронизывающую сырость... Но все-таки вскоре наступил день, когда в сером мареве неба и моря македонцам явился остров, на котором стоял город Тир.

Недалеко от города Александра встретили тирийские послы. Как всегда, македонского царя встречали самые богатые и знатные люди города. Они поздравили Александра с победами, сказали, что очень рады его видеть, и принесли ему в дар тяжелую золотую корону.

Сын тирийского правителя, который был среди послов, молодой лукавый финикиянин, сказал царю, сладко улыбаясь:

— Тирийцы счастливы видеть тебя, царь македонский. Мы готовы исполнить все, что ты прикажешь и что ты пожелаешь!

Александр, не менее лукавый, ответил, не задумавшись:

— Благодарю вас, граждане Тира, за вашу доброту. Я много хорошего и славного слышал о вашем городе. А желание у меня только одно — откройте ворота города, чтобы я мог принести торжественную жертву Тирийскому Гераклу. Я веду свой род от Геракла, и эта жертва мне предписана оракулом.

Наступило внезапное замешательство. У сына правителя словно отнялся язык. Тирийцы вовсе не собирались впускать Александра в свой новый город, где жили самые богатые и знатные люди Тира, где стояли их божества и где они хранили свои сокровища.

Тогда вперед вышел один из послов, роскошно одетый тирийский вельможа. Он улыбался, белые зубы казались еще белее под черными завитыми усами. Черная, как черный шелк, борода лежала у него на груди.

— Гораздо лучше будет, царь, если ты принесешь жертву Гераклу в Старом Тире, что стоит на берегу. Зачем же тебе переправляться на остров? Мы будем польщены, если ты почтишь нашего бога в старом храме!

— И все-таки я переправлюсь на остров.

— Мы будем счастливы, царь, сделать все, что ты прикажешь. Но город на острове останется закрытым для всех — и для персов, и для македонцев...

Александр гневно прервал его — он уже не выносил даже мысли, что кто-то смеет сопротивляться ему:

— Так вы, тирийцы, думаете, что если живете на острове, то можете презирать мое сухопутное войско? Ну, я скоро покажу вам, что вы живете на материке. Или вы впустите меня в город — или я войду в него силой!

И тут же отослал тирийских послов обратно.

— Пусть войдет! — насмешливо переговаривались между собой тирийцы, направляясь домой. — Пусть войдет в город, лежащий на острове, не имея кораблей! А у нас флот достаточно сильный, чтобы не подпустить даже и царя македонского.

Новый Тир возвышался на скалистом острове в четырех стадиях от берега. Его стены и башни высоко стояли над морем.

Сильный ветер гнал из морской дали огромные волны. Около берега со дна поднималась илистая муть, здесь было мелко. Но дальше, вокруг острова, волна проходила зеленой и прозрачной. У стен Тира, в гаванях стояли корабли.

Александр, закутавшись в плащ, подолгу глядел на враждебно закрывшийся город. Как подступиться к нему? У Александра нет кораблей. Можно вызвать несколько триер из Македонии, но персидский флот хозяйничает в море и македонские триеры неминуемо погибнут еще в пути.

В сопровождении своих этеров Александр обошел Старый Тир, лежащий на берегу. Город существовал как бы в полусне, вся жизнь кипела там, на острове. Стены Старого Тира почти развалились, камни грудами лежали у проломов, и никто не заботился их поправить. А зачем? Что охранять здесь?

Заглянули в храм Геракла, построенный на финикийский лад, в виде ступенчатой башни — зиккурата. Жрец сказал, что это храм их бога Мелькарта — так они называли Геракла. Хра́м был так же заброшен, как и город.

— Это здесь-то и до́лжно мне приносить жертвы? Среди этих развалин? — Александр в негодовании отошел прочь. — Видно, они еще не слыхали о наших победах. Ну ничего. Услышат.

Зимние ветры задували в палатки. День и ночь на берегу горели костры, пожирая смолистые ветви ливанских кедров.

Однажды, холодным ясным днем, македонцы увидели, как к острову, со стороны Карфагена, идут разукрашенные корабли. Тирийцы из старого города объяснили, что плывут карфагенские послы праздновать священную годовщину основания Карфагена.

Почему празднуют в Тире? Да потому, что Карфаген основан тирийцами. Это — наша колония. Прекрасное место, прекрасный город! Очень богатый город, у них есть даже слоны... И верфи есть, сами строят корабли.

Александр хмурился. Если Карфаген так силен и так предан Тиру, значит, карфагенцы будут помогать тирийцам.

С острова из-за стен города на берег долетало звонкое пение флейт. В Тире начался праздник в честь прибывших гостей.

Через несколько дней македонцы увидели, что карфагенские корабли отплыли обратно. Теперь жди оттуда войско.

— Медлить нельзя,— решил Александр.— Надо брать город, пока не пришла помощь из Карфагена.

Надо брать город. Но как?

А Тир уже весь гудит. На стенах и башнях устанавливают метательные снаряды. В кузнях, не переставая, гремит железо — куют оружие, делают «вороны» — железные крюки, чтобы подтягивать к стенам вражеские корабли. Отсветы горнов всю ночь пляшут над стенами Тира. Готовятся к войне. Тирийцы, как видно, решили отстаивать свою свободу и уверены, что отстоят ее.

Как возьмешь такой город?

К удивлению Александра, среди его полководцев нашлись люди, которые никак не могли понять: зачем им непременно нужно взять этот неприступный Тир?

— Ведь столько трудов придется положить, столько жизней. Мы и так уже все финикийское побережье заняли — и Библ, и Арад, и Сидон... Так разве уменьшится твоя слава, царь, если один непокоренный город останется на твоем пути? Пройдем мимо, и все. Тир ведь не загородит нам дороги.

Парменион угрюмо молчал. Он был согласен с ними, но не решался противоречить царю.

Опытные полководцы — Кратер, Клит, Мелеагр,— слушая их, возмущенно пожимали плечами, гневно прерывали их. Сердились и молодые друзья царя — этеры. Но Александр даже сердиться не мог.

— Как же вы так близоруки? Как же не понимаете вы, что нельзя оставлять у себя в тылу враждебных городов? Разве не знаете вы, что персидский флот найдет здесь свою пристань и отрежет нас от моря и от Македонии. Для того и захватываем мы это побережье, чтобы персу было негде высадиться. Ведь если это случится, мы положим здесь все свое

войско и ляжем сами. У нас нет другого выхода — мы должны взять Тир.

В армии тоже бродила тревога. То одному, то другому снились зловещие сны, являлись устрашающие приметы. Какой-то фалангит разломил хлеб, а из него закапала кровь... Даже сам царь испугался; он немедленно призвал жреца Аристандра, который не раз пророчески предвещал будущее.

Аристандр внимательно рассмотрел окрашенный чем-то красным кусок хлеба. Множество глаз следило за его действиями, за выражением его лица. Аристандр делал вид, что старается понять волю богов. Но боги тут были ни при чем — ему была известна воля царя: давать только благоприятные предсказания. И вот озабоченно нахмуренные брови Аристандра скоро расправились и лицо прояснилось.

— Хорошее знамение для нас, царь. Видишь? Если бы кровь показалась снаружи — погибли бы мы. Но кровь внутри хлеба. Значит, погибнет город внутри своих стен!

Пророчество Аристандра, как бывало уже не раз, успокоило и приободрило войско. Значит, боги не оставляют македонцев, а их жрец верно служит македонскому царю.

Однако Тир взять действительно очень трудно. Но может быть, тирийцы еще опомнятся, может, сдадутся, если еще раз поговорить с ними?

Александр скрепя сердце отправил в Тир посольство.

— Будьте красноречивы,— наказывал он послам,— убедите их любыми словами и обещаниями, что я ищу мира с ними. Пусть лишь не боятся и откроют город!

Македонцы проводили своих послов на тирийских ладьях. А к вечеру волны выкинули на берег их бездыханные тела. Тирийцы убили послов.

Александр, возмущенный и оскорбленный, тут же отдал приказ готовиться к штурму. Полководцы смутились:

— Как мы подойдем к Тиру? Ведь мы не можем подойти по воде!

— Значит, подойдем по суше.

— Разве боги превратят море в сушу?

— Я сам превращу море в сушу, клянусь Зевсом!

Полководцы умолкли. Многие смотрели на Александра с изумлением и страхом: он что же, думает сотворить чудо?

Но Александр не собирался творить чудеса. Он просто приказал засыпать пролив, отделяющий остров от берега, сделать мол, по которому войско подойдет к Тиру.

Началась неистовая, беспримерная работа. Вся армия, многие тысячи людей сражались с морем — вбивали колья в илистое дно, тащили из Старого Тира камни и валили в воду, рубили огромные ливанские кедры, укрепляя плотину... Море не раз разрушало их постройку, но они строили снова. Тиряне подплывали на легких лодках, забрасывали македонцев копьями и стрелами. Македонцы подбирали и несли на берег своих раненых, но постройка плотины продолжалась. А когда плотина поднялась над морем, тирийцы направили к ней горящий корабль, набитый сухими сучьями и обмазанный смолой. Плотина загорелась и рухнула в море.

Тирийцы торжествовали.

Но наутро македонское войско под командой самого царя снова принялось строить плотину. И тирийцы поняли, что Александр не уйдет.

Александр не ушел. Началась тяжелая, мучительная война и для тех, кого осаждали, и для тех, кто осаждал. Плотина была построена, лишь небольшой пролив отделял ее от города. Чтобы осадить город, стоящий на острове, нужны были корабли. Александр вызвал корабли из Македонии, из Ликии, из Арада... Ему на помощь пришли сидонские триеры. Правители острова Кипра, служившие Дарию, узнали про Иссу и покинули перса. Они тоже привели Александру свои кипрские корабли. И когда флот Александра собрался у тирских берегов, и стало ясно, что гибель Тира недалека, к македонскому царю снова явились послы царя Дария.

Александр еле сдерживал свое волнение. Наконец-то, видно, Дарий понял, что сопротивляться бесполезно, и теперь приносит свою покорность... Александр созвал своих ближайших друзей-этеров и военачальников:

— Выслушаем вместе персидских послов. И решим, что ответить Дарию.

Персы тихо вошли в круг усталых и раздраженных тяжелой войной людей. Персидские вельможи уже не были так надменны, как прежде. Опасение и страх таились в их глазах, когда они украдкой оглядывались на суровых македонцев, молча сидевших у стен шатра.

Александр внимательно слушал, что велел передать ему Дарий. Перс читал письмо Дария. И чем дальше он читал, тем больше хмурился Александр.

Дарий хотел откупиться. Он просил отпустить его семью и пленных персов и за это предлагал десять тысяч талантов.

Он писал, что Александр может взять все земли до Галиса. Он хотел бы, чтобы Александр взял себе в жены одну из его дочерей и стал ему, Дарию, другом и союзником...

Перс умолк и стоял в ожидании ответа.

У Александра от гнева сверкали глаза. Значит, Дарий еще не сдается!

— Друзья мои! — обратился он к своим приближенным.— Что вы скажете на это? Каково ваше мнение?

Этеры молчали. Они опасались дать совет, который может оказаться неудачным, а дело это было слишком важным.

Тогда заговорил Парменион.

— Что ж,— сказал он,— будь я Александром, я бы на это согласился.

— И я бы тоже, клянусь Зевсом, будь я Парменионом! — тотчас ответил Александр.— Но так как я — Александр, я скажу другое. Я не нуждаюсь в деньгах Дария и не приму вместо всей страны, только часть ее — и деньги, и страна и без того принадлежат мне. А если я пожелаю жениться на дочери Дария, то я женюсь и без согласия Дария. Пусть Дарий явится ко мне, если хочет доброго к себе отношения. А если не явится, я приду к нему сам.

И вот наступил день, когда флот Александра в боевой готовности, с отрядами щитоносцев на борту, вышел в открытое море и остановился против Тира. А плотина уже подошла к Тиру на полет копья.

Тирийцы отчаянно защищались. Они валили со стен камни на головы македонцев, сыпали на них раскаленный песок. Забрасывали копьями и стрелами.

Но македонцы не отступали. На восьмом месяце осады македонские тараны разбили стены города. Македонское войско ворвалось в Тир, а в тирийскую гавань вошли македонские корабли.

Тир был разрушен и сожжен дотла. Победители жестоко расправились с отважными защитниками Тира. Александр пощадил только тех, кто укрылся в храмах: он верил в богов и боялся их мести.

Торжество победы требовало праздника. И здесь, среди черных от пожарища улиц, на окровавленных площадях снова веселились воинственные фалангиты и конники, состязались в играх. Александр принес торжественную жертву Гераклу Тирийскому, ту самую жертву, которой тирийцы не хотели допустить, закрыв ворота города.

Тирийцы отчаянно защищались. Они валили со стен камни на головы македонцев, забрасывали их копьями и стрелами.

В конце жаркого месяца метагитниона[1] войско Александра снялось и покинуло побережье Тира. Полуразрушенные стены безмолвно поднимали над морем свои кое-где сохранившиеся башни, которые уже никого не защищали.

Море печально перебирало у желтого берега свою серебристую голубизну. Фиолетовые скалы Ливанского хребта хранили огромное безмолвие далеких вершин и ущелий. У берега, на отмелях лежали мертвые, изувеченные корабли.

СТРАНА, КОТОРАЯ СНИЛАСЬ

Войско Александра приближалось к Египту. Пустынный берег, безводная, печальная земля. На красном ребристом песке сухие пучки серой травы и тонкие бороздки — следы уползающих от шума змей.

Уже два месяца назад македонцы могли бы вступить в Египет. Но на пути встала Газа, сильно укрепленный торговый город. Газа отказалась сдаться Александру. Теперь и от этого города остались одни развалины и пожарища.

У царя болела рана, полученная под Газой. Тяжелая стрела из катапульты проломила ему грудную клетку; царя на руках вынесли из горящего города.

Врач Филипп-Акарнанец знал свое дело — кость хорошо срасталась. Сильное, тренированное тело, здоровая кровь, молодость и, главное, нетерпение встать с постели — все это помогло Александру быстро справиться с болезнью. Царь щедро наградил врача Филиппа.

Проходили последние дни месяца посидеона[2]. Под копытами коней ломалась серая, потрескавшаяся почва, перемежаемая красными наносами песка. Войско направлялось к городу Пелусию, стоявшему на пороге Египта, у дельты Нила.

Время шло однообразно, в приглушенном сиянье солнца, под шум ветра и моря, которое прохладно синело с правой стороны их пути. На привалах жгли костры, варили пищу, залечивали раны.

И снова дорога. Ни деревца, ни кустика. Только косматые кочки шафрана старались украсить придорожные кам-

[1] Метагитнион — с половины августа до половины сентября.
[2] Посидеон — с половины декабря до половины января.

ни. Копыта коня, тяжелая сандалия пехотинца, колесо грузной повозки с кладью добычи, взятой в Газе, мяли и топтали этот цветок.

Как-то на стоянке Александру принесли ветку мирта. Здесь мирт был особенно ароматен, такого не росло в Элладе.

— Отошлите Аристотелю,— велел царь,— он просит в каждом письме отсылать к нему всякое диковинное растение. У него теперь есть любимый ученик Теофраст, он изучает растения. Отошлите, старику будет приятно.

Уже не раз посылал Александр такие подарки Аристотелю. То невиданное растение, то животное или насекомое, каких не водится в Элладе. И Аристотель всегда тепло благодарил Александра. Но сколько ни звал его Александр приехать к нему и самому посмотреть на все удивительное, что встречается македонцам, Аристотель неизменно отказывался. Он не одобрял ни похода Александра, ни его жизни, отданной завоеваниям.

Тихий окраинный город Пелусий, много лет дремавший у дельты Нила, то полузадушенный летним зноем, то окруженный мутной водой нильского разлива, нынче шумел, полный народа. Из Мемфиса, древней египетской столицы, явился наместник персидского царя Мазак. Как и подобает вельможе, Мазак прибыл с огромной свитой, в роскошно-пестрых одеждах и украшениях.

Однако, несмотря на свое великолепие, Мазак стоял перед Александром, покорно склонив голову. У него есть войско, но он не собирается оборонять эту богатую персидскую провинцию Египет от македонского царя. Нет, он отдает страну Александру. Дорога непобедимому открыта — Египет покорно лежит перед ним. Входи и властвуй!

Александр слушал перса благосклонно. А сам думал:

«Конечно, ты отдаешь мне Египет. А отдаешь потому, что войска мои уже в Египте и что на египетской реке уже стоит мой флот. Кто поможет вам? Египтяне давно тяготятся произволом ваших сатрапов, жестокостью ваших царей. Довольно одного Камбиза с его зверствами, чтобы навсегда возненавидеть вас, персов... У вас был мудрый царь Кир, но ни один из ваших царей после Кира ничему не научился у него!»

Александр знал настроения египтян, не сомневался, что он захватит Египет, как вообще не сомневался в своей непобедимости. Но он был доволен — все-таки лучше обойтись без сражения.

Александр был взволнован. Новая, неведомая, огромная страна открывалась перед ним. Вот они, рукава Нила, великой реки, медленной голубой водой идут к морю среди серых берегов засохшего ила, принесенного откуда-то самой рекой... Река, создающая землю. Земля, целое государство, существующее милостью реки...

В Пелусии оставались недолго. Разместив в городе крепкий гарнизон, Александр приказал своим кораблям плыть вверх по Нилу до Мемфиса. А сам с конной свитой отправился через пустынные пески к Гелиополю. Он хотел войти сразу в самое священное место Египта,— Гелиополь был городом жрецов.

Неспокойные мысли одолевали молодого царя. Как сделать, чтобы эта страна, полная богатства и чудес, с ее богами и жрецами, с ее терпеливым, упорным народом, беспрекословно подчинялась ему?

Он может держать Египет в покорности своей военной силой. Но разве только этого он хотел? Он хотел, чтобы этот древний народ, с его древней религией, преклонился перед ним, как преклонялся перед своими обожествленными фараонами. Религия здесь сильна и жрецы всемогущи. Вот эти жрецы и помогут ему овладеть Египтом. Если они признают его фараоном — сыном бога Аммона, то признает его божественную власть и вся страна. Он знал, как замкнута эта священная каста, как нелегко войти к ним в доверие. Они многое знают и о небе, и о земле, но тайны свои никому не открывают. Целых тринадцать лет жили в Гелиополе эллинские философы и мудрецы — Платон и Евдокс. Целых тринадцать лет они добивались расположения и доверия египетских жрецов. Кое-что удалось узнать — жрецы научили их высчитывать дни года. Научили следить за движением звезд,— Евдокс даже построил башню, с которой и наблюдал звезды... Но это лишь крохи тайн, хранимых египетскими жрецами.

Александр ехал впереди отряда. Букефал, в блестящей сбруе, с жесткой, коротко подстриженной гривой, которая дыбилась на высоко поднятой голове, охотно пошел бы галопом, но Александр придерживал его. Начиналась страна, которая давно снилась. С неподвижно величавым лицом, с ничего не выражающим взглядом, македонский царь вступал во владение своим, еще неизвестным ему государством.

И только Гефестион знал, как жадно всматривается Алек-

сандр во все, что является перед ним, как живо интересует его эта незнакомая, захваченная им земля. Гефестион знал своего друга и улыбался краешком рта.

Вскоре за Пелусием, в болотистых местах дельты, встали высокие, как лес, тростники, жидкие метелки покачивались над зелеными стеблями. Белые корни светились под водой.

— Тростник? Но стебель — трехгранный. Гефестион, узнай, что это такое.

Гефестион узнал. Это — папирус. Молодые корневища сочны и душисты, их едят. Старые корни идут на топливо. И кроме того, из папируса делают разные вещи.

— Узнай, какие вещи?

Гефестион узнал. Из корней делают посуду; говорят, хорошая древесина. Из папируса делают лодки — смолят их и плавают по Нилу. Из стеблей плетут паруса, рогожи, циновки. И еще делают бумагу.

— Бумагу? А что это такое?

— Полотно, на котором можно писать.

— Гефестион, позаботься, чтобы все это было записано.

Пустыня, которую пришлось пересечь, чтобы войти в Гелиополь, нагоняла тоску. Горбатые дюны, багряные, с лиловой предвечерней тенью, уходили к самому горизонту. Ни деревца, ни зелени. Лишь что-то серое, колючее цепляется за песок, стараясь стать растением. Гефестион жестом подозвал египтянина-переводчика.

— Что это? — спросил он громко, чтобы слышал Александр.— Кому нужны эти дикие колючки?

— Верблюдам,— ответил переводчик.— Верблюды их едят.

— А что там дальше? — не выдержал царь.— Если свернуть влево?

— Там — ничего. Там — пустыня. Песок. Смерть.

— Такая огромная земля,— сказал Александр, окинув глазами безмолвные рыжие пески,— и такая пустая. Пустыня.

Чем ближе дорога подходила к Нилу, тем чаще встречались села и маленькие города. Жители молча смотрели на чужеземцев, у которых были сильные кони и сверкающее оружие. Но, увидев царя в его богатых доспехах, люди падали ниц.

— Александр! Александр!

По всему Египту уже разнеслась громкая весть — Александр, царь македонский, победитель персов, явился к ним!

— Александр! Александр! Александр!

К Гелиополю подошли вечером. Еще издали стали видны алые вечерние воды широко идущего Нила и светлые, облитые зарей стены Гелиополя, поднявшиеся над синей полосой покрытого сумраком берега.

ПОКОРЕНИЕ СТРАНЫ ЧУДЕС

Гелиополь — город жрецов. Здесь они совершали богослужения, занимались разными науками, философией, астрономией... Жили, огражденные от народа опасной близостью к богам, тайнами пророчеств и магии.

Александра встретили с почестями, город и храмы были открыты для него.

Святилище бога Солнца — Гелиоса стояло на высоком холме. Александр поднялся туда вместе с молчаливыми жрецами. Они провели его в храм. Македонец уверенно шагал по гладким камням дромоса [1], ведущего к храму, но стоявшие по сторонам ряды каменных сфинксов смущали его. Эти каменные звери с человеческими головами смотрели холодно и пристально. Кто они такие? Какая власть им дана? Входя в преддверие храма, Александр украдкой оглянулся — не смотрят ли они ему вслед?

Одно преддверие, второе, третье... Святилище. Волокнистый, лиловый сумрак ладанного дыма. Статуя бога Атума — Ра. В руке этого бога вся страна Нила. Он может запретить Нилу разлиться. И тогда Египет погибнет — солнечный зной сожжет его.

Александр принес жертву египетскому богу — оскорблять жрецов ему никак нельзя: они могут быть ему всесильными союзниками, а могут быть и беспощадными врагами. И потом, кто их знает, этих чужих богов? Может, и в самом деле они владеют какой-то неведомой силой...

Выйдя из святилища и миновав молчаливую вереницу сфинксов, Александр с облегчением покинул священный холм.

Внизу лежали неподвижные озера, в которые с робким журчанием вливалась из каналов медленная вода.

[1] Дромос — проход, дорога.

Свита тотчас окружила Александра — этеры опасались за своего царя, было как-то тревожно, когда жрецы увели его наверх.

Проходя по улицам Гелиополя, македонцы замечали, как запустение овладевало когда-то богатым городом. Они видели разрушенные храмы, так и оставшиеся лежать в развалинах. Остатки каменных стен, обожженные пламенем пожара. Обелиски, лежащие в траве, почерневшие от дыма.

— Какая война прошла здесь?

— Камбиз,— угрюмо ответил переводчик.

Александр заглянул в его глаза, полные печали.

— Камбиз?

— Камбиз, сын царя Кира. Его свирепость прошла грозой по Египту. Прошло почти двести лет, а до сих пор весь Египет проклинает память его.

Александр долго разговаривал с гелиопольскими жрецами. Они многое доверительно сообщили ему:

— Египет устал от персов, от их жестоких сатрапов. Неизвестно, что хуже — враг, разоривший страну в набеге, или правитель, без войны разоряющий ее ежедневно. Мы ждали тебя, царь, как избавителя. Египет воевать против тебя не будет! И мы надеемся, что ты защитишь нас.

Александр положил руку на рукоятку меча.

— Вот ваша защита.

— Спасибо, царь. Наши боги будут с тобою.

Из Гелиополя Александр направился в Мемфис. Разукрашенные ладьи с пурпуровыми парусами медленно пересекли Нил и остановились у пристани древнего города египетских фараонов. Македонский флот уже стоял у Мемфиса, ожидая Александра.

На берегу было многолюдно — пестрая толпа жителей встречала царский корабль. Александр приветствовал их. Ему порой казалось, что все это он видит во сне — и эти странные здания дворцов и храмов, и этих людей, не похожих на эллинов, и эту землю, украшенную пальмами, и эту реку, дарующую жизнь целой стране...

В Мемфисе снова были жертвоприношения богам, хождения по храмам, празднества.

Мемфисский храм бога Птаха поразил Александра. Уставленный толстыми колоннами, он был тесным и полным сумрачных тайн. У входа в храм Александр остановился перед двумя сидящими колоссами — огромными статуями. Солнце

заходило, храм тонул в полумраке, а лица каменных фараонов еще светились, словно Гелиос, уходя за Ливийские горы, посылал им последние лучи, прощался с ними на ночь. Александр видел лица — спокойные, приветливые, с улыбкой, таящейся в уголках твердо обрисованных губ. Рамзес Второй... Двойная корона на голове — корона Верхнего и Нижнего Египта. За поясом короткий меч с рукояткой в виде соколиной головы.

Александр отошел задумавшись. И все это сделали варвары... Построили храмы. Изваяли статуи... Такое высокое искусство — и все это сделали варвары? Значит, не только эллинам дано чувство прекрасного? А как же Аристотель утверждал, что варвары, по своему рождению, не способны создавать ничего великого? Но вот создают же! И как великолепно, как своеобразно их искусство!

Александру показали священного быка — Аписа. Чтобы царь мог получше разглядеть его, Аписа выпустили во двор перед его святилищем. Черный, бархатистый бык, с белой отметиной на лбу, с могучими рогами, взревел и принялся носиться по двору. Александр с непроницаемым лицом стоял у ограды. Чувствуя, что среди его молодых этеров копится смех: «Вот так божество!» — он свирепо посмотрел на них:

— Вспомните Багоя!

И македонцы притихли. Чужих богов оскорблять нельзя. Из-за этого можешь потерять жизнь, как потерял ее персидский царь Артаксеркс, убитый египтянином.

Подавая пример своим военачальникам, Александр принес богатую жертву Апису и одарил жрецов.

И здесь, в Мемфисе, после жертвоприношений шумели эллинские празднества — игры, состязания в беге, в борьбе, в пении... Праздник веселый, нарядный радостно оживил сумрачно молчавшие улицы древнего города. Александр шаг за шагом покорял Египет.

Дни бежали пестрой, полной впечатлений вереницей. Ночью Александр падал на свое ложе и мгновенно засыпал. А утром, еще до восхода солнца, он вставал и уходил на пустынную скалу за шатром и там, в одиночестве, приносил жертвы своим эллинским богам.

У входа в шатер его, как всегда, ждал накрытый стол — ячменные лепешки, виноград, разбавленное водой вино. Друзья-военачальники встречали его приветствиями, и все вместе они ели и пили.

Тем временем к его шатру собирались люди, и воины, и жители страны, с просьбами, с жалобами... Александр взял за обычай каждое утро выслушивать их, решать их дела, если нужно — судить, если нужно — наказать. Он надеялся, вникая в дела каждого приходящего к нему человека, понять жизнь этого чужого ему народа, чтобы знать, как властвовать над ним.

А потом являлся Евмен с делами канцелярии, с письмами. И, лишь управившись со всем этим, царь отправлялся осматривать и изучать страну, которую уже считал своею.

Сегодня Александр сказал, что хочет видеть пирамиды. Их голубые конусы на фоне желтых гор уже давно звали его. Пирамиды стояли в сорока стадиях от Мемфиса, на плоском горном плато. Издали их каменные треугольники казались совсем голубыми. Но чем ближе подплывал корабль Александра, тем плотнее, гуще становилась их окраска. Пирамиды принимали желтый цвет песков пустыни, окружавшей их. Они стояли тяжелым нагромождением каменных глыб, а за их спинами розовели окрашенные солнцем скалы Ливийского хребта...

Александр, потрясенный, подошел к самой большой пирамиде и остановился у ее подошвы. Вершина пирамиды уходила в самое небо. Он глядел вверх, разглядывал и взвешивал взглядом отесанные и плотно пригнанные огромные камни.

— Это сделали люди?

Египетские жрецы, сопровождавшие царя в его путешествиях по их храмам и усыпальницам, ответили со спокойным достоинством:

— Их построили наши фараоны.

— Разве они боги? Человеческим рукам не под силу это.

— Наши фараоны владели божественной силой.

— А для чего построены эти пирамиды?

— Это — усыпальницы. Они хранят бессмертие наших великих фараонов. Вот эта, самая большая, усыпальница фараона Хуфу.

— Хеопса,— повторил Александр на эллинский лад.— А эта?

— Эта — усыпальница фараона Хафра.

— Хефрена. А та?

— Та — усыпальница фараона Менкаура.

— Микерина. Хорошо. Я хочу видеть их гробницы.

Жрецы печально потупились.

— Там уже ничего нет, царь. Гробницы разграблены. Пирамиды стоят пустые.

Александр удивленно поднял брови. Даже такие громады не защитили царей!..

— А чья та, за пирамидой Хефрена? Маленькая?

— Это гробница Родопис.

О красавице Родопис Александру рассказали такую историю. Однажды Родопис пошла в купальню. Пока она нежилась и плескалась в прохладной воде, служанка берегла ее одежду. Вдруг спустился орел, схватил золоченую сандалию Родопис и скрылся.

Орел принес сандалию в Мемфис. В это время фараон сидел на площади и разбирал судебные дела. Орел подлетел и бросил сандалию ему на колени. Эта маленькая сандалия была так хороша, что фараон приказал найти женщину, которая потеряла ее. Гонцы помчались по всей стране. И уже у самого моря, в городе Навкратисе, нашли эту женщину — красавицу Родопис. Родопис привезли к фараону, и фараон женился на ней. Вот тут ее потом и похоронили.

Пирамида Родопис стояла на самом высоком месте плато.

— Она самая маленькая, но самая дорогая,— объясняли Александру жрецы,— этот черный камень, из которого она сложена до половины, везли с далеких гор Эфиопии. Это очень твердый камень, его трудно было обработать.

— Сколько же времени понадобилось, чтобы построить эти громады?

— Много. Десять лет строили только одну дорогу, по которой подвозили камень к пирамиде Хеопса. Да еще тридцать лет этот камень укладывали...

«Я бы сделал это быстрее,— думал Александр.— И я это сделаю, когда вернусь в Македонию».

Он уже видел перед собой эту будущую пирамиду — усыпальницу македонских царей. Эги — старый, тихий город, земляной холм на могиле отца, царя Филиппа...

Нет, на его могиле поднимется пирамида не меньше Хеопсовой. А может, еще и выше. Пусть о македонских царях останется слава на века, как осталась о фараонах!

В этот вечер, полный потрясающих впечатлений, Александр позвал к себе Евмена:

— Евмен, помнишь, я тебе велел написать Аристотелю и пригласить его ко мне, когда мы шли по финикийскому берегу?

— Я написал Аристотелю, царь, тогда же.

— Был ответ?

— Был. Я тебе его читал, царь. Аристотель не может приехать. Слишком далеко. Трудно.

— Евмен, напиши ему еще. Ты помнишь, как он говорил: рабы рождаются рабами, и ни к науке, ни к искусству они не способны. И варвары тоже. Примерно так он говорил?

— Да, это его убеждение.

— Так вот напиши ему, Евмен, что я еще раз прошу моего учителя приехать ко мне. Пусть приедет и убедится, что́ могут сделать варвары.

— Я напишу сегодня же, царь. Завтра письмо уйдет в Афины с караваном.

Евмен поклонился и вышел. И Александр знал, что все будет сделано так, как сказал кардианец.

Александр не давал себе ни одного дня отдыха. Он побывал в городе Аканфе, в святилище Озириса. И там приносил жертвы. Побывал и в городе, где почитали крокодилов,— Крокодилополе. Крокодил жил там среди города в озере, обнесенном оградой. Царю сказали, что надо сделать приношение. Александр охотно выполнил это — принес крокодилу хлеба, мяса и вина. В то время как царь вошел на священный участок, крокодил лежал на берегу и нежился под жаркими лучами солнца.

Царя встретили двое жрецов. Они приняли его жертву, подошли к крокодилу. Один открыл ему пасть, поднял верхнюю челюсть, будто крышку сундука. А другой сунул крокодилу в рот хлеб и мясо и вылил в глотку вино. Пасть захлопнулась.

То ли крокодил был сыт, то ли надоели ему жрецы, но он тут же прыгнул в воду и уплыл. Изумленные македонцы только переглядывались друг с другом, не смея ни засмеяться, ни пошутить. Александр настрого приказал уважать чужие обычаи и чужих богов, какими бы чудовищными они им ни казались.

В Крокодилополе почитали крокодилов, но были и такие города, где священными считались какие-то неведомые животные ихневмоны — злейшие враги крокодилов и змей. Ихневмоны ловят змей, тащат их в реку и там уничтожают, а крокодилам забираются в пасть и выгрызают внутренности.

Были города, где священной считалась собака. Там поклонялись богу Анубису, у которого была собачья голова. А бы-

ли и такие номы[1], где божеством считалась нильская рыба оксиринх — остроголовая, похожая на щуку. Именем этой рыбы даже назван город — Оксиринх...

Кого только не почитали в Египте, каким только богам не служили! В одном месте священной была овца. В другом — большой окунь, лата. В третьем — павиан. Орел, лев, коза, землеройка... А быка, собаку и кошку почитал весь Египет.

Сколько удивительного было в покоренных странах!

Но больше всего занимала Александра сама река, создавшая египетскую землю и хранящая на этой земле жизнь. Он не уставал разъезжать по берегам Нила, глядел, как устроены бесчисленные каналы, орошающие поля. В эти дни он понял, как много труда и опыта надо, чтобы оросить землю: там пустить воду, там придержать ее. Там прочистить засорившийся канал, там отвести воду в озеро и сохранить до засушливых дней. Александр видел, как работают египетские земледельцы — сосредоточенно, терпеливо, почти безмолвно. И здесь ему стало до очевидности ясно, почему мудрый царь Кир не разорял земледельцев: именно на них держится государство.

Но и поняв это, Александр молчал. Едва ли такие мысли понравятся жрецам, которые во все времена, при всех царях сохраняли свою власть, а ему, ради собственного благополучия, надо ладить с этими опасными и могущественными людьми.

АЛЕКСАНДРИЯ

Царская триера, разукрашенная зеленью, пурпуром и яркими коврами, празднично плыла вниз по Нилу. Ветерок слегка надувал красные паруса, их отражения светились в широкой серебристой воде. За царской триерой шли небольшие суда,— царя сопровождали его щитоносцы — гипасписты, лучники, верные агрианы. К себе на триеру царь взял всадников —«царскую илу»[2] этеров.

Александр, окруженный друзьями, сидел на корме, высоко поднятой над водой. Он молчал, не отводя глаз от бере-

[1] Ном — район.

[2] Ила — шестьдесят четыре всадника.

гов. Медленно возникали на них прибрежные города, пристани, храмы. И так же медленно отходили назад.

Иногда на песчаную отмель выползали крокодилы и лежали, как серые неподвижные бревна. Финиковые пальмы поднимали резные кроны в жаркую голубизну неба; их зеленые отражения чуть колебались в реке. В болотистых заводях стояли светлые заросли бамбука и папируса, коленчатые стебли с метелками жидких листьев на верхушках. Напористо подступали к воде густые посевы египетских бобов, с толстыми стеблями и огромными круглыми листьями...

— Ну и листья — с нашу македонскую шляпу!

На ночь приставали к берегу. Воины разжигали костры, раскинув палатки.

Утром, с огромной, в полнеба, пылающей зарей и ослепительно белым блеском реки, триеры шли дальше.

Александр жадными глазами охватывал все, что удавалось увидеть. А видел он многое. Он видел, что земля, рожденная рекой, рыхла и плодородна; что она хорошо орошается каналами; что река судоходна и, вливаясь в море, может быть прекрасной дорогой для торговых судов.

Корабли подошли к дельте. По обе стороны реки лежала равнина, разлинованная голубыми каналами.

Нил широко разбросал свою могучую дельту, разделившись на семь рукавов. Корабли направились в левый рукав Нила. Течение пошло быстрее, и скоро вдали, над плоской оранжевой полосой земли, засветилось искристое зеленое море.

Александр остановил триеру и, сопровождаемый друзьями, вышел на морской берег. Оглянувшись вокруг, он оставил свиту и в сосредоточенном раздумье пошел по краю берега. Длинные прозрачные волны равномерно и плавно припадали к его ногам. Берег шел полукругом, образуя глубокую бухту; два мыса по сторонам далеко уходили в море. А между ними, словно охраняя вход в бухту, поднимался продолговатый скалистый остров Фарос.

...На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта, его именуют там жители Фáрос;
Он от брегов на таком расстоянье, какое удобно.
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою... [1]

[1] Гомер. «Одиссея», песнь IV.

Стихи возникли в памяти сами собой.

— «...Пристань находится верная там...» — повторил Александр, зорко и внимательно оглядывая лежащую у моря землю.

Путешествуя по стране, приглядываясь к городам своих новых владений, Александр объявил однажды, что хочет построить здесь, в Египте, свой город — город эллинов. Он хочет оставить память о себе и назвать этот город своим именем. Как будто даже и место нашел — на берегу Нила, на широкой равнине, украшенной рощей пальм. Он приказал огородить это место, пока архитекторы и строители не посмотрят, годится ли оно.

Тогда ему, увлеченному этим замыслом, приснился сон. К нему подошел старец и, глядя куда-то вдаль, произнес:

На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос...

Александр заглянул ему в глаза — старец был слеп.

«Это Гомер посетил меня,— подумал, проснувшись, Александр,— но что он предвещал мне?»

Теперь, стоя на песчаном берегу излучины против острова Фароса, Александр живо вспомнил свой сон. Так вот место, где он должен построить свой город! Прекрасная морская гавань может принять чужие торговые корабли. И, если подойдут враги, эту гавань легко защитить. Прекрасно здесь и озеро Мареотида.

На озерах воздух обычно бывает тяжелый, удушливый, берега заболочены; от этого в близлежащих городах возникают болезни. А здесь Нил, наполняя озеро свежей водой, не дает болоту осесть на берегах. С моря же веют этесийские ветры — египетские муссоны, дующие все лето с северо-запада. Значит, летом здесь нет угнетающего зноя и воздух просто целебный.

— Гомер удивителен во всем,— сказал Александр, вернувшись к друзьям,— он даже оказался еще и мудрейшим архитектором, клянусь Зевсом! Разве не он послал меня к острову Фаросу? Здесь будет мой город!

Царь немедленно призвал к себе архитектора Динократа, чей талант высоко ценил. И как всегда, торопясь, не терпя промедления, потребовал, чтобы Динократ сделал ему план будущего города.

Динократ работал с увлечением. Вместе с царем они толченым мелом намечали на земле улицы и площади будущей Александрии. Мало-помалу на прибрежной равнине ложился белый, геометрически правильный план — кварталы, разделенные широкими улицами, пересекавшиеся под прямым углом, пространства для площадей и садов, линии колоннад — портиков, которые будут хранить прохладу... Белый чертеж отчетливо лег на красную землю. И все увидели, что очертание города очень похоже на македонскую хламиду — короткий военный плащ.

— Вот здесь будет храм Афины. А здесь мы построим Музеум — жилище муз. Здесь будут жить ученые, поэты, философы... Где мел? — Александр оглянулся: возле него валялись пустые мешки.— Дайте мела!

На его нетерпеливый возглас ответили, что мела больше нет. Александр гневно нахмурился.

— Но там привезли ячмень для гипаспистов,— нашелся кто-то из строителей, стремясь предотвратить грозу Александрова гнева.— Может быть, ячменем?

— Давайте ячмень!

Работа продолжалась: стены будущих зданий стали намечать светлыми струйками ячменя.

Царь уже видел, как пролегают здесь прямые, широкие, мощеные улицы, как поднимаются храмы — легкие, светлые, дарующие радость. В них не будет темных углов и тесноты толстых египетских колонн. Это будут эллинские храмы!

А здесь будет пристань.

И он уже видел, как идут к пристани большие торговые корабли со всего света и бросают якоря в глубокой бухте. И богатства купцов оседают в его городе, самом богатом и прекрасном из всех, какие знал. А здесь, со стороны моря, поднимутся грозные крепостные стены, которые защитят не только город, но и всю страну от врагов и морских разбойников. И город этот будет назван его именем— Александрия!

Вдруг в небе зашумело. Огромная стая птиц, и больших и маленьких, возникла над головой. И сразу упала на белый чертеж. В один миг птицы склевали ячмень, и несколько кварталов города исчезло.

Царь нахмурился. Смутились и его молодые друзья, и старые полководцы. Поспешно призвали Аристандра,— они всю-

ду видели знамения и волю божества, которую надо понять и которой надо повиноваться.

Аристандр, умный и хитрый жрец, знал, что надо предсказать.

— Я тебе скажу, царь, что́ это предвещает...— Лицо его было светлым и глаза улыбались.— Это предвещает, что город твой будет многообилен плодами земными и прокормит множество разных людей.

Сразу все повеселели. Ничего, что план съели птицы. Архитекторы и строители уже видели город и уже знали, как будут его строить.

— Только не медлить,— приказал Александр,— только не медлить. У нас еще, клянусь Зевсом, впереди очень много дел.

Приказ царя начал тотчас выполняться. Вниз по Нилу, к берегу моря, потянулись ладьи с продовольствием, со строительными материалами. Туда же отправляли всех, кто умел строить — класть стены, обтачивать и шлифовать камни, ставить храмы... И на самые трудные черные работы гнали рабов, дешевую и покорную силу.

Убедившись, что работа налаживается, и поставив верных людей наблюдать за строительством, Александр покинул дельту. Он возвращался в Мемфис, радуясь тому, что нашел прекрасное место для будущего города, который назовет своим именем. Это второй его город. А первый — Александрополь — стоит далеко, на туманном берегу Истра, среди гор и лесов полудикой страны. Маленький городок шестнадцатилетнего царского сына.

Вспомнилась родина, Македония, Пелла... Глухой уголок земли. Вернется ли туда Александр когда-нибудь?

Должен вернуться. Умирать. Он обязан умереть на родине, чтобы быть похороненным в Эгах. Обязательно, иначе род царей македонских прекратится — таково предсказание.

И он вернется, конечно. Только это будет очень, очень не скоро. Мир впереди огромен. И чем дальше идет Александр, завоевывая чужие земли, тем обширнее становится мир.

Как же ты был далек от истины, Гекатей, когда чертил свою маленькую ойкумену!

СЫН ЗЕВСА

Войско Александра отдыхало. Страна кормила щедро. Лошади отъедались на свежих пастбищах.

Феллахи молчали, но между собой озабоченно шептались о том, что запасы их скоро кончатся, что их луга, сады и огороды почти опустошены. Хоть не враждебно им македонское войско, все же содержать его тяжело. И тихонько спрашивали друг у друга: не слышно ли, когда Александр покинет Египет? Неужели придется терпеть до того благословенного дня, когда Нил начнет разливаться? До летнего солнцестояния еще не так близко. Но зато уж тогда македонцам придется уйти. Нил затопит землю так, что города и селения окажутся стоящими на островках. Где же помещаться армии?

Великое божество Нил, дающее жизнь и спасающее от нашествия чужих!..

Все эти дни, среди путешествий по стране, дел и забот, Александра не оставляла мысль: как же провозгласить себя здесь, в Египте, сыном бога?

В детстве он не раз слышал таинственные разговоры о том, что отцом его был сам Зевс. Эти разговоры шли из гинекея, от матери его Олимпиады: она уверяла, что молния, посланная Зевсом, ударила в ее чрево.

Александр не знал — верить ли этому? Ведь, может быть, это и в самом деле было так? Вот и Елена Прекрасная, как говорит предание, была дочерью Зевса... Александр вполне допускал, что все это было или могло быть.

Однажды, в бессонный час, когда чужие звезды смотрели с неба и странные запахи чужой земли заполняли шатер, Александр велел позвать Черного Клита.

Клит пришел сонный, недоумевающий:

— Что у тебя случилось?

— Послушай, Клит,— Александр пытливо глядел ему в глаза,— ты ведь был во дворце в Пелле, когда я родился?

— А что мне было делать во дворце? Повитуха я, что ли? Мы с царем Филиппом в это время воевали, мы брали Потидею. Лихое, веселое было время, клянусь Зевсом. Помню, помню — это был особенный день, Александр. Только что взяли Потидею — гонец. Парменион победил иллирийцев. Только что выпили за здоровье Пармениона — гонец. Лоша-

ди царя Филиппа взяли приз в Олимпии! Только подняли чаши за коней Филиппа — гонец. У царя родился сын! Ох и гнали мы коней в Пеллу, чтобы посмотреть на тебя!

— Я все это знаю, Клит. Но что говорили тогда о моей матери? Ты должен это помнить.

Клит слегка поморщился.

— Сказать правду, Александр, мало хорошего.

— Я не об этом, Клит. Я о моем рождении. Что ты знаешь?

Клит усмехнулся.

— А-а! Вот ты о чем. Так ты лучше спросил бы об этом у своей матери.

— Я спрашивал. Она боится говорить. Она боится Геры... Она кричит каждый раз: «Перестанешь ли ты клеветать на меня перед Герой!» Я молчу — богиня Гера ревнива и мстительна, ты сам знаешь. Но есть ли тут правда? Мне рассказывали о молнии...

— А! — прервал Клит.— О молнии. Помню. Царица Олимпиада кричала, что молния ударила ей в чрево и что от молнии ты и родился. Но мало ли что привидится сумасбродной женщине?

— Клит, ты говоришь о моей матери! — сурово напомнил Александр.

— Так я говорю правду. Ты спрашиваешь — я отвечаю.

— Значит, по-твоему, Зевс моей матери не являлся?

— А царь Филипп тебе плох! Он был тебе плохим отцом? Он научил тебя воевать, он подготовил тебе такое войско! Он обеспечил тебе нынешние победы! Ты что теперь — будешь отрекаться от него? Тебе нужен в отцы Зевс? Смешно!

У Александра задрожали губы от подступившей ярости. Он еле сдержался, чтобы не оскорбить Клита.

— Ступай, Клит.

И, отвернувшись, ушел в спальный покой, задернув за собой тяжелый занавес.

Зевса не было. А впрочем, откуда это знать Клиту?

А молния все-таки была. Об этом все шептались во дворце.

Так, чувствуя, что должен войти в эту страну не простым смертным, а чем-то высшим, Александр искал для себя ореол бога. Так легче будет ему заставить египтян повиноваться.

Наутро Александр объявил, что пойдет в храм Аммона,

стоящий в оазисе Сива Ливийской пустыни. Жрецы из города Солнца — Гелиополя — предупреждали Александра:

— Дорога туда трудна и опасна. Там пустыня.

Слова «трудно», «опасно» не вразумляли. Македонец не понимал их. Но если можно преодолеть горы и море, то почему не преодолеть пустыни?

— Я хочу услышать, что скажет бог Аммон — Зевс обо мне самом. Я должен знать это. Мне известно, что его предсказания исполняются.

Взяв с собой отряд гипаспистов и ближайших друзей-этеров, Александр отправился к оазису Сива, где стоял храм бога Аммона — Зевса.

Страбон, древний географ, писал:

«Ливия похожа на шкуру леопарда, которая покрыта пятнами обитаемых мест. Египтяне называют их оазисами».

В таком вот оазисе, в пяти днях пути от моря, находилось святилище Аммона.

Пустыня встретила македонцев огненным дыханием желтых раскаленных песков. Солнце обрушилось на людей удушающим зноем. Казалось, оно льет с неба белую расплавленную лаву, стремясь спалить их и уничтожить. Македонцы шли молча. Укрывались от солнца чем могли — плащами, полотнищами походных палаток... Но терпели и шли. Царь шел впереди. Он так же, как и все, страдал от тяжкого зноя. А тут еще снова заныла не совсем зажившая рана, полученная под Газой.

Запасы воды в отряде быстро исчезали. На четвертый день у всех запеклись уста. Иногда в тяжелом желтом зное вдруг начинала сверкать на горизонте серебряная вода, возникали зеленые пальмовые рощи... Неопытные македонцы радостно спешили к этой воде. Но подходили ближе, и все исчезало. Только безжизненные пески лежали перед глазами...

Но испытания еще не кончились. Вдруг с юга налетел горячий ветер, пески поднялись, словно черная завеса, сразу стемнело. Македонцы укрылись плащами, прижавшись друг к другу, чтобы не отбиться от отряда.

— Войско Камбиза...— прошептал кто-то.

И умолк. Все знали, что где-то здесь погибло войско персидского царя Камбиза, сына Кира. Камбиз, в безумье своем, послал пятьдесят тысяч воинов разгромить храм Аммона. Войско не дошло до Аммона, но и назад не вернулось. Все пятьдесят тысяч остались здесь, под песками...

Буря продолжалась недолго. А когда песок стал оседать и малиновое солнце проглянуло сквозь песчаную тучу, проводники увидели, что дорога потеряна, песок засыпал тропу. Куда идти? Ни горы, ни холма, ни дерева, только барханы еще дымятся кругом и без конца меняют свои очертания. Вот теперь-то — смерть.

Но тут, неизвестно откуда, появились черные вороны и с криками, покружившись над отрядом, полетели дальше. И всем стало ясно, что птицы летят туда, где есть жизнь. Спасение!

Очень скоро в зыбком мареве на горизонте встала густая зеленая полоса финиковых пальм. Опять мираж? Боялись поверить, боялись обрадоваться... Но подошли уже совсем близко, а пальмы не исчезли. Оазис!

Сразу, как только македонцы вступили на цветущую землю оазиса, деревья окружили их, отгородили от пустыни, одели их блаженством прохлады. Этот зеленый мир, полный ароматов и пения птиц, был прекрасен и невероятен. Раскидистые маслины, яблони, смоковницы и еще какие-то плодовые деревья теснились в этом сплошном саду, окруженном зарослями высоких пальм, на которых огромными гроздьями висели темно-золотые финики. Всюду среди буйной травы и ярких цветов журчали источники, освежая воздух.

Жрецы Аммона встретили македонского царя, едва он подошел к их владениям.

— Они как будто знали, что я приду,— удивился царь,— почему так?

— Жрецы знают многое,— уклончиво ответил Аристандр.

Он не стал объяснять, что уже сообщил гелиопольским жрецам желание царя и что гелиопольские жрецы успели передать жрецам Аммона, что Александр придет, и сообщили, зачем придет. А самому царю знать об этом вовсе не нужно.

Это было огромное счастье — омыться свежей водой, выпить пальмового вина. Воины лежали в зеленой тени деревьев, прильнув лицом к влажной траве. Спали. Александр, мучимый нетерпением, ходил по всему оазису, сопровождаемый жрецами. Он знал, что нужно совершить положенные обряды прежде, чем войти к Аммону. Но спать, когда столько чудесного кругом, он не мог.

— А бывает здесь жара в летние месяцы?

— Нет, жары не бывает никогда.

— А холод зимой?

— Тоже нет. У нас вечная весна, вот так, как сейчас. Тепло и прохладно. И плодов круглый год в изобилии. Кроме того, у нас есть соль.

Жрецы показали Александру место, откуда они выкапывают соль. Несколько маленьких корзинок, сплетенных из пальмовых листьев, стояло рядом. Жрец достал из ямы горсть соли — это были чистые, крупные кристаллы, прозрачные, как вода.

— В этих корзинках мы возим нашу соль в Египет. Благочестивые люди кладут ее на жертвенники — она ведь чище морской.

— Но откуда же здесь соль? — удивился Александр.— Соль бывает в озерах у моря или в самом море. А ведь от Аммония море так далеко!

Старый жрец, с желтым, морщинистым лицом, но очень черными, густыми бровями, задумчиво ответил:

— Сейчас далеко. А когда-то, в давние времена, наш храм стоял у самого моря, и все корабли подходили к нашему берегу почтить святилище и принести жертву богу. О нашем храме и прорицалище великая слава шла по всему миру — она с тех пор и осталась. Но если бы наш храм всегда стоял в пустыне, о нас знали бы лишь очень немногие.

Александр быстро взглянул на него — это он уже слышал у Зеленого озера в Гераклейском номе.

— Ты хочешь сказать, что там, где сейчас пески, было море?

— Именно это я и хочу сказать, царь. Доказательств тому много. В песке всюду находят морские раковины, даже у самых пирамид. Раковины, окаменелые моллюски. Да и вот соль. А соль в песках встречается у нас нередко. Бьют ключи, возле них вырастают пальмы, а вода в тех ключах соленая.

— Пальмы не боятся соли?

— Нет, не боятся. Даже любят ее.

Жрецы показали Александру еще одно чудо — священный источник бога Аммона. Вода в нем в полдень была холодная, а ночью — горячая.

Александр, очарованный, ходил по садам Аммония. И каждый раз, возвращаясь в свой шатер, напоминал Евмену, который так же, как и ближайшие друзья, всюду неизменно следовал за ним:

— Скажи писцам, чтобы записали: здесь много дивного!

— Они пишут, царь.

Евмен заботился о дневнике, который вели в его канцелярии во время похода. Краткий, но точный дневник содержал в себе всё — приказы, передвижения войск, число убитых, число пленных, число дня и года, когда случилось то или другое событие в их походной жизни. Царь сам следил за точностью записей — тут все его военное хозяйство лежало как на ладони.

— Но ведь пишут и твои историки, царь! — напомнил Евмен.

— А! — Александр махнул рукой.— Боюсь, что они часто пишут не с желанием сохранить истину и понять человека, о котором пишут, но руководствуясь своим отношением к этому человеку и к его делам.

— Я думаю, что и Аристотель напишет о тебе, царь. А он напишет хорошо! Аристотель любит тебя.

— Любил. Однако видишь, даже море могло уйти и оставить после себя пустыню!..

Македонцы с наслаждением отдыхали в прекрасных садах оазиса. Но Александр уже торопил жрецов. Он и так слишком долго задержался в Египте. Перед тем как идти к Аммону, он получил донесение о том, что Дарий снова собирает войско. И жрецы, уступая царю, сказали, что прорицатель бога Аммона — Зевса готов отвечать на его вопросы.

В этот торжественный день Александр, омытый в теплом источнике, с венком на голове, вступил на порог храма. Кругом толпились воины Александра. Затаив дыхание они следили за священным обрядом. Все уже знали, о чем будет спрашивать бога Александр.

Жрецы, чисто обритые, в белоснежных одеждах, встретили царя. Из глубины храма вышел высокий, худой старец — прорицатель Аммона. Вглядевшись подслеповатыми глазами в Александра, он протянул к нему руки и сказал по-эллински:

— Привет тебе, сын бога!

Это слышали все стоявшие у храма — жрецы, этеры, гипасписты. Волнение легкой дрожью прошло по безмолвной толпе — бог признает Александра сыном!

Прорицатель увел царя в храм. Македонцы ждали в молчании. Стояла тишина, только птицы пели в благовонных кущах.

Царь вышел из храма взволнованный, с блестящими глазами. Друзья подступили к нему:

— Что сказал прорицатель? Какое было пророчество?

— Я спросил: настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался? А жрец закричал на меня: «Не кощунствуй! Нет на земле человека, который мог бы злоумыслить на того, кто родил тебя. А убийцы Филиппа все понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятиях. Ты и раньше не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим!» Вот что он мне сказал.

— А что еще?

Александр вдруг замкнулся:

— Этого вам не довольно?

Он так и не сказал никому, что́ он еще услышал в храме. Этеры, вернувшись из Аммония, всюду рассказывали о том, что Аммон — Зевс признал Александра своим сыном. Они уже забыли, что сами не слышали слов жреца, что они повторяют только то, что сказал им царь.

— Прорицатель назвал Александра сыном бога,— клялись этеры,— мы все свидетели этому!

Воины охотно поверили в божественное происхождение их царя. В Элладе и прежде не раз случалось, что их властители оказывались в родстве с богами. Но были и такие, особенно среди старых македонцев, которые недоуменно поглядывали друг на друга. Правда ли?

Но правда или неправда — это хорошо, что жрецы признали Александра: македонцам будет легче воевать, если их полководец — сын самого Зевса.

КРАСАВИЦА АНТИГОНА

Услышав о том, что Александр объявлен сыном Зевса, Филота иронически усмехнулся.

Это заметил Гефестион. Заметил и Кратер. Гефестион любил Александра таким, как он есть: для него Александр был самым близким человеком, которым он восхищался и за которого пошел бы в огонь. Кратер любил Александра как лучшего из полководцев и царей и тоже не задумываясь пошел бы на смерть по любому его приказу.

И оба ненавидели Филоту.

Филота, завладев большими богатствами в Азии, вдруг почему-то забыл родной язык, разговаривать по-македонски

он считал для себя унизительным: он говорил только на аттическом наречии. Ему стало казаться, что во всем войске нет вельможи, равного ему. Его роскошные одежды, его надменные повадки, даже походка его: это иду я, Филота, а вы все — пыль под моими ногами! — все это раздражало не только знатных этеров царя, но и простых воинов. Филота был хорошим военачальником, умел командовать, войско повиновалось ему мгновенно. Повиновалось — но не любило.

Много раз Гефестион заговаривал об этом с Александром. Однако тот останавливал его:

— Пусть он распускает хвост, как павлин, над этим можно слегка посмеяться. Но он умеет воевать, а это — главное.

Теперь, подметив эту недобрую усмешку Филоты, Гефестион возмутился. Он, с глубокой обидой за царя, понял, что Филота смеется над Александром.

— Ты видел? — спросил Кратер, стоявший рядом.

Гефестион сразу догадался, о чем он говорит.

— Я видел,— ответил Гефестион,— я уже давно многое вижу и слышу. А когда говорю об этом, царь становится глухим.

— Отойдем,— сказал Кратер.

Это было на празднике очередного жертвоприношения богам в благодарность за то, что они позволили царю благополучно вернуться из Аммония.

Гефестион и Кратер, два знатных военачальника, незаметно отошли в сторону.

— Ты видел пленницу Филоты? — спросил Кратер.

— Какую пленницу? Откуда?

— Красавицу Антигону. Он привез ее из Дамаска.

— Она любит его?

— Она его ненавидит.

— Он жесток с нею?

— Не то. Он даже как будто ценит ее. Но этот человек даже и любя не может не унижать.

— Это так. Но почему мы говорим об этой женщине?

— Если эта женщина войдет в шатер к царю и расскажет, что она слышит в шатре Филоты, царь не останется глухим.

Гефестион понял.

— Я берусь устроить это.

Александр готовил войска к выступлению в глубь Азии. Забот было много, он любил все проверить сам: и как одето войско, и в каком состоянии вооружение, и как обеспечивает-

ся провиантом, и в исправности ли осадные машины, и хватит ли фуража для лошадей и для вьючных животных — ослов, верблюдов, мулов...

Среди всех этих дел он успевал побывать и в будущей Александрии. Стены Александрии заметно росли, главные улицы уже лежали посреди города, закладывались фундаменты будущих храмов и царского дворца, понемногу возникали широкие дороги из гладко отесанного камня.

— Вот это будет город! — гордо и самодовольно говорил Александр.— Мой город. Он останется на века — и мое имя останется с ним. Александрия!

И вот в эти дни, когда ему не терпелось ринуться дальше в азиатские владения царя Дария, когда он, чувствуя свою военную силу, укрепленную многими победами, стремился к новым завоеваниям, до него стали доходить назойливые слухи. Друзья сообщали о недовольстве в войсках. Старые македонские военачальники недоумевали: зачем им надо идти в неизвестную и такую огромную азиатскую страну? Они и так не мало захватили богатств и земель — пора бы домой, в Македонию...

— Я уже слышал такие разговоры и раньше,— нетерпеливо отвечал Александр,— войска пойдут туда, куда я прикажу.

Эти слухи его раздражали, но не задевали. Однако когда ему стало известно, что македонцы кое-где подшучивают над его божественным происхождением, это его ранило.

— Ничего не понимают, ничего! — с досадой жаловался он своим друзьям.— А если эти жрецы меня признали сыном бога — это не победа ли?! Тупицы! Побеждают не только мечом... Но где им понять это!

Вскоре Александру принесли из лагеря письмо от Филоты. Очень любезное, даже слишком любезное, а, как известно, все, что слишком, часто обращается в свою противоположность.

Филота поздравлял царя с великой победой — сам Зевс признал Александра сыном. Но вот каково-то им, бедным, будет служить под руководством сына Зевсова!

Александр тотчас почувствовал острую насмешку, которая своим ядом пронизывала письмо. У него по лицу пошли красные пятна, он швырнул на пол папирус и молча стиснул зубы.

В это время к нему заглянул Гефестион:

— Что случилось, Александр?

Александр небрежным жестом указал на свиток, лежащий на полу:

— Прочти.

Гефестион поднял, развернул, прочел.

— Я как раз хотел поговорить с тобой об этом человеке,— сказал Гефестион,— вернее, я бы попросил тебя, Александр, выслушать, что он говорит о тебе... как он отзывается...

— Ты сам слышал это?

— Нет. Но с тобой будет говорить человек, который сам слышал.

— Хорошо,— хмуро ответил Александр,— пусть придет и скажет.

Гефестион быстрым шагом вышел из шатра. И тут же в шатер Александра вступила высокая стройная женщина, закрытая покрывалом, как облаком.

— Сними покрывало,— сурово сказал царь,— говори, что знаешь. Кто ты?

Женщина откинула покрывало.

Александр сразу узнал в ней эллинку — нежный овал лица, прямой, как у Геры, нос, золотистые, мелкозавитые волосы, гордый взгляд...

— Кто ты?

— Пленница. Антигона.

— Почему ты знаешь Филоту?

— Я его пленница.

— Почему же ты пришла ко мне?

Большие глаза женщины почернели от гнева.

— Потому что я хочу, чтобы ты, царь, знал своих друзей. Ты ведь считаешь его своим другом...

— Конечно.

— А он зовет тебя мальчишкой. Он смеется над тобой. Он издевается, когда говорит, что ты теперь стал сыном Зевса, но вряд ли станешь умнее!

Александру казалось, что он вступил в полыхающий костер, так хлынула ему в голову горячая кровь. Он еле удержался, чтобы не схватиться за меч, как будто сам Филота стоял перед ним.

— И говорит, что прорицатель в Аммоне плохо знает эллинский язык и что он хотел сказать «сын мой», а сказал «сын бога», ошибся на одну букву!

— Что же он еще говорит?

— И говорит, что это его отец, Парменион, сделал тебя царем. Что Парменион дал тебе царство.

— Если он дал, так он может и отнять? — усмехнулся Александр, стараясь владеть собой.— Они, как видно, необычайно могущественны — и Парменион, и его сын! А что же говорит сам Парменион?

— Я не знаю. Он никогда ничего не говорил при мне.

— А без тебя?

— Я не знаю. Филота говорит, что ты потерял разум, что твои случайные победы сбили тебя с толку, что давно пора вернуться домой, в Македонию, а ты со своим безумным честолюбием стремишься покорить всю Азию. Но что ты Азию не покоришь, а погубишь себя и погубишь войско.

— Эти речи я уже слышал. И мне известно, откуда они идут.

Александр прошелся взад и вперед, опустив глаза, словно разглядывая шелковые узоры ковра. Потом остановился против Антигоны и пытливо поглядел ей в лицо.

— Ты не любишь Филоту?

У Антигоны вздрогнули плечи и губы исказились отвращением.

— Я могла бы убить его.

Александр вздохнул. Он снова прошелся, размышляя о чем-то. Лицо его стало печальным.

— Нет, Антигона,— сказал он,— убивать Филоту не надо. Он мог сказать что-нибудь в минуту раздражения, так бывает. Вдруг вырвется что-то ненужное, а потом человек спохватывается, что зря это сказал. Тем более, что и не думает вовсе так, как сказал... Надо проверить это, и не один раз. Убить можно всегда. Но не так легко убивать друзей. Я могу довериться тебе?

— Царь!

— Тогда условимся. Как только Филота что-нибудь скажет враждебное о царе Александре Македонском — ты запомни. А потом опять приди и скажи мне. Достойней служить своему царю, нежели человеку, оскорбляющему его!

Женщина молча склонила голову, накрылась белым облаком-покрывалом и ушла из шатра. Александр видел ее лицо, озаренное злой радостью. Она придет, она все сделает, чтобы погубить Филоту.

Александр долго сидел неподвижно, с окаменевшим лицом. Ярость и горе мучили его, и он сам не знал, чего было больше — горя или ярости. Что делать полководцу, если ближайшие друзья начинают изменять ему?

Годы юности — вместе. И первые битвы и дальнейшие — вместе. Раньше Филота командовал отрядом конницы этеров, теперь командует всей конницей. Неприятным он стал человеком, слишком надменным, но в битвах не подводил никогда...

Впрочем, Линкестиец тоже не подводил царя в битвах. Но — изменил Александру. Изменил!

Александр крикнул дежурного этера,— юноши из знатных македонских семейств служили при царском дворе, служили царю и в походах. Стройный, с широкими плечами, Гермолай, сын македонского вельможи Сополида, тотчас явился перед царем.

— Узнай, как там Линкестиец. И тотчас вернись.

Александру показалось, что тонкое, нервное лицо юноши побледнело и узкие губы дрогнули. Гермолай исчез. В чем дело?

Теперь Александру будут всюду мерещиться недоброжелатели, даже среди этих мальчишек!

Гермолай скоро вернулся. Он узнал: Линкестиец по-прежнему в цепях.

— Уже скоро три года,— добавил юноша.

Он сказал это бесстрастным голосом, но Александру послышался скрытый упрек.

— Выйди,— приказал он.

Может быть, ему, царю, надо еще и этому мальчишке объяснять, что он держит Линкестийца в цепях потому, что Линкестиец так и не смог оправдаться, хотя он дал изменнику достаточно времени для этого? И не казнит его потому, что все еще надеется на какую-то неведомую случайность, которая поможет Линкестийцу оправдаться? Но, видно, теперь уже нечего этого ждать...

Огорченный, расстроенный, Александр отодвинул деловые бумаги, которые принес ему Евмен. Не зная, куда деться от внезапного приступа тоски, он подумал о своих друзьях. Не предают ли и они его, как предает его Филота? Ведь он не может заглянуть в их души!

«ХЛЕВ ВЕРБЛЮДА»

Когда-то один из персидских царей чуть не погиб в скифских степях. Спас его от голода верблюд, который, вынося и голод и жажду, тащил на себе съестные припасы царя.

Дарий в благодарность подарил этому верблюду селение, которое должно было содержать и кормить его. Селение это так и назвали — «Гавгамелы», что значит «Хлев верблюда». Эта маленькая, захудалая деревушка, с жилищами, слепленными из глины, стояла недалеко от города Арбелы...[1]

Здесь, на обширной ассирийской равнине, персидский царь Дарий Кодоман расположил свое вновь собранное со всей его державы войско.

На помощь Дарию пришли отряды из Бактрии[2] и Согдианы[3]. Пришли и соседи бактрийцев — инды. Явились на своих степных, полудиких конях саки — скифское племя, живущее в Азии. Сатрап азиатской области Арахозии Борсаент привел свои отряды. Явился Сатибарзан, сатрап Арии со своими ариями. Под командой Фратаферна пришла конница гирканских племен. Были здесь и воины с побережья Красного моря, и жители Суз, Армении, Каппадокии... И еще многие азиатские племена. Вся Азия объединилась вокруг персидского царя и встала на защиту страны против Александра.

Командовал персидскими объединенными войсками Бесс, жестокий и властолюбивый бактрийский сатрап.

Равнина была подготовлена к битве. Бугры и холмы срыты и сглажены, чтобы не мешать коннице и боевым колесницам. Сто колесниц стояло готовых к бою, сверкая острыми ножами, приделанными к колесам. В стане индов грозно поднимали свои огромные клыки боевые слоны. Двенадцать тысяч конницы и около восьмисот тысяч пехоты собралось в военном лагере Дария.

— Кто может сокрушить такую силу? — говорил царю Бесс, дерзко сверкая яркими голубыми белками черных глаз.— Или ты, царь, и сейчас не веришь в победу?

Дарий вздохнул, опустив глаза. Глубокие морщины легли на его лбу. Он не знал, чему и кому верить. Одни поражения,

[1] Арбелы — город в Северной Ассирии.

[2] Бактрия — северная область Персидского царства, ныне Таджикистан.

[3] Согдиана — ныне Узбекистан.

одни несчастия... И самое большое горе — его семья все еще в плену у Македонца. Его старая мать. Его дети...

А жены, его красавицы жены уже нет в живых. Умерла. Какой страшный день пришлось пережить, когда один из евнухов, Терей, служивший царице, бежал из лагеря Александра и привез Дарию эту весть. Дарий рыдал, бил себя по голове. Его жена умерла в плену. Похоронена как пленница, даже после смерти она не найдет успокоения!..

Евнух уверил Дария, что Александр похоронил его жену, как подобает жене царя. Были исполнены все обряды, отданы все почести. Александра обвинить не в чем. Это облегчило горе, но не залечило сердца. Жены уже нет. А мать и дети по-прежнему в плену.

— Пойми, царь,— продолжал Бесс,— мы проиграли при Иссе только потому, что там негде было развернуть наше войско. Вспомни: узкая полоса земли, слева — горы, справа — море. У Македонца было меньше силы, но она вся была в действии. Вот и весь секрет его победы.

— Ты же знаешь, Бесс,— уныло сказал Дарий,— что египетские жрецы признали его сыном самого Зевса...

— Ха! Наш бог, всесильный Ахурамазда, не даст свой народ в обиду чужим богам. Ты, царь, только доверься мне. Я не эллин Мемнон, который обманывал тебя. Я защищаю и твою, и свою родину. Выйди, окинь взглядом равнину и скажи: можно ли победить это войско?

Дарий поднялся с мягких подушек, вышел из шатра. Отсюда, с высокого холма, на котором стоял его пурпурный шатер, перед ним предстал неоглядный лагерь — палатки, шатры военачальников, пестрые значки отрядов и племен, невысокие, бледные при свете весеннего дня костры, пасущиеся табуны коней... И огромные серые глыбы в лагере индов—слоны. Правда, их всего пятнадцать, но все же—слоны!

Надежда разгладила морщины Дария. Хотелось верить, что разобьет Александра и примет наконец в объятия свою семью... И боялся этому верить. Жестокий человек Македонец! У него нет жены, нет детей, он не знает, что такое любить их и что такое их потерять.

Днем и ночью дозоры стояли у дальних холмов. Холмы заслоняли дорогу, по которой должны прийти македонцы. Где они сейчас? Прошли ли они город Фапсак[1] или нет?

[1] Фапсак — город на Евфрате и место переправы для идущих в глубь Азии.

Но вот прибежали с Евфрата охранявшие мост при Фапсаке персидские отряды.

— Идет! Переходит реку!

Сразу зашумел и заволновался лагерь. Конники бросились к лошадям. Засверкало оружие.

Но на равнине было по-прежнему тихо.

Прошло еще несколько дней напряженного ожидания. И вот наступило утро, когда дозорные заметили, что над ближними холмами красным маревом задымилась пыль.

Идет!

Александр увидел персов, только перевалив последние перед равниной холмы. И тут же остановил войско.

Войско стало лагерем в боевом порядке, готовое к сражению. Александр, с отрядом этеров и легковооруженных, внимательно осмотрел равнину, на которой предстояло сражаться. Все учел — и местоположение, и с какой стороны солнце будет светить в глаза, и расстановку сил у Дария... Войско Дария уже стояло в боевом порядке, готовое начать битву.

Сражение готовилось большое. Александр созвал своих военачальников:

— Мне нечего воодушевлять вас перед боем — вы давно воодушевлены собственной доблестью и блестящими подвигами. Прошу только — ободрите своих воинов. Скажите им, что в этом сражении мы будем сражаться не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, но за всю Азию. Этот бой решит, кто будет ею править — мы или варвары. Не надо призывать воинов к подвигам длинными речами — доблесть у них прирожденная. Надо только внушить им, чтобы каждый в опасности помнил о порядке в строю, чтобы соблюдал строгое молчание, когда надо продвигаться молча, чтобы громко кричал, когда понадобится кричать, и чтобы клич их был грозным, когда придет этому время. А вы, начальники, должны мгновенно выполнять приказания, мгновенно передавать их по рядам. И сейчас пусть каждый из вас запомнит, что промах одного подвергает опасности всех, а беда выправляется только ревностным выполнением долга!

Военачальники в один голос ответили, что царь может на них положиться.

Александр твердо помнил и никогда не забывал о том, что войску перед боем надо досыта поесть и хорошенько выспаться. Воины уже начали разжигать костры, когда в палатку царя вошел Парменион:

— Царь, выслушай меня.
— Говори, Парменион.
— Ты уже не раз отвергал мои советы. Может быть, отвергнешь и сейчас. Но битва предстоит тяжелая...
— Какой же совет ты собираешься дать мне сегодня?

Александр хотел бы скрыть свою неприязнь к этому старому человеку, но не мог. Рыжая Антигона не раз приходила к царю передать дерзкие речи Филоты, его насмешки над «сыном Зевса». Знает ли об этих речах Филоты Парменион? Конечно, знает. А может, даже и поощряет. Ведь он и сам убежден, что Александр, продолжая войну в Азии, делает большую ошибку. Что они захватили слишком много земель, которых не смогут удержать, что им надо остановить дальнейший поход и со славой с захваченными богатствами вернуться в Македонию. Вот чего хочет Парменион! А подчиняется Парменион царю только в силу дисциплины, а не потому, что согласен с ним.

— Царь, нам будет трудно победить персов, вся равнина горит их кострами,— сказал Парменион.— Думаю, что надо напасть на них врасплох, ночью. Как только они уснут, тут мы и нападем. Они сразу смешаются в темноте, не разберутся, где свои, где чужие. И победа наша.

Царь надменно поднял подбородок.
— Александр побед не крадет!

Парменион молча развел руками и, больше ничего не сказав, вышел. Царь опять не согласился с ним.

Александр сумрачно посмотрел ему вслед. Напасть ночью, чтобы Дарий потом сказал: «Я потому и проиграл битву, что напали на спящих!» Не скажет же он, что его победили потому, что он плохой стратег и что войско его плохое. А ведь это так!

Парменион не понимает, что ночь опасна и победителю. Персы знают эту равнину. Македонцы ее не знают. Ночь полна непредвиденных случайностей, которые могут все погубить. А персы как раз будут ждать нападения ночью, Александр был в этом уверен: они ведь не смогут представить себе, что македонское войско крепко уснет в такой близости от врага. Вот Александр и сделает именно то, чего они не смогут себе представить. Нет, совет Пармениона и на этот раз царю не годится!

Воины Александра спали. Царь вышел из палатки.

Белая круглая луна висела над равниной. Лунный свет был

таким густым, что казалось, на холмы выпал снег, а река налилась расплавленным серебром. Парменион сказал правду: вся равнина мерцала огнями костров и факелов. Лагерь персов глухо гудел, факелы бродили от костра к костру. Как и предвидел Александр, персы не спали, ждали нападения. Мысли у них идут по одному руслу с Парменионом. Это хорошо, что персы не спят, что они боятся, что страх уже сейчас томит их, изматывает нервы,— утром они, измученные бессонной ночью, будут плохими воинами.

Но что это с глазами Александра? Ему кажется, что свет луны стал слабее. Облако, что ли? Нет, небо мерцает звездами, и ни одного облака нет. И все-таки луна темнеет на глазах, какая-то тень наползает на нее...

В лагере послышалась тревога. Воины выходили из палаток и тоже смотрели на исчезающую луну. Испуганная свита окружила царя. Луна гаснет!

Темный ужас понемногу охватывал лагерь. Луна гаснет! Это — гнев богов, они готовят гибель!

Черная тень все больше и больше закрывала луну. И вот уже нет ее, исчезла. Равнина утонула во тьме.

— Затмение!

И тут Александр услышал, что по лагерю идет шум. Шум нарастал, близился. Александр уже различал голоса. Кричали воины, охваченные ужасом, и в криках их было и возмущение и отчаяние.

— Нас ведут на край света против воли богов!

— Реки здесь не подпускают к себе, светила гаснут в небе, кругом голая пустыня! Зачем привели нас в эту страшную землю?!

— Кровь стольких тысяч людей проливается по воле одного человека!

— Этот человек забыл родину, от отца своего, Филиппа, он отрекся!

Александру понадобилась вся сила характера, чтобы сдержать себя. Ему и самому стало жутко, когда погасла луна. Но он знал — это затмение. Ведь Аристотель рассказывал об этом; Аристотель сам видел однажды, как затмилась луна.

Но может быть, это знамение?

— Где Аристандр? Позовите Аристандра!

— Светило эллинов — Солнце,— тотчас нашелся Аристандр,— светило персов — Луна. Теперь боги скрыли светило персов. И это предвещает их скорую гибель!

Александр принес жертвы Луне, Солнцу и Земле.

Луна снова показала свой светлый край. Воины успокоились. Александр вернулся в палатку, лег и мгновенно уснул. Македонский лагерь, охраняемый надежной стражей, спал, отдаваясь полному отдыху. А персидское войско, всю ночь ожидая нападения, томилось в полном вооружении, готовое к бою. И утром, когда македонцы, бодрые, освеженные сном, взялись за оружие, воинам Дария хотелось только одного — упасть на землю и уснуть. Лишь грозящая опасность, лишь близость врага держала их в боевом строю.

Царь Дарий, как обычно, со своим конным отрядом царских родственников и знатных персов, занял место в середине фронта. Впереди стояли боевые слоны. Около пятидесяти колесниц хищно сверкали острыми серпами, укрепленными на спицах колес. Остальные пятьдесят стояли на правом крыле. Персидский фронт — пехота и конница — раскинулся и вправо и влево на всю ширину равнины.

Обычно, готовясь к бою, Александр вставал на заре. Чуть забрезжит восток, царские трубы уже поднимают войско.

А нынче, когда решалась судьба македонцев, царские трубы молчали. Заря разгоралась, лучистое сияние стлалось по равнине, засветились копья и щиты вражеского войска, а македонский царь все еще не выходил из шатра.

Встревоженные военачальники, зная свое дело, сами отдали приказ по войску: прежде всего подкрепиться едой,— так делал и Александр. Но время перед боем коротко, скоро уже надо готовиться к сражению. А царя нет.

Парменион, опасаясь, не случилось ли чего с царем, вошел к нему в шатер. Александр спал. Спал, как у себя дома в Пелле, раскинув кудри по широкой подушке. Парменион остановился в изумлении. Вот уж чего никогда не случалось с Александром! Не заболел ли, на несчастье? Нет, дышит глубоко, ровно, даже чуть-чуть улыбается во сне.

— Царь! — окликнул его Парменион.

Александр не шелохнулся.

— Царь! — позвал Парменион погромче. И еще раз: — Царь!

Александр открыл глаза.

— Что с тобой случилось, царь? — спросил Парменион, волнуясь.— Почему ты спишь, будто уже победил Дария, а ведь сражение-то еще впереди!

Александр улыбнулся.

— А ты не считаешь, что мы уже одержали победу? Нам больше не нужно скитаться по огромной разоренной стране и преследовать Дария!

«Спит! — подумал Парменион, завесив седыми бровями погасшие голубые глаза.— Перед такой битвой — спит! Нет, все-таки непостижимый он человек!»

И, покачав головой, вышел. Он понимал персов, которые всю ночь стояли вооруженными, но что можно спать, да еще так спать, перед битвой — этого он понять не мог. Молодой царь все делает иначе, чем делали они при царе Филиппе!

Утро жарко полыхало, когда над македонским лагерем наконец зазвучали царские трубы. Воины, уже в доспехах и с оружием в руках, мгновенно построились.

Александр вышел из шатра. На нем был двойной полотняный панцирь, взятый из добычи при Иссе. На поясе висел легкий меч. На плечи был накинут алый плащ старинной работы, дар родосцев,— Александр надевал его, только идя в сражение.

Как всегда перед боем, царь произнес речь. И когда увидел, что войско готово к бою, что оно с нетерпением ждет его команды, Александр сел на коня, взмахнул рукой, и войско, ждавшее этого мгновения, ринулось в атаку. Поскакала конница. Фаланга, сотрясая землю, бегом двинулась на персов. Македонцы навалились на них всей массой, внезапно. Это была буря, стихия, неудержимый шквал. Первые ряды персидского фронта сразу сломались, цепь его разорвалась. Александр мгновенно построил свой конный отряд этеров клином и сам во главе этого клина с яростным криком врезался в гущу персидского войска. Александр рвался к Дарию.

Дарий двинул было на македонцев слонов. Слоны, задрав хоботы, с ревом побежали вперед, растаптывая и сбивая всех, кто попадался им под ноги. Сверху, с башенок, прикрепленных у них на спинах, персидские воины сыпали стрелы и дротики. Но легковооруженная македонская пехота скоро остановила эту атаку. Раненые слоны с ревом бежали, не слушаясь своих хозяев.

Тогда на македонцев ринулось множество серпоносных колесниц, высокие колеса угрожающе засверкали длинными острыми ножами. Готовые к этому, македонцы били копьями лошадей, которые, не помня себя от боли, мчались, не повинуясь колесничим. Колесничие, пораженные в лицо македон-

скими стрелами, выпускали вожжи из рук и валились с колесниц.

Где не удавалось задержать взбесившихся коней, македонские ряды расступались, и колесницы мчались дальше, в тыл. Там македонские конюхи хватали коней под уздцы и уводили к себе вместе с колесницами. Но когда эти колесницы успевали врезаться в гущу войска, оставалось много раненых и искалеченных людей.

В неистовой битве победа клонилась то в одну сторону, то в другую. Были мгновения, когда македонцы падали духом, видя перед собой огромную массу персидских войск, и готовы были дрогнуть и сломать ряды. Но Александр, сменивший в битве несколько коней, поспевал всюду: он ободрял своих воинов и криком, и укором, и своим примером, своей неустрашимостью.

Пошла рукопашная сеча, бились мечами и копьями. Бактрийским отрядам удалось прорвать македонский фронт. Но, очутившись у македонцев в тылу, они сразу бросились грабить их богатый обоз.

Тем временем Александр, увидев, что там, где стояли бактрийцы, персидское войско поредело, сразу бросился в эти ослабевшие ряды. Он чуть не попал в окружение, но верные агрианские всадники ударили на персов, окруживших царя.

Тут оба строя смешались — и персидский, и македонский. Теперь два царя стояли в битве друг против друга: Дарий на колеснице, Александр на коне, оба окруженные своими отборными отрядами.

Персы отчаянно защищали своего царя, но Александр пробивался к нему упорно, упрямо, безудержно. Он уже видел лицо Дария, видел, как оно исказилось от ужаса... Опять повторяется Исса, опять валятся вокруг него персидские воины, и кони в его царской колеснице начинают вздыматься на дыбы... Александр все ближе к Дарию. А за спиной Александра напирает его страшная фаланга... Конец! Конец!

Нервы Дария не выдержали — он выхватил акинак, чтобы покончить с собой. Но надежда спастись остановила его руку. Он отбросил кинжал и опять, как при Иссе, первым повернул колесницу и погнал коней. Побежал царь — побежало и войско; никто из военачальников не подхватил командования. Войско распалось на отряды, на племена, которые были бессильны перед накрепко сплоченной армией Александра.

Побежал царь — побежало и войско; никто из персидских военачальников не подхватил командования.

Александр гнал персов, страшась упустить Дария. Ну нет, на этот раз он не уйдет! Его разгоряченный конь летел, закинув голову. А позади еще продолжалась битва.

— Царь! Парменион просит помощи!

Александр в ярости обернулся на всем скаку:

— Что там?!

— Левое крыло отступает. Парменион просит помощи, его теснят с обеих сторон!

Александр бросил проклятие.

— Видно, этот старик потерял голову и уже совсем не способен соображать!

И снова бросился за Дарием. Он видел: Дарию на своей грузной колеснице на этот раз не убежать от него!

Но тут снова прискакали всадники от Пармениона.

— Царь, Парменион просит помощи! Его окружают! Помощи!

Александр стиснул зубы, сердце чуть не разорвалось от гнева. Но он сдержал свои чувства и повернул коня.

Ругаясь в душе, Александр со своими конными этерами поскакал на помощь Пармениону. Он налетел на парфиев, на индов, на самые сильные отряды персов... В конном бою они сражались лицом к лицу — звон оружия, ржание коней, стоны раненых, крики. Персы сражались уже не за победу, а за свою жизнь. Раненые, убитые валились с лошадей под их копыта. Падали лошади, подминая всадников... Трудная была битва. Залился кровью раненый Гефестион. Ранили военачальника Кена. Почти шестьдесят этеров остались лежать на земле... Александр, подоспевший со своим отрядом, вызволил Пармениона. Персы, прорвавшись сквозь македонские ряды, побежали.

Персы бежали по всей равнине. Фессалийская конница преследовала их. Парменион захватил лагерь Дария. Захватил его обоз, и слонов, и верблюдов...

А царь снова бросился догонять Дария, который умчался в сторону Арбел.

В Арбелы прискакали на следующий день. Но Дария уже не застали. Захватили здесь только его царскую колесницу, которую, вместе с оружием, Дарий бросил здесь так же, как и при Иссе. А сам он снова вырвался из рук македонского царя. Парменион отвлек Александра, и время было упущено. Дарий снова бежал.

Так в 331 году до н. э. закончилась битва при Гавгамелах.

Македонцы назвали эту битву битвой под Арбелами, хотя город Арбелы стоял дальше, чем деревушка Гавгамелы. «Хлев верблюда» — это название казалось слишком неблагозвучным.

После победы под Гавгамелами, когда персидское войско было окончательно разбито, Александр стал властителем всей Азии.

СОКРОВИЩА ПЕРСИДСКИХ ЦАРЕЙ

Александр подходил к Вавилону. Не зная, как встретит его этот древний, хорошо укрепленный город, царь вел свои войска в боевом порядке. Но, к облегчению своему, македонцы еще издали увидели, что ворота города открыты, а им навстречу идет нарядная, в ярких одеждах толпа.

— Сдаются!

Жители Вавилона, правители и жрецы вышли встретить Александра с дарами и приветствиями. Они уже слышали, что в Египте царь приносил жертвы их богам.

Македонский царь ходил по чужому городу, которого он никогда не видел, но о котором слышал много. Все по-другому, все кругом полно неожиданностей, все не похоже на Элладу. Снова, так же как в Египте, он ходил по улицам Вавилона, удивляясь красоте города, его высоким, трехэтажным домам, его храмам и ступенчатым башням — зиккуратам... Узкие улицы, мощенные камнем, неожиданно расступались, и его принимала в свою нарядную тень роща финиковых пальм. Он прошел дорогой процессий, где по обе стороны на невысоких стенах сияли синие глазурованные плитки, и среди их синевы шли чередой желтые и белые львы. У ворот богини Иштар, двойных, с удивительной таинственной мозаикой — изображением каких-то неведомых зверей,— Александр остановился и, не стесняясь, долго рассматривал их со всех сторон... Жрецы, сопровождавшие его, незаметно переглядывались, договариваясь о чем-то без слов и без жестов.

Как бы случайно жрецы привели царя к древнему храму бога Бела, лежавшему в развалинах.

— Это Ксеркс разрушил наш храм,— печально, поникнув головой, пожаловались они,— много лет мы не можем достойно служить великому богу Белу.

— Я прикажу восстановить этот храм,— сказал Александр,— и все другие храмы, разрушенные персами, велю снова построить!

Жрецы жадно ухватились за его обещания. И царь тотчас отдал приказание начинать работы.

Александр охотно и подолгу беседовал с халдеями — вавилонскими прорицателями, мудрыми людьми. Они посвящали его в тайны их обрядов, научили, как надо приносить жертву их всемогущему Белу. И Александр приносил жертвы,— здесь, как и в Египте, жрецы были могущественной силой, с которой ему, Александру, надо было ладить.

Александру открыли дворец персидского царя, который любил проводить зиму в этом огромном, шумном и веселом городе. Все еще не уставший удивляться, Александр ходил из покоя в покой, любуясь богатыми высокими залами, искусными украшениями, золотыми и алебастровыми светильниками, мягкими разноцветными коврами, странными вавилонскими статуями, хранящими какую-то тайну... Каменные быки с человеческими головами, в тиарах, словно в изумленье глядели на эллина, шагавшего мимо них в коротком хитоне и плаще, с оголенной правой рукой, на которой играли крутые мускулы. Царю даже казалось иногда, что они поворачивают голову и смотрят ему вслед...

— Вот как жили эти цари! — повторял Александр, у которого кружилась голова от этой роскоши.— Да, это не Пелла...

Александр остался во дворце. Ему не хотелось покидать этих богатых покоев,— побежденный Восток своей роскошью начал покорять своего победителя.

Утром, после ночного пира, Гефестион пришел к Александру. И сразу остановился на пороге — ему навстречу встал персидский царь.

— Александр! Ты ли это?

Александр величественно повернулся. Длинное персидское платье, расшитое золотом — сто́ла, спадало с его плеч. На груди сверкало драгоценное ожерелье. На голове возвышалась тиара.

— Александр, ты надел персидское платье! Ты очень красив. Но что скажут македонцы?!

— Важнее, что я скажу македонцам. А я им скажу, что мои глаза, клянусь Зевсом, видят дальше, чем их глаза. Я хочу царствовать над всей Азией — так пусть же народы Азии

видят во мне своего царя. Как мне сесть на трон Дария в македонской хламиде? Ведь они привыкли видеть своих царей почти богами.

— Ты тоже сын бога.

— Значит, я должен являться в таком же блеске!

— Я понимаю тебя, Александр. Но поймут ли наши македонцы?

— Им придется понять, клянусь Зевсом!

Александру стало жарко, он сбросил шерстяную столу и, оставшись в привычной эллинской одежде, облегченно вздохнул.

— Прежде всего, Гефестион,— сказал он,— нам надо поймать Дария.

— Значит, опять в поход? А здесь, в Вавилоне, такая хорошая жизнь!

— Ты прав. Когда мы поймаем Дария, возьмем Сузы, Пасаргады и Персеполь, когда мы пройдем через Бактрию и Согдиану, вступим в Индию, увидим реку Океан, тогда снова вернемся сюда. Вавилон будет моей столицей, здесь я буду жить.

Гефестион молчал, словно у него перехватило дыхание, смотрел на Александра.

— Что ты говоришь, Александр,— еле вымолвил он,— «возьмем Персеполь... пройдем через Бактрию, вступим в Индию»... Но ведь ты уже обещал войску, что это будет последняя битва и что ты возвратишься в Македонию!

— Гефестион, как я могу уйти отсюда теперь, когда вся Азия в моих руках? Как я могу уйти отсюда, когда дорога на Восток открыта передо мной? Возвратиться в Македонию... Но ведь так может думать Антипатр, так может думать Парменион — старые и слишком благоразумные люди. Так могут думать те, что стоят за их спиной,— недалекие, усталые, не привыкшие к таким огромным победам, к таким обширным завоеваниям! Те, что смертельно завидуют моей славе. Клянусь богами, эти люди уже давно висят на моих руках как оковы, они мешают мне! Я пока не хочу никому говорить о том, что задумал, но тебе скажу, Гефестион. Может, и ты откажешься от меня, но я все-таки тебе скажу. Только ты не разглашай того, что я скажу тебе...

И Александр приложил к устам Гефестиона свой перстень с царской печатью, как бы запечатывая его уста, которые должны хранить тайну.

— Я решил дойти до края Ойкумены, Гефестион,— продолжал Александр,— до берега великого моря. Это теперь уже не так далеко и не так трудно. Надо только пройти через персидские земли и через земли индов. И тогда весь мир будет в моих руках — вся Ойкумена от края и до края! Это будет единое государство, мое государство. Я объединю Элладу и Азию. Я смешаю все народы между собой, и никто не скажет тогда: «Я эллин, а ты варвар».

Александр думал, что он сможет создать всемирное государство и устроить его так, как замыслил. Верили в эту утопию его друзья, его этеры? Может быть, и не верили. Но они шли за ним: одни — в силу преданности царю, другие — в силу дисциплины. Большинство же шло за славой, за властью, за богатствами, которые добывались мечом.

ПЛАМЯ НАД ПЕРСЕПОЛЕМ

В Сузы из Вавилона македонское войско пришло на двадцатый день.

В пути Александра встретил гонец с письмом от Филоксена, начальника его отряда, стоявшего в Сузах.

Филоксен писал, что жители Суз сдают ему город и что сокровищница персидских царей сохранена для Александра.

Александр едва сумел скрыть свою радость под личиной гордого равнодушия. Деньги, сокровища сейчас ему были крайне необходимы. Золото в последнее время рекой утекало из рук царя. Кроме войсковых нужд, стало уходить много денег на роскошные жертвоприношения, на богатые пиры, на подарки друзьям.

Сузийский сатрап не обманул Александра — сокровищница была сохранена. С гулким звоном открывались тяжелые кованые сундуки и ларцы. Груды серебра и золота волшебно мерцали перед глазами Александра и его военачальников, стоявших рядом. Драгоценные ткани, пролежавшие в сокровищнице почти двести лет, полыхали пурпуром, будто окрашенные только вчера. Нашлось немало и золотой утвари, и царских одежд, и царских украшений. Очень удивился Александр, когда увидел сосуды с водой, стоящие там.

— Что это за вода, которая хранится здесь?

— Это вода из Нила,— ответил Филоксен, который по-

корно открывал перед Александром сундуки Дария,— а в этом сосуде — вода из Истра.

Александр удивился:

— Зачем?

— В знак власти персидского царя над землями Нила и над землями Истра.

— Хорошо. Пусть вода из Нила и вода из Истра стоит здесь, но уже в знак власти царя македонского.

Александр нашел в сокровищнице много дорогих вещей, когда-то увезенных Ксерксом из Эллады,— амфоры, светильники, чаши. Здесь стояла и медная статуя Гармодия и Аристогитона, отлитая эллинскими мастерами, которую персы увезли из Афин. Александр велел без промедления отослать статую обратно в Афины.

Три тысячи талантов он тотчас послал Антипатру. Антипатру нужны деньги. Он все еще воюет со спартанским царем Агисом. Пусть берет столько, сколько ему понадобится. И богатейшие подарки, как делал всегда, Александр отправил в Пеллу своей матери, царице Олимпиаде.

Закончив дела и празднества, Александр выступил из Суз и направился в Персеполь. Сатрапом Сузианы он оставил перса Абулита, одного из тех персидских вельмож, которые, покинув Дария, перешли на сторону Александра. Военачальники сначала смутились:

— Перса? Ты доверяешь персу, царь?

— Персы тоже обязаны служить мне.

Однако начальником гарнизона в Сузах он оставил Мазара, одного из своих этеров. А стратегом — военачальником — эллина Архелая. И македонцы поняли, что сатрапу-персу остается честь, но не сила.

До Персеполя добирались трудно. Через четыре дня подошли к реке Тигру, переправились с большими трудами и усилиями. Здесь Тигр был очень широк и стремителен. За рекой открылась плодородная долина с хорошей водой и лугами — земля уксиев. В долине уксии пропустили македонцев, но в горах встретили боем. Горы помогали уксиям, отвесные, неприступные, с острыми вершинами, за которые цеплялись облака. Пришлось сразиться с уксиями, которые привыкли брать дань с персидских царей, когда те проезжали через их горы.

Александр разбил их и сам наложил на них дань. Ничто так не сердило и не раздражало его, как эти горные племена,

которые так самонадеянно становились у него на пути, не признавая его могущества и не желая подчиняться.

— Стоит ли из-за кучки разбойников устраивать целую войну, карабкаться по скалам и ущельям? Это же не войско!

— Это войско! — сказал Александр, услышав такие разговоры.— Это войско, и оно разбросано по всей стране. Разбойники даже с царей требуют дани — и персы всю жизнь платили ее! У меня этого не будет. Если персы терпели разбой, то я не потерплю. Я заставлю их спуститься в равнину, пахать землю или служить в армии. Дороги в моей стране должны быть безопасными, чтобы купцы могли свободно проезжать со своими товарами по всем городам. Разбойники забудут, как нападать на караваны, а тем более на царей!

Персеполь явился глазам македонцев как прекрасный мираж пустыни. Поднятый на каменном плоскогорье, опираясь восточной стеной на скалистый склон горы, он стоял в царственном спокойствии и безмолвии пустынной земли. Над желтизной таких же, как земля, опаленных солнцем стен города густо поднималась темная зелень садов, перекидываясь через зубцы и бойницы.

Александр еще в дороге получил письмо от Тиридата, правителя города. Он предупреждал царя: если Александр успеет занять Персеполь, пока не займут его персидские войска, которые идут на защиту, он, Тиридат, не будет сражаться, он просто сдаст город.

Александр пришел вовремя. Ворота Персеполя были широко открыты.

Царь приказал стать лагерем на равнине вокруг города. Воины, проклиная нестерпимую жару, поспешно принялись раскидывать палатки, разводить костры, чтобы сварить еду; в обозе распрягали лошадей и мулов, снимали вьюги с верблюдов... Равнина сразу ожила, зашумела.

Александр немедленно направился к царскому дворцу. Это было величавое здание, вернее, несколько зданий, стоявших на каменной плоскости прямоугольного плато. Дворец стоял неприступно: с восточной стороны — гора, с юга и севера — крутой обрыв. С запада — глубокий ров, утыканный острыми кольями.

— Трудна была бы осада,— проворчал Александр,— взять-то взяли бы, но дорого бы обошлось.

Отлогая лестница покорно лежала перед ним, ступени еле возвышались одна над другой. Александру сказали, что пер-

сидские цари по этой лестнице въезжали во дворец верхом на коне, и Александр пожалел, что не знал об этом раньше. Он бы тоже въехал на своем Букефале!

Александр, поднимаясь по белым ступеням, разглядывал барельефы на стенах лестницы, где изображался персидский царь в драгоценных украшениях и в тиаре. Его телохранители. Его сатрапы, приносящие дары. Владыка земли и воды! Где он теперь? Что он теперь перед ним, Александром Македонским? Если Дарий так велик, то как же тогда велик Александр, повергший его!

Царь вступил во дворец. Испуганная толпа слуг при виде его разбежалась, исчезла где-то в глубине покоев. Александр молча обходил залы дворца, которые сразу наполнялись гулом голосов и бряцанием оружия царских этеров.

Перед троном царя Дария, который находился в обширном зале, Александр остановился. Трон был золотой. Над троном свешивались пурпурные кисти и бахрома расшитого золотом балдахина. Наверху сияло золотое солнце, у которого было два крыла.

— Это ваш бог?— спросил царь у Тиридата.

— Да. Это — Ахурамазда.

— Где же у него лицо? Тело?

— Наш бог — свет, добро. Ахурамазда. У него нет тела.

Александр ничего не понял. Ладно, у каждого свои боги. У египтян так и вовсе боги со звериными и с птичьими головами.

Александр оглянулся. Зал был высок, полон воздуха, прохлады. Двери — в рамах косяков из черного базальта. Темносерые мраморные колонны с золотыми быками наверху. Потемневшие перекрытия из ливанского кедра... Все было богато и величаво.

«Какой роскошью умели окружить себя эти цари...— думал Александр с тяжелым чувством не то зависти, не то обиды.— На этом троне сидел Дарий, ничтожный человек, неумелый военачальник. И все это было для него!»

— Ну что ж! — сказал Александр, обернувшись к друзьям, которые толпой сопровождали его.— На этом троне сидели персидские цари. Теперь сядет царь македонский!

И он, твердо ступая по цветистым коврам, поднялся на возвышение и сел на трон Дария. Но тут же и смутился — ноги его не доставали до подножия!

Александр вспыхнул, красные пятна выступили на лице —

трон оказался ему не по росту. Но кто-то из персидских слуг, увидев это, схватил низенький, украшенный инкрустациями стол Дария и подставил ему под ноги.

Александру открыли и арсеналы, и закрома, и сокровищницы. Деньги, утварь из драгоценных металлов, царские одежды вывозили из Персеполя целыми обозами. Из Вавилона, из Месопотамии, из Суз привели караваны верблюдов и тысячи мулов, которых по паре запрягали в повозки. Со времен царя Кира персидские цари складывали сюда свои сокровища — дань, которую платили народы всей Азии.

Управившись с делами, царь устроил большой пир.

Тронный зал, в котором были поставлены пиршественные столы и ложа, накрытые дорогим пурпуром, показался Александру слишком строгим и торжественным.

Черный мрамор, серый мрамор... Скромные одежды македонцев пропадали здесь, а персы выглядели нарядно, ведь они одеваются так ярко!

Да, знатные персы уже вошли в его царский круг. Александр знает, что это унижает македонцев. Но так он решил, и так будет. Так будет потому, что он собирается стать царем над всеми народами... А старые македонские служаки, что ж они? Вернутся в Македонию доживать век. Значит, придется им вытерпеть нынче то, что делает царь.

Пир начался с утра. Рассеянные лучи солнца пробирались между тонкими колоннами, освещая зал. Дымок ароматов бродил над столами. Сверху, взгромоздившись на верхушки колонн, глядели излучавшие сияние рогатые золотые быки.

Виноградное вино скоро развеяло и усталость, и думы, и заботы. Зашумел веселый говор, смех, зазвенели струны...

Царь сегодня много пил. Сам того не замечая, он в последнее время все чаще стал искать успокоения в вине. Он видел, как его македонцы косятся на персов, которых царь приблизил к себе, он подмечал усмешки, когда какой-нибудь льстец называл его сыном Зевса... Многие из его полководцев все еще хмурятся, когда персидские вельможи, войдя, кланяются царю до земли и царь, по персидскому обычаю, целует их. Чего тут хмуриться? Персы своим царям всегда кланялись до земли, царь у них — почти бог. И они нисколько не удивлены, что Александр тоже сын бога.

— Не довольно ли? — тихо сказал Гефестион, когда Александр еще потребовал вина.

Но Александр поднял чашу, выпил до дна и приказал

снова налить. Гефестион с грустью смотрел на него. Сам он был трезв.

Пир становился все шумнее, все веселее. Старики пели македонские песни. Шутки, анекдоты, хохот...

Неожиданно в нестройный шум пира влились звуки флейты. Появились флейтистки. Они пошли между столами, стройные, в эллинских одеждах, с венками на голове, наигрывая на флейтах.

Гости встретили флейтисток радостным ревом. Царь глядел на них туманными глазами; где-то он уже видел такие пиры — пьяные голоса, песни, флейтистки... Да, он видел все это на пирах своего отца Филиппа. И когда-то он ненавидел эти пиры...

Праздновали весь день с перерывами, с отдыхом. Засыпали на ложах, выходили в сад освежиться. И снова пили, ели, веселились...

Ночь наступила сразу, как только зашло солнце. Зажгли светильники. За колоннами дворца, в темноте сада, закачались красные языки факелов.

Одна из флейтисток, афинянка Таис, которая пришла сюда вместе с армией Александра, закричала, обращаясь к царю и его этерам:

— Царь македонский Александр совершил много прекрасных дел. Но самым прекрасным делом его будет, если он сожжет этот дворец Ксеркса, которым так тщеславятся персы. Ведь и Ксеркс когда-то сжег наши Афины. Как бы я хотела поджечь этот дворец Ксеркса! Персам не было бы большего унижения, если бы дворец их царей сгорел от руки женщины!

Отовсюду раздались пьяные крики:

— Подожжем дворец! Подожжем!

— Пусть царь начнет это дело. Это подобает только царю!

Александр вскочил. Не ради того, чтобы мстить персам за сожженные Афины, он предаст огню царский дворец. Но персидским властителям надо дать почувствовать, что они уже не властвуют на персидской земле. Они всё еще думают, что царство принадлежит Дарию, а не Александру. Так вот Александр сделает то, от чего персы придут в ужас и поймут, кто их настоящий властитель. Да, он это сделает!

Александр схватил факел и поджег тяжелый златотканый занавес. Этеры, с грохотом опрокидывая столы и ложа,

размахивая факелами и светильниками, начали поджигать стоколонный зал. Таис торжествующе кричала, поджигая все, что могло гореть.

Это было странное, дикое зрелище: обезумевшие люди разрушали прекрасное здание, огни факелов метались над их головами, пронзительно свистели флейты, бессмысленные крики вторили им...

Гефестион молча встал и ушел из дворца.

Пламя охватило занавеси, ковры, украшенные золотом и серебром. Пламя взлетело вверх, занялись кедровые перекрытия...

В лагере увидели пожар. Воины поспешно тащили воду, чтобы заливать пламя. Но прибежали и остановились в изумлении — и царь и его гости сами поджигали дворец!

Македонцы обрадовались и тоже принялись бросать в огонь все, что попадало под руку. Они решили, что если царь разрушает Персеполь, значит, он задумал уйти навсегда из этой страны обратно, домой!

Каменная сказка Персеполя, для украшения которой везли кедры с Ливанских гор, а золото из Лидии и Бактрии, для которой Иония дала серебро и бронзу, а из Индии доставили слоновую кость, вдохновенная работа лучших мастеров Азии исчезала в огне.

Пьяная толпа орала и ревела от восторга. Тронный зал персидских царей разрушался. Проваливалась кровля. Падали тонкие резные колонны...

— Что ты делаешь, царь! — беспомощно повторял Парменион.— Что ты делаешь? Остановись! Пощади это прекрасное здание: ведь это памятник прежней персидской славы!

— Вот потому этот дворец и горит,— ответил Александр,— что это горит их слава!

Но когда огонь перекинулся в соседние покои, Александр приказал потушить пожар.

Подойдя к задымленному трону, Александр увидел, что каменная стела с изображением Ксеркса лежит на полу, и остановился в раздумье.

— Оставить тебя лежать под ногами за твой жестокий поход в Элладу? — сказал он, глядя в каменное лицо Ксеркса.— Или поднять тебя за твою доблесть?

Но постоял и молча отошел, оставив Ксеркса лежать.

Парменион не удержался, чтобы еще раз не упрекнуть Александра.

— Пусть знают персы, что их могущество умерло навеки! — упрямо ответил Александр.

И, чтобы еще раз доказать то, он отдал войску город персидских царей на разграбление.

— Это самый враждебный город из всех азиатских городов. Возьмите его!

Армия с ревом и ликованием обрушилась на цветущий Персеполь. Войско сразу заполнило криками и звоном оружия тихие улицы. Начался грабеж. Македонцы врывались в дома, убивали мужчин и через окровавленные пороги тащили плачущих женщин и детей для продажи в рабство. Сокровища, которых было полно в богатых персепольских домах, разжигали свирепую жадность. Хватали все, что попадало под руку,— серебряную и золотую утварь, роскошные одежды, окрашенные пурпуром и расшитые золотом. Ругались и дрались между собой, раздирали драгоценные ткани, чтобы не досталось одному. В безумье гнева отрубали руки тому, кто хватался за вещь, из-за которой спорили...

Вопли, крики, плач стояли над погибающим городом. Персеполь был разграблен и опустошен, безмолвные, мертвые дома стояли с разбитыми и распахнутыми дверями...

И все это случилось лишь из-за того, что царь Дарий не хотел принести покорности царю Александру.

ГОРОД КИРА

Дарий, чью державу захватывали македонцы, скрывался в Мидии. Доходили слухи, что он опять собирает войско.

«Я вижу, он не покорится,— думал Александр,— пока я не возьму его в плен».

Город царя Кира Пасаргады встретил Александра подобающими царю почестями. Войско с шумным шарканьем грубой походной обуви, с гулким топотом конницы, с грохотом повозок растекалось по древним улицам, полным зноя. Жители прятались в домах.

Персидская стража отступила, пропуская Александра и его конных этеров в акрополь. Царский дворец, построенный самим Киром, встал перед ними величавый и светлый, будто сложенный из пластов густых солнечных лучей. Александр остановился, ноги его стали тяжелыми, едва коснулись сту-

пеней широкой лестницы,— наверху, у входа, стоял Кир в длинных одеждах и глядел на него черными сумрачными глазами.

Александр на мгновение зажмурился. Но когда снова поднял ресницы, то увидел, что ему навстречу с низкими поклонами спускается перс, обыкновенный живой человек.

— Я хранитель дворца, царь,— сказал он, отдавая Александру земной поклон, как отдавал такой же поклон персидскому царю,— я жду твоих приказаний.

Александр пришел в себя. У этих восточных людей удивительные глаза, черные, как самая черная ночь, полные тайны. Будто эти люди знают то, чего ты не знаешь, а если захочешь узнать — не скажут...

— Прежде всего открой мне сокровищницу!— приказал Александр, стараясь грубостью стряхнуть наваждение.

В полумраке дворца, кое-где пронизанного желтыми лучами солнца, было прохладно и тихо, так тихо, как бывает в доме, давно покинутом хозяином.

«Да,— думал Александр,— настоящий хозяин очень давно покинул его... Очень давно».

Сокровищница была так же полна, как в Персеполе. С тех пор как царь Кир построил этот дворец и положил сюда свои богатства, все персидские цари пополняли ее добычей войн.

В тот час, когда Александру открывали сундуки, посланцы из Македонии привезли письма. Александр оставил Пармениона и молодого друга своего Гарпала считать сокровища и отправлять в Македонию караваны, а сам ушел в покои дворца.

Сначала письмо Антипатра. Александр жадно пробегал глазами твердые прямые строчки. Война с Агисом закончена. Агис разбит!

Александр тотчас послал за Гефестионом.

— Гефестион! Антипатр разбил Агиса!

— Сколько раз спартанцы обращались к персам за помощью для войны с нами,— сказал Гефестион,— и сколько раз персы помогали им. А вот теперь персидское золото, посланное из Персии Антипатру, помогло нам уничтожить спартанское войско. Спасибо, Антипатр!

Царь поднял глаза от свитка. Антипатр!

Всего шестой год пошел, как Александр покинул Македонию. Но какой далекой кажется теперь Пелла, каким далеким стал тот день, когда мальчик Александр впервые вошел в от-

цовский мегарон... Отец, царь Филипп, громкоголосый, с черной повязкой на глазу. И кругом — его полководцы! Шумят, пьют вино, орут что-то...

А он, Антипатр, суровый и трезвый, сидит в стороне. А потом встает и уходит. И царь Филипп смеется, глядя ему вслед.

И Александр повторил слова Гефестиона:

— Спасибо, Антипатр!

Что же еще в этом таком длинном письме? Ну конечно, это Александр знает и так: бесчисленные жалобы на царицу Олимпиаду. Она вмешивается в дела управления Македонией, что поручено царем только ему, Антипатру. Она отменяет его распоряжения. Она нарушает дисциплину в македонских войсках, которыми по повелению царя распоряжается только он, Антипатр. Она мешает ему во всем!

И по-прежнему — ни слова о Линкестийце.

— Что же еще пишет Антипатр? — спросил Гефестион.

— Не ладят с царицей Олимпиадой,— вздохнул Александр,— жалуется Антипатр, жалуется. Но ему не понять, что одна материнская слеза сильнее тысяч таких писем!

Было письмо и от матери.

Царица Олимпиада тоже жаловалась. Антипатр груб, Антипатр изменник, Антипатр хочет завладеть Македонией... Потом она просила прислать побольше золотой посуды и пурпура. Потом, как делала часто, укоряла Александра в его чрезмерной щедрости к друзьям, не понимая истинных причин его расточительности.

«...Благотвори своим этерам и создавай им имя иным способом. Ты делаешь их всех почти царями, а сам ты останешься одиноким, потому что будешь беднее их всех».

Этих писем Александр не показывал никому. Но сегодня, когда Гефестион взял из его рук этот свиток, царь позволил прочесть письмо.

Гефестион прочел. Александр тут же снял с руки перстень и приложил его печатью к устам Гефестиона. Гефестион понял — надо молчать.

— Я тоже не одобряю твоей щедрости, царь. Ты отдал Пармениону дворец Багоя. Целый дворец! Говорят, там одного платья на тысячу талантов. Ты посмотри хотя бы на Филоту: ведь сам царь персидский не жил так роскошно, как он!

Александр нахмурился. Да, среди его этеров творится что-то неладное. Филота совсем потерял чувство меры. Ходит в

золоте. Держит множество слуг. Говорят, недавно купил охотничьи тенета на целых сто стадий длины... Все этеры натираются теперь в банях драгоценной миррой, а раньше оливковое масло больше жалели, чем сейчас мирру. У всех постельничьи, у всех массажисты. Тот ходит в сапогах, подбитых серебряными гвоздями. Этому для гимнасия привозят караваном песок из Египта... Где уж им теперь ходить за лошадью, чистить копье или шлем!..

— Да, ты прав, Гефестион. Если мы изнежимся, как персы, то и погибнем, как персы... Ты прав.

Прежде чем покинуть Пасаргады, Александр приказал провести его к гробнице царя Кира. Они вышли из города. Широкие белые тропы уводили куда-то в луга, к темнеющим вдали купам деревьев. В лугах поднималась густая сочная трава, которую называли мидийской [1], огромные табуны сильных, прекрасных коней паслись на зеленых просторах.

Гробница, сложенная из светлого камня, стояла в зеленой глубине старого сада. Она была похожа на вавилонский зиккурат — небольшая квадратная башня, пять высоких ступеней, а наверху усыпальница с высоким и очень узким входом.

Маги, охранявшие гробницу, почтительно стояли перед Александром.

— Где тело царя Кира?

— Там, царь.— Маги указали наверх.

Александр оглянулся на своих этеров.

— Кто-нибудь... Ну, вот ты, Аристобул. Влезь наверх, посмотри. И если все так, как они говорят, и тело царя Кира там,— укрась гробницу.

Аристобул, с ларцом, полным золотых венков и драгоценных украшений, ловкий, худощавый, быстро взобрался на верх гробницы и протиснулся внутрь. Все молча ждали. Маги поникли головой — македонцы разорят гробницу, там много золота... Они оскорбят великого царя, они разграбят... И тогда им, магам, нечего будет делать здесь, придется покидать тихое, беспечальное место под сенью Кировой славы.

Аристобул появился из усыпальницы. Так же ловко он спустился вниз и встал перед царем несколько ошеломленный. Руки его были пусты.

[1] Мидийская трава — люцерна.

— Ну, Аристобул?

— Да, царь. Царь Кир — там. Он в золотом саркофаге. Там стоит стол и золотые ложа. И всякая одежда с драгоценными камнями. И оружие его лежит там! Много, много сокровищ!

Маги переглянулись, вздохнули и поникли еще больше.

— Эти сокровища принадлежат царю Киру,— сказал Александр.— А что ты видел там еще?

— Еще там есть надпись. По-персидски и по-эллински.

— Запомнил?

— Да. Там написано: «Человек! Я — Кир, создатель державы персов, и я был царем Азии. Поэтому не завидуй мне из-за этого памятника».

Александр задумчиво смотрел на безмолвную гробницу, одетую тенью, тишиной и прохладой.

«Он собирал государство, он воевал, его имя гремело по всему свету. Так и я соберу свое огромное государство, и мое имя будет греметь так же, как имя Кира, или еще громче».

— Берегите гробницу Кира. Этот человек был мудр и велик,— сказал Александр магам.— Где вы живете?

Маги, сразу повеселевшие,— царь не стал грабить гробницу! — показали ему свои жилища, маленькие дома за оградой.

— Мы получаем каждый день овцу, мы довольны. И каждый месяц нам приводят лошадь — мы приносим ее в жертву великому царю Киру.

Александр простился с ними. Старый маг проводил его до ворот.

— Кир любил Пасаргады,— негромко рассказывал маг, следуя за царем,— ведь на этой равнине он победил Астиага, своего деда, мидийского царя. Этот город и дворец царь построил в память своей победы!

Александр задумчиво кивнул головой. Да, это он знает.

На заре македонское войско покинуло Пасаргады.

— Не грабить! — с угрозой сказал царь военачальникам.— Не трогать города — это город Кира!

Пасаргады остались нетронутыми.

Снова поход. Снова трудные дороги под палящим солнцем, пыль, жажда. Снова костры и палатки на отдыхе. Снова вперед, вперед, все дальше в глубь азиатской страны...

ПОГОНЯ

Дарий засел в Экбатанах [1], собирает войско. Последние гонцы сообщили, что к нему пришли союзники — скифы и кадусии — и что Дарий собирается идти навстречу Александру.

Александр поспешно двинул армию через горы Паретакены. Обоз остался позади, повозки и вьючные животные не успевали за военными отрядами.

Македонцы перевалили горы и спустились в долины Мидии. До Экбатан оставалось три дня пути, а Мидия так спокойна, словно и не знает, что идет война. В этом было что-то странное и тревожное.

Неожиданно на дороге появился небольшой персидский отряд. Богато одетый, богато вооруженный перс, ехавший впереди, остановил отряд и сошел с коня.

Александр глядел на него с удивлением.

— Царь, я — Бисфан, сын царя Оха — Артаксеркса.

— Ты сын Оха — Артаксеркса?!

— Да.

— Что же ты хочешь сказать мне, Бисфан, сын Оха — Артаксеркса?

— Ты спешишь в Экбатаны, царь, чтобы захватить Дария. Но Дария нет в Экбатанах. Вот уже пятый день, как он бежал. Захватил у мидийцев семь тысяч талантов и бежал.

— У него есть войско?

— Есть, царь. Есть конница — тысячи три. И тысяч шесть пехоты.

Александр улыбнулся уголком рта.

— Немного!

Так. Снова бежал. Снова искать и преследовать.

— А что же думаешь делать ты, сын Оха? — спросил Александр.

— Я хочу поступить к тебе на службу, царь. Я буду верно служить тебе.

— А как же твой царь Дарий?

Бисфан, прищурясь, внимательно поглядел на Александра.

[1] Экбатаны — главный город Мидии, летняя резиденция персидских царей.

— Мой царь? Человек, который бежит теперь, сам не зная куда, предав свое царство, свою страну?

— Хорошо,— сказал Александр,— я принимаю тебя. Присоединяйся к моим конным этерам.

Бисфан поклонился и, вскочив на коня, последовал за отрядом царских друзей.

— Еще один перс...— прошло по рядам этеров,— своих македонцев ему мало!

Мидия встретила македонцев прохладой долин, обильных пастбищами, зеленью садов, отягощенных плодами, поселений с полными закромами хлеба...

Экбатаны лежали у самых гор. Страна, покинутая царем и войском, не защищалась.

«Здесь персидские цари спасались от летнего пекла,— думал Александр, с наслаждением дыша свежим воздухом гор и леса,— они были правы. Македонские цари тоже будут приезжать сюда в летние месяцы... Ветер ходит по улицам — совсем как в Пелле!»

Древний акрополь стоял на плоской скале. Семь кирпичных стен окружало его. Зубцы этих стен были окрашены в семь разных цветов. Зубцы первой, наружной, стены были белые, как снег на горах. Зубцы второй стены — черные, как уголь костров. Зубцы третьей — красные, как весенние маки на склонах гор. Четвертой — голубые, как вода у берегов Александрии. Пятой — цвета меда. Шестой — посеребренные. И зубцы седьмой, внутренней, самой высокой, стены хранили следы старой, потускневшей позолоты.

Александр еще в детстве слышал, что где-то, очень далеко, есть такой дворец — Аристотель рассказывал о нем. Но тогда это казалось чем-то нереальным, похожим на легенду. А теперь вот он, этот дворец, овеянный волшебством древности, стоит перед его глазами.

Александр, волнуясь, вошел во дворец мидийского царя Астиага. Здесь, в залах этого дворца, когда-то бродил маленький черноглазый внук царя Куруш. Отсюда Куруш ушел в Персию и поднял восстание против Астиага. В эти двери он входил. По этим лестницам поднимался. Отсюда он глядел на темные шапки лесистых вершин и вспоминал пастуха Митридата... Странно его звали — Куруш. Куруш! Эллину трудно выговорить такое имя. Кирос, Кир...

Ни Александр, ни его военачальники не ожидали, что богатства в Экбатанах будут так огромны. Когда сосчитали со-

кровища, то оказалось, что их хранится здесь на восемьдесят тысяч талантов. На военном Совете шел большой разговор — как лучше употребить эти богатства.

Старые военачальники говорили, что хорошо бы все это отправить домой, в Македонию.

— Вот бы разбогатели македонцы! — говорили одни.— На весь народ хватило бы, на несколько поколений — и детям и внукам!

— А если обратить все это в деньги,— говорили другие,— да заняться торговлей. Все рынки всех стран были бы нашими, и эллинским торговым городам было бы нечего делать!

Но царь думал совсем о другом. Теперь, когда у него столько богатств, вернуться домой? Нет! Теперь-то, когда у него достаточно золота, чтобы содержать войско, он и пойдет дальше, дальше, до края земли!

Разбирая сокровища, он видел — то на драгоценном сосуде, то на тончайшей ткани — золотую метку: «Из стран Инда».

Страны Инда на краю Ойкумены — обитаемой земли. Туда он и пойдет, в эту богатейшую страну золота, пряностей и благовоний, в страну необычайных чудес. Она лежит там, на востоке, за огромными горами Паропамис...[1] Говорят, что этот горный хребет еще выше, чем Желтые горы, через которые он прошел. Но он преодолеет и это препятствие. Он завоюет Индию, дойдет до Океана, и тогда вся Ойкумена будет ему подвластна. И это уже близко, это уже осуществимо! Замыслы завоевателя, жажда неслыханной славы, жажда увидеть невиданное, пройти там, где не смог пройти даже Кир,— все это обуревало душу Александра.

Александр взял из этих сокровищ часть золота. Одарил военачальников. Наградил воинов за хорошую службу, за отвагу, за преданность. Выплатил жалованье наемным войскам... И это была лишь горсть, взятая из огромных запасов персидских богатств. Остальное понадобится в трудных походах.

Но, однако, что же сказать македонцам, которым он обещал, что битва под Гавгамелами будет последней?

Многих из тех, с кем он вышел из Пеллы, уже нет в его войсках; он терял своих воинов в сражениях, он оставлял их на военных дорогах — раненых, заболевших, потерявших

[1] Паропамис — Гиндукуш.

силы... Теперь последняя столица персов Экбатаны взята. Война выиграна. Что же теперь скажет царь своему войску?

Александр решил сказать то, что до сих пор скрывал от них. Собрав военачальников всего войска, он объявил им:

— Я иду дальше, пока не настигну Дария. А когда настигну Дария, пойду еще дальше — до конца Ойкумены. Воины, решайте сами. Кто хочет вернуться домой — возвращайтесь. Кто хочет остаться со мной — пусть остается.

Среди союзных войск агриан и фессалийцев, которых уже утомил этот неслыханно тяжелый поход, прошел ропот.

Идти дальше — куда? Это безумие! Мы погибнем!

Но молодые македонские воины, не так давно присланные Антипатром как пополнение, закричали, что они не оставят царя и пойдут дальше вместе с ним к новым победам и завоеваниям. Они хотели славы, хотели добычи, золота, богатств.

Александр простился со своими союзниками, верными стрелками агрианами, и отпустил отважную фессалийскую конницу. Он щедро наградил их и приказал одному из своих полководцев, Эпокилу, проводить их к морю с конной охраной и позаботиться об их переправе. Царь молча смотрел вслед уходившим. Много пройдено вместе, много пережито вместе...

Александр жил во дворце. Роскошь, окружавшая его, все сильнее, все коварнее брала в плен огрубевшего в походах Македонца. Он, подражая персидским царям, стал принимать своих полководцев, сидя на троне. К нему приходили персидские вельможи, которых уже немало было среди его этеров. Они кланялись Александру, касаясь лбом пола. Он видел, что македонские полководцы переглядываются, пожимая плечами.

«Все вижу, все понимаю,— думал Александр.— Но — привыкайте, привыкайте. Царь великой державы обязан принимать эти почести. Наступит день, когда и вам придется так же кланяться мне».

В один из этих дней в Экбатанах, исполненных незаметных, но ощутимых перемен, сын царя Оха — Артаксеркса Бисфан, обращаясь к Александру, назвал его полным титулом персидских царей:

— Великий царь, царь царей, царь всех стран, всей земли!..

Среди царских этеров прошел вздох изумления. Александр внимательно посмотрел на Бисфана.

— Почему ты называешь меня так?

— Это титул царей Персии, царь. Дарий Первый, которого мы называем великим, приказал вырезать этот титул на камне Желтой скалы... Эта скала недалеко от Экбатан, ты можешь ее увидеть. Все цари Персии носили этот титул. Позволь нам и тебя называть так же!

Александр, окинув быстрым взглядом своих македонцев, ответил:

— Позволяю!

Этеры молчали. Александр чувствовал, как недоброжелательно они отнеслись к этому; он видел, как они нахмурились, какие кривые улыбки появились на их лицах. Царь, который делил с ними все невзгоды войны, который шагал вместе с ними по всем трудным дорогам, теперь отгораживается от них унизительными для эллинов обычаями персов, он скоро и македонцев заставит кланяться ему в ноги!

Птолемей, сын Лага, храбрый военачальник царя, отошел прочь с потемневшими глазами.

— Александр — царь Македонии,— проворчал он, негодуя.— Он царь македонский, и он не должен быть фараоном или азиатским царем царей. Если я напишу домой о «великом царе царей», там люди будут смеяться. И у них будет повод смеяться. Ни один из царей Македонии не возносил себя так высоко над своими македонцами!

Александр не слышал этих слов, но ему их передали. Он промолчал, но титула не отменил.

«Привыкайте! Потому что я не только царь Македонии, но и царь многих народов, которым титулы царя необходимы».

Весна уже бродила в долинах Мидии. На горах таял снег. Царь приказал войску готовиться к походу и вызвал к себе Пармениона.

— Парменион, ты останешься здесь, в Экбатанах, и сохранишь наши сокровища. Сюда же ты перевезешь все, что лежит в Сузах. А потом придешь через землю кадусиев в Гирканию. Там ты будешь ждать меня.

Парменион выпрямился.

— Ты считаешь, царь, что я больше не гожусь для военной службы?

«Да, ты больше не годишься для военной службы,— поду-

мал Александр,— ты упрям и недальновиден. Ты плохо сражался под Гавгамелами. Ты не понимаешь моих замыслов, и ты противишься им. Ты мешаешь мне».

Но ответил ласково:

— Не поэтому я оставляю тебя в Экбатанах, Парменион, а потому, что никому другому не могу доверить сокровищ. Казначеем же даю тебе Гарпала. Ему ты и передашь сокровищницу.

— Гарпала? — Выцветшие, с красными веками глаза Пармениона негодующе заблестели.— Ты забыл, царь, как твой друг Гарпал сбежал с деньгами под Иссой? И опять его — казначеем?

У Гарпала было слабое здоровье, он не мог участвовать в боях. Да, под Иссой Гарпал сбежал с деньгами. Но как он сожалел об этом потом, как раскаивался. Не гнать же теперь своего друга из войска, не лишать же его почестей, которые даны его остальным друзьям!

И Александр сурово ответил Пармениону:

— Доверие — это лучшее средство исправить человека и дать ему возможность заслужить наше уважение.

Парменион сжал губы так, что они сморщились, поклонился и ушел. Это очень почетно — хранить царское золото в Экбатанах, но это же отставка, это устранение из армии!

Да, это так. Но Парменион не привык спорить. Он знал — приказ царя надо выполнять. На душе было тяжело. Однако старый полководец никому не пожаловался, взял сильный отряд и уехал в Сузы за сокровищами.

— Теперь — за Дарием!

Царь с отрядом наемных всадников, которыми командовал его друг Эригий, этеров и лучников, помчался к Каспийским Воротам, куда ушел от него Дарий Кодоман.

Александр не щадил ни себя, ни своего отряда. Еле отдохнув, еле накормив лошадей, он уже снова садился на коня. День за днем грохот копыт, день за днем на пропотевшей попоне скачущей лошади, почти без сна... В дороге отряд его понемногу уменьшался: молодые этеры, еще не столь закаленные в походах, не выдерживали и отставали один за другим.

Александр менял лошадей и мчался вперед и вперед, одержимый стремлением настигнуть Дария. На горизонте

уже вставали одетые лиловой дымкой горы, загородившие собой Каспийское море. С каждым днем их утесы поднимались все выше. И вот уже кончились луга с мягкой и сочной травой, под копытами глухо загремели камни. Начались сухие, безводные долины, окруженные пылающим зноем обнаженных скал. Стало трудно. Темнело в глазах от жары и от жажды. Александр терпел. Терпели воины. У измученных лошадей сбивался шаг. Пехота растянулась длинной вереницей...

На одиннадцатый день беспамятной, безоглядной скачки отряд Александра ворвался в город Раги[1], лежащий в горах. Сам измученный, осунувшийся, царь оглянулся на своих всадников. Запыленные, с запекшимися губами, с помутившимся взглядом... Измученные кони, с глазами, налитыми кровью... За одиннадцать дней они проскакали три тысячи триста стадий.

Когда-то здесь было землетрясение и земля «разорвалась» — осталась большая трещина. Поэтому и город так назван — Раги, от слова «разорвать». Разорвались и горы над Каспием, образовав проход — Каспийские Ворота.

— Далеко ли отсюда до этих Каспийских Ворот?

Жители города, бывавшие на Каспии, сказали, что если так мчаться, как мчится Александр, то всего один день пути.

Один день пути — это недалеко. Можно и передохнуть. Целых пять дней дал Александр для отдыха своему отряду. Но сам покоя не находил. Куда еще, по каким дорогам понесет Дария его неразумная судьба? Где еще придется искать его?

СМЕРТЬ ДАРИЯ

Македонский отряд миновал темное ущелье Каспийских Ворот, когда к царю явились двое из лагеря Дария — знатный вавилонянин Багистан и Антибел, один из сыновей перса Мазея.

Александр только что отослал Кена, одного из своих этеров, с отрядом воинов запастись кормом для коней — впереди, как стало известно, лежала пустыня — и теперь ожидал

[1] Раги — город в восточной Мидии.

его обратно. Увидев персидских вельмож, озабоченных и мрачных, Александр почувствовал, что произошло что-то недоброе.

— Где Дарий? — сразу спросил он, как только услышал, что они прибыли из персидского лагеря.

— Его повезли в Бактры, царь.

— Повезли? Он что — умер?

— Нет, царь. Его захватили в плен.

Александр вскочил.

— В плен?! Кто?!

— Его захватил Бесс, сатрап Бактрии, царь. Сатрап Арахозии и Дрангианы Барсаент заодно с Бессом. А также и Набарзан, хилиарх[1] Дариевой конницы. Мы не раз слышали от них, что царь Дарий не может быть ни царем, ни стратегом, что из-за него погибает Персидское царство и что они сами справились бы с Александром, а царь Дарий им только мешает! И теперь они взяли Дария к себе на колесницу и умчались куда-то в сторону Бактрии. Поэтому мы прибыли к тебе, царь. Случилось страшное дело!

Александр тотчас потребовал коня.

— Этеры со мной. Всадники со мной. Легкая пехота со мной. Кратер, ты останешься здесь с войском, дождешься Кена.

Антибел и Багистан вызвались показать дорогу, куда увезли Дария.

Отряд, не слезая с коней, скакал всю ночь и до самого полудня. В жаркие часы передохнули, накормили лошадей и снова бросились в погоню. Еще одна ночь встретила их в пути. Кони изнемогали, всадники, сами еле держась, погоняли их.

На рассвете Александр увидел брошенный персидский лагерь. Кое-где еще догорали костры, стояли палатки.

Услышав конский топот, из палаток вышло несколько человек. Это были персидские воины, ослабевшие, больные люди, которые оказались не в силах следовать за войском. Угрюмо сбившись в кучку, они ждали расправы... Они сразу узнали Александра по его осанке, по сверкающим царским доспехам.

— Где Дарий? — крикнул он, не слезая с коня.

Персы наперебой принялись рассказывать:

[1] Хилиарх — начальник над тысячей воинов.

— Царя Дария стащили с колесницы и посадили в повозку. Теперь царем стал Бесс.

— И никто из персов не защитил своего царя?

— Артабаз защищал. И сыновья Артабазовы царя защищали. Но не могли защитить. Бесс погнал коней в Бактрию, увез царя Дария и увел войско. А военачальник Артабаз ушел в горы с сыновьями. Защитить царя не мог. А служить Бессу не хотел.

Александр еле сдержал ярость и негодование. Они осмелились так поступить со своим царем! Он молча ударил коня. Измученный отряд ринулся вслед за Александром. Снова началась погоня, хотя лошади хрипели и спотыкались, а всадники от усталости не видели перед собой дороги.

И опять скакали всю ночь. К полудню следующего дня примчались в какое-то селение. Кони стали. Пришлось дать передышку. Александр приказал созвать жителей села.

— Были здесь военные отряды?

— Были. Всадники были. Везли кого-то в закрытой повозке. Вчера останавливались здесь. Торопились. Уехали ночью.

— А не знаете ли вы более короткой дороги, чтобы догнать их?

— Знаем. Но эта дорога заброшена. Там нет воды.

— Показывайте эту дорогу.

Александр отобрал из пехоты около пятисот человек, самых сильных и выносливых. Уставшим всадникам велел отдать своих коней этим пехотинцам. Остальному войску приказал идти по той дороге, по которой увезли Дария. А сам с конным отрядом помчался наперерез Бессу, по заброшенной, пустынной дороге, где не было воды.

Еще одна ночь без сна, без отдыха, на коне. За ночь проскакали почти четыреста стадий. На рассвете, среди утренней мглы, стала видна серая полоса главной дороги и на ней густой темной массой медленно и вразброд идущие военные отряды.

— Они!

Македонцы настигли персов внезапно. Персы растерялись: у многих даже не было оружия, и они бросились врассыпную, в горы, в ущелья... Вооруженные пробовали защищаться. Но заря уже разгоралась, и при ее свете они увидели перед собой македонского царя.

— Александр! Александр!

Этот крик ужаса отозвался далеко в горах. Уже никто не защищался. Персы бежали, бросив своих военачальников, ехавших впереди.

Александр снова погнал коня. Он уже видел и Бесса, и крытую повозку, которую мчали сильные лошади. Бесс тоже видел Александра. Он видел, что Македонец догоняет его, и беспощадно хлестал своего коня...

Серая скала встала выступом на пути. Персы обогнули скалу и скрылись из глаз. Но Александр знал, что им не уйти от него, что он сейчас их настигнет...

Вылетев из-за скалы вслед за Бессом, Александр увидел лишь повозку, брошенную на дороге. Бесс и его отряд уходили от македонцев, и только высокая, пронизанная солнцем пыль отмечала их путь.

Македонцы, соскочив с коней, окружили повозку. Откинув шкуры, которыми была укрыта повозка, они увидели Дария. Он лежал неподвижный, весь в крови. Он только что умер; его тело, израненное дротиками, еще не остыло...

— Своего царя!.. Я поймаю тебя! — погрозил Александр вслед Бессу, который уже исчез среди выступов гор.— Я с тобой рассчитаюсь за это, клянусь Зевсом!

Александр снял свой царский плащ и укрыл Дария.

«Жалкий человек! — думал он, глядя в побелевшее лицо перса.— Как беглец ты скитался по своей державе и погиб от руки людей, которым доверял!»

А в душе его уже нарастало ликование. Дария нет в живых, но народы не назовут Александра его убийцей. Теперь Александр может спокойно принять сан персидского царя, царя всех стран и народов. И продолжать войну, объявив себя мстителем за смерть Дария, погибшего от руки предателя Бесса.

— Клянусь Зевсом, боги помогают мне!

Догонять Бесса сейчас не имело смысла. Александр решил, что все равно придет в Бактрию и Бесс не скроется от его расправы.

Александр приказал похоронить Дария по-царски и воздать ему все царские почести. Дария, по эллинскому обычаю, сожгли на костре, а пепел отправили его матери. Сисигамбис оплакала своего несчастливого сына и погребла, как подобает царю.

Персидского царя больше нет. Царь теперь только один. Александр.

Но еще далеко до свершения огромных замыслов Александра — дойти до края земли, завоевать Ойкумену, стать всемогущим властелином. Впрочем, после того как под его мечом пала Персидская держава, что может остановить Александра, царя македонского, которого сам Зевс назвал своим сыном?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СПИТАМЕН

Тяжелые воды Окса[1] отливали темной синевой между покрытых снегом берегов. С трудом преодолевая течение, через реку густой стаей шли лодки, маленькие и большие, тянулись плоты, плыли лошади, напряженно поднимая над водой головы.

Пестрое войско Бесса — персы, бактрийцы согды, кочевники-даки, жившие по эту сторону Окса,— спешно уходило от Александра.

[1] Окс — Амударья.

Бесс переправился первым. Он никак не мог избавиться от чувства погони за спиной. Сидя на большом рыжем коне, Бесс ждал, когда переправятся его отряды. Время от времени он кричал резким голосом, приказывая торопиться. Черные глаза его с блестящими голубыми белками беспокойно следили за судами, одно за другим пристающими к берегу. Нервная дрожь проходила по его медно-смуглому, тронутому рябинками лицу.

Наконец последние отряды высадились на берег. Кони, отряхиваясь, выходили из темной воды.

— Сжечь суда,— приказал Бесс, махнув рукой вдоль берега,— сжечь всё! Ничего не оставлять — ни плота, ни челнока!

Войско, не задерживаясь, уходило в глубину согдийской страны, направляясь в долину Кашка-Дарьи, к городу Навтаки[1]. Шумной гурьбой, не знающие строгого порядка, скакали кочевники. Более стройно и молчаливо шли персы, мидийцы, отряды дальних азиатских племен, уведенных Дарием. Отчетливо сохраняли строй эллинские наемники, служившие Дарию и теперь оставшиеся в бегущих войсках Бесса с нетвердой надеждой получить свою плату.

Бесс угрюмо поглядывал на своих спутников, персидских и согдийских вельмож, проверял поредевшую свиту. Тучный Барсаент, сатрап Арахозии, идет с отрядом арахотов — горных индов. Набарзан, уцелевший при Гранике... А вот идет Оксиарт, знатный бактриец, со своим войском. Согдиец Спитамен ведет свою отважную конницу. А где Фратаферн, бывший у Дария сатрапом Парфии? Где Стасанор, сатрап ариев? Где Автофридат, сатрап мардов и тапуров?

Этих напрасно искать в войске Бесса. Они у Александра. Александр теперь принимает персов в этеры, в отряды царских телохранителей. Персидские вельможи, служившие великим персидским царям, стоят теперь за спиной македонского царя!

Ушли от Бесса и многие бактрийские военачальники. Они велели сказать Бессу, что шли затем, чтобы отстаивать свободу, а не затем, чтобы бежать. А если и Бесс бежит от Александра, то им в его войске делать нечего. И теперь они просто разбрелись по домам, ушли в свои высокогорные крепости, решив отсиживаться там, пока в стране свирепствует Македонец.

[1] Навтаки — город в Согдиане.

На кого надеяться?

Бесс, придержав своего рыжего костистого коня, поравнялся с Оксиартом.

— Где твоя семья, Оксиарт?

— Далеко,— Оксиарт махнул куда-то длинным синим рукавом персидского кафтана,— на Согдийской Скале. За них я спокоен.

Бесс кивнул головой:

— Это хорошо. Но почему ушли бактрийцы?

Оксиарт вздохнул, помолчал, словно прислушиваясь к легкому хрусту снега под копытами коней.

— Наверно, потому, что надоело воевать без победы,— уклончиво сказал он, прикрыв густыми ресницами свои светло-серые глаза.

— Потому, что не верят в победу? Или потому, что не хотят служить персу?

— Этого я не знаю. Но думаю, что сейчас нет разговоров о том, кому служить. Надо защищать свою землю, вот и все. Так я думаю.

Бесс не ответил. Этот разговор ему не нравился. Оксиарт ускользал из его рук.

— Защищать нашу землю,— повторил Бесс,— да. Защитить то, что осталось. А потом гнать из Персии Македонца. Дарий не мог этого сделать. А я это сделаю.

Бесс взмахнул плеткой. Рыжий конь крупным галопом ушел вперед. Оксиарт, прищурясь, глядел ему вслед.

«Из Персии? — думал он.— А что нам за дело до Персии?»

Бесс догнал и окликнул Спитамена. Согдиец молча направил к нему коня. Кони шли рядом. Бесс украдкой, искоса поглядывал на Спитамена.

— Бактрийцы ушли,— начал Бесс, стараясь говорить спокойно,— персы ушли. Кому верить?

— Тому, кто остался,— ответил Спитамен.

Смуглое, с тонкими чертами лицо согдийца было задумчиво. Но в голосе его звучала твердая решимость, и Бесс почувствовал это.

— Александр прошел так далеко потому,— продолжал Бесс,— что никто ему по-настоящему не сопротивлялся. Через меня он не перешагнет. Только бы соратники мои мне не изменили.

— Я нашему делу не изменю,— сказал Спитамен.

И этот ответ не понравился Бессу — он ведь не сказал: «Я тебе не изменю, Бесс!» Рыжий конь помчался дальше.

«Да, я нашему делу не изменю,— хмуря тонкие черные, сходящиеся у переносья брови, думал Спитамен,— я не сложу оружия, если даже сам Бесс сложит его. Если откажутся воевать все — и персы, и бактрийцы, и согды,— я и тогда не сложу оружия. И если жена оставит меня из-за этой войны, я все-таки не сложу оружия!»

Но — жена!.. Гордая красавица из семьи персидских царей, жена Спитамена не понимает его и не хочет понимать. Его борьба с Александром кажется ей бессмысленной, ведь даже ее знатные родственники отказались от этой безнадежной борьбы!..

На крутом повороте дороги Спитамен оглянулся. Далеко позади, в прозрачной морозной синеве, таяли оранжевые отсветы костров, отмечая линию реки. Это горели челны и плоты на берегу Окса...

...Нет, что бы ни говорила жена, как бы ни гневалась она и как бы ни порицали Спитамена ее персидские родственники, он, пока есть силы, будет биться с ненавистным врагом, топчущим родную землю.

Только вот как успокоить сердце? Как заглушить хоть немного это мучительное чувство неистребимой любви к этой женщине, которая держит его в плену уже столько лет? Как томящий недуг, как рабство, освободить от которого может только смерть. А потерять это рабство страшнее смерти.

Спитамен старался думать о предстоящих сражениях. Ярость закипала в душе, как только он вспоминал об Александре, захватившем земли Азии, земли Бактрии и теперь подступающем к Согде. Старался думать о том, где он разместит свою конницу, как обеспечит провиантом и фуражом... Но, крадучись, с коварством ненадежного счастья, сердце постепенно захватывали воспоминания недавних дней, последних дней в его родном доме. Теплая тишина, ароматный дымок алебастровых светильников, ласковое прикосновение пушистых, темно-красных ковров... Из глубины покоев, отводя завесу тонкой рукой, является женщина, легкая, как видение.

— Я ухожу сражаться с Александром,— сказал ей Спитамен.

Жена еле взглянула в его сторону:

— Зачем?

Спитамен вскочил.

— Как — зачем? Защищать Согду!

В ответ лишь небрежное движение руки.

— Да,— твердо повторил Спитамен,— и ты будешь со мной.

— Я? Где?

— Со мной. На войне. В лагере. Там, где буду я.

В желтых глазах жены сверкнуло негодование.

— Я — в лагере? Мои дети — в лагере?

— И ты, и наши дети — со мной. Со мной! — повторил Спитамен.— Я не могу оставить вас без своей защиты!

Жене пришлось подчиниться. Но с каким горем, с какими слезами покидала она свой богатый дом. Какие обидные слова она говорила Спитамену!

— Защищать Согду! Зачем? Столько лет жили под властью персов. А теперь будем жить под властью македонцев. Кому нужна та свобода, которую ты собрался защищать?

— Кому? Мне. Тебе. Нашему народу.

— Мне? — Жена пожала плечами.— Мне она не нужна. Народу? А какое мне дело до вашего народа?

И так всегда. В самое сердце!

Глухой топот идущей конницы вернул Спитамена в снежную, начинающую темнеть равнину. Истоптанный снег, холодный ветер, усталый шаг коня... И лиловые с черными морщинами скалистые холмы на горизонте.

...Бесс не терял времени. Собирал войско, призывал народ восстать на защиту родной земли. Запасался провиантом и оружием. Бактрийский сатрап, назначенный царем Дарием, Бесс из рода Ахеменидов, был известен не только в Бактрии, но и в Согде.

Народ Согды и Бактрии, напуганный приближением Македонца и угрозами Бесса, спешно вооружался.

Однако союзники Бесса, знатные бактрийцы и согдийцы, были смущены. Бесс действовал, не советуясь с ними, не выслушивая их. Он только приказывал. Они удивлялись и гневались, подозревая неладное. И вскоре наступил день, когда подозрения их подтвердились.

Бесс созвал союзников на военный Совет.

«Наконец-то,— сердито думал Спитамен,— послушаем, что он скажет».

На площади небольшого согдийского города был раскинут огромный шатер, украшенный пурпуром. Над входом висело

вышитое золотом крылатое изображение Солнца — божество персов Ахурамазда. Вокруг на притоптанном, грязном снегу толпились вооруженные персидские воины. Возле шатра стояла стража.

Спитамен остановил коня, нахмурился. Что такое он видит перед собой? Уж не вернулся ли сам царь Дарий? Это его шатер!

Спитамен спешился, велел своему отряду всадников не отходить далеко, устроиться где-нибудь здесь же, на площади. И тут же увидел Оксиарта. Оксиарт хотел подъехать на коне к самому входу в шатер, но его задержала стража: к шатру царя Артаксеркса, царя всех стран, нельзя подъезжать на коне так запросто, словно к шатру какого-нибудь бактрийского военачальника. Оксиарт растерянно отдал коня конюшему. Спитамен увидел его застывшее в изумлении лицо.

— Царя всех стран? Артаксеркса?..

Глаза их встретились.

— Спитамен,— жалобно сказал Оксиарт,— объясни мне...

— Я это предвидел,— ответил Спитамен, бледнея от гнева.

— Но когда же это случилось? Как?

В шатер величаво прошли в богатых кафтанах персы, придворные царя Дария, оставшиеся в живых после всех битв, беспорядочных отступлений и скитаний по огромной азиатской стране.

Спитамен и Оксиарт переглянулись.

— Что ж, пойдем и мы,— пожав плечами, сказал Оксиарт.

В шатре было тесно. Всюду сверкало золото на расшитых кафтанах, вспыхивали огоньками драгоценные камни на ножнах акинаков. Прозрачные зерна ладана таяли на раскаленных углях очага, лиловые волокна ароматного дыма реяли над головами.

— Все как у царей,— насмешливо сказал Спитамен.

Оксиарт опасливо оглянулся:

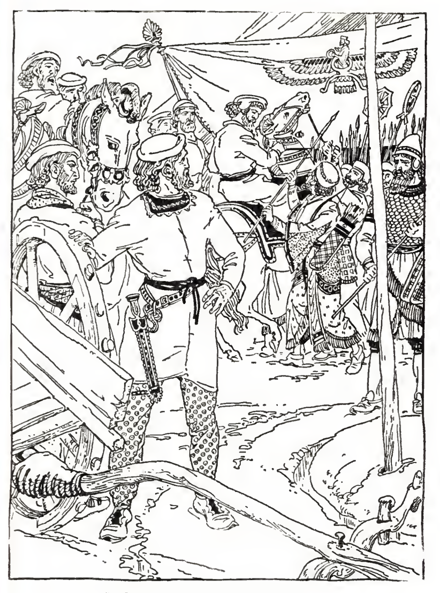
— Молчи, Спитамен. Кругом персы...

В шатер вошел молодой, широкоплечий военачальник племени паретакенов Катен.

— Где Бесс?! — громко и грубо спросил он.— Что тут происходит, в какую игру играют?

Сразу несколько персов обернулись к нему.

— Бесса нет больше,— надменно сказал один из них, подняв крутую бровь,— есть царь всех стран Артаксеркс, Ахеменид.

Спитамен увидел Оксиарта на коне...

— Что?! — Катен засмеялся.— Бесс — царь всех стран?! Где он?

Кресло царя, стоявшее на возвышении, было пусто.

Персы отвернулись. Катен растерянно посмотрел вокруг.

— Спитамен! Оксиарт! Что все это значит?

— Надеюсь, скоро узнаем,— ответил Спитамен.— Вот, смотри.

Из глубины шатра торжественно вышли персидские вельможи. Спитамен узнал среди них Барсаента и Сатибарзана... Все в богатых придворных одеждах, но с мечами у пояса.

Наконец появился Бесс. Он шел медленно, как подобает царю. На голове у него возвышалась царская тиара.

— Царь Артаксеркс, Ахеменид, царь всех стран и народов!

Голос глашатая прокатился над затихшим залом.

— Но как же это... клянусь богами? — раздался одинокий голос Катена.

Персы постарались оттеснить его в дальний угол шатра. Что-то сказали ему, видно пригрозив. Катен, негромко выругавшись, повернулся и вышел. Чуткое ухо Спитамена уловило глухой топот коня — Катен умчался.

Бесс величаво прошел к золотому креслу, сел. Придворные окружили его. И тут же один за другим принялись отдавать ему земной поклон, как кланялись Дарию, получая взамен царский поцелуй.

«Убийца Дария,— с отвращением и негодованием подумал Спитамен,— убил царя лишь для того, чтобы самому стать царем».

Спитамен в тяжелой печали опустил глаза. У персов снова царь. И если Бесс победит Александра, Согде снова быть под персидским игом. Этого нельзя допустить. Спитамен вывел свою конницу на дорогу войны не для того, чтобы защищать власть персидских царей.

Бесс бросал острые, как дротики, взгляды в окружающую толпу. Вот глаза его отыскали Спитамена, ждут, требуют. Спитамен не тронулся с места. Брови Бесса грозно сомкнулись над переносьем — Спитамен не шевельнулся. Черные глаза с большими белками ринулись в сторону Оксиарта. Оксиарт дрогнул. Подошел к трону нового персидского царя, неуклюже поклонился, получил поцелуй и, смущенный, покрасневший от усилия земного поклона и от стыда, смешался с толпой. А вот идут и другие — бактрийцы, согдийцы... Мо-

гучий бактриец Хориен, владелец огромной Скалы, которую так и зовут Скалой Хориена, стоит и кусает ус, не зная, как ему поступить...

Спитамен, чувствуя, что задыхается от гнева и нестерпимой обиды, не оглядываясь, вышел из шатра. Военный Совет? Возведение на трон Бесса, персидского царя? Согдиец Спитамен никаким иноземцам служить больше не будет.

Спитамен остался ночевать в лагере, среди воинов своей конницы. Бессонная стража охраняла лагерь.

Поздно ночью, когда во второй раз сменялись сторожевые посты, явился Хориен. Спитамен, который ни на минуту не сомкнул глаз, не очень удивился его появлению.

— Я видел, как ты ушел, Спитамен,— хриплым, простуженным голосом сказал Хориен.— Я понял тебя.

Спитамен протянул ему руку.

— Но если ты пришел сегодня ко мне, то я тоже понимаю тебя, Хориен.

Они уселись у тлеющих углей очага.

— Что ты думаешь делать, Спитамен?

— То, что думал и раньше. Сражаться.

— Под знаменем царя Артаксеркса?

— Я не знаю такого царя, Хориен. Да и хватит с нас иноземных царей.

— Бесс — из царского рода Ахеменидов.

— Я, Хориен, не собираюсь воевать за царские права Ахеменидов. Зачем? Чтобы снова стать их данником, подчиняться их сатрапам, потерявшим всякую совесть?

Хориен угрюмо теребил свою подернутую серебром бороду.

— Ты, Спитамен, забываешь, что на нашей земле — Македонец. Нам одним не выстоять перед ним.

— А ты уверен, Хориен, что Бесс не выдаст нас Македонцу, чтобы купить его милость? Да и какой смысл нам повиноваться Бессу, если он так же, как Дарий, все время отступает, бежит от Македонца? А разве можем мы отступать сейчас, когда враг идет по нашей земле?

— Пожалуй, ты прав,— угрюмо ответил Хориен,— Бесс может только помешать нам. Надо избавиться от него.

В это время в лагере послышался топот коней, голоса. Приехал со своим отрядом Оксиарт. Он шел между палаток сутулясь, словно стараясь казаться меньше и незаметней. В отсветах костров на его персидском кафтане вспыхивали

алые блики. И едва Оксиарт отогрел над очагом Спитамена свои озябшие руки, в лагере появился Катен. Не прошло и часа, как сюда примчались и другие военачальники союзных племен.

И здесь, глухой зимней ночью, в настороженной тишине военного лагеря Спитамена, знатные властители Согды и Бактрии решали судьбу своей древней, прекрасной и богатой, своей родной земли.

— Друзья мои! — Голос Спитамена дрожал от волнения.— Оглянитесь — нас много! Мы поднимем народ всех племен от Каспия до Инда. Земля наша обширна, и сила наша велика. Друзья мои, если мы все поднимем наши мечи, то не только Бесс, но и сам Александр не устоит перед нами!

ЦАРСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

В эту зиму войско Александра отдыхало в Гиркании [1], благословенной богами земле. Македонцы захватили всю огромную равнину до самого Гирканского [2] моря, в котором обнаружили изобилие всякой рыбы.

Измученное погоней за Дарием и тяжелым переходом через горы, македонское войско как лавина свалилось в Гирканию, захватило все гирканские города и богатые съестными припасами селения, которые они назвали «счастливыми». Люди здесь и в самом деле жили безбедно благодаря своей плодородной земле. Закрома ломились от хлеба, а хлеб этот и сеять было не надо: после жатвы в поле оставалось множество колосьев, их зерна осыпались и засевали ниву, обеспечивая обильный урожай.

Македонцы нашли в этих селах огромные сосуды с виноградным вином. Оказалось, что здесь каждая лоза дает целый метрет [3] вина. Обнаружены были и кладовые, полные сушеных винных ягод,— здесь не редки были смоковницы, с которых снимали по десять медимнов [4] урожая. Поселяне не скрыли от македонцев и запасов дикого меда, который, по

[1] Гиркания — область в Азии, лежавшая на север и на восток от Каспийского моря.

[2] Гирканское море — Каспийское море.

[3] Метрет — мера жидкостей, 39,39 л.

[4] Медимн — мера сыпучих тел, 52,53 л.

их словам, течет с листьев растущих в лесу деревьев, похожих на дуб.

Голодное, усталое войско разместилось на гирканской земле как могло и как хотело. Александр запретил разорять Гирканию, но пребывание многих тысяч вооруженного, измученного, наголодавшегося люда уже само по себе было тяжким разорением.

Александр поселился в главном городе страны — в Задракартах[1], в царском дворце. И как всегда, в перерывах между сражениями начались жертвоприношения, эллинские празднества с гимнастическими состязаниями, которые были так угодны эллинским богам.

И здесь в первый же день празднеств произошло то, что Александр давно подготавливал.

На царском пиру собралась вся македонская, эллинская и персидская знать. Персов было уже немало среди этеров-телохранителей македонского царя. Они появлялись здесь один за другим. Одни пришли еще при жизни Дария, увидев, что Дарий теряет царство. Другие — после его смерти, отчаявшись в сохранении персидской державы. Третьи, хоть и с запозданием, присоединялись к войскам Александра на его военных дорогах...

И вот сегодня, перед тем как идти на пир, Александр пожелал, чтобы ближайшие друзья ввели проскинесис — земной поклон царю, как это было принято у персов.

Во дворце было тесно от гостей. В зале, убранном с восточной роскошью — пурпурные покрывала на ложах, ковры, венки, благовония,— все было готово для царского пира. Но царь еще не выходил из своих покоев.

Персы держались с достоинством и несколько надменно. Но их яркие одежды уже не затмевали роскошных нарядов македонцев — царских друзей. Старые македонские военачальники, этеры и полководцы царя Филиппа чувствовали себя чужими в этой странной, не то эллинской, не то персидской толпе.

— Смотри, Азандр, тут уже и Оксафр, брат Дария! Когда и откуда он явился?

— Не все ли равно когда? Они являются, как сорняк в хлебе. Помнишь, Клит, как эти персы дрались против нас у Граника? А теперь они приходят и занимают наши места.

[1] Задракарты — главный город Гиркании.

Мы уже почти не видим своего царя. Они окружают его, они едят с ним за одним столом. А ведь он когда-то приходил к нам в лагерь и сидел у костра вместе с нами.

— Да. Теперь ему нравятся персидские поклоны до земли. Эх, Азандр, мои глаза не могут на это смотреть, кровь закипает во мне! А что ты, Мелеагр, думаешь обо всем этом?

— Что делать, что делать, друзья... Персы кланяются, будем кланяться и мы.

— Мы и под вражьими копьями не гнули спины!

— А здесь, Клит, придется!

Так они сидели за отдаленным столом, вздыхали, сетовали, покачивая бородами... Изменился их царь. Полюбил персидскую роскошь, персидские обычаи. А им, македонцам, уже и доступа к нему нет!

Кратер остановил их:

— Тише, друзья. Вы в гостях у царя — не забывайте.

Кратер не признавал персидских обычаев. Он не хотел надевать длинной персидской столы даже и на праздник. Александр не обижался на него за это. Кратер отлично служил ему на войне, был одним из самых надежных его военачальников. А если он не изменяет ни македонской одежде, ни старым македонским традициям, то Александру это было даже выгодно. Кратер стал как бы связующим звеном между царем и старыми македонцами, которые безоговорочно доверяли Кратеру и ни за что не хотели признавать никакой дружбы с варварами.

Появился Гефестион. Высокий, стройный, в длинном персидском наряде лилового шелка, он, любезно улыбаясь, перебрасываясь приветствиями, проходил среди гостей. Гости почтительно кланялись всемогущему другу царя. Но взгляд Гефестиона ни на ком не задерживался. Он искал Каллисфена.

Каллисфен, племянник Аристотеля, прибыл к Александру с одним из эллинских посольств. Аристотель посоветовал ему сопровождать Александра на Восток с тем, чтобы как очевидец написать историю его похода.

Сначала Каллисфен и царь ладили между собой. Каллисфен восторгался военным талантом царя, его бесстрашием, его победами. Он писал в своей «Истории», что у берегов Памфилии море легло к ногам царя, словно принося земной поклон, и что перед битвой под Гавгамелами царь обращался к Зевсу и Зевс помог ему, как своему сыну...

Но постепенно их отношения изменились. Гордый эллин, олинфянин, держался независимо и с большим достоинством. При всяком удобном случае он находил способ показать царю, как он презирает ту низкую лесть, которой некоторые люди окружили царя. Ему не нравилось персидское окружение царя. Он подсмеивался над персидскими обычаями, которые перенял царь...

Александр видел это. И теперь, хоть и скрывал свой гнев, он очень редко улыбался Каллисфену.

Каллисфен стоял на террасе, навалившись на перила своим тучным телом.

Рядом, блестя золотом и драгоценностями, стоял Филота, сын Пармениона.

Гефестион хотел было подойти к ним. Но имя царя, произнесенное Каллисфеном, остановило его.

— Слава многих людей зависит еще и оттого, как их сумеют прославить,— важно, со снисходительным видом говорил Каллисфен.— Иной получает по достоинствам своим, а иной, совершив гораздо более славных дел, уходит в безвестности, потому что не нашлось человека, который сумел бы сказать о нем должное. Так и Александр и дела Александра зависят от меня, его историка. Я прибыл сюда, чтобы прославить царя. И если Александр станет равным богам, то не по лживым рассказам Олимпиады о его рождении, а по той истории, которую напишу я.

— Да, пожалуй, это так и есть,— задумчиво отозвался Филота.— Но оценит ли Александр твою услугу? Он уже не раз доказывал свою неблагодарность людям, которые верно служили ему и сделали его тем, что он есть сейчас...

И после короткого молчания спросил:

— А кого из героев чтят в Афинах особенно?

— Гармодия и Аристогитона,— ответил Каллисфен.

— Тех, что убили сына тирана Пизистрата?

— Да, тех самых. Они убили тирана и уничтожили тиранию в Афинах.

Филота снова помолчал, будто подбирая слова.

— Скажи, Каллисфен, значит, тираноубийца может найти убежище в эллинских городах?

— В Афинах, во всяком случае, он найдет убежище.

«О чем они говорят? — нахмурясь, подумал Гефестион.— Что за странные речи у них?»

Он вступил на террасу. Собеседники замолчали. Филота,

как-то растерянно взглянув на Гефестиона, бросил легкую шутку и поспешил уйти в зал.

— Я искал тебя, Каллисфен,— сказал Гефестион озабоченно,— царь хочет ввести проскинесис...

— Очень сожалею,— холодно ответил Каллисфен.

Гефестион, стараясь говорить как можно убедительнее, положил руку на сердце.

— Поверь, Каллисфен, это делается не из честолюбия, не из жажды излишнего поклонения. Это — политика. Ведь Александр теперь не только царь Македонии, он еще царь и Египта, и всей Азии. Эти народы привыкли обожествлять своих царей.

— Только ли политика, Гефестион?

Каллисфен, в своей благородной белоснежной одежде эллинов, не скрывая иронии, поглядел на лиловое одеяние Гефестиона и на драгоценные браслеты на его смуглых руках. Но Гефестион приводил все новые доводы, убеждая его отдать царю земной поклон.

— Это укрепит славу царя среди азиатских народов и его право царствовать здесь. Он принял престол Ахеменидов, так должен принять и их почести!

— Ты бывал в Афинах, Гефестион? — вдруг спросил Каллисфен.

— Да, Каллисфен. Я бывал там в то время, когда Александр жил в Иллирии. Я слушал афинских ораторов и философов.

— И ты ведь знаешь Аристотеля?

— Я учился у него.

— А как ты думаешь, Аристотель одобрил бы это? — Каллисфен насмешливо кивнул на длинную шелковую одежду Гефестиона.— И как ты можешь, Гефестион, меня, эллина, племянника Аристотеля, просить кланяться по-азиатски? Я люблю Александра — воина, полководца, ты сам знаешь, как я восхваляю его деяния в своей истории, которую пишу. Но он теряет разум, слава лишает его рассудка, его тщеславию нет границ. Проскинесис? Невозможно! Я не могу стать варваром.

— Мы не станем варварами оттого, что возьмем у них какие-то обычаи. И если научимся чему-нибудь у них — а у этих древних народов, клянусь Зевсом, есть чему поучиться! — то это пойдет нам только на пользу.

— Проскинесис, например...

— Но это нужно для укрепления нашего будущего великого государства, Каллисфен!

Каллисфен нетерпеливо пожал плечами:

— Ну, уж если для такой великой цели надо стукнуть лбом у подножия трона, я сделаю это.

Он усмехнулся и отошел. Гефестион проводил его тревожным взглядом. Александр делал то, что задумал. Он силен, побеждая врагов. Но хватит ли у него сил победить друзей?

Из глубины дворца появились телохранители; нижние концы их копий были украшены золотыми шарами, похожими на айву, за что их называли айвоносителями.

Окруженный свитой, в багряных одеждах, в зал вошел Александр. На нем была длинная стола, широкий персидский пояс, и на голове, на светлых кудрях,— высокая тиара персидских царей. Драгоценные камни, словно дождь, сверкали на его груди, на плечах, на поясе его персидского платья. Александр величаво прошел к своему золотому ложу. Он поискал глазами Гефестиона, нашел и кивком головы подозвал к себе.

Едва начался пир, едва зазвенели чаши, как философ Анаксарх, человек с выпуклыми, наглыми, хитрыми глазами и приторной речью, повел неожиданный разговор.

— Я думаю, что гораздо правильнее почитать богом Александра,— громко, так, чтобы все слышали, сказал он,— а не Диониса и Геракла!

Слова были дерзкими и лесть грубой. В зале наступила тишина. Кое-кто из гостей переглянулся, пожав плечами.

— И не только за множество деяний следует почитать Александра,— не смущаясь, продолжал Анаксарх.— Бог Дионис — фиванец. Какое отношение он имеет к македонцам? Геракл родился в Аргосе, с македонцами его связывает только то, что Александр происходит из его рода. Не справедливее ли будет, если македонцы станут оказывать божеские почести своему македонскому царю?

Гефестион, бледнея, следил за настроением в зале. Он знал, что Анаксарх заранее условился с царем о земном поклоне, и знал, кто будет поддерживать эту рискованную идею царя.

Тотчас встали персы и мидийцы. Это совершенно справедливо. Они хотят сейчас же отдать царю земной поклон.

Подняли голос и этеры царя, его телохранители, его придворные. Они все хотят сейчас же принести ему, сыну Зевса, божеские почести.

Но старые македонцы и те из македонских военачальников, кто редко бывал при дворе, проводя жизнь свою в лагерях и битвах, ошеломленно молчали.

И тогда заговорил Каллисфен:

— Александр, вспомни об Элладе! Подумай: вернувшись туда, может быть, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю? Или эллинов оставишь в покое и только на македонцев наложишь это бесчестие? О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю. Но следовало бы вспомнить, что Кира победили скифы, люди бедные и независимые. Дария, сына Гистаспа, который наследовал царство Кира,— опять же скифы! А Дария Кодомана, нашего современника, победил Александр, которому в то время земно никто не кланялся!

Александр сидел с пылающим лицом, но не прерывал Каллисфена. Шум голосов, поднявшийся вокруг, заглушил и заставил замолчать строптивого эллина. Александр будто совсем не слышал, что сказал Каллисфен, с улыбкой взял свою золотую чашу, отпил из нее и отдал Гефестиону. Гефестион сделал глоток и отдал чашу соседу, а сам быстро встал с ложа, опустился на колени и поклонился царю, коснувшись кудрями пола. Александр поднял и поцеловал его. Царская чаша пошла по кругу, к македонцам, к персам, к мидийцам... И все отпивали из нее, кланялись царю и получали от него поцелуй.

Кое-где по залу шелестел ропот:

— Это ли царь македонский? В персидском платье, в персидском поясе!

— Целует персов... Тьфу!

У Александра был хороший слух, он многое слышал. Но по-прежнему делал вид, что не слышит ничего. Только его четко очерченные губы все крепче сжимались.

Чашу передали Каллисфену. Гефестион, страдая за Александра, боясь, что Каллисфен снова оскорбит царя, затаил дыхание. Что сделает этот человек? Но ведь он же обещал Гефестиону, что совершит этот земной поклон!

Каллисфен пригубил чашу и с непринужденной улыбкой подошел к царю.

Но где же проскинесис?

— Царь, он не поклонился тебе! — тотчас закричал один из этеров, Деметрий.— Он не поклонился!

Каллисфен стоял возле царя, ожидая поцелуя. Александр сделал вид, что увлечен беседой с Гефестионом и не замечает его.

— Ну что же,— усмехнулся Каллисфен,— ухожу одним поцелуем беднее!

Он отошел независимо и высокомерно. Нежное лицо Гефестиона побледнело — ведь Каллисфен обещал! Гефестион посмотрел на царя. Только бы Александр не принял это близко к сердцу, не все же сразу делается!

Но Александр бешено сверкнул глазами вслед Каллисфену. Александру надо было, чтобы делалось все сразу, немедленно и все так, как он решил. Он уже не терпел сопротивления.

Однако его быстрый взгляд уловил, как оживились его македонцы, его военачальники и даже многие молодые этеры, которые, казалось, так охотно кланялись ему в ноги! Поведение Каллисфена пришлось им по душе. Александр сумел сдержать свою ярость и какое-то время молчал, крепко закусив губу.

Справившись со своим гневом, он негромко сказал Гефестиону:

— Не надо проскинесиса. Чтобы впредь об этом не было речи.

Гефестион посмотрел на него с недоумением.

— Рано еще,— хмуро ответил Александр,— отложим на будущее.

ИЗМЕНА

Стояла жаркая осень 330 года. В садах светились прозрачные розовые виноградные гроздья. Желтые, как мед, огромные дыни горами громоздились около низеньких глинобитных дворов...

Македонцы уже давно покинули Гирканию. Нынче они разместились в Дрангиане, где Александр занял дворец царя дрангианов.

Царь, хмурый и подавленный, почти не выходил из двор-

цовых покоев. Неприятности и несчастья последних месяцев угнетали его.

В пути горцы украли Букефала. Царь чуть не ослеп от гнева и от горя. Страшными угрозами уничтожить все племя Александр заставил их вернуть коня...

Изменил Сатибарзан, сатрап Арианы, и погубил весь македонский отряд, который сопровождал его...

Умер Никанор, сын Пармениона, преданный и любимый молодой полководец...

И совсем недавно стало известно, что Бесс надел царскую тиару и называет себя царем Артаксерксом, царем всей Азии!

Забот и горя хватало.

А в войсках, среди солнечной азиатской тишины, томившей сердце, назревало недоброе. Теперь, когда не мучит огненная жара, когда воздух, плывущий с гор, свеж, как молодое вино, когда не надо думать о пропитании и воды для питья хватает, остается время для размышлений и раздумий.

Македонские и эллинские военачальники все чаще становились в тупик. Что делает Александр? В роскошных шатрах македонских вельмож возникали тайные разговоры, рожденные опасениями. Люди, которые когда-то встали стеной, защищая права Александра на царство, ныне с неудовольствием, а порой с возмущением обсуждали его действия.

— Создать единое государство, подчиненное царю? Было бы понятно, если бы захватить только западную часть Азии. Но весь мир?

— Весь мир тоже можно захватить. Но кем будем мы, македонцы, в этом огромном мире? Нас не хватит, чтобы управлять всеми землями! Мы затеряемся среди варваров!

— Он заменит нас варварами.

— Нет, царь никем не заменит нас. Он хочет, чтобы и мы и варвары были равны в его царстве.

— Это неслыханно! И этого не будет.

— А разве мало уже персов-телохранителей среди его этеров? А эти двадцать тысяч персидских мальчиков, которых он велел обучить эллинскому языку и нашему военному делу?

— Аристотель говорит, что варвар по своей природе — раб. Как же будем мы наравне с рабами?

— А наш царь говорит, что и эллины и варвары по своему рождению равны.

— Да, он это говорит. Я сам слышал.

В раздумье качал головой Мелеагр, военачальник фаланг.

— Государство, в которое войдут все народы... А править будет один Александр. Но это же пустая мечта!

Отзвуки этих разговоров, этого недоумения и тоски бродили по лагерю, отравляя мысли людей. Это было как нагнетание солнечной жары в сухом лесу. Нужна была только искра, чтобы взлетело пламя.

Александр, раздраженный дерзостью одного из своих этеров, Димна из Халестры, накричал на него и выгнал. Халестриец вышел глубоко оскорбленный.

«Хватит,— в ярости повторял он про себя,— хватит терпеть! Царь, который отрекся от своего народа, уже не царь мне!»

Мрачный, со зловеще бегающим взглядом, он поспешно отправился к молодому Никомаху, с которым дружил и которому доверял.

В полутьме храма, куда он отвел Никомаха, чтобы их никто не подслушал, Димн доверил ему страшную тайну.

— Я решил убить царя. Он замучил нас всех своими безумными замыслами. Он замучил все войско. Помоги мне. Мы освободимся от него и вернемся домой.

У юного Никомаха от ужаса замерло сердце. Он закрыл руками уши.

— Я ничего не слышал, Димн! Я ничего не знаю!

Пухлые губы его дрожали, рыжеватые волосы взмокли на висках. Но Димн не отступал:

— Мы найдем союзников, Никомах. Очень сильных союзников!

Никомах по-прежнему дрожал, тряся кудрями.

— Нет, нет, Димн! Я не хочу... Я не могу... Я не буду...

Димн понял наконец, что напрасно открылся Никомаху. Он мог бы сейчас убить юношу, но тот был так беззащитен, что у Димна не поднялась рука.

Никомах видел, как Димн схватился за оружие.

— Ты можешь убить меня, Димн. Но я не хочу... Не буду!..

Он вырвался из храма и побежал по улице, ослепленный слезами и солнцем.

— Так смотри же, Никомах,— глухо донеслось из храма,— не выдай меня!

Юноша, удрученный тайной, которой не мог вынести, долго бродил по узким, слепым улицам, среди желтых глиняных стен. Он старался избежать встречи с кем-нибудь из своих

друзей, которые сразу заметили бы, что с ним случилось неладное...

Молчать. Забыть. Выбросить из памяти сегодняшнее утро, как злое наваждение. Не было этого. Он не видел и не слышал Димна.

Но, помимо сознания, он искал защиты и помощи. Блуждания привели его к Кебалину, к его старшему брату. Кебалин сразу понял серьезность положения. Знать это и не предупредить царя — преступление, за которое надлежит смерть. Кроме того, ему стало страшно и за царя. Если Александр умрет, что будет с македонцами, что будет с ним самим и его братом здесь, в такой далекой от родины и в такой враждебной стране? А кроме всего этого, он любил Александра.

— Я иду.

Никомах ни о чем не спрашивал: он понял, что брат идет к царю. Никомаху нельзя было идти вместе с ним, иначе Димн сразу догадается, что его хотят выдать. Кебалин подошел к царскому дворцу и здесь остановился. Он не был достаточно знатен, чтобы войти к царю. Надо подождать, может, кто-нибудь из военачальников пойдет во дворец, а может, появится и сам царь...

Вскоре на площади перед дворцом появился военачальник царской конницы Филота, сын Пармениона. Окруженный свитой, в пурпуровом плаще, в сандалиях, украшенных золотом, Филота с надменной осанкой проходил мимо. Кебалин остановил его:

— Прошу тебя, Филота, проведи меня к царю. У меня есть к нему очень важное дело. Прошу тебя, убеди его выслушать меня поскорее!

Филота взглянул на него, будто Зевс с Олимпа.

— Что за важное дело у тебя, что непременно надо говорить с царем?

— Я знаю... о заговоре! Царя хотят убить!

— Кто?

— Димн задумал убить царя. Он сам сказал Никомаху!

Филота иронически усмехнулся:

— Что, друзья поссорились? И теперь один наговаривает на другого?

— Нет, Филота, тут не ссора, поверь мне. И скажи обо мне царю, я обязан предупредить его!

— Хорошо. Скажу.

Филота пожал плечами и прошел во дворец.

Бежали минуты, уплывали часы. Тени на улицах стали фиолетовыми. Македонские вельможи входили во дворец и уходили из дворца. Смеялись, сидя на белых ступенях, македонские мальчики, дети знатных людей, взятые во дворец для услуг царю и для обучения.

Кебалин терпеливо ждал.

Наконец из дворца вышел Филота. Кебалин тотчас поспешил к нему:

— Ты видел царя, Филота?

— Конечно. Мы долго разговаривали с ним. О разных делах.

— Ты сказал обо мне царю, Филота?

— Да как-то не было подходящей минуты.

Филота прошел было несколько шагов, но остановился, обернулся через плечо:

— Завтра я буду разговаривать с царем наедине. Вот тогда и скажу о твоем деле.

И он ушел, сверкая расшитым плащом, тяжелыми золотыми браслетами и драгоценными ножнами короткого меча. Свита последовала за ним, такая же надменная. Еще бы, они служат одному из самых сильных и влиятельных военачальников во всем македонском войске.

Солнце зашло. Тьма накрыла город.

— Нехорошее дело,— в раздумье сказал Кебалин, вернувшись домой.

— Я не виноват, Кебалин! — жалобно отозвался Никомах.

— Я не о тебе. Нехорошо, что Филота ничего не сказал царю.

— Он скажет завтра, Кебалин!

— А что, если те... твои друзья придут к царю раньше нас и признаются? Или их поймают и заставят сказать... Как на нас посмотрит царь?

— Кебалин, мы ни в чем не виноваты!

— В таких случаях оправдаться трудно, меч сечет и виноватых и невиновных...

На другой день первой заботой было узнать, был ли во дворце Филота и сказал ли о нем царю. Кебалин почти весь день слонялся около дворца, лишь вечером он увидел Филоту.

— Я совсем забыл о тебе,— небрежно ответил Филота.— Скажу царю в следующий раз.

Кебалин, угрюмый, расстроенный, понял, что надо искать к царю других путей. Время проходит, опасность, быть может, совсем близка... Вот уже целых два дня он носит в себе тайну, которая сжигает его. Он набрался решимости и вошел во дворец, стража преградила ему дорогу. На счастье, Кебалина увидел молодой Метрон, хранитель царского оружия. Метрон знал Кебалина и впустил его.

— Проведи меня к царю, Метрон! У меня к нему очень важное дело.

— Что мне сказать царю, Кебалин?

— Скажи... что его хотят убить.

Метрон побледнел.

— Пройди сюда. Жди здесь.

Метрон втолкнул Кебалина в комнату, где хранилось царское оружие, и захлопнул дверь.

Кебалин слышал, как удалялись его торопливые шаги, затихая в глубине дворцовых покоев.

Александр мылся в ванне. Это была та самая светящаяся зеленым лунным светом ванна из оникса, взятая в лагере Дария после битвы при Иссе. Золотые флаконы с благовониями, сосуды с душистыми маслами и притираниями мягко мерцали в нишах, под колеблющимся светом золотых светильников.

Сам того не замечая, македонский царь, столько раз ночевавший у костра в походной хламиде, все больше привыкал к роскоши.

Александр с наслаждением дышал запахом розовой эссенции, которую только что влили в прозрачную воду ванны. Легкая дремота, приятные грезы обволакивали его.

Внезапно в эту сладкую тишину ворвался чей-то тревожный голос:

— Пустите меня к царю, пустите, дело не ждет! Царю угрожает опасность!

Сразу исчезло все — покой, дремота, волшебное забытье. Александр накинул льняную простыню.

— Пусть войдет.

Метрон дрожал от волнения.

— Царь, тебя хотят убить. Это сказал Кебалин. Он в оружейной, я задержал его.

Глаза Александра стали холодными и жестокими. Он потребовал одежду и стремительным шагом направился в оружейную. Увидев его, Кебалин всплеснул руками от радости.

— Царь! Слава богам, я вижу тебя живым и невредимым!

Александр тут же, в оружейной, допросил его. Кебалин рассказал все, что узнал от брата.

— Но ты, зная это, два дня молчал?

Кебалину пришлось рассказать про Филоту.

— Я два раза просил его предупредить тебя, царь!

— Два раза?

— Да. Два раза. Он обещал, но не нашел времени. Потому я здесь.

— Два раза... И он два раза промолчал?!

Царь сел на скамью. Плечи его поникли, словно на них навалилась тяжесть. Крепко сжав губы, он глядел в пол, покрытый изразцами, будто смертельно раненный человек.

Расследовать заговор собрались ближайшие друзья царя, его этеры. Велели схватить и привести Димна. Послали за Филотой.

Филота вошел, как всегда, с высоко поднятой головой. Он встретил холодный, вопрошающий взгляд царя и спокойно выдержал его. Он еще не знал, в чем его обвиняют.

Димна принесли на руках. В ту минуту, когда царская стража пришла за ним, он ударил себя мечом. Его принесли и положили на пол. И тотчас на плитах возникло темное пятно крови.

Александр подошел к нему.

— Что вынудило тебя, Димн, на такое преступление? — с глубокой горечью сказал он.— Видно, тебе Филота показался достойнее македонского трона, чем я?

Димн поднял на царя угасающие глаза. Хотел что-то ответить, но потерял сознание. Через минуту он умер.

Этеры в смущении переглянулись. Умер единственный человек, который мог до конца раскрыть заговор. Александр отошел от него и опустился в кресло.

— Кебалин заслуживает крайнего наказания, если он скрывал заговор против моей жизни,— сказал он, устремив на Филоту потемневшие глаза,— но он утверждает, что в этом виноват ты, Филота. Чем теснее наша с тобой дружба, тем преступнее твое укрывательство. Смотри, Филота, сейчас у тебя благосклонный судья. Если ты еще можешь опровергнуть то, в чем обвиняют тебя,— опровергни!

Филота не смутился:

— Да, царь. Кебалин действительно передал мне слова Никомаха. Но я не придал им никакого значения. Друзья по-

ссорились, и все. Я просто боялся, что здесь меня поднимут на смех, если я буду тебе рассказывать об этом!

Царь указал ему на окровавленное тело Димна. Филота нахмурился.

— Да,— сказал он,— если Димн покончил с собой, значит, мне действительно не следовало молчать.

Кругом сгустилась враждебная тишина. Филота оглянулся. И, увидев холодные, замкнутые лица этеров, их глаза, полные ненависти, вдруг бросился к царю и обнял его колени:

— Александр, умоляю тебя, суди обо мне не по этой моей ошибке, а по нашей прошлой дружбе. Ведь я молчал не умышленно, я просто не придал этому доносу значения. Я ничего не знаю о Димне, я ничего не знаю о заговоре!

Александр пристально глядел на него, стараясь понять не то, о чем он говорит, а то, о чем он умалчивает.

Наконец Александр протянул Филоте правую руку в знак примирения. И, тяжело вздохнув, ушел.

Эту ночь было трудно пережить. Александр ходил взад и вперед в гнетущей тоске. Гефестион, который молча сидел в кресле, поднялся, чтобы уйти. Но Александр остановил его:

— Не уходи, Гефестион, не уходи! Не оставляй меня, Гефестион!

Он так умолял, словно боялся, что Гефестион исчезнет навсегда, если уйдет сейчас из его спальни и он, Александр, останется один, совсем один... Потому что он уже не знает теперь, кому можно доверять, если Филота все-таки изменил? Был ли он царю истинным другом? Или затаил свое коварство до того благоприятного для его замыслов дня, когда он убьет Александра и сам станет царем?

Изменял ли Филота Александру на его военном пути? Всегда отважный в бою, решительный, уверенный в себе, Филота был большим военачальником... Несмотря на доносы рыжей Антигоны, Александр всю конницу отдал в его руки, а конница стала в македонских войсках решающей силой... С этой силой Филота сможет захватить царскую власть...

А зачем ему эта власть?

Александр знал зачем. Затем, чтобы повернуть все течение государственных дел по-своему, так, как хочет он, Филота, как хочет Парменион, как хотят и еще некоторые полководцы и о чем даже в палатках воинов идут строптивые разговоры...

Об этих разговорах уже не раз сообщал преданный ему

человек Евмен Кардианец, его личный секретарь. Через его руки проходят не только военные дела, приказы и письма, но и доносы царю.

Чего же хотят эти люди, противопоставляющие свою волю воле царя?

Они хотят домой, в Македонию. Они считают, что достаточно взяли земли у персов, чтобы насытить и Македонию и Элладу хлебом и плодами.

Они считают, что идти еще дальше, в чужие, опасные земли, нет никакого смысла, что эти вздорные замыслы царя не стоят тех лишений, которые приходится им терпеть, и той крови, которую приходится проливать.

Ни разу Александр не дрогнул в самых опасных и тяжких битвах. А сейчас ему казалось, что земля уходит у него изпод ног. Нет. Пора положить этому предел. Он положит этому предел любой ценой. Он устранит все преграды и добьется того, что стало целью всей его жизни!

Гефестион подошел к нему, положил ему на плечо ласковую руку.

— Александр, успокойся. Завтра мы все соберемся и обсудим это дело. А сейчас ложись и усни. Надо, чтобы завтра у тебя была ясная голова.

Александр посмотрел на него снизу вверх, как младший брат на старшего. Ему, как никогда, нужна была сейчас верная опора.

— А ты не уйдешь, Гефестион?

— Нет, не уйду, Александр.

— Не уходи. Я усну спокойно, только если ты будешь рядом со мной.

— Я буду рядом с тобой, Александр.

СУД ВОЙСКА

На другой день у царя собрались все его ближайшие друзья, его этеры. Филоту не позвали. Велели прийти Никомаху. Юноша повторил все, что сказал брат. Его выслушали и отпустили.

Первым заговорил Кратер. Один из близких друзей и лучших военачальников, энергичный, честолюбивый, Кратер не выносил высокомерия Филоты. Он возмущался, когда Фи-

лота самовлюбленно хвастался своими подвигами, своей доблестью и, не стесняясь, напоминал царю о своих заслугах. Кратера оскорбляло, что он постоянно старался показать свое превосходство над всеми друзьями царя. Первый военачальник во всем войске и первый человек после царя!

Сейчас был тот случай, когда Кратер мог высказать все, что накипело на сердце:

— О если бы ты, царь, в самом начале этого дела посоветовался с нами! Мы убедили бы тебя, если бы ты хотел простить Филоту, что лучше не напоминать ему, сколь он тебе обязан, иначе ты заставишь его в смертельном страхе думать больше о своей опасности, чем о твоей доброте. Но ты не имеешь основания думать, что человек, зашедший так далеко, переменится, получив твое прощение. И даже если он сам, побежденный твоей добротой, захочет успокоиться, я знаю, что его отец Парменион, стоящий во главе столь большой армии, не останется равнодушным к тому, что жизнью своего сына он будет обязан тебе!..

У Александра дрогнули брови. Парменион! Ведь есть еще отец Филоты — Парменион. Как же Александр не подумал о том, что у Филоты за спиной стоит такая сила!

— Часто бывает,— продолжал Кратер,— что благодеяния вызывают ненависть. Филота предпочтет делать вид, что получил от тебя оскорбление, а не пощаду. Значит, тебе предстоит бороться с этими людьми за свою жизнь. Берегись врагов в своей среде!

Друзья поддержали Кратера.

— Филота не скрыл бы заговора, если бы сам не участвовал в нем!

— Даже простой воин, если бы услышал то, что сказали Филоте, поспешил бы предупредить царя,— ведь сделали же это Никомах и Кебалин? А он, Филота, один из первых полководцев царя, не нашел возможности сказать ему о таком важном деле!

— И разве ты забыл, царь, как Филота отозвался на то, что жрецы объявили тебя сыном Зевса? «Поздравляю тебя с принятием в сонм богов. Но жалею тех, кому придется жить под властью превысившего удел человека!» — вот что он сказал тогда!

Надо назначить следствие и заставить Филоту выдать остальных участников заговора. Так решили друзья царя — Гефестион, Неарх, Кратер, Эригий, Леоннат, Фердикка, Кен,

Птолемей, сын Лага... Кен, потрясенный тем, что Филота, македонец, мог задумать убийство своего царя, был особенно беспощаден. Кроме того, он был мужем сестры Филоты и боялся, как бы не подумали, что он, Кен, защищает его.

Царь молчал.

Наутро, будто ничего не случилось, по войску был объявлен поход.

Филота, не спавший всю ночь, успокоился. Гроза миновала. Он остерегался разговаривать с кем-либо о том, что произошло. Друзей у него не было. Братья умерли. А отец далеко, в Экбатанах, как верный, старый пес сторожит сокровища царя.

Целый день, как всегда роскошно одетый, как всегда надменный, Филота разъезжал по лагерю, готовил к походу конницу. Воины настороженно следили за ним, торопливо проверяли снаряжение, чистили коней и попоны. Филота был строг и немилостив. Сам македонец, он никогда не обращался к македонцам на родном языке: он презирал язык своей родины, как презирал и воинов своих, пришедших из македонских деревень.

В лагере никто ничего не подозревал. Никто не чувствовал тучи, нависшей над головой блестящего военачальника-царедворца. Даже сам Филота беспечно отгонял тревожные мысли, начинавшие мучить его.

В течение дня он встречал то Кратера, то Неарха, то Кена. Ни один из них ничего не сказал Филоте, ни один не намекнул о случившемся. Молчат.

Хорошо это или плохо?

«Обойдется,— успокаивал он себя,— а этих негодяев, Кебалина и Никомаха, надо как можно скорее убрать, чтобы им неповадно было таскаться в царский дворец».

Вечером у царя был назначен пир. Филота еле справлялся со своим волнением. Позовут его на этот пир или нет? Все ли осталось по-прежнему или судьба его уже изменилась?

К вечеру пришли от царя с приглашением на ужин. Филота вздохнул. Обошлось!

«Смотри же,— сказал он сам себе,— смотри, Филота, будь осторожен, ты ходишь по острию меча!»

Царский пир на этот раз был недолог. Царь почти не прикасался к чаше. Он дружески разговаривал с Филотой, как всегда. Филота торжествовал: враги хотели погубить его, но не удалось. Филота по-прежнему остается ближайшим дру-

гом царя, царь по-прежнему доверяет ему. Вино вдохновляло красноречие Филоты, он много говорил, и царь внимательно слушал, не сводя с него глаз. В своей самонадеянности Филота не замечал, что друзья-этеры, сидящие рядом, сегодня не в меру молчаливы и что в глазах царя застыло холодное отчуждение. Если бы Филота не был так самоуверен и самовлюблен, он бы уже теперь понял, что участь его решена.

Наступила ночь. Огни погашены. Дворец затих, гости удалились.

Но в тот глухой полуночный час, когда менялась вторая стража, во дворец вошли друзья царя — Гефестион, Кратер, Кен, Неарх, Птолемей... Следом явились Леоннат и Фердикка. На всех в мерцании светильников тускло поблескивали военные доспехи и бряцали мечи.

Вокруг дворца стоял вооруженный караул. У всех выходов из лагеря стояли вооруженные отряды. Ни один человек не выйдет отсюда, чтобы отвезти Пармениону весть, что его сын арестован. Триста вооруженных воинов неслышно подошли и окружили дом Филоты, чтобы взять Филоту и привести на допрос к царю.

В доме было темно и тихо. Начальник отряда Аттарий постучался — никто не ответил. Встревоженный воин загрохал в дверь рукояткой меча. Никто не отозвался. Стали ломать двери.

Филота был дома. Он спал так крепко, что ничего не слышал,— сказалась бессонная ночь накануне и неразбавленное вино, которое он пил на царском пиру, обрадованный милостью царя. Филота не сразу понял, кто и зачем пришел к нему и кто осмелился его разбудить, сон еще туманил ему глаза. Внезапно его схватили за руки и заковали в цепи. Филота сразу очнулся и, увидев цепи на своих руках, понял, что все кончено.

— Жестокость врагов победила — о царь! — твое милосердие! — сказал он упавшим голосом.

И больше не произнес ни слова. Ему накинули на голову хламиду и повели во дворец.

Царские этеры, его ближайшие друзья, всю ночь допрашивали Филоту.

Александр ждал в соседнем покое. Он то ходил взад и вперед, то ложился. А потом вставал снова, мучимый тоской и видениями. Он слышал голос матери, неистовой Олимпиады, настойчиво и страстно заклинающий:

«Убивай! Убивай! Их надо убивать!»

То возникало перед ним тело его отца, царя Филиппа, с кровавой раной в груди, и теплая кровь падала ему на руки с кинжала убийцы...

Ближайший его друг Филота, одаренный всеми милостями царя, замыслил его убить!

Иногда вдруг появлялась надежда. Может быть, Филота сможет оправдаться. И тогда все тяжкое отпадет. И все будет снова, как прежде, все, как прежде. Он и не знал до этой ночи, как хорошо было прежде...

Но этого не случилось. К утру вошел Гефестион и сказал, что они вырвали у Филоты признание.

— Вы знаете, как дружен был мой отец с военачальником Гегелохом,— сказал Филота,— я говорю о Гегелохе, погибшем в сражении. От него пошли все наши несчастья. Когда царь приказал почитать себя как сына Зевса, Гегелох сказал: «Неужели мы признаем царя, отказавшегося от своего отца Филиппа? Мы попали под власть тирана, невыносимую ни для богов, к которым он себя приравнивает, ни для людей, от которых он себя отделяет». Гегелох сказал, что, если мы решимся возглавить его замысел, он будет нашим ближайшим соучастником. Но моему отцу его план показался несвоевременным — еще был жив Дарий. Тогда убили бы Александра не для себя, а для Дария. Но когда Дария не будет, то в награду за убийство царя его убийцам достанется Азия и весь Восток. Этот план был принят и скреплен взаимными клятвами. О Димне же я ничего не знаю. Впрочем, теперь это для моей участи уже не имеет значения...

Утром собрали войско. Воины стояли в полном вооружении. Филоту вывели, накрыв старым плащом.

Царь вышел к войску, он был печален. Сумрачны и бледны после страшной ночи допроса, рядом с ним стояли его друзья.

Александр не мог говорить — волнение душило его. Войско охватила тревога, хотя еще никто не знал, что произошло.

Наконец Александр поднял голову.

— Преступление едва не вырвало меня из вашего круга, о воины! И я остался жив только по милосердию богов!..

Крик и стон прошел по войску. Их царя хотели убить! Их царя, их полководца!

Александр рассказал войску о заговоре Димна и злых замыслах Филоты. Он огласил признание Филоты. И когда

было сказано все, Александр отдал Филоту на суд войска и ушел. Воины, возмущенные предательством Филоты, в ярости закидали его дротиками. По древним македонским обычаям, суд над преступниками вершили войска, и Александр знал, что суд этот будет беспощаден.

СМЕРТЬ ПАРМЕНИОНА

Этим не закончилась черная полоса жизни. Македонцы вспомнили про Линкестийца. Три года царь возил его за собой в оковах. Но все откладывал казнь — не то жалея Антипатра, не то опасаясь его мести.

Возбужденное войско еще волновалось, когда выступил Аттарий, тот самый Аттарий, что привел на суд Филоту.

— А почему ты щадишь Линкестийца, царь? — крикнул он.— Пусть оправдается или пусть умрет!

Александр и сам понимал, что дело Линкестийца пора закончить.

— Приведите Линкестийца!

Никто не узнал молодого, блестящего царского этера. Полуголый, истощенный, заросший бородой человек стоял перед затихшим войском. Он горбился, у него не было сил стоять прямо, цепи оттягивали ему руки. Увидев Александра, он вздрогнул и попятился. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу.

— Говори,— сказал царь,— оправдайся перед лицом войска. Я даю тебе эту возможность, которой ты, уличенный в злодеянии, не достоин. Оправдайся, если сможешь!

Три года Линкестиец ждал этого дня. Три года обдумывал речь, которую он произнесет, если его будут судить. Эта страстно жданная минута наступила.

Линкестиец поднял голову.

— Я первый назвал тебя царем, Александр...

— Но ты первый и предал меня!

Линкестиец обернулся к войску. Перед ним стояла толпа вооруженных людей, разъяренная, настороженная, глаза их — как острия мечей, направленных на него... И вдруг он почувствовал, что не может произнести ни слова.

— Ну говори, оправдывайся!

Линкестиец сделал отчаянное усилие — от его слов сей-

час зависит не только свобода, но и жизнь! — вздохнул, подавил подступившее рыдание, пробормотал что-то... Но так ничего и не смог сказать. Он все забыл!

— Совесть не дает ему солгать! — раздались голоса.

— Ему нечего сказать!

— Изменник!

Линкестийца убили.

Войско совершило свой суровый суд. Однако во дворце не наступило спокойствия. Филоту казнили, но остался в живых его отец Парменион...

Парменион ничего не предпринимал против царя. Обвинений ему предъявить было невозможно — их не было. Было только перехваченное письмо, и в нем туманные строчки, внушавшие подозрение.

«Сначала позаботьтесь о себе,— писал Парменион своим сыновьям Филоте и Никанору,— затем о своих; так мы достигнем желаемого».

Было еще признание Филоты, быть может вынужденное.

Но и Александр, и ближайшие его друзья и советники понимали, что Парменион, лишившись своего последнего сына, никогда не забудет и не простит этой утраты. Кто поручится, что он теперь не поднимет против царя доверенное ему войско? И разве не замышлял он уже и раньше, по словам Филоты, убить Александра, договариваясь с Гегелохом?

— Измену надо уничтожить с корнем,— сказал на тайном совете Кратер,— иначе будут тяжелые последствия.

Все согласились с Кратером. Кратер высказал то, что сам он уже считал неизбежным.

— Пусть будет так,— сказал Александр и этим утвердил смертный приговор Пармениону, человеку, который уже давно тяготил его и мешал ему.

На рассвете, когда небо чуть позеленело на востоке, из лагеря выступил отряд арабских всадников на быстроходных дромадерах. Дромадеры бежали длинным шагом, почти не останавливаясь, в сторону Мидии, опережая самые быстрые вести, которые могли прибыть туда из лагеря царя.

Возле Экбатан, когда уже никто не мог ни подстеречь, ни остановить их, всадники сбросили белые арабские бурнусы. И уже в своих македонских одеждах въехали в город.

Стояли ясные, безветренные дни. В такие дни отчетливо видны очертания гор и леса́, косматым плащом спадающие

по склонам. В такие дни хорошо дышится, душа освежается бодростью, и человек чувствует себя почти бессмертным.

В такие дни Парменион любил бродить в садах старого дворца мидийских и персидских царей. Все было дано для счастья — тишина, безопасность, роскошь дворцовых покоев, прелесть мидийской природы, слава, известность, почитание, власть...

Но Парменион был печален.

Это была печаль о погибших сыновьях. Двое сыновей его умерли... Оба молодые... Их ждала жизнь, полная славы, а они умерли даже не в бою — Гектор утонул в Ниле, Никанор умер от болезни. Остался один Филота, его опора, его гордость...

Это была печаль старости, которую он здесь, в Экбатанах, начал отчетливо и болезненно ощущать. Ни красота женщин, ни богатство, ни разгульные пиры, похожие на те, что шумели при царе Филиппе, не волновали его. Как много отнимает старость у человека и как мало дает взамен! Что она дает? Спокойствие чувств, равное холодному безразличию. Груз воспоминаний, тяготящий сердце. Боль неотомщенных и непрощенных обид... Его все забыли. Молодым не нужны старики.

Парменион присел на каменную, согретую солнцем скамью. Прекрасная лиственница раскинула над ним светлую шелковую хвою, пропуская рассеянный солнечный свет.

...А старики молодым очень нужны, молодые сами не понимают этого. Для совета, продиктованного жизненным опытом, для помощи, для руководства...

Впрочем, может быть, это кому-нибудь и нужно. Но не царю Александру. Много непонятного делает этот своенравный человек, много бессмысленного и ненужного.

«Ну, давай разберемся,— сказал Парменион, обращаясь к самому себе: старые, одинокие люди часто разговаривают сами с собою,— давай разберемся. Зачем нам строить мосты и дороги в земле варваров? Зачем устраивать больницы и академии? Зачем чинить плотины и каналы в Египте? Зачем строить Александрии по всей азиатской стране? Что сказал бы царь Филипп, видя, как неразумно его сын растрачивает огромные сокровища и силы македонской армии! Не спорю, он умеет побеждать. Он захватывает города один за другим. Но как часто случается, что он из-за одного ничтожного чертежа на карте гонит войско в самые неприступные места!

А зачем? Видите ли, ему надо знать, что там находится! Ах, царь Филипп, почему ты умер так рано!»

«Видишь ли, Парменион,— отозвался царь Филипп,— я бы не смог совершить того, что совершает Александр...»

Царь Филипп сидел с ним рядом на каменной скамье. Солнечный свет, рассеянный нежной хвоей лиственницы, падал на его кудрявую голову и широкие плечи.

«А кому это нужно, царь, кому нужно то, что делает Александр?»

«Будущим поколениям, Парменион. Александр завоевывает новые земли для нашей бедной маленькой Македонии и для городов великой Эллады, которые вечно сидят без хлеба. Он налаживает торговые пути, которые позволят купцам свободно провозить товары по всем странам. В городах, которые он строит по всей Азии, будут жить наши македонцы! Подумай: мы с тобой властвовали только над какими-то полудикими племенами варваров, а наши потомки будут властвовать над всем миром!»

«Над всем миром»! Филипп, ты подумай сам, может ли один человек, даже самый великий, править всем миром? Каждый народ хранит веру своих отцов, свои обычаи. Каждый народ любит свою родину и будет всегда стремиться сбросить нашу власть. Мы можем захватить весь мир, но не сможем удержать. Честолюбие Александра стало его безумием. Ведь и Антипатр держится тех же убеждений, что и я, а мы оба, и Антипатр и я, твои старые боевые друзья, Филипп, мы всегда были преданы твоему дому. Однако согласиться с неистовыми и неразумными устремлениями Александра, я не могу, Филипп!»

«Уж не думаешь ли ты изменить ему, Парменион?»

«Я никогда не изменял своим царям. Однако если царь вершит дела, несогласные с моим разумом, легко ли мне подчиняться ему, Филипп? Я еще могу держать копье в руке, я могу командовать армией... Разве мало я одержал побед в жизни? Разве я не могу побеждать и теперь? А я вот сижу здесь, сторожу сокровища. Правильно он поступает, по-твоему?»

«Будь мудрым, Парменион. Видно, пришло наше время уходить с дороги и не мешать молодым... Пойдем, Парменион, пора! Пойдем, Парменион... Парменион!..»

Парменион вздрогнул, открыл глаза. Тонкая тень лиственницы лежала на скамье...

— Парменион!

Перед ним стоял начальник стражи. Парменион в замешательстве глядел на него, он еще слышал голос Филиппа.

— К тебе посланцы от царя Александра, Парменион.

Парменион очнулся.

— Они во дворце?

— Нет. Они идут сюда.

Четверо македонцев в блестящих доспехах шли к нему по аллее. Парменион встал и пошел им навстречу. Солнце слепило ему глаза, и он не сразу узнал, кто явился к нему.

«Вспомнил-таки обо мне царь!..— подумал он.— Но кто же это? Стратеги Мидии... Ситалк, Клеандр, Менид. Что им нужно от меня? А это — неужели Полидамант?»

Да, это он, его любимый военачальник и друг, который столько раз ходил с ним в сражение, и столько раз стоял рядом с ним в самых жестоких боях...

— Полидамант! — Парменион в волнении протянул к нему слегка дрожащие руки.— Значит, еще любят меня боги, если они решили привести тебя ко мне!

Полидамант постарался улыбнуться, но кровь отхлынула от его лица и улыбки не получилось. Однако Парменион в своей радости ничего не замечал. Он так же сердечно приветствовал и остальных гостей, ласково повторяя их имена — Клеандр, Ситалк, Менид!..

— Как поживает царь? — спросил он.— Я давно уже не получал от него никаких известий!

— Ты узнаешь это из письма,— ответил Полидамант, подавая ему письмо, запечатанное печатью царского перстня.

Парменион тут же прочитал письмо.

— Царь готовит поход на арахозиев,— сказал он, задумчиво свертывая свиток.— Деятельный человек, он никогда не знает отдыха. Однако, достигнув столь большой славы, он должен беречь свою жизнь и не бросаться в битвы так безоглядно.

— Вот еще одно письмо тебе, Парменион,— вдруг потеряв голос, сказал Полидамант, подавая письмо, запечатанное перстнем Филоты, снятым с его мертвой руки.

Бледные, в красных веках глаза старого полководца осветились счастьем.

— От сына!

Парменион сломал печать. Свиток развернулся...

В это мгновение Клеандр ударил его мечом.

Парменион пошатнулся, не понимая, что произошло. Свет в его глазах погас. Он упал.

И тут же все остальные пронзили его, уже мертвого, своими мечами, выполняя волю царя.

Начальник стражи увидел это. С криком ужаса он побежал к войску, в лагерь.

— Пармениона убили! Измена! Убили Пармениона!

Воины, схватив оружие, хлынули в сад, готовые растерзать убийц. Но подоспела вооруженная свита и заслонила посланцев царя. Воины трясли ворота, кричали, проклинали, угрожали, что разломают стены сада...

— Выдайте убийц!

— Кровь за кровь!

— Впустите сюда их военачальников! — приказал Клеандр.

Разъяренные воины вошли, сжимая в руках оружие. Полидамант поднял и показал им письмо с печатью царя. Это было письмо к войску.

Услышав, что царю угрожала измена, воины притихли и разошлись. Но не все. Осталась большая толпа над окровавленным телом старого полководца, с которым прошли столько земель и выдержали столько сражений...

— Позволь, Клеандр, хотя бы похоронить его!

— Нет,— отвечал Клеандр,— нельзя отдавать погребальных почестей изменнику.

Воинам уже стало известно, что Клеандр среди тех, кто принял начальство над войсками Пармениона. И они снова упрашивали его:

— Он так долго служил царю, Клеандр! Ему семьдесят лет, а он, как юноша, выполнял все приказания царя. Не лишай его последнего пристанища!

Клеандр боялся, что этим оскорбит царя. Но сердце его не выдержало — он разрешил похоронить Пармениона. И воины-македонцы, по македонскому обычаю, сложили своему полководцу высокий погребальный костер.

Как буря идет по лесу, так весть о том, что казнен за измену Филота и убит Парменион, пошла по войскам. Все родственники и друзья этой семьи с ужасом ждали ареста и смерти. По старому македонскому закону, все родственники изменника и люди, близкие ему, должны быть казнены, хотя бы сами они и были никак не причастны к злодеянию. Некоторые из родственников Пармениона тут же покончили

с собой — все равно смерть, а может быть, и пытка. Многие из них в смятении и отчаянии бежали в горы. Лагерь волновался.

Александр, узнав об этом, вышел к войску:

— Пусть родственники и друзья Пармениона и Филоты остаются в лагере. Я должен был бы, по нашему македонскому закону, их казнить. Но я своей царской властью отменяю этот закон. Виновен только виновный. А виновные уже наказаны.

Буря в войсках улеглась. Родственники Пармениона вернулись в лагерь. Зреющее сопротивление было задушено, уничтожено, убито. Теперь Александр мог диктовать свою волю, и никто не смел прекословить ему.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С БЕССОМ

Аристобул, как и другие историки, бывшие в войске, по приказу царя вел путевой дневник и записывал в него все, что поражало его или казалось стоящим внимания.

Так он записал, что гора Кавказ [1], возле которой царь ныне, в 329 году, основал еще одну Александрию, самая высокая гора в Азии. Склоны этой горы голые и каменистые, а растут на ней только теребинда и душистая трава сильфий, лучшая приправа к мясу.

Но хоть и бесплодна гора, а людей здесь много. На склонах пасутся большие стада — и крупный скот, и овцы. Овцы очень любят сильфий, они издали чуют его, бегут туда, где он растет, откусывают цветок и выкапывают корень. Приходится все места, где растет сильфий, огораживать. Эта трава высоко ценится.

Войско Александра терпело бедствия. Бесс опустошил всю местность вплоть до этой огромной горы. В горных долинах воины шли, увязая в снегу, страдая от холода, усталости, от недостатка еды и сна. Лошади изнемогали, падали, умирали, по всему пути горного перевала лежали их безжизненные тела.

Но царь был непреклонен. Для него не существовало не-

[1] Здесь имеются в виду горы Арианы — области на Иранском плоскогорье. Македонцы, не имея карты, считали, что это Кавказский хребет.

приступных гор и непроходимых дорог. Он шел вперед, и войско шло за ним. Александру надо было поймать Бесса.

В Бактрии никто не задержал Александра. Он с ходу захватил самые большие города — Бактры и Аорн. Оставив в Аорне сильный гарнизон, Александр прошел к реке Оксу, по следам Бесса, ушедшего за Окс.

Глубокое течение мутно-коричневой реки влекло огромную массу воды. На плоских, унылых берегах пустынно завывал ветер. На том берегу реки среди истоптанного снега чернели остатки сожженных судов, и серый пепел взвивался над ними. Переплыть реку невозможно — река в ширину не меньше шести стадий.

Попробовали забивать колья, чтобы навести мосты. Река без всякого усилия выворачивала колья и уносила по течению. Можно бы еще и еще раз попытаться установить опору для моста, но на пустом берегу не было леса.

Тогда Александр снова вспомнил Кира, его переправу через Тигр и Евфрат. И свою переправу через широкий Истр, которую он осуществил когда-то в дни своей ранней юности и первых боев. Снова, как и тогда, македонские воины собирали шкуры, из которых сделаны их походные палатки, набивали их соломой, зашивали наглухо, так, чтобы не проникла вода. Пять дней переплывало войско через Окс на этих нетонущих мехах. Пять дней переправляли конницу и запасы провианта.

И снова, еле отдохнув, македонцы следовали за своим царем туда, где новый персидский царь Артаксеркс готовил им сопротивление. Александр с удивлением убеждался, что страна сдает города, но не покоряется. Где-то в глубине горных долин Согдианы разрастается войско повстанцев. Бесс — Ахеменид, законный наследник персидских царей. Он может легко поднять на Александра племена, исстари подчинявшиеся персидскому владычеству.

Неожиданно, когда войско остановилось на отдых, в лагерь к царю явились посланцы. Они сказали, что их прислал Спитамен.

— С чем вы пришли ко мне? — хмуро спросил Александр.

— Спитамен велел передать тебе, царь, что если ты пошлешь хотя бы небольшой отряд, то можешь схватить Бесса. Спитамен и Датаферн решили выдать его тебе.

Александр не ожидал такой удачи. Значит, Спитамен, самый опасный его противник, изменил персам и перешел на

сторону Александра! Значит, ему не придется пробивать себе путь сквозь бои с повстанцами местных племен, поднявшихся на него!

Взять Бесса Александр послал Птолемея, сына Лага. Решительный, жестокий и смелый, военачальник Птолемей помчался в лагерь Спитамена. Три гиппархии этеров, конные дротометатели, щитоносцы, агрианы, лучники — все это войско, легкое и отважное, словно буря летело вместе с Птолемеем. Военачальники Александра, по примеру своего царя, умели делать за короткое время огромные переходы. Птолемей вместо одиннадцати дней пути внезапно, на пятый день, прибыл в лагерь Спитамена.

Дымящиеся, с запавшими боками и сбитыми копытами, лошади, тяжело дыша, остановились у желтых каменных стен небольшого селения.

Никто не встречал Птолемея. Громоздкие, с металлическими бляхами ворота были закрыты. В селении стояла странная тишина.

Птолемей велел глашатаю объявить, что жители останутся целыми и невредимыми, если откроют ворота и выдадут Бесса. Ворота медленно открылись. Толпа поселян, сгрудившись, стояла на площади. Никакого войска в селении не было.

— Где Спитамен? — спросил Птолемей.

Из толпы вышли старики. Низко кланяясь, они объяснили, что Спитамена здесь нет.

— Они стояли здесь лагерем сегодня ночью. А утром ушли. И Спитамен, и Датаферн.

У Птолемея напряглись скулы.

— А Бесс?

— Бесс остался. Он у нас под стражей. Спитамен велел выдать его. Берите.

Птолемей нашел Бесса в старом сарае, на соломе, с цепями на руках. Из полутьмы сверкнули на Птолемея яркие черные глаза и оскал белых зубов. Смеется он, что ли?

Увидев Птолемея, Бесс встал, громыхнув цепью. Он не смеялся. Он скалил зубы от невыносимой злобы, от усилия разорвать цепи, от безумного желания убить этими цепями всех, кто подвернется, а потом бежать.

Птолемей хладнокровно наблюдал за его резкими движениями. Бесс напоминал ему зверя, попавшего в капкан.

— Они изменники! Они все изменники! — кричал Бесс. Охрипший голос его был, как клекот хищной птицы.— Они

выдали своего царя, меня, Ахеменида! Македонец, догони их, они достойны казни!

Птолемей не отвечал ему.

— Отправьте гонцов к царю,— приказал Птолемей.— Спросите, как мне поступить с Бессом.

— Не с Бессом, изменник! — закричал Бесс.— С царем Артаксерксом, Ахеменидом! Я — царь всех стран по праву рождения!..

Птолемей вышел на улицу. После духоты и тьмы последнего жилища Бесса день показался свежим и прекрасным. Птолемей остановился, вздохнул, поднял глаза к легкой синеве неба. Повеяло волнующим запахом талого снега и теплой земли.

«Это запах весны,— подумал Птолемей.— Весна недалеко...» Суровый воин мечтательно улыбнулся, сам не зная чему. Но тут же согнал эту неуместную улыбку.

— Поставьте сильную стражу. Заприте ворота. Ни на шаг не отступать от Бесса, еще раз упустить его нельзя.

Воины плотным кольцом окружили сарай, где сидел Бесс. Еще более плотная защита поставлена была вокруг стен селения. Птолемей почти не спал, он то и дело выходил из палатки и шел проверить: на месте ли Бесс?

Бесс был у него в плену. Но мучило, что ни Спитамена, ни Датаферна не оказалось в лагере.

«Почему они ушли? Или им стыдно было выдать Бесса своими руками? Или они не решились довериться мне?»

Птолемей чувствовал себя обманутым. Он всю дорогу, мчась сюда, обдумывал, как бы ему захватить и Датаферна и Спитамена. Особенно Спитамена. Это было бы крупным успехом. Но хитрый Спитамен разгадал его замысел!

Приказ Александра пришел в пути, когда Птолемей, взяв Бесса, двигался обратно. Царь велел поставить Бесса справа от дороги, по которой пойдет войско. Он велел сорвать с Бесса все одежды — пусть этот царь Артаксеркс стоит голый, в цепях и ошейнике, перед глазами всей армии и служит посмешищем. Пусть знают все, как кончают жизнь изменники, убивающие своих царей!

Прошел сильный ливень, остатки жидкого снега смыло, и сразу потоки теплого солнца хлынули на отдохнувшую землю. Дул тугой влажный ветер, вздымая короткие хламиды македонцев. Отряд стоял справа от дороги, чуть углубившись в долину. А у самой дороги стоял голый Бесс. Ошейник и

цепи светились острыми огнями на его желтом жилистом теле. Черный горящий взгляд неотрывно сверлил дымку испарений, в которой исчезала дорога.

Медленно идут часы, как вода в арыке. Бесс не знает, сколько прошло времени. Да, времени для него вообще нет. Есть ожидание. Он не знает, сколько ему еще стоять здесь, под ветром, под солнцем, под неутихающими насмешками македонцев, которых эти насмешки развлекают и помогают коротать время. Македонцы разжигают костры, что-то едят. Бесса это не касается — он по ту сторону обыденной жизни. Он ждет Александра. За все время он выпил только кружку тепловатой воды, поданной из жалости.

Наконец, уже к вечеру, сквозь серебристую дымку долины засветились длинные огни копий, обозначились ряды конницы, блестящая оправа щитов, гребни шлемов. Глухой топот коней заполнил долину. Шло войско.

Бесс выпрямился, вытянул шею. Сейчас он увидит Александра и Александр увидит его, царя Артаксеркса, Ахеменида, царя всех стран и народов. Он избавит Бесса от этой муки, он сам — царь, он не позволит так унижать царский сан!

Конница шумно шла мимо, не замедляя хода. Всадники глядели на Бесса из-под шлемов — изумление, выкрики, смех...

Пошла походным строем фаланга — и опять выкрики и глумление. Бесс уже почти не слышал их, его страдание достигло предела. Он все еще ждал Александра и все еще надеялся на его защиту. Но вот вдали возникло облачко пыли. Оно быстро приближалось. Засверкали доспехи. Впереди своей свиты вдоль войска, по свободному правому краю дороги, мчался на боевой колеснице Александр.

Увидев Бесса, царь круто остановил колесницу. Бесс собирался грозно упрекать Александра, напомнить, что он — Ахеменид, потомок царя Кира. Но встретился взглядом с его ледяными глазами, полными ненависти, и у него отнялся язык.

— Почему ты, Бесс, так жестоко поступил с Дарием? — спросил Александр.— Он был твоим родственником и благодетелем, и он был твоим царем! Почему же ты арестовал его, заковал его в цепи, а потом и убил?

— Не один я убил его,— жалобно ответил Бесс,— так решила вся его свита. Мы хотели заслужить твое помилование!..

— Помилования не будет,— прервал его Александр.

— Вспомни! — закричал Бесс.— Вспомни, что я — Ахеменид!..

— Дарий тоже был Ахеменидом, а ты убил его.— И, больше не взглянув на Бесса, Александр отдал короткое приказание:— Бичевать. И казнить.

Колесница с грохотом помчалась дальше. Слова приказа ударили, как молния,— у Бесса подкосились колени.

Было так, как приказал Александр. Глашатай объявил войскам о преступлении Бесса. Бесса бичевали, а потом отослали в Бактры и там казнили его.

Александр не прощал цареубийц.

ВОЛЬНОЛЮБИВАЯ СТРАНА

В Мараканды[1] Александр вступил весной. Зеравшанская долина встретила измученных людей теплом и светлой тишиной.

— Мне говорили, что эта долина прекрасна,— сказал Александр,— но я вижу, что она еще прекраснее, чем я думал.

Грозные горы отошли назад. Воины с суеверным страхом оглядывались на них. Вблизи желтые. За желтыми — лиловые. За лиловыми — острый конус белой вершины и черные тени ущелий, уходящих вниз. Люди не верили себе, что были там и что вырвались из этого страшного царства мрака, холода, зловещих видений и таинственных голосов, окликавших их... Полководец Кратер, который всегда шел вместе со своими отрядами, подшучивал над ними:

— Камни падают в пропасть, а вы вздрагиваете, как дети!

Но воины были уверены, что они идут где-то близко от входа в подземное царство и что голоса погибших в боях окликают их.

Долина, в которую вступили македонцы, вся светилась молодой зеленью. Широко разлившаяся река сверкала под солнцем; ее то голубой, то серебряный блеск сквозил среди цветущих садов. Эту веселую реку, которая сопровождала их от самых гор и уходила далеко в равнину, македонцы назва-

[1] Мараканды — ныне Самарканд.

ли Политимет, хотя у нее было свое древнее имя, данное жителями этой страны. Они называли ее Зеравшан.

Посреди зеленых рощ и розовых садов на холме возвышалась желтая двойная стена города, сложенная из крупных сырцовых кирпичей. Это были Мараканды.

Армия, сминая и затаптывая по пути высокие свежие травы и молодые посевы, хлынула к Маракандам. Город открыл ворота. Армия остановилась на отдых. Отдышались, отогрелись, отоспались, запаслись провиантом, откормили коней. Наступило лето, пожухли свежие травы, Политимет вошла в свое русло.

Из этой долины уходить не хотелось. Но отряды Спитамена, усиленные отрядами скифов, росли, пополнялись бактрийцами и другими племенами, ютившимися в горах. Пока не пойман Спитамен и не разбито его войско, успокоиться было нельзя.

Македонцы с сожалением покинули Мараканды. Они вышли к какой-то неизвестной реке. Коричневая вода широко бурлила среди серебристо-серой гальки своих берегов. У реки остановились с недоумением. Александр приказал позвать своих географов и землемеров:

— Что это за река?

— Это, судя по всему, река Танаис [1],— посовещавшись, сказали географы.

— Варвары называют эту реку Орксантом,— возразили землемеры, которым приходилось общаться с местными жителями,— а иные зовут ее Яксарт [2].

В стране, куда из Эллады нет дорог, все неизвестно, все незнакомо.

— Значит, не об этом Танаисе говорит Геродот? — усомнился Александр.— Танаис, о котором он пишет, вытекает из большого озера и впадает в Меотиду...

Географы настаивали:

— Значит, тот другой Танаис. А это — наш Танаис. Он проходит границей между Азией и Европой.

— Где мы находимся? — спросил Александр.— Перестаньте спорить и скажите толком: в какой точке Ойкумены мы находимся?

Землемеры и географы снова заспорили, и ни один из них не мог точно ответить на этот вопрос.

[1] Танаис — Дон.
[2] Яксарт — Сырдарья.

Здесь, в долине не то Танаиса, не то Орксанта или Яксарта, согды напали на воинов Александра, когда те пошли за фуражом.

Согды разбили македонский отряд, не оставили в живых ни одного человека. Целое войско, тысяч тридцать, появилось в долине и исчезло в горах.

Македонцы, и сами разъяренные, знали, что Александр не оставит этого безнаказанно. Они уже умели осаждать горы и взбираться по крутизне.

Битва была жестокой. От тридцати тысяч согдов осталось тысяч восемь. Много погибло и македонцев. А самого македонского царя опять вынесли на руках из боя — тяжелая стрела пробила бедро и отколола частицу кости. Пришлось лечь. Ни ходить, ни сидеть на коне он сейчас не мог. Это раздражало Александра. Он устал от усилий покорить эту страну. Он не боялся больших сражений и никогда не сомневался в своих победах. Он уже захватил все большие и маленькие города Бактрии и Согдианы, и во всех городах стоят его гарнизоны. Эта непонятная страна почти не сражается — мелкие стычки, внезапные нападения... И все-таки она его не пропускает через свои земли. Это сердило, выводило из терпения. И главное — это мешало Александру двигаться дальше.

Наконец наступило утро, когда Александр почувствовал, что может ходить без усилия. Он вышел из шатра, с удовольствием расправил плечи. Над горами светилось зеленое небо. Бесшумная река казалась совсем темной в серебристой кромке берегов. За рекой, уходя в неизвестную даль, дремали неведомые земли...

Александр отошел от шатра. Ему подали чашу с вином. Здесь, в одиночестве, по обычаю македонских царей, он с молитвой совершил возлияние богам. Он снова чувствовал себя сильным и готовым к действию. Еще раз огляделся кругом. И его глазам вдруг открылось, что здесь прекрасное место для города.

«Клянусь Зевсом! — радостно, как всегда, когда замысел его обещал удачу, думал он.— Это будет большой город, крепость, еще одна Александрия. Мы защитим стенами этот город от скифов — их много за рекой».

Небо стало розовым. Освещенная зарей, земля казалась фиолетовой. Возле шатра у накрытого для завтрака стола царя ждали этеры. Вино, козий сыр, ячменные лепешки...

Царь, прихрамывая, шел к столу, шел улыбаясь, с высоко поднятой головой.

— Здесь будет город, друзья!

Этеры оживились. Они знали, что Александр любит строить города, и мысль эта никому не показалась неожиданной.

Лагерь разжигал костры. Роса рассыпалась по земле драгоценными камнями. А царь, окруженный этерами, землемерами, строителями, уже ходил по равнине, намечая план будущего города.

И вот уже на берегу реки множество людей месят желтую глину, делают кирпичи, сушат их на солнце. Инженеры-строители прокладывают улицы. Хромающий царь целые дни ходит по равнине, намечает городские стены. Ему нужен этот город, город-крепость, город — его военная опора.

Вдруг известия одно за другим — и хрупкая тишина сразу разрушена. Все захваченные Александром согдийские города восстали. Там перебили гарнизоны. Там сражения. Согды не хотели терпеть чужеземцев на своей земле, не хотели терпеть их новых городов, берущих в плен Согдиану.

И снова Спитамен!

И опять война. Александр не сдерживал своей бушующей ярости. Пощады восставшим жителям не было. Мужчин убивали. Женщин и детей отдавали в рабство. Немедля, тут же, он усмирял согдийские города, заново захватывал их и, опустошенные, заселял македонцами.

Вокруг двух еще не взятых городов Александр поставил конницу. Испуганные согды, увидев, что соседние города горят, дым пожаров виден издалека, в ужасе покинули свои жилища и, как и предвидел Александр, побежали в горы. Но убежать не удалось — на их пути была заранее поставлена македонская конница. И согды, не желавшие покориться, погибли все под македонскими мечами и копьями.

За два дня Александр взял пять городов — пять городов, задумавших сбросить его владычество. Все эти города, в безумье гнева своего, он опустошил и залил кровью. И уже не было в них мирных людей, жизнь замерла. Лишь звон и бряцание мечей и копий слышался в них да крики грубых, пьяных воинов-победителей... Да еще вой собак по ночам возле холодных, разрушенных очагов.

Стоял еще, не сдаваясь, большой город Кирополь — город Кира. Защитники густо теснились на высоких стенах города, полные решимости защищаться. Александр подвел к сте-

нам машины. Начался штурм. Гул таранов, крики воинов, брань, угрозы...

«Придется немало повозиться с этим городом,— с досадой думал Александр, объезжая на своем черном коне Кирополь.— Все равно сдадутся, все равно будут убиты. Неужели они думают, что Александр уйдет из-под Кирополя после всех городов, которые взял? Безумцы. Они добиваются своей гибели...»

Он пристально разглядывал светлыми хищными глазами стены и ворота Кирополя, отыскивая наиболее слабое место. И вдруг осадил коня.

Через город протекала река. Время зимних дождей давно прошло. Воды реки схлынули. И теперь почти пересохшее русло уходило под стену, открывая вход в город. Царь Кир, ты не сберег свой город, ты сам научил врага, как взять его. Когда-то, как говорит Геродот, ты по руслу реки вошел в Вавилон. Вот так же Александр сегодня войдет в Кирополь!

Пока защитники, сгрудившись на стенах, всеми силами отбивались от македонских таранов, Александр с небольшим отрядом лучников и щитоносцев незамеченным вошел в город по руслу реки. А когда его увидели, он уже успел открыть городские ворота и впустить свои войска.

Битва была жесточайшая. Здесь был совсем другой народ, чем в тех многих странах, по которым прошел Александр. Этот народ невозможно было сломить, и не сражался здесь только мертвый.

Опытное, привыкшее к бою, к дисциплине и к жестокости македонское войско одержало верх. Македонский гарнизон занял Кирополь. А царя снова вынесли на руках из битвы. Он, раненный камнем в голову, упал без чувств.

Открыв глаза, Александр увидел красное небо. Оно было густо-красное, с лиловым отливом.

— Это кровь,— прошептал он в полубреду,— это все кровь... Она с земли поднялась на небо. Но, Зевс и все боги, зачем они сопротивляются мне? Ведь меня нельзя победить, жрецы Аммона предсказали это... Зачем же они сопротивляются?

— Александр...— тихо окликнул его встревоженный голос Гефестиона,— Александр, что с тобой? Опомнись!

Александр закрыл глаза, снова открыл. Нет, это вовсе не свод небесный над головой, это его шатер, украшенный пур-

пуром. В голове сильно шумело, глаза еще застилал серый туман. Но сквозь туман он увидел Гефестиона. Сразу стало спокойно и тихо на душе. Защита была рядом. Защита от тяжких воспоминаний, от себя, от врагов, от болезни... Единственный человек, который владел бесценной тайной успокаивать его вечно вздыбленную душу.

— Ты не уйдешь от меня, Гефестион?

— Я не уйду от тебя, Александр.

Лицо Александра озарило умиротворение. Брови разошлись, жесткие морщины у рта разгладились, напряженно сжатые губы смягчились улыбкой.

И вдруг эту улыбку снова согнала забота.

— Все ли города взяты? Тот, седьмой?.. До которого я не дошел?

— И седьмой взят.

— Как кончилась битва?

— Полной победой, Александр.

— Много ли погибло у нас?

— Гораздо меньше, чем у них.

— Скажи, чтобы всех врагов, кто остался в живых, заковали в цепи. С этим народом иначе нельзя. А военачальники наши... все ли живы?

— Все живы, Александр.

Гефестион не сказал, как много легло македонцев в этой битве. Утаил и то, что сильно ранен Кратер. Александр сейчас же начнет пытаться встать и идти лечить Кратера. А ему еще и головы не поднять с подушки!

— Послушай, Гефестион,— начал Александр после долгого молчания,— как ты думаешь: останется ли мне верен Антипатр? После того как я казнил его зятя, Линкестийца?

— Будет ли он верен? — задумчиво сказал Гефестион.— Раздоры с царицей Олимпиадой не поколеблют его верности тебе. Смерть Линкестийца, как ни тяжело это ему, не отвратит его от тебя: измена Линкестийца доказана. Но казнь Пармениона — вот что заставит его насторожиться. Он уже знает теперь, что, если ослушается тебя, его не защитят ни заслуги, ни его возраст, ни его давняя служба тебе... Он может испугаться тебя. А это нехорошо. Это опасно.

— Уж не думаешь ли ты, что он способен убить меня?

— Если испугается за свою жизнь, то ожидать можно всего.

— Но нет, Гефестион. Я не дам ему для этого повода.

— Ты уже дал ему повод остерегаться тебя. Но это лишь догадки, может быть пустые. А пока Антипатр незаменим. Он крепко держит в руках и Македонию и Элладу. Береги дружбу с Антипатром.

— Почему существует на свете измена, Гефестион? Мне теперь все время кажется, что предательство таится где-то около меня.

— Около тебя — твои друзья, Александр, которые всегда готовы тебя защитить! Мы с тобой, Александр.

— Ты не покинешь меня, Гефестион?

— Я никогда не покину тебя, Александр.

Прошло несколько тихих дней. Окровавленная, опустошенная Согдиана замолкла. Кто в могиле, кто в цепях. Только неуловимый Спитамен еще скрывается в горах со своим отважным отрядом.

Этот неукротимый человек выматывает силы македонской армии; он является то в одном месте, то в другом, и всегда неожиданно, внезапно; он заманивает македонцев притворным бегством и, заманив в какое-нибудь ущелье, уничтожает их. Он действует так умело, так стремительно — можно подумать, что он научился этому у самого Александра! Но Александр все-таки поймает его, в этом сомнений нет. Что может сделать этот безумный человек против огромной македонской армии?

Крепкая натура Александра одолела болезнь и на этот раз. Он встал. И как только вышел на берег, радость будто приподняла его. Город строился!

Город строился. Городская стена уже отчетливо обозначилась над землей, очертания большого города прочно легли на отлогом ровном берегу. Воины, военачальники, строители общим криком ликования встретили царя. В легких доспехах, в короткой военной хламиде, он шел среди друзей и телохранителей. Он еще слегка прихрамывал, он был бледен и слаб на вид, он стал как будто меньше ростом... Но это был он, их Александр, их царь македонский! И он ходил с улыбкой по будущим улицам будущего города, его города, его еще одной Александрии... Эти города с именем Александра отмечали его путь по земле.

Как-то на заре стража заметила смутное движение за рекой. Из темной дали бесшумно вышла конница. Возникли силуэты всадников в остроконечных шапках, с изогнутыми луками за спиной. Конница медленно, крадучись, приближа-

лась. К концу дня неизвестное войско подошло к самому берегу. Местные люди, разведчики и переводчики сказали, что это азиатские скифы.

— Хорасмии? — удивился Александр.— Но этого не может быть. Царь Хорасмиев Фарасман только что предлагал мне свою помощь!

— Это не хорасмии, царь.

— Так абии, что ли? Но абии просили дружбы!

— Нет. И не абии. Это гораздо более опасные скифы. Это — массагеты.

«Массагеты,— подумал Александр,— те самые, которые убили Кира».

По огням костров, рассыпавшимся на том берегу, видно было, что скифский лагерь очень велик. Утром массагеты подходили к самому берегу и смотрели на македонцев: что это они делают здесь, на реке?

Город Александра заселялся. Прошло всего двадцать дней, а уже стояли глинобитные дома и над крышами поднимался дымок очага... Город оживал, наполнялся движением, говором. Старые македонские воины, разбитые ранами и болезнями, устраивали жилища для своих семей, несколько лет тащившихся в обозах. Торговцы открывали свои лавочки и устраивали рынки. Понемногу, преодолевая робость, из степи приходили местные жители. Светло-желтые крепкие стены с бойницами уже стояли вокруг города.

И вдруг из-за реки полетели тяжелые скифские стрелы. Они взвивались над водой и со зловещим свистом падали в город, принося смерть. Македонцы принялись кричать и грозить скифам; скифы, по своему обыкновению,— ругаться и хвастаться:

— Эй, Македонец, переходи реку — сразимся!

— Он не перейдет, побоится!

— Македонец со скифами сразиться не посмеет!

Надо было что-то делать, смертей от скифских стрел становилось все больше.

Но кто это мчится в лагерь? Какие еще вести везут? Скачущие всадники видны были издалека, пыль клубилась по их следам. Они спешили — значит, опять что-то неладно в Согдиане.

Догадка оправдалась. Да, в Согдиане снова неладно. Спитамен с большим отрядом осадил Мараканды. Македонский гарнизон с трудом отбивается от него.

— Опять!

Александр на мгновение ослеп от гнева и пошатнулся. Телохранители поддержали его. Он сел на груду желтых, высохших кирпичей, у него кружилась голова, и он понял, что еще недостаточно здоров, чтобы немедленно скакать в сражение.

— Ничего, ничего,— проворчал он,— я здесь за это время разгоню скифов. Это тоже необходимо сделать.

Кратер, уже залечивший свою рану, выступил вперед.

— И ты думаешь, что я пошлю тебя сражаться со Спитаменом? — с упреком сказал ему Александр.— После твоей раны? Если ты скрыл ее от меня, то это не значит, что ее не было.

Он послал к Маракандам Карана, военачальника наемных войск.

— Поймай мне его, Каран!

— Мы идем с тем, чтобы поймать,— ответил Каран,— а победить и прогнать — это не так трудно.

— Не так трудно! — с раздражением повторил Александр.— А между тем мы уже столько времени, почти два года, не можем вылезти из этой проклятой страны!

Каран ушел со своим большим сильным отрядом к Маракандам. Александр установил на берегу катапульты и велел обстреливать скифов. Скифы как-то сразу притихли, их удивляла и пугала эта машина. Под защитой катапульт Александр перешел реку и бросился на скифов. Скифы бежали в пустыню.

Царь не забывал примеров истории. Кир в свое время вошел в их необъятную землю и погиб. Александр не погнался за ними, вернулся. Но вернулся совсем больным: он заболел от дурной воды, которую пил, гоняясь за скифами.

Вскоре стало известно, что Каран погиб со всем своим отрядом. Спитамен заманил их в западню и уничтожил всех.

— Значит, все-таки надо идти самому, значит, нет у меня военачальников, которые могут справиться со Спитаменом,— с досадой сказал Александр,— значит, все-таки надо идти самому!

Желтый, измученный болезнью, он снова сел на боевого коня. Армия тронулась к Маракандам...

Но Александр не увидел Спитамена. Спитамен вывел из города свой отряд и исчез в пустыне.

КЛИТ

Сегодня день бога Диониса, его праздник. Этот праздник с древних времен весело и пышно справляли в Македонии. И в военных походах Александр не забывал отдать почести веселому богу.

Но сегодня, в день Диониса, он вдруг почему-то принес жертвы не Дионису, а Диоскурам. Это многих смутило. Несмотря на обилие еды и вина, веселье не разгоралось на этом пиру.

Непонятная тревога гасила исподволь радость старинного македонского праздника.

Царь, в яркой персидской столе с широким поясом и с персидской диадемой на голове, возлежал на ложе, покрытом пурпуром. Окруженный персами и друзьями в персидских одеждах, он вызывающе поглядывал на македонцев, которые, не изменяя родным обычаям, снова отказались надеть одежду побежденных и снова отказались от проскинесиса. Царь много пил, много говорил и смеялся. Но и он не был весел. Разговорами и смехом он старался скрыть свое душевное беспокойство. Он замечал, что даже Гефестион, который понимал Александра и соглашался с ним в его замыслах, с трудом терпит эту длинную, тяжелую от драгоценных камней одежду. Но и он лишь терпит...

Гефестион со скрытой тревогой посматривал на царя. Александр был как-то по-недоброму возбужден, ему беспрестанно наливали вина. Гефестион тихонько останавливал его, но Александр или нетерпеливо отмахивался, или делал вид, что не слышит. И Гефестион с тяжелым предчувствием беды поднимал свою еле пригубленную чашу.

В глубине шатра что-то назревало. Сначала слышалась песня. Потом завязался какой-то спор, ссора. Пьяные голоса становились все громче, все развязней. Молодые подшучивали над старыми македонцами, над их немощью, а старые — над глупостью молодых. Вдруг среди шума невнятных голосов отчетливо прозвучало:

— А как вы думаете — это очень умно в день нашего бога Диониса принести жертвы не Дионису, а Диоскурам?

Александр поднял голову, насторожился, прислушался. Кто это говорит? А, Черный Клит, брат кормилицы, старый

друг его детства. Клиту опять не терпится обидеть Александра. Это стало его обычаем.

— Диоскуры — сыновья Зевса,— возразили Клиту.

— Один из них сын Тиндара, а не Зевса.

— Полно тебе, Клит. Никто уже не считает Тиндара их отцом!

Философ Анаксарх, метнув на царя быстрый взгляд, приподнялся на своем ложе и чуть не упал, запутавшись в непривычных персидских одеждах. Но справился и громко вмешался в разговор:

— О чем спорите? О чем говорите? Диоскуры, Полидевк и Кастор... Да что говорить о них, если здесь с нами находится Александр. И разве можно сравнить их с нашим Александром?!

В сумрачных глазах Александра засветилась голубизна. После страшных дней казни Филоты и Пармениона его смятенная душа требовала слов успокоения, поддержки, признания его правоты. Но ему то и дело доносили о неудовольствии его македонских полководцев — они не хотели персов в своей среде, они не хотели есть с ними за одним столом, не хотели даже воевать рядом с ними. Эта внутренняя война была сложнее и тяжелее, чем завоевание государств.

Грубая лесть Анаксарха не смутила Александра — все-таки приятнее слышать, как тебя хвалят, чем как тебя порицают. Люди льстивые и лживые, которые всегда теснятся около владык, заметили, как повеселел Александр при словах Анаксарха.

— Сколько песен и восхвалений достается древним героям,— подхватили эти лживые голоса,— посмотрите, как воспеваем мы подвиги Геракла. А разве подвиги нашего царя меньше?

— Это просто зависть древних героев мешает нам признать величие Александра!

— Мертвые становятся на пути живых!

У Александра на щеках разгорался румянец. Хмель мешал ему понять, как непристойна и груба эта лесть. Она его утешала.

Клит слушал все это с мрачным лицом. Вдруг он встал и хлопнул рукой по столу.

— Не позволю! — закричал он.— Не позволю кощунствовать, не позволю унижать наших древних героев и таким недостойным образом возвеличивать Александра! Да Александр

и не совершил таких великих подвигов, как они. Он, конечно, много сделал, но ведь совершал эти подвиги не он один, а в большей мере это дела македонцев!

Александр, побледнев, закусил губу. Гефестион приподнялся и за спиной царя сделал знак Черному Клиту, чтобы тот замолчал. Философ Анаксарх, видя это, постарался перебить Клита:

— Что там говорить? Сравните Александра с царем Филиппом — как ничтожны дела Филиппа по сравнению с делами нашего царя. Ничего не было великого в деяниях Филиппа, ничего, удивляющего людей...

Клит пришел в бешенство. Он уже давно с тяжелым сердцем наблюдал, как бесстыдно льстят Александру его царедворцы и как Александр от этого теряет здравый смысл, как он уходит от своего родного войска все дальше, как уходит все дальше от родной Македонии... Он ненавидел людей, ставших между ними, старыми македонцами и их македонским царем. Когда затронули царя Филиппа, он терпеть уже не смог. Вино и гнев бросились ему в голову, затуманили разум.

— Ах вот как! Царь Филипп ничего удивительного не совершил! О Зевс и все боги, слышите ли вы это? А кто собирал и укреплял Македонию? А кто завоевывал Иллирию, Пангей, побережье? А кто начал строить корабли и вышел в море? А кто, разве не царь Филипп, создал могучую македонскую армию, с которой теперь Александр завоевывает мир?! Посмотрел бы я, сколько навоевал бы Александр без этой армии, созданной Филиппом?!

Александр, стиснув зубы, глядел на Клита холодными, потемневшими глазами.

Молодые этеры, которым надоело слушать спор, затянули песню. Они пели о том, как недавно варвары разбили старых бородатых полководцев,— действительно случилось так, что македонцы в одной стычке принуждены были бежать от Спитамена. Молодежь смеялась, засмеялся и Александр.

Этот смех оскорбил стариков, они недовольно заворчали. А Клит, который успел еще выпить вина, снова закричал, красный от гнева:

— Нехорошо, царь, нехорошо в присутствии варваров и врагов оскорблять македонцев, которые и в несчастье своем выше тех, кто над ними смеется!

Александр иронически усмехнулся.

— Клит называет трусость несчастьем, защищая себя,— он, видно, тоже бежал от варваров!

Клит встал и поднял правую руку:

— Эта самая рука спасла тебя, сына богов, от Спифридатова меча. Македонцы своей кровью и ранами подняли тебя так высоко, что ты выдаешь себя за сына Зевса и отрекаешься от родного отца, Филиппа!

— Негодный человек! — закричал Александр, потеряв терпение.— Ты думаешь, мне приятно, что ты постоянно говоришь об этом и мутишь македонцев?

— И нам неприятно, что за труды наши получили мы такую награду: счастливы те, кто умер и не увидел, как македонцы просят персов пустить их к царю!

Поднялся шум. Гости старались успокоить Клита. Но Клит не унимался:

— Пусть не приглашает к обеду людей свободных, имеющих право говорить открыто. Пусть живет вместе с варварами и рабами, которые будут падать ниц перед его персидским поясом и мидийским хитоном!

Царь, вне себя от гнева, схватил яблоко, швырнул в Клита. И тут же рука его начала искать меч. Меча не было. Аристоник, телохранитель, успел убрать оружие. Гефестион встал.

— Александр, умоляю тебя!

— Царь, успокойся! Клит просто пьян! — Друзья окружили Александра.— Не гневайся на него, ты накажешь его после!.. Только успокойся!

Но Александр не слышал. Он вскочил, опрокинув стол.

— Щитоносцы, ко мне! — закричал он по-македонски.— Трубач, труби тревогу — царь в опасности!

Он ударил кулаком трубача за то, что не трубит немедленно. Но трубач не затрубил, и щитоносцы не бросились к царю на его призыв. Александр онемел от изумления.

— Я вижу,— сказал он в гневе и в горести,— я вижу, что нахожусь в том же положении, в каком был Дарий, когда изменники схватили его!

А Клит не унимался, все еще что-то выкрикивал. Его старались удержать, уговорить. Наконец Птолемей, сын Лага, схватил его и вытолкал из шатра. Но Клит, пьяный, совсем забывший меру, тут же с важностью вошел в шатер с другой стороны. Он шел, надменно и презрительно глядя на царя, и громко читал стихи из «Андромахи» Еврипида:

Как ложен суд толпы! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет.
И пусть одно из мириада копий
Он потрясал и делал то, что все,
Но на устах его лишь имя...

— Это я-то делал только то, что все?! — пересохшими губами прошептал Александр.

Белый от негодования, Александр мгновенно выхватил сариссу у стоявшего рядом копьеносца-телохранителя и бросил в Клита.

Александр бил без промаха. Клит со стоном упал. В шатре наступила тишина. Все кругом молчали, застыв. Клит хрипел.

Александр, опомнившись, бросился к нему, вырвал копье из его груди. Клит был мертв.

Александр понял, что он сделал. Он тут же принялся устанавливать копье, чтобы броситься на него и пронзить себе горло. Друзья-телохранители схватили его за руки и силой увели в спальню.

Александр еще не знал таких страшных ночей, какою была эта ночь. Он кричал от отчаяния, он рыдал и проклинал себя и ни в чем не находил ни утешения, ни оправдания себе.

— Ланика, Ланика! — с рыданием кричал он, зовя свою кормилицу.— Вот как хорошо отплатил я тебе за все твои заботы, за всю твою любовь! Твоего брата я убил собственной рукой!..

Он никого не хотел видеть. Никого не впускал к себе. И друзья, всю ночь приходившие к его дверям, слышали его рыдания и жалобы и все одну и ту же фразу, которую он повторял в исступлении: «Я — убийца своих друзей! Я — убийца своих друзей!»

Гефестион молча сидел у дверей его спальни.

«Это я виноват,— думал он,— почему я не удержал Клита? Почему не увел его раньше?.. Почему не уследил,— разве не знаю я характера Александра, с которым он сам не в состоянии справиться?»

К утру в спальне наступило безмолвие. Гефестион, оставшийся один у дверей, прислушался. Тишина.

«Уснул», — подумал он.

И тут же уснул сам, подперши голову рукой.

Но утро разгоралось, то один, то другой приходили друзья-этеры, телохранители царя, близкие ему люди. Гефестион поднялся, стряхнув сон, подошел к спальне царя:

— Александр!

Молчание.

— Александр, позволь мне войти к тебе!..

Молчание.

Этеры забеспокоились, заволновались.

— Царь, мы ждем твоих приказаний!

— Царь, мы ждем тебя!

Молчание. Этеры испугались. Еще раз окликнув царя и не получив ответа, они ворвались к нему. Александр лежал молча, с крепко сжатым ртом и опухшими глазами.

— Александр,— сказал Гефестион,— ты не имеешь права так истязать себя. Вспомни — ты царь, в твоих руках судьбы многих народов и судьба твоей армии... и судьба всех нас!

Александр молчал, слова не доходили до его сердца, они не помогали ему справиться со своим отчаянием. Он только стонал изредка, а когда его упрашивали поесть что-нибудь, он отворачивался с отвращением.

Друзья не отходили от его шатра. Советовались: что делать? Обсуждали случившееся. Винили Клита. Кратер возмущался:

— Не ценить привязанности царя! Не ценить такого высокого положения, которое царь ему предоставил.— ведь Клиту поручено было командовать огромной армией. Что ему было нужно еще? А он вздумал так оскорблять царя!

Лишь на третий день этеры с трудом уговорили Александра встать. Ему сказали, что жрец Аристандр просит позволения войти. Александр разрешил.

— Царь,— строго сказал Аристандр,— помнишь ли ты сон о Клите?

Александр помнил этот мрачный сон. Он стоял перед глазами. Сидят сыновья Пармениона — Филота, Никанор, Гектор. Все в черных гиматиях. И Клит сидит с ними, и тоже в черном. «Почему он с ними? Ведь они уже умерли!» Царь проснулся тогда в тоске — такой дурной сон!

Этот сон говорил о смерти Клита. И смерть Клиту принес он сам, Александр.

— И вспомни,— продолжал жрец,— что было утром этого злосчастного дня. Тебе привезли фрукты из Эллады. Ты

послал за Клитом: пусть придет полюбуется их красотой и возьмет себе сколько захочет. А Клит в это время совершал жертвоприношение. Но он прервал...

— Все помню, все помню,— остановил его Александр.— Он прервал жертвоприношение и поспешил ко мне, потому что я позвал его.

— Ты забыл самое главное — жертвенные овцы прибежали за ним. А ведь это было страшным предзнаменованием. Боги предупреждали тебя. Дионис грозил тебе.

— Дионис! — Александр беспомощно склонил голову.— Опять Дионис!..

— Ты забыл, царь, что оскорбил Диониса. В свое время ты разорил его храм — он отомстил тебе изменой Филоты. А нынче, в день его праздника, ты снова оскорбил его: ты принес жертвы Диоскурам. И он снова отомстил тебе — смертью Клита. Боги не прощают обид, запомни это, царь.

— Я принесу жертвы Дионису...— покорно сказал Александр.— Я вымолю... я вымолю прощение...

И он тут же потребовал жертвоприношения Дионису.

Жертвы были принесены. Однако тоска не оставляла Александра. Тоска валила его на ложе. Он ничем не мог заняться. Клит стоял перед ним, Клит возвращался к нему непрестанно. Вот он ведет его, маленького мальчика Александра, за руку... Вот учит его держать меч... Вот он в бою бьется рядом с Александром, и мгновенный взмах Клитова меча спасает жизнь царю...

— О Клит! Клит! — стонал Александр.

И никто из друзей не знал, как утешить и успокоить его.

Тогда в спальню к царю, расталкивая стражу, вошел философ Анаксарх. И сразу закричал:

— И это Александр, на которого смотрит теперь вся Вселенная! Он валяется в слезах, как раб, в страхе перед людскими законами и укорами! А ему самому подобает стать для людей законом и мерилом справедливого. Ты побеждал, чтобы управлять и властвовать, а не быть рабом пустых мнений! Разве ты не знаешь, зачем рядом с Зевсом восседают Справедливость и Правосудие? Затем, чтобы всякий поступок властителя почитался правосудным и справедливым!

Александр, сначала изумленный этим криком, выслушал Анаксарха внимательно.

— Ты считаешь, Анаксарх, что на мне нет вины за Клита?

— О чем ты говоришь, Александр?! — опять закричал

Анаксарх. — Как ты можешь быть в чем-нибудь виноватым, если ты — царь? Что бы ты ни сделал — ты прав. Каждое твое действие — закон, а значит, ни одно твое действие нельзя считать беззаконным. Ты — царь. Значит, ты прав всегда, что бы ты ни сделал.

— Но я убил друга!

— Значит, так хотели боги. Или ты, сын Зевса, восстанешь против своего отца?

— Так хотели боги...— тихо повторил Александр.

И вдруг почувствовал, что камень с его плеч свалился и в сердце наступила тишина.

«Да, я царь,— думал он, повторяя мысленно слова Анаксарха, как свои.— Кто может судить меня? Да, я убил Клита. Но кто посмеет сказать, что я виновен?»

Когда человек чувствует свою вину и хочет изо всех сил избавиться от нее, он готов поверить самым подлым уверениям в том, что вины его нет. Анаксарх сумел убедить Александра, что царь не может быть виноватым, какое бы страшное деяние он ни совершил, и что царю все можно и все дозволено. Это черное влияние Анаксарха роковым образом усугубило мрачные стороны характера Александра. Еще не раз поддавался он своей дикой вспыльчивости, не раз бывал и жестоким и беспощадным. Но уже никогда не каялся и не винил себя ни в чем.

...Долог и опасен путь в Пеллу. Караваны, обозы, царские гонцы с письмами, с приказами и распоряжениями много дней шли до македонской столицы. Но приходили.

На этот раз письмо, присланное царице Олимпиаде, сообщило о гибели Клита. Письмо, полное слез и раскаяния. Ланика трепетно ждала, стоя возле царицы. Что пишет ее драгоценный Александр? Чем, какими великими делами он занят теперь? Какие замыслы собирается осуществить?

— Царь Александр убил Клита,— сказала Олимпиада, свертывая письмо.

Ланика схватилась за сердце.

— Как?!

— Копьем.

— О боги! — простонала Ланика.— Как же он мог! Моего брата...

— Значит, твой брат был достоин этого. Ну, что ты глядишь на меня такими безумными глазами? Уж не собираешься ли ты винить царя?

Ланика опустила голову.

— Воля царя — воля богов,— еле слышно ответила она.— Но как же можно...

— Царю можно все! — оборвала ее Олимпиада. И, бережно спрятав в ларец письмо сына, сказала: — Ступай узнай, что прислал мой сын, царь Александр, из этой варварской Азии! Варвары умеют делать красивые вещи. Удивительно, не правда ли?

— Это так, госпожа.— Ланика, не поднимая головы, вышла исполнить приказание.

РОКСАНА

Сегодня утром Рокшанек нашла в ущелье зацветшие крокусы. Рядом лежал снег с прозрачной ледяной кромкой, а нежно-белые хрупкие цветы кротко и бесстрашно смотрели в небо.

Весна...

Рокшанек стояла над ними странно-взволнованная. Откуда это волнение? Что так сладко тревожит сердце?

Весна...

Это весна тревожит и волнует, что-то сулит, что-то обещает. Призраки счастья бродят где-то рядом, зовут к еще неизвестным, еще неизведанным радостям, томят каким-то предчувствием... Может быть, предчувствием любви...

Любви!

Рокшанек подняла глаза к вершинам гор, к искристым розовым снегам, лежащим на высоких склонах. Покрывало свалилось с ее запрокинутой головы, и поток светлых золотых волос засверкал под солнцем. Свежий румянец, вызванный дыханием холодного ветра, проступил на ее чистом, как белый жемчуг, лице. Но где ее счастье? Где ее любовь? Откуда она придет к девушке, скрытой в глухой крепости на вершине Скалы?

Солнце вело медленную игру света и тени на обнаженных склонах. Желтизна на выступах утеса, коричневые пятна во впадинах, фиолетовая дымка в ущельях... А над головой суровые, грозные вершины в серебре снегов.

Где-то далеко внизу лежат долины. Отсюда, с высоты скалы, где отец ее, Оксиарт, построил крепость, земля равнин

кажется лежащей в пропасти. Там города и села, там много людей, движение, жизнь. И там сейчас война.

Синие огни в глазах Рокшанек погасли. Какие радости? Какая любовь? Это лишь мираж весны, обман весенних запахов и птичьих голосов. Белые крокусы могут радоваться — они доцветут и дадут семена. Птицы могут радоваться — они совьют гнезда и выведут птенцов. И звери в лесах, и сами леса — все может радоваться весне, их жизнь ничем не нарушена, и все, что дано им природой, они возьмут...

А что ждет людей, укрывшихся на отвесной Скале от страшного завоевателя, который уже прошел многие страны и нынче ходит по их земле? Какую радость увидят они?

Снова на сердце легла тяжесть тревоги и страха — привычные чувства за все это последнее время. Ее отец, ее братья — все сражаются вместе с отважным Спитаменом против чужеземцев, защищая свободу родины. Ни в одной стране, по которым прошли македонские фаланги, не нашлось такого героя, как их Спитамен. А если бы нашлись и там, в Персии или где-нибудь в Киликии, в Дрангиане, то свирепый Македонец не пришел бы сюда!

Но он пришел. И вот уже два года бьется Спитамен с Македонцем, два года бросается, как лев, на чужеземцев, а победы все нет... И может быть, сейчас, когда Рокшанек бродит здесь и радуется расцветшим крокусам, ее отец лежит неподвижно на окровавленной земле...

Рокшанек вздрогнула, накинула покрывало и бросилась бегом по узкой тропинке вниз.

У ворот крепости ее встретила кормилица. Толстая, смуглая, с тяжелым подбородком и заплывшими черными глазами, она остановилась, задыхаясь: видно, давно уже бегает, отыскивая Рокшанек.

— Мало нам тревоги, Рокшанек, что ты еще убегаешь одна в горы!

— Есть какие-нибудь вести, апа?[1]

Кормилица махнула рукой.

— Теперь каждый день вести. И каждый день — плохие. Твой отец, полководец Оксиарт, прислал гонца. Видно, скоро всем нам погибать, светлая моя.

— Почему, апа? Почему?

— Иди и послушай его сама. Он у госпожи.

[1] Почтительное обращение к старшим.

— Но отец жив? Братья живы?

— Об этом узнаешь лишь после сражения.

— Опять сражение?

— Опять, светлая моя. Большое сражение. Ох, что будет, что только будет с нами!

Казалось, что кругом сразу потемнело. Свет солнца стал мертвым, в птичьих голосах слышалась обреченность.

— Пойдем скорее, апа! Послушаем, что он говорит!

Плоскогорье Согдийской Скалы, приютившее несколько тысяч людей, укрывшихся от Александра, было обширно. Речки и водопады давали в изобилии хорошую, прозрачную воду. Было достаточно земли, чтобы посеять хлеб. Здесь хорошо родился сладкий розовый виноград. Крепость Оксиарта, или Око, как называли персы такие горные крепости, могла выдержать длительную осаду: отвесные стены Скалы защищали ее.

Вестники приходили по тайным тропам наверх, рассказывали разное — о македонцах, людях суровых и одетых странно, о их грозном вооружении, о суровых обычаях, о богатстве полководцев, о непреклонном нраве македонского царя...

Один из таких вестников, немолодой бактриец, посланный Оксиартом, сидел в покоях госпожи дома, Оксиартовой жены, измученный скачкой и крутой тропой, по которой он пробирался.

Все, кто жил в доме Оксиарта, толпились вокруг в тревоге и смятении — жены согдианских знатных людей, присланные сюда под защиту крепости, старые родственники, воины, которые уже не могут держать оружие и пригодны только для домашних работ. Даже рабы теснились у порога: они хотели знать, что ждет их господ, а значит, и их самих.

Девушки сидели у стены на мягких коврах и подушках. Рокшанек пробралась к ним; ей дали место, придвинули подушку.

Госпожа прежде всего спросила о муже, о сыновьях. Оксиарт здоров, сыновья тоже.

Но надежды на освобождение от македонцев нет. Спитамен сражается из последних сил, а сил у него уже остается мало. Многие согдийские и бактрийские вельможи отошли от него; нет у них войска, земли обезлюдели, народ разорен. Многие убиты. А многие — горько сказать! — перешли на сторону Македонца и теперь сражаются против своих. Труд-

но Спитамену сопротивляться такому сильному врагу: ни один город, ни одна крепость не может устоять перед Александром, ни одно войско. Все гибнет на его пути! Македонцы ходят по Согде вдоль и поперек, а где пройдут, там кровь и пожарища.

Рокшанек слушала, уткнувшись лицом в ладони и вся затихнув от страха. Страшный, страшный Македонец ходит по Согдиане, огромный, свирепый, на голове рога. Его видели согды, вернувшиеся с тяжелыми ранами на Скалу,— да, у него рога за ушами, белые рога!

— Где же теперь Спитамен? — упавшим голосом спросила мать.— Думает ли он еще сражаться?

Посланец вздохнул.

— Я оставил отряд перед самым боем. Спитамен собрал кочевников в пустыне, призвал массагетов. Они отважные воины. Спитамен не раз уходил с ними в степи — македонцы боятся скифских степей. Но недавно Кратер опять разбил его.

— Кратер?

— Полководец, друг самого Александра. У Кратера железная рука, железное сердце. Александр послал его поймать Спитамена, но ему это не удалось. И не удастся. Спитамен еще много принесет им беды. Но победить? Нет. Кратер в каждом бою разбивает его.

— А Оксиарт? А мои сыновья?

— Все с ним. Со Спитаменом. Помогите им, боги! Сейчас Александр поставил главным военачальником над войском Кена. Это — один из его этеров. Дал к его войскам еще отряд Мелеагра. А у Мелеагра сотни четыре конных этеров, лучших всадников. У него есть и конные дротометатели... И язык не поворачивается сказать: с ними наши бактрийцы и согды. Эту армию Александр поставил на зимовку, велел наблюдать за страной, чтобы все было тихо. А если появится Спитамен, устроить засаду и захватить его. Захватить во что бы то ни стало.

— И что теперь?

— Спитамен со своим войском сам вышел навстречу Кену. Некуда ему больше деться, некуда. Кен запер его в пустыне. Теперь Спитамен вышел на самую границу скифской земли. С ним еще три тысячи скифов. Я оставил их перед самым сражением. Господин приказал не покидать Скалу. Ни за что не покидать Скалу. Ждать вестей.

— Что же теперь там?! — воскликнула госпожа, всплеснув руками так, что звякнули браслеты.— Почему ты не дождался конца сражения, не узнал?..

— Господин боялся, что я умру раньше, чем доберусь сюда.

Голос его стал еле слышным. И только теперь все заметили, что он крепко прижимает руку к груди и сквозь пальцы медленно проступает кровь.

— Да он ранен! — закричала кормилица.— Госпожа, отпусти его скорее!

Госпожа быстро поднялась:

— Что с тобой?

— Меня задела стрела... Когда началось сражение...

Госпожа велела увести вестника и позаботиться о нем.

Разошлись не сразу. Рокшанек глядела на мать, на ее побледневшее под румянами лицо. Госпожа сидела молча, сдвинув сросшиеся у переносья брови, и нервно терла одну руку другой. Ждать вестника, не покидать крепости... А придет ли еще вестник, будет ли кому послать его? Пока старый бактриец добирался до Скалы, на границе Согдианы произошла большая битва. Где теперь Оксиарт? Где ее сыновья?

Госпожа закрыла глаза, будто страшась увидеть то, что угрожало,— гибель Оксиарта, гибель семьи... Она позвала служанку:

— Спроси у посланца, не слышал ли, куда Спитамен пойдет потом? Откуда ждать гонца? Если уснул — разбуди.

— Его нельзя разбудить, госпожа,— печально ответила служанка,— он умер. У него в сердце не осталось крови...

Госпожа молча поглядела на нее, отвернулась и, опустив голову, пошла в свою спальню, повторяя одно и то же:

— Сыновья мои, ах, сыновья мои, сыновья мои... Где вы теперь, сыновья мои!..

Рокшанек крепко прижалась к теплому плечу кормилицы.

— Апа, а вдруг Македонец придет сюда?!

— Не придет, моя светлая, не дрожи так. Как он может прийти сюда? У него же нет крыльев!

Проходили дни, полные слухов, тревоги, тайных слез, ожидания. Ждали гонцов от Оксиарта, ждали вестей. Но вестников не было. А в одну из холодных весенних ночей в крепость вдруг явился сам Оксиарт с отрядом своих всадников.

В крепости тут же, среди ночной синевы, всюду загоре-

лись огни, замелькали факелы. Народ собрался к воротам Оксиартова дома, обнесенного стеной.

Вести были невеселые. Македонцы опять разбили Спитамена. Больше восьмисот всадников-скифов осталось на поле боя, а у Кена погибло едва ли тридцать человек. Массагеты снова бежали в свои степи, а вместе с ними ускакал и Спитамен. Скифы — странные союзники, убегая, они разграбили обозы и согдов и бактрийцев... А Спитамен не остановил их, как видно, уже не имел среди них достаточно власти.

Согдийские войска рассеялись. Многие потеряли надежду на победу и сдались Македонцу. А он, Оксиарт, решил, что ему тоже нечего делать там с его ничтожными силами. Однако к Македонцу не пойдет, отсидится здесь, на Скале. Если нет сил защитить свою землю, так хоть не помогать врагу!

Печальные вести для Согдианы...

Но в доме сразу стало шумно, оживленно. Вернулся Оксиарт, господин дома, вернулись и его трое сыновей. Мать подняла на ноги и слуг и родственниц, чтобы достойно встретить и накормить гостей, собравшихся у нее. Грустно, конечно, что Спитамен опять вынужден бежать в пустыню. Но ведь уйдут же когда-нибудь македонцы! И спустится же когда-нибудь семья Оксиарта со Скалы, и опять они все будут жить, как жили.

Но, притаившись за толстой занавесью, госпожа услышала, о чем говорят мужчины, собравшись вокруг очага. Это были совсем другие разговоры.

— Македонец не уйдет,— говорил Оксиарт,— он никогда не оставляет в тылу у себя непобежденных. Даже за ничтожной горстью разбойников он лезет в горы, если они не сдаются.

— Не думаешь ли и ты сдаться, Оксиарт? — подозрительно спросил один из бактрийских властителей, приехавший с ним вместе.

— Я не думаю сдаваться,— ответил Оксиарт,— и я не сдамся. Я не предам Спитамена. Я не предам свою родину!

Одобрительные голоса загудели кругом.

— Выждем время — и снова в битву!

— Пусть-ка он попробует достать нас здесь.

— Если только не узнает тайной дороги...

— Среди нас нет предателей.

— Да ведь и не только мы сидим на Скале,— сказал Ок-

сиарт, словно оправдываясь,— многие укрылись на Сизиматре и на Артимазе тоже. И Хориен ушел на свою Скалу. Когда будет надо, все спустимся. У нас немало наберется войска. А пока — что ж, переждем.

— Только бы Спитамен остался жив!..

Это сказал старший сын Оксиарта, который сидел, мрачно нахмурив длинные брови.

Все поглядели на него.

— Что ты хочешь сказать? Ведь он ушел от македонцев!

— Но я видел, как он уходил с массагетами.

— А как он уходил?

— Нехорошо уходил. Как пленник.

Наступило молчание. Никому не приходила в голову такая мысль, а ведь это могло случиться. Массагеты могли прийти в ярость из-за того, что у них погибло так много людей, а добыча оказалась ничтожной.

— Будем надеяться, что это не так,— заговорили снова.— Спитамен у них не один раз скрывался.

— Будем надеяться. А если с ним случится недоброе — конец. Другого вождя у нас нет.

Мужчины снова замолчали, задумались. Но каждый знал, что все они думают об одном и том же: их вождь Спитамен не нашел верной поддержки у своих сородичей, у своих друзей... и у них самих. Это было тяжело сознавать, но это было так.

В дальних покоях большого дома, на женской половине, обсуждались новости, принесенные кормилицей Рокшанек. Кормилица уже успела повидаться со многими воинами, пришедшими с Оксиартом,— среди них у нее были и братья, и племянники, и даже внуки. С красными пятнами на смуглом лице, она торопилась выложить все, что узнала. Рассказала, как там сражались и как полководец Кен разбил их; как союзники-массагеты вдруг обратились врагами и начали грабить бактрийский обоз и бактрийцы потеряли все, что у них было; как бежали от македонцев и как успели добраться до Скалы, не показав дороги врагу.

— А еще рассказывают, будто у Спитамена очень красивая жена и она повсюду с ним, бедняжка. Он в сражение — и она тут же. Он в пустыню — и она с ним. Ни дома у нее нет, ни пристанища! А ведь она из семьи персидских царей!

Женщины вздыхали.

— Что за жизнь у нее! Ушла бы куда-нибудь в безопасное место и пережидала бы там, как мы...

— Ушла бы, да ведь не отпускает! — Кормилица возмущенно пожала плечами.— Говорят, любит ее очень, жить без нее не может. А она-то, говорят, уже ненавидеть его стала. Измучилась. Но что сделаешь?

Рокшанек сидела среди подруг, как тихая перепелка, которая дремала над их головой в своей деревянной клетке [1]. Как несчастна эта женщина, жена Спитамена!

— Она счастливая,— прошептала одна из подруг.

Рокшанек вскинула на нее глаза.

— Что ты говоришь? Счастливая?

— Конечно, счастливая. Пусть трудно, пусть бездомно. Зато она — жена Спитамена, сам Спитамен любит ее!

Опять это слово, от которого вздрагивает сердце... Любит!

Рокшанек не любила никого, но знала, что и к ней, как ко всем людям, придет любовь. Но кого полюбит она? Где тот человек, который явится к ней, как сама судьба?

Женихи уже приходили к отцу просить в жены Рокшанек. Каждый раз она со страхом ждала, чем окончатся эти переговоры? Но отец не спешил отдавать дочь, и она каждый раз счастливо переводила дух, словно избавившись от опасности.

А Оксиарт выжидал. Крепкая, цветущая Рокшанек раскрывалась столепестковой розой, и с каждым днем ярче становилась ее светлая красота. Оксиарт хотел себе знатного, очень богатого и очень влиятельного зятя. И он ждал его.

Весна подступала снизу, с долин. Там уже дымились молодой зеленью кустарники у сверкающих источников, бегущих с гор. Но в ущельях Скалы еще лежал снег. Это было хорошо — снег помогал Скале защищать тех, кто укрылся на ее широкой, недоступной вершине.

ГОЛОВА СПИТАМЕНА

Уныло, однообразно скрипели колеса, толстые деревянные круги без спиц. В укрытой овечьими шкурами скифской повозке было душно, пахло мокрой шерстью и дымом степных костров, пропитавшим одежду.

[1] Тогда любили держать в клетках перепелок, как певчих птиц.

Женщина сидела с безучастным лицом. Около нее приютились дети, их сыновья, их дочь. Спитамен смотрел на жену с глубокой болью в сердце. Он уже давно не слышал ее смеха, не видел ее улыбки; тонкие черты лица ее обострились, светло-карие, когда-то пламенные глаза погасли. Спитамен дотронулся до ее руки. Женщина осталась неподвижной, только в уголках губ появилась морщинка неприязни.

— Постарайся понять меня,— грустно и ласково сказал Спитамен,— ведь я не разбойник, не для грабительства и нечестных дел веду я такую трудную и опасную жизнь. Разве ты этого не знаешь? Я всем сердцем стремился защитить Согду от чужеземцев, от рабства. Если бы наши поддержали меня...

— Но они тебя не поддержали,— устало, без всякого выражения сказала женщина.

Она уже слышала эти слова много раз, и у нее больше не было ни сил, ни желания доказывать, что Спитамен обманут и что он уже ничего не добьется. Полководцы Александра разбивают его в каждой битве. Знатные согдийцы и бактрийцы один за другим уходят к македонцам или отсиживаются в горных крепостях, несмотря на свои клятвы и обещания защищать родину. Он остался один. Массагеты? Но что за союзники массагеты? Спитамен не нужен им. Поднять меч против Александра, которого даже персидский царь Дарий не смог задержать! Это безумие. Но что спорить? Спитамен упорно идет к своей гибели — и не может да и не хочет этого понять. Но почему должна погибнуть с ним вместе и она, и дети?

Спитамен знал ее мысли.

— Да, Кен жестоко расправился с нами. Но это еще не значит, что я побежден. Александр прошел по всей Азии, а здесь остановился. Вот уже скоро три года я не даю ему свободно дышать. И пока я жив, Александр не узнает покоя и не покорит нашу страну!

— Пока ты жив. Но ты не бессмертен.

— Да. Но ведь и Александр не бессмертен, хотя и называет себя сыном бога. А когда его не станет, македонцы не будут сражаться со мной. Зачем? Их тоже немало погибло от моего меча. Они тотчас повернутся и уйдут в свою страну. А тех, кто не уйдет, я погоню, как стадо овец. Согда не потерпит рабства!

Ироническая усмешка тронула бледные губы жены.

— Ты смеешься! Напрасно. Сейчас народ наш напуган. Что делать? Македонцы каждый раз побеждают в битве. Но ведь будет победа и на моей стороне! А тогда, тогда ты увидишь, как ободрятся люди, как они дружно возьмутся за оружие. Согды, бактрийцы, скифы — нас же огромное войско! И когда мы объединимся, Македонец не выдержит. Ведь он не столько силой берет, сколько страхом! А если не будет страха?

— Будет смерть.

Спитамен в отчаянии отвернулся. Осунувшееся лицо, заросшее черной бородой, твердо сжатый рот, запавшие, полные блеска глаза — все говорило о перенесенных страданиях и о непреклонной воле. Он не сложит оружия и не пойдет в рабство к чужеземцам, пока не победит... Или — пока не умрет.

Но если бы не любил он так беспредельно эту женщину, свою жену! Да, он понимает, что она устала скитаться по военным лагерям, по степям скифов, ночевать у костров. Она, дочь персидского вельможи, растит детей в скифской повозке, в глинобитных жилищах, рядом со стойлом верблюда... Она не может больше слышать скрипа этих колес, скифской речи, она не может больше выносить грубой походной пищи...

Спитамен все понимает. Но что ему делать? Оставить ее где-нибудь в тихом, надежном месте? А где оставить? Кто примет жену Спитамена, восставшего против Александра? Нет, пусть будет рядом с ним. Когда он победит...

— Когда мы прогоним македонцев, я дам тебе все, что ты пожелаешь! — сказал Спитамен.— Верь мне, это будет так!

— Я слышу это уже больше двух лет.

— А разве мало мы причинили бедствий Александру? Мы довели его до бешенства. И не оставим в покое. Ему не царствовать в Согде.

— Однако он строит здесь свои города.

— Мы разрушим их!

Женщина не отвечала. Она больше не видела и не слышала его.

В степи стояла тяжелая, холодная мгла. Налетал ветер со снегом, слепил глаза лошадям и всадникам. Добрались до убогого скифского селения; несколько хижин, слепленных из глины и огороженных такой же глиняной стеной, стояло среди бескрайнего простора степей, уходящих в ночь. Скифское

войско раскинулось лагерем. Загорелись костры. Распряженные из повозок быки шумно вздыхали и отфыркивались.

Спитамен проводил жену и сонных детей в низенькое жилище, похожее на хлев. Тут было тепло, мягкие постели из пушистых медвежьих и волчьих шкур. Дети уснули. Спитамен постоял у порога, посмотрел, как устраивалась на ночлег жена, ожидая от нее хоть слова, хоть взгляда... Ни слова, ни взгляда не было.

Прошло несколько дней в степи. Днем пригревало весеннеё солнце, и тотчас начинали журчать тоненькие ручейки. Но по ночам налетал ледяной ветер, сеял снежную крупу.

Отряд Спитамена ждал. Что будет дальше? Куда пойдут? Что предпримут?

Наконец Спитамен собрал совет согдов, бактрийцев и скифских вождей.

— Александр построил город на реке, вы это знаете,— сказал Спитамен,— он населил этот город эллинами. Ему нужны эти города — свои города в чужой для него стране. Нужны, потому что они служат ему военной опорой. Нужны ли они нам?

— Нам этот город, как ярмо на шее,— отозвался старый скифский вождь.

— Это так и есть,— сказал Спитамен,— а зачем нам терпеть это ярмо?

Скифы согласились. Терпеть это ярмо им незачем. Надо разграбить его и уничтожить.

— Наших тоже немало в этом городе,— напомнил один из военачальников Спитамена.

— Тем лучше,— возразил Спитамен.— Разве по своей воле они поселились там? Страх загнал их в Александровы города. Там и хлеб, и защита, и Александр не тронет. А если придем мы, согды, неужели хоть один согд останется там? Они сразу вольются в наши отряды, и у македонцев одной Александрией станет меньше.

Так и решили. Спитамен еще раз повел в сражение свои отряды и скифское войско. Они напали на Александрию на Оксе и перебили гарнизон. Но Спитамен ошибся. Жители города разбежались, спрятались в горах, и никто не вступил в его отряды.

Отсюда войско Спитамена бежало обратно в степь во всю прыть своих коней. Македонцы спешили захватить его — они были близко. Спитамен вырвался почти из самых рук врага.

Смерть гналась за ним по пятам. Сильный конь и степные просторы еще раз спасли его...

Александр, когда ему донесли, что Спитамен опять ушел в степи, не мог сдержать бешеного гнева. Да и не хотел сдерживать. Ему казалось, что он задохнется, если не даст себе воли. Больше двух лет мучит его Спитамен, больше двух лет его полководцы охотятся за неуловимым повстанцем — Гефестион, Кратер, Птолемей Лаг, Кен... И все-таки он исчезает.

— Довольно! Довольно! — крикнул Александр и, вскочив с места, принялся быстро и гневно шагать по коврам шатра.— Ни один мой полководец не в силах справиться со Спитаменом. Значит, опять надо идти мне самому!

Весть о том, что сам Александр идет за головой Спитамена, разнеслась по стране Согды и Бактрии. Услышали об этом и на Скалах, где прятались согдийские и бактрийские властители. Примчалась она и в степи на безудержных скифских конях.

— Сам Александр идет к нам за Спитаменом!

Дошла эта весть и до Спитамена. Преданные ему люди поспешили предупредить его.

— Не выходи на битву с Александром, Спитамен! Это верная гибель. Укройся где-нибудь или уйди подальше в степи.

— Спасибо. Я обдумаю, как поступить.

Спитамен сидел во дворике, где возле глиняной низенькой ограды дремали два верблюда. Вольный ветер, еще сырой, но уже полный свежих запахов травы, пролетал над головой. Степь манила привольем, свободой, солнечными далями... Но степь — это не его земля. Это земля скифов. Уйти с кочевниками, затеряться среди пастбищ, скифских костров и повозок, отказаться от Согдианы, отдать Согдиану в руки чужеземцев навсегда... Нет!

В дверях убогой хижины встала стройная, белая фигура. Жена. Она смотрела на Спитамена.

— Я все слышала. Что ты будешь делать теперь?

— А что, по-твоему, мне надо делать?

— Я знаю, что мои слова, как всегда, пройдут мимо твоих ушей. Но все-таки я скажу — может быть, в последний раз. Ты должен пойти и сдаться Александру, сдаться на милость. Вот что, по-моему, тебе надо сделать.

Спитамен вздохнул.

— Этого не будет, пока я жив. Ты это знаешь.

— Пока ты жив?

— Да. Пока я жив, я буду сражаться с этим жестоким человеком, который отнял у меня все — мою землю, мои богатства, мою свободу и свободу моего народа. Я буду сражаться, пока не убью его и пока не прогоню чужеземцев с родной земли.

— Или пока он не убьет тебя.

— Да. Или пока он не убьет меня.

Женщина помолчала, не спуская со Спитамена холодных, усталых глаз.

— Пока ты жив, Спитамен, отправь меня домой. У меня больше не осталось сил. Я ненавижу эту жизнь, я ненавижу этих людей, я не могу больше! Все тебя оставили — и согды, и бактрийцы. На что ты надеешься? На кого? Ты ослеп и оглох, у тебя нет разума!

— Ты хочешь, чтобы я стал предателем? Этого не будет.

— Отпусти меня.

— Это свыше моих сил. Ты без меня погибнешь.

— Значит, все останется по-прежнему?

— Да, пока...

— Пока ты жив?

— Да. Пока я жив.

Женщина сжала губы. В глазах ее была ненависть. Она повернулась и снова скрылась в темноте жилища.

— О если бы ты уже был мертв!

Спитамен послал за своими начальниками конных отрядов. Но они сами спешили к нему. Их осталось немного.

— Спитамен! Спитамен! — Они волновались и перебивали друг друга.— Надо бежать! Надо уйти в степь! Спеши!

— Надо посоветоваться с ними.— Спитамен кивнул в сторону скифских шатров.— Может быть, примем бой...

— Не советуйся с ними, Спитамен! — В круг, чуть не плача, ворвался молодой согд.— Я только что оттуда. Я слышал! Они больше не хотят воевать с Македонцем!..

Спитамен выпрямился.

— Как — не хотят? Пусть они мне это скажут сами!

Он отстранил молодого согда и решительно направился к своему коню, который пасся невдалеке. Согды поспешили за ним.

Спитамен спрыгнул с коня у шатра скифского вождя. Хотел войти, но стража, стоявшая у входа, преградила дорогу.

— Что это значит?

— Ничего. Наш вождь спит и не велел будить.
— У меня важное дело!
— Ничего не знаем.

Спитамен направился к широкому костру, возле которого на кошме сидели скифские военачальники, пили кумыс, мирно переговариваясь и чему-то смеясь. Они словно не видели Спитамена, пока он не произнес обычного приветствия.

— А, Спитамен! Садись, Спитамен!

— Вы слышали, что Александр сам идет на нас?

Ни одного взгляда не мог поймать Спитамен — скифы глядели друг на друга, куда-то вниз, куда-то вбок... У Спитамена начали дрожать брови от гнева.

— Александр? Что ж... Пусть идет.

Спитамен молча глядел на них. Горькая и страшная правда открылась ему — скифы отказались от него! Он один с горсткой согдов. Один.

— Ступай домой, Спитамен,— сказал скуластый румяный старик, один из военачальников скифов,— ложись и спи. Македонец еще далеко.

— Македонец в любую минуту может оказаться здесь, вы его знаете! — с упреком сказал Спитамен.

— Знаем, знаем,— раздались нетерпеливые голоса.

И снова повели свой разговор, будто Спитамена уже не было среди них.

Садясь на коня, Спитамен заметил, что несколько скифских воинов бежит к табуну. Сердце сжало тяжелое предчувствие.

Обратно ехали медленно. Спитамен, прищурясь, глядел куда-то в лиловую даль. Что делать ему теперь? Что предпринять? Скифы что-то задумали, и задумали без него. Может быть, сегодня ночью они снимутся и, покинув его, уйдут по неизвестным дорогам, а утром он увидит лишь черные круги от костров да следы убегающих колес...

Спитамен послал разведчиков. Может, удастся как-то узнать, что задумали скифы?

Разведчики являлись один за другим и приносили только одну новость.

— Скифы обещали Александру голову Спитамена. Они больше не хотят воевать с Македонцем. Они купили у Македонца мир ценой твоей жизни!

— Спрячься, Спитамен, так, чтобы ничьи глаза не увидели, где ты спрячешься!

— Беги скорее, Спитамен, убийцы уже идут за тобой!

— Уходите все, — приказал Спитамен своему отряду. — Сопротивляться бесполезно. Уходите к реке. Позже решим, что делать. Уходите!

Многие схватились за мечи.

— Мы не оставим тебя!

— Уходите. Вы не сможете защитить меня сейчас. Спасайтесь сами. Скажите, если кто встретится, что я ушел за реку! Уходите! Они не найдут меня!

Согды повиновались. Но отъехали недалеко, остановились и молча стояли во тьме, придерживая коней.

Черная ночь укрыла степь. «Беги, прячься!» Но куда прятаться? Куда бежать? Факелы осветят степь, скифские кони догонят.

Верблюды мирно дышали в глиняном загоне. Прошлогодняя солома лежала в углу. Спитамен позвал жену, она открыла окно.

— Я спрячусь здесь. Скажи, что меня нет дома, что я уехал!

Далекий топот коней слышался в степи. Топот быстро приближался. Спитамен вошел в темный верблюжий хлев и затаился там, прижавшись к глиняной стене.

Топот коней замер. А через короткое время во двор, крадучись, ступая неслышно, будто хищные звери, вошли вооруженные люди. Одни стали у входа, другие окружили дом, вошли в жилище. Закричали гортанными голосами, требуя, чтобы жена сказала, где Спитамен...

— Он уехал!

— Он не уехал. Мы два дня ходим по его следам. Где он? Веди!

Женщина вышла во двор. Скифы, держа факелы у ее лица, повторяли одно и то же:

— Где он? Он здесь. Он не уехал. Говори — где?

Женщина, не отвечая, указала взглядом на темный проем верблюжьего хлева.

Скифы поняли.

Александру не пришлось идти в скифскую степь. Скифы явились к нему сами.

— Царь македонский, мы больше не хотим воевать с тобой. Зачем нам эта война? Сражаться с тобой нам нет ника-

кой выгоды. Мы уйдем с нашими стадами и не будем тревожить тебя. Но и ты не трогай нас больше.

— Как мне поверить вам? — сказал Александр.— А кто уничтожил отряд Карана? Кто заманил моих воинов в западню и перебил всех до одного?

— Этого больше не будет, царь,— ответили скифы.— Мы привезли тебе залог, чтобы ты нам поверил.

Один из них с мешком в руках подошел к царю и открыл мешок. Из мешка к ногам Александра выкатилась мертвенно-бледная голова Спитамена.

— Теперь веришь?

Скифы глядели на него узкими раскосыми глазами, ждали.

— Спитамен!

Царь наклонился — он ли? Этеры, теснясь, окружили голову, лежащую на ковре.

— Он,— твердо сказал Кен.— Я видел его.

Александр резко выпрямился.

— Теперь ты веришь нам, царь? — еще раз спросили скифы.

— Уходите!

Александр с отвращением махнул рукой и, больше не взглянув на отрубленную голову, ушел на другую половину шатра. Спитамена больше нет. Дорога открыта. Теперь — в Индию! В Индию!

— Как уйдешь в Индию? А те, что сидят на Скале? — напомнил Гефестион.— Оставим?

КРЫЛАТЫЕ ВОИНЫ

Суровая зима с морозами, с большими снегопадами и буранами миновала. Войско шло по веселой долине, по только что проглянувшей молодой траве, легко перебираясь через сверкающие весенние ручьи.

Но подошли к Согдийской Скале и остановились.

Отвесная, в тридцать стадиев высотой, каменная стена стояла перед ними. А далеко, наверху, многочисленные шлемы согдов светились под солнцем.

Едва македонцы подступили к Скале, звенящий дождь стрел и дротиков взлетел над Скалой и упал вниз, на головы гипаспистов, громыхая по поднятым щитам.

Александр приказал поискать подступы на Скалу. Подступов не было. Стало известно, что у согдов много съестных запасов, а водой они тоже обеспечены — на горах есть ручьи. Значит, осада будет очень длительной.

Александр велел глашатаю объявить Оксиарту, что он хочет начать переговоры.

— Скажи, пусть сдаются. Я не уйду, пока не возьму Скалу. Но если они сдадутся сами, то оставлю их живыми и невредимыми.

Глашатай прокричал условия Александра. На горе выслушали, и вместо ответа македонский царь услышал громкий хохот.

— Эй, Македонец! — кричали сверху.— Пожалуй, возьми нашу Скалу! Только найди сначала воинов, у которых есть крылья. Но если у тебя таких воинов нет, то и думать тебе нечего добраться до нас. Иди себе своей дорогой, а нам с тобой договариваться не о чем!

Александр, бледнея, слушал эти грубые, дерзкие насмешки. Теперь-то он уже не уйдет отсюда. Любыми усилиями он возьмет Скалу, любыми средствами. Варвары забыли, кто стоит перед ними!

Войско стало лагерем. Александр нервно прикидывал: что можно сделать? Как достать согдов? Снова попытались отыскать тайные тропы наверх. И снова не нашли. А сверху продолжали сыпаться стрелы, дротики и насмешки.

— Эй, Македонец, ты все еще не нашел крылатых воинов?

Александр обдумывал, как взять Скалу. Вспоминал прошлые битвы. И снова из тьмы минувших времен возникло видение. Царь Кир стоит перед неприступными стенами Лидийской крепости Сард.

«Кто первым взберется на эту скалу в крепость, тому будет великая награда!..»

Царь Кир, несравненный полководец, казалось, окликнул его.

— Крылатых воинов? Ладно,— сказал Александр,— я их найду.

— Найди, найди! Мы посмотрим, как они летают!

Александр тут же объявил войску:

— Кто первым взойдет на Скалу, тот получит двенадцать талантов награды. Кто взойдет вторым, получит на один талант меньше. И столько же следующие десятеро. Взошедший последним получит последнюю награду — триста дариков.

Однако я уверен, что вы будете думать не столько о вознаграждении, сколько об исполнении воли своего царя!

Лезть на Скалу вызвалось около трехсот человек. Это были сильные, ловкие юноши, пастухи и звероловы, которым не в диковину было лазать по скалам, отыскивая потерянного буйвола или выслеживая в горных лесах зверя. Хотелось отличиться перед царем. Да и награда тоже имела цену.

Александр позвал их к себе:

— С вами, юноши, сверстники мои, я преодолел укрепления прежде непобедимых городов, прошел через горные хребты, заваленные снегом, проник в недоступные теснины Киликии. На Скалу, которую вы видите перед собой, есть только один доступ, но он занят варварами. Однако стража у них стоит только со стороны нашего лагеря. Если вы усердно исследуете подступы к вершине со всех сторон, вы их найдете. Нет таких высот в природе, которых не могла бы одолеть доблесть!

Речь царя, словно огонь сухую бересту, зажгла отвагой молодых воинов.

Александр велел принести куски белого льняного полотна и взять каждому полотнище, чтобы укрыться вместо плаща. На Скале снег, в белых плащах они будут не так заметны.

— А когда взберетесь на вершину и окажетесь в тылу у варваров, снимите полотнища и машите ими, как крыльями. Тогда и я увижу вас.

Молодые воины поспешно разобрали куски белого полотна. Но царь и сейчас не отпустил их:

— Покажите, как вы будете размахивать ими!

Юноши, увлеченные затеей Александра, принялись размахивать полотнищами. И когда они стояли так, все триста среди взмахов полотна, то казалось что за плечами у них выросли крылья. Царь остался доволен.

— Пойдете ночью, после второй стражи. На заре я буду ждать вашего сигнала. Желаю вам успеха, друзья мои!

До наступления тьмы юноши готовили снаряжение — небольшие железные костыли, которыми укреплялись палатки, крепкие льняные веревки, продовольствие. И ночью, вооруженные копьями и мечами, вышли к Скале.

Сначала казалось, что на Скалу не трудно взобраться: склоны были не так круты. Но потом Скала поднялась стеной. Вбивали костыли в трещины камней, в землю, в заледеневший снег. Подтягивались на веревках, помогая друг другу.

Карабкались, хватаясь за выступы, за камни, преодолевали неимоверную крутизну. Но взбирались на выступ, а над головой снова поднималась отвесная стена. Казалось, что Скала растет. Не хватало сил ни подняться выше, ни спуститься обратно. Иногда неверный камень вдруг выскальзывал из-под ноги, и человек летел в снежную пропасть, исчезал где-то во тьме, и лишь короткий крик его предупреждал других о гибели...

Чуть-чуть забрезжил рассвет, когда молодые воины, наконец добравшись до вершины, упали в изнеможении и в беспамятстве. А когда очнулись и огляделись, то оказалось, что тридцать два человека из них остались где-то в безмолвной пропасти, в снежных сугробах ущелья, и ни одного тела увидеть было нельзя.

Это была самая отвесная сторона Скалы, и потому не стояла здесь стража. Не в первый раз повторялась эта ошибка осажденных. Александр знал, что когда-то и Сарды были взяты так же: надеялись, что враг не сможет одолеть крутизны и что скала сама защитит их.

Александр почти не спал в эту ночь. Ему казалось, что его великую славу затмит любая даже малейшая неудача. Он вспоминал насмешки, которыми осыпали его воины Оксиарта, и кровь бросалась ему в лицо: варвары осмелились оскорблять его! Он вскакивал, выходил из шатра, вглядывался в черную громаду Скалы... И Скала, и ночь были безмолвны, беззвучны, бездыханны.

Долина еще лежала, укрытая синей тенью, когда вершина Скалы засияла в разливе зари. Александр жадно всматривался в тот отвесный утес, который поднимался над Скалой. Там ли они? Добрались ли?

Сначала он ничего не видел, кроме розовых под солнцем вершин и полосок снега в расщелинах. Но вот что-то дрогнуло там, что-то мелькнуло.

— Они!

Этеры, окружавшие царя, все еще ничего не видели и, переглядываясь украдкой, пожимали плечами.

— Они там! — торжествуя, крикнул царь.

На утесах замелькали белые искры. И теперь уже отчетливо стало видно — воины Александра стоят и машут полотнищами. Радостные возгласы пролетели по всему войску, вышедшему к Скале. Александр тотчас послал глашатая.

Глашатай вышел вперед, подошел к подножию Скалы.

Согды, стоявшие на страже, приготовились выслушать его. Что еще скажет Македонец? Что еще предложит?

— Эй! — крикнул глашатай. — Не тяните больше, сдавайтесь! Вы хотели, чтобы наш царь нашел крылатых людей. Так вот, крылатые люди нашлись! Оглянитесь — они уже у вас на Скале!

Согды оглянулись, и крик ужаса покатился по вершине. Воины Александра, размахивая белыми крыльями, стояли у них в тылу! Стража отступила, бежала... Оксиарт, увидев крылатых людей и решив, что Скала уже захвачена, бежал и скрылся в ущелье.

Согды отошли от прохода. Александр во главе войска поднялся на Скалу. Сыновья Оксиарта, не успевшие бежать, встретили его низкими поклонами и поспешно собранными драгоценными дарами.

Александр прошел, не взглянув на них.

— Не дарите мне то, что и так принадлежит мне.

Тяжело оскорбленные сыновья Оксиарта последовали за ним с опущенной головой.

Согды сложили оружие. Александр, все еще гневный и очень усталый, проходил, не видя их, не желая видеть их. Что-то они не смеются над македонским царем!

ЛЮБОВЬ

Разве думал Александр о любви в эти беспокойные, трудные дни, омраченные изменой и гибелью друзей? Думал ли он о любви, измученный бесконечной погоней за Спитаменом?

Его ожесточившееся сердце не верило ни радостям, ни страданиям, которые может причинить это чувство. Невелика радость от встречи с женщиной, и невелико страдание от разлуки с ней. Игра чувств, прозвучавшая где-то песня, звезда, вспыхнувшая в ночи и пропавшая в трезвом свете дня...

А любовь ждала его, она была уже близко. Любовь настигла его внезапно, как гром с неба, как великий дар богов человеку, отмеченному ими.

Первым, впереди Оксиартовых сыновей, Александр вошел во двор Оксиарта. Слуги испуганно жались к стенам.

Вдруг отворилась тяжелая дверь, и из дома вышла девуш-

ка. Рокшанек не терпелось узнать, что происходит в крепости. Ей все еще казалось, что дом ее отца недоступен для чужих. Она собиралась подняться на стену, посмотреть на рогатого македонского царя. И тут же остановилась на пороге, оцепенев от неожиданности и от ужаса. Рогатый Македонец стоял перед ней.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. В доме уже кричали женщины, звали Рокшанек,— ни Рокшанек, ни Александр не слышали их. Цветущая прелесть девушки, белокурые, с золотым отливом волосы, ее чистые, светло-синие, широко раскрытые глаза внезапно обезоружили молодого царя. Эллада, золотая богиня Афродита, розовая жемчужина в белой пене прибрежной волны...

Рокшанек, опомнившись от первого страха, увидела, что перед ней стоит усталый человек и что на шлеме у него вовсе не рога, а белоснежные перья. А когда заглянула в глубину его голубых глаз, то поняла, что это и есть тот, кого она ждала в своих мечтах и за кем пойдет на край света.

— Как зовут тебя?

Рокшанек не поняла незнакомой речи. Но догадалась, о чем спрашивает царь.

— Рокшанек.

Александр взял своей огрубевшей рукой ее нежную белую руку.

— Роксана!

Со смертельной тревогой следили из дома за этой встречей. Братья Рокшанек, против своей воли, схватились за мечи. Но, увидев, как ласков с Рокшанек Александр, переглянулись с внезапной надеждой.

Рокшанек робко отняла свою руку и бросилась в толпу женщин, стоявших в дверях. Все они тут же скрылись в глубине дома, как стая вспугнутых птиц.

Склонив голову перед Александром, появилась жена Оксиарта.

— Войди в дом твоего пленника, царь,— сказала она с низким поклоном.

Александр обернулся к ней.

— Кто эта девушка?

— Это моя дочь, царь, Рокшанек. «Рокшанек» — это значит «Светлая».

— Твоя дочь... Светлая! Роксана — Светлая!

Александр с чувством счастья повторял это имя по-сво-

ему, по-эллински выговаривая его. Ему хотелось сейчас же ринуться в дом и отыскать эту девушку.

И, удивившись самому себе, обнаружил, что он не может поступить так. Это оскорбит ее.

— Скажи Оксиарту,—обернулся он к матери Рокшанек,— пусть вернется домой. Пусть сложит оружие. Я не буду мстить ему.

Александр спустился вниз к войску. Но думал только о ней, о Роксане. На другой же день снова поднялся на Скалу. Он вместе со свитой поселился в доме Оксиарта. Присутствие в этом доме Роксаны наполняло его счастьем. Не было на свете женщины, кроме нее. Все они, что встречались на путях Египта и Азии, черноволосые, меднокожие, чуждые Элладе, исчезли, как тени. Одна эта, тихая, кроткая, с золотым дождем кос, вдруг вошла в его жизнь и заполнила его сердце.

— Роксана — Светлая! — повторял он.

Друзья-этеры все видели, все понимали. Такой девушки, как Роксана, они не встречали в Азии... Но не слишком ли увлекается царь?

— Жена Дария была первой красавицей в Персидском царстве,— напомнил Гефестион,— однако царь не потерял голову от любви!

— Может быть, тогда не пришло еще его время,— возразил Птолемей, пожав плечами.

Уже и среди солдат шли разговоры о красоте Рокшанек.

— Славная добыча досталась царю! Недаром взяли мы эту Скалу!

— А что досталось нам?

— А нам — отдых. Царь не скоро уйдет отсюда, женская красота сильна.

— Он может взять ее с собой.

— Не возьмет. Он не любит возить с собой женщин.

— А может, женится?

— Женится! Вот так сказал. Женится на азиатке? На дочери варвара?!

— Этого еще не бывало у македонских царей!

— Мало ли чего не бывало. Разве ходили когда-нибудь македонские цари в персидских штанах? А вот Александр надел!

Обрадованный милостью победителя, Оксиарт вернулся в крепость. Царь простил его. Оксиарт, счастливый тем, что

остался жив и что сыновья его живы и дом не разорен, устроил для царя большой пир. Все, что могло найтись в осажденной крепости, было подано на столы — обилие мяса, маслины, вино, свежий, еще горячий хлеб...

Александр был весел, добр. Друзья давно не видели его таким. Он будто вернулся в те дни, когда еще совсем юный, полный надежд и вдохновения, переходил Геллеспонт. С его лица исчезли тени забот и усталости, подозрений и тревог. Он часто поглядывал на двери — не то ждал, что придет Роксана, не то порывался пойти к ней...

Оксиарт все видел и все понимал. Он шепнул слуге, чтобы девушки пришли развлечь гостей. Они вошли одна за другой пестрой вереницей, зазвенели струны дутаров, запели чанги, зарокотала дойра. Девушки пошли в грациозном плавном танце, все в роскошных, ярких, разлетающихся одеждах. Тридцать красавиц было отобрано для царского пира, тридцать самых красивых девушек, дочерей бактрийской знати. Но и среди них Роксана, со своими редкостными золотыми косами, со своей свежестью, с глубоким блеском счастливых глаз, все-таки была самой прекрасной... Александр не отрываясь следил за каждым ее движением — он был не в силах отвести от нее взволнованного, потемневшего взора. Друзья с тревогой и с изумлением наблюдали за ним. Сначала он много пил, потом долго держал в руках пустую чашу, по старой привычке тихонько поворачивая ее в ладонях. Веселое в начале пира лицо понемногу мрачнело, между бровей и в уголках губ появились морщинки... Оксиарт с тайным ужасом спрашивал себя: чем мог он не угодить царю? Чем он мог его разгневать? Гнев победителя — что может быть страшнее для побежденного?

Но Александр не гневался. Он решал свою судьбу. Сейчас он понял, что любит Роксану всем своим никогда не любившим сердцем. Он не может оставить Роксану. Он не может увезти ее пленницей — о Гера и все боги! — он не оскорбит этой девушки!

Тогда что же?

Тогда вот что — он женится на ней.

Да. Он женится на ней. Он сегодня же совершит здесь свадебный обряд, так же, как совершали его македонские цари в Эгах и Пелле.

Как загудят македонцы вокруг! Как возмутятся его благородные этеры, его эллинские военачальники, его македон-

ские воины, среди которых самый нищий, самый невежественный пастух все-таки считает себя выше самого знатного и самого великого варвара. Как бы ни был возвышен варвар богатством, властью, талантом, все равно он — варвар!

И все-таки Александр женится на ней!

Мелодично гудели струны дутаров, вторила дойра, утверждая ритм, развевались шелковые одежды девушек — лиловые, розовые, синие, пурпурные... Взлетали гибкие, тонкие руки, метались длинные косы, сверкали драгоценности, вспыхивали прекрасные глаза азиатских красавиц. Александр не видел их.

Он видел только одну, у которой лицо было цвета розовой жемчужины и ливень золотисто-светлых волос. Она не смотрела на Александра. Но он знал, что танцует она для него, и от его взгляда розовеют ее щеки, и его приветствует взмах ее руки... Неужели такое счастье возможно на земле?

А что скажет там, в Македонии, старый Антипатр, когда услышит, что его царь женился на дочери варвара? А что скажет Олимпиада, его гордая мать?.. Вот-то возмутятся они, вот-то оскорбятся!

И все-таки он на ней женится!

Оборвалась музыка. Звякнув струнами, замолкли дутары вместе с последним всплеском дойры. Девушки вереницей засеменили к выходу. Топот их маленьких ног затих где-то в глубине большого дома.

— Оксиарт! — громко сказал Александр, желая, чтобы все его слышали.— Я не видел девушки прекраснее, чем твоя дочь... Но что ты побледнел? Я не оскорблю Роксану, я женюсь на ней!

Наступила тишина. Многие друзья царя, его военачальники и знатные персы, бывшие в царской свите, вскочили с мест. Поднялся и Оксиарт, онемевший от счастья и боящийся поверить этому счастью.

— Я женюсь на Роксане,— повторил царь,— и я хочу, чтобы свадьбу отпраздновали сегодня же. Я беру ее в жены и скрепляю наш брак по македонскому отцовскому обряду, священному для эллинов.

Оксиарт, прижав руку к сердцу, низко склонился перед царем. И вышел, торопясь предупредить дочь и всех, кто собрался в доме, о предстоящем событии. Он мгновенно забыл о своих клятвах до конца жизни сражаться с Македонцем. Лишь бы царь не раздумал, лишь бы не оказалось это шуткой!

Друзья-этеры обступили Александра. После того как царь в бешеном гневе убил несчастного Клита, они боялись раздражать его. Скрывая возмущение и негодование, они просили царя подумать немного и не решать так внезапно своей судьбы.

— Разве нет для тебя знатной македонянки, или афинянки, или любой женщины во всей Элладе? Подумай: мать сыновей твоих, наследников твоего царства,— варварка! Признает ли их народ?

— Это грозит смутой, царь!

— И зачем жениться? Она и так никуда не уйдет от тебя. Вспомни, ты не просто македонец, ты — царь македонский. Не унижай своего царского сана!

Царь слушал терпеливо. Он устремлял глаза на говорившего и молча выслушивал до конца. Он был так счастлив, что смысл их речей почти не доходил до него. Он слушал и не слышал. Да и что неожиданного они могут сказать ему? Он сам знал все, что они думают и что они скажут.

Перед ним доверчиво сияли светло-синие, в темных ресницах глаза, перед ним струились белокурые, с золотым блеском волосы, ему улыбались губы, свежие, как лепестки роз...

Он старался со всей серьезностью выслушать предостережения и упреки друзей, но ему хотелось смеяться от счастья, и он не мог этого скрыть...

— Царь потерял разум,— сердито сказал старый Фердикка, отойдя в сторону.

— Как все влюбленные,— усмехнулся Неарх.— Мне всегда смешно и удивительно, когда я смотрю на людей, захваченных этим недугом. Они выглядят так, словно наелись стрихноса...[1]

Но Каллисфен, который с хмурым видом сидел на пиру, покачал головой.

— Тут не только стрихнос. Думаю, что, кроме любви, здесь крупный расчет. Наш царь не таков, чтобы из-за чего-нибудь потерять голову. Тем более из-за женщины!

Часы проходили в радужном тумане счастливого ожидания. Наступал вечер. Невесту наряжали, готовили к свадьбе. Мать украдкой всхлипывала. Кормилица причитала, не стесняясь:

[1] Стрихнос, или дурман безумящий,— растение, из которого делали яд.

— Кому отдаем? Куда отдаем? Врагу нашему, разорителю. Светлая моя, где ты будешь растить своих детей, в лагере?

— Перестань,— остановила ее мать Рокшанек,— она будет жить в царском дворце. Она будет царицей,— ты забыла, что ли?

— А что она, тот дворец будет возить за собой в походы?

— Она не воин, чтобы ходить в походы.

— Жена Спитамена тоже не была воином. Македонец даже человеческого языка-то не знает. Ну, как он будет разговаривать со своей женой?

— Научится.

— Это он-то? Станет он учиться! Да и когда ему? Лишь бы воевать да разорять мирных людей!

— Значит, научится она разговаривать с ним. И довольно. Глупая твоя голова понимает или нет, что царь не станет разорять родной народ своей жены? И ты, Рокшанек, должна помнить об этом всегда. И если тяжело будет — терпи. Весь наш народ сейчас смотрит на тебя!

— Именно: терпи,— заплакала кормилица.— Ох, светлая ты моя, кто думал, что тебя ждет такая судьба!

— Такая высокая судьба!— поправила мать.— И держи ее крепко, эту судьбу, Рокшанек, не выпусти из рук!

Роксана покорно давала надеть на себя богатый наряд, золотой венец, драгоценные ожерелья... Даже кольца ей надела кормилица. Она была ошеломлена так внезапно изменившимся течением жизни. Она не знала: счастлива ли? Несчастна ли? Скорее, она была испугана, но знала, что изменить ничего нельзя. И если бы ее, как жертвенную овцу, повели сейчас на заклание, она покорно пошла бы и позволила бы принести себя в жертву.

Перед тем как выйти на свадебное пиршество, Гефестион задержал Александра:

— Ты действительно любишь ее, Александр?

— Я люблю только ее.

— Ты все обдумал?

— Я все обдумал, Гефестион. Кроме того, что я люблю ее — а я ее действительно люблю,— это еще поможет объединить наши народы. Я так задумал, и ты это знаешь. Если сам царь может жениться не на эллинке, то почему не могут сделать этого люди, подчиненные царю?.. Я вас всех заставлю жениться на здешних женщинах — и первого тебя!

Гефестион вздохнул, улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, Александр, что ты можешь это сделать! Но если это нужно для твоих замыслов, я женюсь на той, на которой ты прикажешь. Я готов вытерпеть этот обряд...

Свадебный обряд был несложен: мечом разрезали каравай хлеба и дали отведать жениху и невесте. Это был старый македонский обряд — так женились все македонские цари. Азиатская девушка Рокшанек стала женой македонского царя.

Это была самая счастливая весна в его жизни. Все было иначе, чем всегда, кругом ликовал праздник — таяли снега, весело шумели горные потоки, не уставая пели птицы. Политимет, торжествуя, разливалась в долине...

Однако прошли первые дни самозабвенного счастья, и покой снова был утрачен. На Согдийской Скале у Александра уже не было врагов, здесь был дом его жены, его новый родственник Оксиарт наглухо забыл свои намерения защищать от чужеземцев родную страну.

Но еще сидел на своей Скале сильный Хориен, и с ним другие знатные люди Согдианы и Бактрии. И не хотел сложить оружия отважный Катен, вождь паретаков.

Александр снова надел доспехи.

Скала Хориена была еще более неприступной, чем Согдийская. Отвесные склоны ее падали в глубокую пропасть. Наверх вела узкая тропа, по которой можно было идти только друг за другом, поодиночке.

Но для Александра не существовало неприступных мест. Пропасть? Ее можно засыпать. Отвесные скалы? На них можно подняться по лестницам. И вот застучали сотни топоров, огромные елки с шумом и треском начали валиться вокруг Скалы.

Хориен не долго выдерживал осаду. Он видел, что союзников у него нет. Оксиарт и тот перешел на сторону Македонца. Он понял, что Македонец не уйдет, пока не доберется до него... И сложил оружие.

А царь македонский, в доказательство своего доверия, оставил ему его Скалу. Живи, Хориен, и управляй своей крепостью, но будь верен и покорен царю Александру.

Теперь остался один Катен, правитель паретаков, который еще сопротивлялся Александру. Александр послал Кратера усмирить паретаков. Катен сражался яростно; он был последним, кто еще стоял на защите своей родины. Но же-

лезный полководец Кратер разбил его войско. Сам Катен был убит в сражении.

В Согдиане и Бактрии наступила тишина. Защищать страну было больше некому.

Александр отправился в город Бактры, увозя с собой свою юную прекрасную жену.

А в Бактрах судьба уже готовила ему новые беды...

КАЛЛИСФЕН

Черная, пронизанная крупными звездами ночь стояла над Бактрами. Александр вышел из шатра, где пировал с друзьями. Телохранители нехотя последовали за ним. Косматые оранжевые огни факелов осветили им путь.

Чья-то смутная фигура, с головой, накрытой покрывалом, встала перед царем на дороге.

— Кто? — крикнул Птолемей, хватаясь за меч.

Гефестион тихо остановил его:

— Осторожно, Птолемей. Это сириянка.

— И что таскается?..— проворчал Птолемей, отступая в сторону.

В последние дни эта старая сириянка, возникая откуда-то из темных ущелий города, то и дело являлась к царю с предсказаниями. Сначала царь прогонял ее. И он сам, и его этеры смеялись над ней. Потом ему рассказали, что ее предсказания всегда исполняются. И царь перестал обращать внимание, когда она тащилась за его свитой или оказывалась в каком-нибудь уголке его дворца. Иногда, просыпаясь, он видел ее перед собой в своем шатре — сириянка стояла и пристально смотрела на него. Казалось, она глядит в его грядущее, в его судьбу...

Сириянка выступила из густой тьмы под свет факелов, откинула покрывало и, подняв руку, остановила царя. Глаза ее светились из глубоких орбит каким-то неестественно ярким огнем, лицо было напряженно.

— Вернись, царь,— сказала она глухим голосом,— вернись и пируй всю ночь! Не уходи в эту ночь от своих друзей! Вернись!

Царь не знал, что делать. Его ждал Евмен с делами канцелярии. С тех пор как его царство раскинулось на столько

земель, у Александра порой не хватало ни сил, ни времени разобраться в донесениях, в отчетах, в финансовых делах, в делах строительства и в разных жалобах... Ведь он всегда все хотел делать сам! А кроме того, в дальнем покое ждала его, своего мужа, белокурая, нежная Роксана.

Но сириянка стояла, словно грозное предупреждение судьбы.

— Поступи так, как я сказала тебе, царь,— повторила она.— Вернись и не выходи до утра.

— Вернемся, Александр,— попросил Гефестион, чувствуя недоброе в этом появлении сириянки.

— Вернись, царь,— сказал и Птолемей.— Старуха что-то знает.

Александр еще раз взглянул на сириянку. Огромные черные глаза, желтое длинное лицо, напряженные скулы... Он пожал плечами.

— Хорошо. Я вернусь. Клянусь Зевсом, я очень рад, что могу пировать всю ночь. Что ж, мне ведь запрещено покидать друзей!

И он повернул обратно. Телохранители с удовольствием последовали за ним: на пиру было весело и им вовсе не хотелось уходить так рано.

Однако неясное подозрение и тайное раздумье всю ночь, пока длился пир, смущало их. Что знала старуха?..

Тайна раскрылась, как раскрывается почти всегда, если о ней знают несколько человек. Хранить тайну, да еще такую страшную, как убийство царя, юному сердцу очень тяжело, почти невыносимо.

Александр после бессонной ночи сидел за работой, когда жуткая весть из уст в уста уже приближалась к нему...

Во дворце дежурил Птолемей, сын Лага. Ему хотелось спать. Он заставлял себя сидеть прямо и неподвижно, но тяжелая голова клонилась на грудь. Покачнувшись, он чуть не упал со скамьи. Вздрогнул, выпрямился. Покосился на воинов, стоявших на страже у дверей: не видали ли они...

Но стражники с кем-то разговаривали. Кто-то просился к царю. Птолемей встал, принял свой обычный строгий вид и подошел к ним. Во дворец просился молодой Эврилох, сын македонского вельможи Арсея, один из тех юношей, которых царь набирал из знатных семей для личных услуг.

— Прошу выслушать меня!

Птолемей внимательно поглядел на него. Юноша был

бледен, губы его дрожали, широко открытые карие глаза были полны ужаса. У Птолемея сразу исчезла дремота.

— Войди.— И, не спуская с него холодных глаз, потребовал: — Говори.

— Заговор...— пролепетал Эврилох. Его крутой смуглый лоб заблестел от пота.

— Заговор? — Птолемей крепко схватил Эврилоха за плечо.— Кто? Где?

— Гермолай... все они... хотят убить царя!

Лицо Птолемея стало каменным. Серые глаза блестели ледяным блеском.

— Кто именно?

— Гермолай, сын Сополида... Царь приказал высечь его и отнял у него коня, не посчитался, что он македонский вельможа.

— Я знаю. Это было на охоте.

— Да. Гермолай убил кабана, а царь сам хотел убить этого кабана. Когда Гермолая высекли, он сказал, что не сможет жить, пока не отомстит царю.

— Мстить царю?! Мальчишка!

— Друзья ему говорили: не велика беда, если тебя похлестали немножко. А он: не велика беда, да велика обида.

— «Обида»! Он мог высказать царю свою обиду. Но убивать!

— О том, что он задумал, Гермолай сказал Сострату. А Сострат — его друг — согласился помочь. Потом они уговорили моего брата Эпимена.

— Твоего брата? И ты пришел сказать об этом?

— Да. Я пришел, потому что боюсь за жизнь царя.

— Дальше. Кто еще?

— Антипатр, сын Асклепиодара.

— Сатрапа Сирии?

— Да. И еще Антиклей. И Филота, сын фракийца Карсида. И... мой брат Эпимен.

— Как же ты узнал об этом?

— Эпимен рассказал Хариклу. А Харикл рассказал мне. Они ждали, когда будет дежурить Антипатр. Он должен был дежурить этой ночью...

— Сириянка!..— пробормотал Птолемей.— О, вот что!

— И тогда они все пришли бы и убили бы царя, когда он спал.

Еле договорив, Эврилох в изнеможении опустился на пол. Птолемей окликнул его. Эврилох молчал, потеряв сознание.

Птолемей несколько минут сидел неподвижно, крепко сжав свои тонкие недобрые губы. У него было чувство, что он заглянул в бездну, в которую чуть не упало все — его царь, македонская армия, македонская слава... И прежде всего — он сам. Ужас охватил его. Мальчишки, избалованные придворной жизнью, богатством, бездельем, они все время около царя. Они подводят Александру коня и теперь, по персидскому обычаю, подсаживают на коня царя, который может и сам птицей взлететь на своего большого Букефала. Они подают ему еду и готовят ванну. Они стоят, охраняя царя, у его постели, когда он спит и лежит перед ними совершенно беззащитный, потому что спит крепко... А ведь у них — у каждого! — есть оружие.

— О!..— глухо вырвалось у Птолемея.— О Зевс и все боги! Что же я сижу здесь?!

Он кликнул стражу, велел привести в чувство Эврилоха и прошел к царю.

Александр не сразу понял, что говорит Птолемей. А когда понял, то с минуту смотрел на Птолемея неподвижными глазами, стараясь понять то, что произошло.

— Повтори их имена.

Птолемей повторил.

— Пусть их схватят и допросят. Надо, чтобы назвали всех, кто замешан в этом безумье. Всех!

Александр уронил на руку сразу отяжелевшую голову.

— Даже мальчишки! — в гневном отчаянии сказал он.— Что же делать, Птолемей? Я не могу высечь мальчишку — я, царь! — как он уже меч поднимает на меня!

Гефестион, который тихо вошел и молча слушал Птолемея, вмешался.

— Разве тебя некому защитить, царь, от измены? — сказал он.— Были сломлены сильные. Неужели эта сорная трава, выросшая здесь, сможет быть опасной? Я сам займусь ими. Не беспокойся.

Голос его был непривычно жестким. Александр поднял голову. Взглянув в лицо своего друга, он кивнул головой.

Гефестион занялся расследованием. Юноши сначала отказывались отвечать. Гефестион не кричал, не бранился. Он был терпелив. Но он был непреклонен. Когда юноши замолчали, он применил пытку. Ни один из них не выдержал рас-

каленной иглы. Рассказали все и о себе, и друг о друге. И где-то вскользь, неуверенно, неуловимо прозвучало имя Каллисфена.

— Я так и знал! — с негодованием закричал Александр.— Я знал, что этот человек замешан в заговоре, а может, да и вернее всего, он же и толкнул их на это! Они ходили за ним по пятам, а Гермолай — тот чуть не молился на него. Это его замысел! Каллисфена!

У Александра уже давно зрела к Каллисфену вражда. Заносчивый, часто бестактный и почти всегда противостоящий царю, Каллисфен словно умышленно растил к себе ненависть Александра.

Сразу вспыхнули в памяти оскорбительные выпады Каллисфена против царя, против его персидской свиты, против пышности царского двора.

«Он только и видит, как я утверждаю себя царем азиатских народов,— горько и мстительно думал Александр.— Но ни разу не заметил, как после роскошных церемоний, пиров и земных поклонов царю этот царь наутро, в простой, грубой хламиде ведет свое войско в бой, как этот царь вместе со своим войском терпит все невзгоды и все страдания!..»

А эта речь Каллисфена на пиру!

Александр, зная красноречие Каллисфена, пригласил его однажды произнести похвальную речь македонцам. Каллисфен произнес очень красивую речь: перечислил их заслуги, их доблесть, их отвагу... Македонцы были довольны.

Но Александр знал, что это лишь блестящая риторика, что сердце Каллисфена в этих похвалах не участвует.

— Достойные славы дела прославлять не трудно,— сказал Александр тогда,— но пусть Каллисфен покажет свое искусство красноречия и произнесет речь уже против македонцев и справедливыми упреками научит их лучшей жизни!

Каллисфен произнес и эту речь. Какой же злой и язвительной она была! Какие тяжелые слова он нашел! Оказывается, только несчастные раздоры эллинов создали могущество Филиппа и Александра.

— Ведь во время смуты,— сказал он,— и жалкая личность может иногда достигнуть почетного положения!

Вот что он сказал!

Как тогда вскочили македонцы из-за столов! Как были оскорблены и за себя, и за царя...

Александр успокоил их.

— Олинфянин,— сказал он,— дал нам доказательство не своего искусства, но своей ненависти к нам.

Говорят, что, уходя с пира, Каллисфен повторил несколько раз:

— И Патрокл[1] должен был умереть, а был ведь выше тебя.

Надменный эллин! Недаром теперь среди заговорщиков прозвучало его имя!

Повторилось снова то, что уже было пережито однажды. Собралось войско, военачальники, этеры. Юношей вывели и поставили перед войском. Солнце палило. Юноши стояли, опустив головы, жалкие, измученные. Они уже сами не понимали, зачем затеяли все это. Некоторые плакали, опустив голову. Никто не смел поднять глаз на царя — ведь они хотели убить его сонного... Что может быть презреннее этого?

Лишь Гермолай стоял, высоко подняв подбородок. Он тяжело дышал; видно было, как поднимались ребра его полуобнаженного тела. Запавшие глаза горели злым огнем.

Ему велели сказать, что́ побудило его поднять руку на своего царя.

— Многое! — ответил он, не опуская глаз.

— Значит, ты признаешь, что составил заговор против царя?

— Да! Я составил заговор!

— Что же стало причиной?

— Я убил кабана, которого хотел убить царь. Но он промахнулся, а я убил. За это он предал меня позору и отнял у меня коня.

— И это все?

Толпа возмущенно, негодующе зашумела. Понимает ли Гермолай, что он говорит? Или солнце растопило ему мозги? Что его ничтожная обида по сравнению с жизнью Александра?!

— И не только это! — Гермолай повысил голос, стараясь перекричать толпу.— Я составил заговор против Александра, потому что свободному человеку высокомерие его терпеть невозможно. Он творит беззакония. Он казнил Филоту — несправедливо казнил! Он казнил Пармениона без всякой вины! Он убил Клита, потому что был пьян! Он надел мидий-

[1] Патрокл — герой «Илиады», убитый в Троянской войне.

скую одежду! Он хочет, чтобы ему кланялись в ноги! Я не в силах переносить все это. Да, я хотел убить его и освободить от него всех македонцев!

Наступила мгновенная тишина. Гермолай говорит правду. Но тут же, как взрыв, грянул неистовый крик:

— Оскорбить царя?

Загремели мечи. Речь Гермолая возмутила войско. Мгновенно, без всякой команды, без всякого знака со стороны царя, над головами заговорщиков взвилась туча камней и тяжко упала на них, похоронив всех.

Александр не мог успокоиться в этот день. То гнев мучил его, то томила тяжелая печаль. Непрерывно болела голова.

«Моя жизнь, мои дела — а их еще так много! — все могло погибнуть от руки этого мальчишки! Так вот погиб отец, от руки такого же ничтожества. О, клянусь Зевсом, это несправедливо. Воин должен умирать в бою!»

Он долго сидел за оградой дворца на большом, поросшем зеленью камне. Над горами полыхало оранжевое облако, оно казалось зловещим. Одолевали тяжелые мысли: «Аристотель любил меня. А потом прислал своего племянника, который хотел меня убить. Каллисфен восхвалял меня. А потом решил освободить от меня Македонию. Убить. А ведь это проще всего. Труднее — понять. Когда же перестанут мешать мне выполнить то, что я хочу, что я должен выполнить!» Солнце свалилось за горы. Зримо наступала тьма. Александр не выдержал. Он вскочил и бегом вернулся во дворец.

— Гефестион! — В его крике было отчаяние.— Где ты, Гефестион?..

— Я здесь, Александр.

Гефестион ждал его у входа, спокойный, добрый, надежный.

— Вели принести вина, Гефестион,— попросил Александр,— побольше вина. И не надо разбавлять. И потом, пусть придут друзья. И света побольше, света!

И снова на всю ночь пошел пир в царском дворце. Александр пил неразбавленное вино, за что эллины и македонцы его сильно порицали. «Он пьет, как варвар»,— говорили они. А царю хотелось забыться, развеселиться, как веселился раньше. Но раньше ему было весело и без вина. А теперь и вино не помогало. Он уснул лишь на рассвете тяжелым, как забытье, сном. Телохранители ночевали около его спальни.

Проснувшись к полудню, царь спросил о Каллисфене:

— Что он?

— Он в цепях, царь.

— Он очень бранится, — сказал телохранитель Леоннат, — угрожает гневом Аристотеля.

— Вот как! — сразу вспыхнул Александр. — Гневом Аристотеля? А моего гнева он не боится? Держать его в цепях. До конца его жизни. Он в цепях пойдет за моим войском. Аристотель! Ему тоже многое не нравится в моих делах. Ну ничего, я еще доберусь и до него!

Эти слова, сказанные в запальчивости, многих неприятно поразили. Друзья, те, кто знали Аристотеля, ничего не посмели сказать в его защиту. Те, кто не знали, согласились с царем: а почему же и не добраться до него, если он не одобряет того, что решил царь?

Лишь Гефестион сказал, мягко и грустно улыбнувшись:

— Александр, вспомни Миезу, где Аристотель учил всех нас в детстве. Если бы не наш великий учитель, был ли бы ты сейчас здесь, на краю земли? Ведь не только жажда славы и завоеваний привела тебя сюда. Но и мечта увидеть край земли, узнать землю. А кто пробудил в твоей душе эту мечту? Аристотель! Не будь неблагодарным, Александр!

Александр притих, задумался. А потом сказал упрямо:

— А Каллисфена я все-таки буду держать в цепях до самого суда. И судить буду в присутствии Аристотеля.

Каллисфен не был военным, поэтому царь не мог отдать его на суд войска.

«ПУСТЬ ГОРИТ ВСЕ!»

— Ты знаешь, Роксана, какой щит выковал Гефест для Ахиллеса?

> В первую очередь выковал щит он огромный и крепкий,
> Всюду его изукрасив; по краю же выковал обод
> Яркий, тройной; и ремень к нему сзади серебряный сделал.
> Пять на щите этом было слоев; на них он искусно
> Много представил различных предметов, хитро их задумав.
> Создал в средине щита он и землю, и небо, и море,
> Неутомимое солнце и полный серебряный месяц,
> Изобразил и созвездья, какими венчается небо...[1]

[1] Гомер. «Илиада», песнь XVIII.

Александр оглянулся на Роксану. Роксана слушала очень внимательно.

— Ты понимаешь, о чем тут сказано?

— Если ты мне расскажешь, Искандер, то я пойму.

Роксана уже понемногу лепетала по-эллински, мешая речь эллинов со своей родной, бактрийской. Но стихи Гомера ей было трудно понять.

— У Ахиллеса был щит. А на этом щите была изображена земля, вся Ойкумена. Круглая суша, а в середине — Эллада, центр Вселенной. Понимаешь, моя светлая?

Роксана засмеялась — так называла ее кормилица.

— А вокруг Ойкумены вода,— продолжал Александр,— река Океан. Наверху — свод небес, по этому своду летит на своей золотой колеснице бог Гелиос. Внизу — нижний свод. И там — Аид, царство мертвых.

— Там страшно, Искандер!

— Не думаю, чтобы страшно. Тоскливо там. Люди уже не люди, а просто тени. Скучно это.

— А небо очень далеко от земли, Искандер?

— Поэт Гесиод пишет, что если сбросить наковальню с небес, то она будет падать до земли целых девять дней и ночей. И целых девять дней и ночей, если сбросить ее с земли, будет падать в преисподнюю.

— Искандер, ты все знаешь!

Александр улыбнулся, взглянув в ее восхищенные глаза. Он свернул «Илиаду» и положил в ларец. В тот самый драгоценный ларец, который когда-то привез ему Парменион из Дамаска.

— Но Ойкумена вовсе не такова, как изобразил ее Гомер,— задумчиво продолжал он, рассуждая скорее с самим собой, чем обращаясь к Роксане,— и совсем не такова, как говорил Аристотель. Карта Гекатея обманула меня. Если верить ей, я бы уже давно достиг предела земли. Однако я прошел неизмеримые пространства, а края земли еще и не видно. Впереди еще Индия... И уже только там, у Океана, будет край Ойкумены.

— Ты пойдешь, в Индию, Искандер?

— Я пойду в Индию, Роксана.

— Я тоже?

— Думаю, что тебе туда идти не следует. Это трудно и опасно.

— Я ничего не боюсь, Искандер!

— Но я боюсь за тебя.

— Около тебя со мной ничего плохого не случится, Искандер.

Александр освободил свою руку из ее рук, провел своей шершавой, загрубевшей от копья и рукоятки меча ладонью по ее нежным белокурым волосам.

— А ты думаешь, мне легко расстаться с тобой, Роксана?

— Ну, так и не надо расставаться. Только вот зачем же тебе идти в Индию, Искандер, если это и трудно и опасно?

— Зачем? — Александр встал и прошелся взад и вперед.— Ах, Роксана, земля так велика! У скифов я слышал рассказ о неизвестной стране Син или Цин, не знаю. И страна эта за высокой каменной стеной. А где эта Син? И что лежит за этой страной? Аристотель говорил нам в Миезе, что есть где-то чудесный источник, откуда начинается река Эфиоп и наполняет водой Нил в Египте. И что истоки Нила очень близки к истокам индийской реки Инда... Значит, если я пройду в Индию, то могу вернуться по Нилу в Египет...— Он вдруг посмотрел на Роксану и улыбнулся.— Бедняжка! Я совсем замучил тебя всеми этими странами и реками. Ну ничего. Зато я добуду тебе в Индии жемчугов и янтаря: говорят, что там есть янтарь — солнечный камень!

— Значит, все-таки ты меня не оставишь, Искандер?

Он нежно прижал ее голову к своей груди.

— Я никогда не оставлю тебя, Роксана. Ведь ты моя жена!

И вышел, потому что его военачальники уже собрались на военный Совет.

Впрочем, так привыкли говорить — военный Совет. Но даже в самой ранней юности, когда Александр впервые надел доспехи и повел войско на трибаллов и гетов, военного Совета не получалось.

Военачальники собирались лишь для того, чтобы принять приказания царя. Нельзя сказать, что он не выслушивал советов. Говорить мог каждый из них, но делал царь только так, как находил нужным сам.

Так же было и теперь — военачальники собрались, чтобы услышать, что войско идет в Индию. Приглашены были историки, которые вели дневники похода, и географы, и землемеры, и «шагатели», специально обученные равномерному шагу, чтобы измерять пройденные пространства земли: двести шагов — стадия.

Александр попросил рассказать, что кому известно об этой стране — Индии?

Рассказы хлынули потоком. Говорят, там в горах живут люди с собачьими головами и с хвостами. Но говорят, что они праведные и живут долго. А внутри страны есть пигмеи — люди ростом в два локтя, бородатые. И скот у них тоже маленький — маленькие коровы и совсем крохотные овцы...

— Я слышал, что там есть племя длинноухих. Уши у них такие огромные, что они ими одеваются, как плащом. А ночью закутываются ушами и спят.

— Одноногие тоже есть. Ступня одна, зато широкая, как щит. Когда жарко, эти люди ложатся на землю. Лягут, поднимут ногу кверху и загораживаются своей ступней от солнца.

— Это не в Индии. Это в Эфиопии.

— А я слышал, что в Индии.

— Говорят, там водятся единороги...

— И мартихоры [1] тоже. Колючие тигры. И хвост у них с колючками.

Вспомнили и о реке, текущей к восточному Океану, устье которой сияет от янтаря. И волшебный источник, в котором ничего не тонет.

Александр потребовал карты. Неуверенные линии обозначали реки, дороги, берега залива...

— Что это?

— Это — Яксарт. Здесь — Александрия Дальняя. Это — рукав Яксарта, он обходит Гирканский залив... Дальше он становится рекой Танаисом.

— Какой залив?

— Залив Океана.

— Гирканское море — залив Океана?

— Так сказано у Ктесия [2].

Александр с досадой вздохнул:

— Ктесий много напутал. Отбросьте Ктесия, он только мешает. Но если Гирканское море и в самом деле залив Океана — так, значит, и Океан недалеко?

Этому хотелось верить. Если Океан недалеко, значит, они скоро дойдут до его берегов. И это будет окончанием похо-

[1] **Мартихор** — человекоглотатель.

[2] **Ктесий** — эллин, врач персидского царя Артаксеркса — Оха; составил очень путаную географию.

да. Конец войнам, конец усталости, опасностям и тяжелым лишениям.

— Значит, Океан недалеко,— повторил Александр,— но все-таки Каспий — залив или озеро? Надо будет выяснить это. Выясним, когда вернемся.

Снова склонялись над картой, обдумывая предстоящий путь. Но карта, составленная по догадкам, по слухам, по предположениям, обманная, слепая, мало помогала им в этом.

— Перейдем Паропамис, вступим в страну индов... Дойдем до реки Инда.

— А оттуда можно вернуться водой, по реке Инду до Нила, в Египет. Ведь Аристотель говорит, что истоки Нила близко к Инду.

— Можно вернуться и другим путем — по Яксарту в Танаис, по Танаису в Эвксинский понт.

Перед тем как выступить в индийский поход, Александр явился войску в своих сверкающих доспехах и в шлеме с белыми перьями. Как всегда перед трудным походом, он произнес речь, вдохновляющую на подвиги. Он напомнил воинам, что когда-то ассирийская царица Семирамида пыталась пройти в Индию, но не смогла. Не смог пройти в Индию и великий персидский царь Кир. Но Александр уверен, что македонцы сделают это. Герои — боги Геракл и Дионис дошли до Океана и прославились. Они, македонцы, тоже дойдут до берегов, где кончается земля, и получат бессмертие!

Войска ликованием отозвались на эту речь. Но не все. Македонские ветераны ворчали в бороду:

— Для того чтобы дойти туда, надо прежде стать бессмертным...

Многие приуныли. Ведь еще у Гавгамел им было сказано, что это их последняя битва и что на этом поход их закончится. Но они идут всё дальше и дальше, и походу не видно конца. И все меньше надежд когда-нибудь вернуться в родную Македонию...

Армия огромной массой двинулась по дороге к Паропамису — так македонцы называли Гиндукуш. Александр со свитой этеров и телохранителей мчался в колеснице вдоль войска по правому краю дороги, который ему всегда оставляли свободным. Он зорко оглядывал воинские ряды, строго следя за дисциплиной, за правильным строем, за точным распределением всех частей армии...

«Вот моя македонская армия,— думал с гордостью Алек-

сандр,— разве такой была армия, когда я переходил Геллеспонт? Она стала почти в четыре раза больше, чем была! И неизмеримо могущественней!»

Он мчался мимо с неподвижным лицом, с твердо сжатыми губами, подняв подбородок и, по своему обыкновению, чуть-чуть склонив голову к левому плечу. Воины подтягивались под его взглядом, шаг становился четче, осанка бодрее. Александр любовался своей фалангой, своими гипаспистами, своей мощной конницей. Конница, еще конница, больше половины армии — конница.

Александр остановился, пропуская войско. Лицо его понемногу омрачалось. Шла армия, а казалось, что происходит какое-то переселение народов. Войска растянулись на огромное пространство. Сзади, отягощая движение, с грохотом шли осадные и стенобитные машины. И особенно тяжел был безмерно разросшийся обоз. Тут на повозках, груженных разными товарами, ехали торговцы. Тащились на мулах жрецы. Бесчисленные повозки жен и детей воинов, их поклажа с вещами домашнего обихода и награбленного в боях добра. Бесчисленные вьючные животные: лошади, верблюды, мулы, ослы, еле шагающие под своими вьюками,— имуществом военачальников, царских этеров и самого царя. В одной из больших закрытых повозок ехала и жена царя Роксана. Все это двигалось медленно, с натужным скрипом колес, с ревом ослов, с криками погонщиков, подгонявших животных...

Александр остановил колесницу, пропуская войско. Передовые отряды уже давно скрылись на горизонте, когда перед его глазами наконец заколыхались повозки обоза. Он смотрел на тяжелое шествие, и глаза его мрачнели.

— Откуда столько? — гневно спросил он.

— Царь,— сухо, но почтительно сказал Птолемей, сын Лага,— уже много лет прошло, как мы в походе. Твои воины живые люди, каждому хочется иметь семью. Не могли ведь они ждать, когда вернутся домой. Тем более, что о возвращении еще не было речи.

— Кроме того, царь,— добавил Леоннат,— там много детей. Это — твои будущие воины!

— Это правда! — оживился Александр.— Это очень хорошая мысль. Дети, родившиеся в походе, куда же они пойдут отсюда? Их родина — мое войско! Это так. Но зачем тащить с собою столько огромных вьюков?

— Это их имущество,— пожав плечами, сказал Птоле-

мей,— богатство, добытое в бою. И наше тоже. И твое, царь. И твоей жены Роксаны, которая следует за тобой. Не бросать же сокровища на дорогах.

Александр снова нахмурился.

— Нам предстоит перевалить огромные горы. Вы сами знаете, что это такое. Куда же с этими повозками, с этим скотом, с этими вьюками? Кто мы? Войско или целая колония, которая ищет земли, чтобы поселиться?

— Царь,— сказал Гефестион, видя, что Александр начинает закипать от гнева,— я готов в любую минуту сжечь все, что принадлежит мне.

Александр быстро взглянул на него. Сжечь? Это правильно. Иначе избавиться от этой тяжести невозможно.

— Так я и сделаю,— ответил он,— сожгу.

— Ого...— проворчал Леоннат,— будет много шума.

Александр не боялся этого. И когда после многих трудных дней перехода в ясном весеннем небе засветились белые вершины гор, Александр на привале обошел войсковые части. Как всегда красноречивый, умеющий без ошибки находить нужные слова, он обратился к своим воинам:

— Мы не за тем пришли сюда, чтобы собирать сокровища. Боги гневаются, когда человек так умножает свое имущество. Мы пришли завоевывать чужие земли, а тащимся с этим обозом, как переселенцы. Нам надо избавиться от всего лишнего, чтобы снова стать войском победителей! Где мои сокровища? — закричал он, закончив свою речь.— Свалите всё вместе!

Возчики подгоняли подводы с царским добром, снимали вьюки и все бросали в кучу. Веревки на вьюках лопались, золотые чаши, посуда, пурпурные хитоны и шитые золотом плащи сверкали перед изумленными и испуганными глазами толпившихся вокруг воинов. Царь потребовал зажженный факел. И тут же поджег свои богатства. Загорелись дорогие ткани, сваленные грудой. Сначала огонь шел туго, набрав силу, он запылал высоко и ярко. Воины, окаменев, стояли вокруг, не сводя с костра изумленных глаз...

— Подожгите и мою поклажу,— приказал Гефестион.

— И мою!— крикнул Кратер.

— И мою тоже! — сказал Птолемей.

Вздох прошел по рядам воинов, послышались восклицания, пока еще неопределенные, невнятные. Слуги тащили из палаток этеров и военачальников все, что добыто в походе,

сваливали в груду, поджигали... Царедворцы молча смотрели, как вспыхивают пурпурные плащи, как плавится на них золото, как оплывают и превращаются в куски металла дорогие амфоры и чаши.

С Гарпалом, хранителем сокровищ царя, вышла заминка. Этот тщедушный человек, неспособный к военной службе, страдал безмерной жадностью. Жажда богатства одолевала его. Он брал и грабил где только мог и тащил все в свой шатер и там прятал в тяжелых сундуках, скрывая ото всех, даже от друзей, свои сокровища. Когда запылали костры этеров, Гарпал онемел от горя. Бледный, он стоял возле своей палатки и глядел куда-то в неопределенную даль, будто не видя и не слыша, что происходит. А может, его не заметят, может, оставят...

Но и этеры, и воины, стоявшие у костров, с пристальным вниманием ждали, что́ сейчас выволокут из палатки Гарпала. И когда он увидел, что слуги с факелами идут к нему, Гарпал бросился к Александру:

— Царь, прошу тебя, пусть зажгут всю палатку, пусть все сразу сгорит... Незачем вытаскивать...

Александр засмеялся. Он все понял. И еще раз пощадил Гарпала; он многое прощал ему в память их давней дружбы.

— Сделайте, как он просит. Сожгите все вместе с палаткой.

— Я сам.

Гарпал выхватил факел из рук слуги и сам зажег свою палатку вместе со всем неисчислимым богатством, что в ней находилось, пока ничего этого не вытащили и не увидели. Красный огонь факела ложился пятнами на его побледневшее лицо. Когда пламя оранжевой бахромой побежало вверх по краю палатки, все ждали, что Гарпал сейчас упадет и умрет на месте... Но палатка запылала, Гарпал добавил еще огня и там и тут. И вдруг все увидели, что он смеется.

— Пусть горит! — закричал он со смехом.— Эх, пусть горит все!

Это сразу разрядило трудное молчание войска. Шум пошел по равнине, где стоял лагерь. Какое-то бесшабашное веселье охватило воинов.

— Пусть горит все! — кричали в лагере.— Пусть горит, пусть пропадает!

По лагерю заметались факелы, задымились костры. С криками отгоняли развьюченных животных, опрокидывали по-

возки, волокли в огонь разодранные тюки, охапками бросали в костры все, что тащили по длинным дорогам Азии. Женщины тихонько плакали в повозках. А воины, охваченные яростным весельем разрушения, бросали в костры все, что попадало под руку.

— Эх, пусть все горит!

Повозки обоза опустели. Лишь обоз с военным снаряжением остался нетронутым. Охрана возле них стояла строгая, невозмутимая, с оружием в руках.

— Эх, пусть горит!

Теперь им уже не страшны ни крутизна, ни снежные перевалы, ни темные ущелья.

А путь впереди предстоял опять через те же грозные скалы Паропамиса, из которых они уже однажды едва вырвались. А дальше — в Индию, в неизведанную и, может быть, такую же трудную страну.

— Пусть горит!

ВОРОТА В ИНДИЮ

Быстрый, сверкающий Кофен[1], возникший где-то под самым небом, в горных вершинах, стремился вниз по узкой долине. Скалы громоздились по сторонам Кофена, будто удивляясь смелости этой реки, которая пробилась в их каменное царство и теперь бежит, гремя и ликуя, в долину Пешавара.

Двойной и тройной стеной стоят твердыни гор, охраняя страну индов. Узкие проходы на севере завалены снегом, грозят льдами и обвалами. Скалистые ущелья на юге дышат пламенем нестерпимого зноя и ужасом гибели в бездонной пропасти, оскалившейся острыми красными глыбами камня... Нет дороги в Индию никому. Нет дороги!

Когда-то, во времена ассирийского могущества, пыталась проникнуть в Индию царица Семирамида. Искали путей к покорению Индии и персидские цари Ахемениды. Сам великий Кир добивался этого. Но ни одному Ахемениду не удалось проникнуть в зачарованную, овеянную легендами страну. Нет путей в Индию, не найти ворот туда!

[1] Приток Инда; ныне Кабул.

Александр эти ворота нашел. Много веков в долине Кофена слышался только шум воды и голос ветра в ущельях. А сейчас по его берегам шла македонская армия — конница, пехота, военный обоз... По правому, южному берегу Кофена, в предгорьях Сефий-Куха, шли с войском Гефестион и Фердикка. По левому, северному берегу, у отрогов Гималая, вел свое войско Александр. Он знал: здесь таятся опасные горные племена, с которыми придется сразиться. Он знал, что Кофен приведет его в цветущую равнину Пешавара, а потом и к реке Инду. Он уже многое знал.

Еще в Александрии Кавказской, где отдыхало его войско, Александр получил письмо от Таксилы, индийского раджи, царство которого лежало как раз там, где Кофен впадает в Инд. Таксила узнал, что царь македонский готовится к походу в Индию. Даже тройная стена гор не задержала вестей о непобедимости Александра. Если он задумал идти в Индию, так он придет. Он отыщет долину Кофена и спустится прямо к нему, в его царство.

Что делать Таксиле? Принять бой, встать на пути в родную страну и не пропустить врага?

Может быть, так бы он и сделал. Но у него у самого кругом враги. Особенно сильный враг раджа Пор,— его царство граничит с царством Таксилы. Оба они, и Таксила и Пор, хотят расширить свои владения, и оба готовы погубить друг друга.

Если Александр разобьет Таксилу — а он его разобьет! — то Пор не бросится в защиту, нет, он поможет чужеземцам погубить его... Так не лучше ли Таксиле помочь чужеземцам и погубить Пора?

Тогда он и предложил Александру свою дружбу и помощь против тех, кто вздумает сопротивляться македонскому царю.

Александр ехал во главе конницы на крупном гнедом коне. Его Букефал шел в поводу: Александр сейчас особенно заботливо берег его. Предстоят битвы, а в бою только Букефал мгновенно понимал волю хозяина и никогда не ошибался. И стар он уже стал, не те силы у него...

Кони мерно шагали по каменистому ущелью. На отвесных скалах бродили фиолетовые тени от проходящих облаков. Серебряно гремела река. Александр перебирал в мыслях недавние события и встречи. На границе Паропамиса, в верхней равнине Кофена, у него в лагере уже побывали многие индийские раджи. Он послал им глашатая — пусть придут к

Александру, царю македонскому. Он готов принять от них изъявление покорности. И они пришли. Роскошное было шествие. Ехали на разукрашенных цветами, попонами и драгоценностями слонах, поднимавших подрезанные золоченые бивни. Среди этих раджей был и Таксила.

Они привезли Александру богатые дары. Предложили, если ему нужно, и слонов, двадцать пять огромных животных, с глазами добрыми и умными. Александр принял их.

— Я надеюсь в течение лета покорить земли в долине Инда,— сказал он индийским раджам,— я сумею наградить тех царей, которые явились ко мне. Но я сумею и заставить повиноваться тех, которые не явились. Зиму я думаю провести на Инде. А весной накажу твоих врагов, Таксила!

Путь мирной тишины, как и ожидал Александр, не был слишком долгим. Жители, услышав о том, что Александр вступил в долину Кофена, бежали и прятались в горах, спешили укрыться за стенами крепостей. Так предгрозовой ветер гонит листву по дорогам.

И битва разразилась, как гроза.

Здесь, в горах, жили аспазии [1]. В узких долинах ютились их села; иногда македонцы видели их дымы, поднимавшиеся из-за скал. Случалось увидеть их стада на дальних склонах — словно белые облака, медленно двигались по горам стада белых овец... Через несколько дней пути македонское войско остановилось у их крепости. Ворота крепости были закрыты, и вдоль стен стояли густые, грозные ряды воинов, готовых защищать город. Громкая слава Александра уже проникла в горы аспазиев. Но аспазии собрали все свои силы, решив отстаивать от чужеземных захватчиков свою родную землю.

Александр, не дожидаясь, когда подойдет фаланга, мгновенно посадил пеших гипаспистов на коней. С восемью сотнями гипаспистов и со всей конницей, которая была в его отряде, кинулся на крепость и тут же, с ходу, пошел в атаку.

Аспазии защищались отчаянно. Только вечер остановил битву. Густая черная тьма свалилась без сумерек, лишь солнце ушло за горы. Македонцы успели загнать аспазиев за стены города, но города не взяли. Тьма заставила Александра опустить меч. Красный туман застилал глаза; только сейчас он почувствовал, что рана, оставленная индийской стрелой в правом плече, сильно болит и рука немеет.

[1] **Аспазии** — одно из индийских племен.

Войско в изнеможении возвращалось в лагерь. Скрипя зубами от боли, Александр дал снять с себя доспехи и перевязать рану.

— Где Птолемей? Я видел, его ранили!

— У него рана не опасная, царь. Он уже пришел в себя.

— Где Букефал? Где Букефал?

— Здесь, в лагере, царь. Конюхи приняли его.

Александр вздохнул. Букефал сегодня был не очень проворен в битве. Он хрипел... Был весь мокрый от пота. Бедный друг, старость одолевает его! И все-таки надо узнать, что с Птолемеем. Александр попытался встать, но врач Филипп удержал его:

— Потерпи, царь. Сейчас закончу.

— Стар ты становишься, Филипп. Столько времени возишься с такой пустяковой раной!

— Не очень-то она пустяковая, царь. Тебе надо немедленно лечь.

— Ладно, ладно. Я сам знаю, что мне надо.

Как только Филипп-Акарнанец закончил перевязку, Александр вышел из шатра. Черная индийская ночь, пронизанная жаркими лучистыми звездами, безмолвно обнимала землю. Лагерь спал, всюду, будто рубины, разбросанные по черному бархату, дотлевали костры... Странно кругом, красиво и странно!

Стража стояла на местах. Темным силуэтом среди звезд возвышалась крепость.

Александр направился в шатер Птолемея. Птолемей лежал, укрытый походным плащом. Он поднял было голову, но царь приказал ему лежать.

— Опасно? — спросил он.

Птолемей напряженно улыбнулся. В неверном свете светильника он казался очень бледным. Тени резко отмечали прямые, правильные черты его лица.

— Завтра пойдем на приступ, царь.

— Да, нам нельзя медлить, Птолемей. Ты ведь это знаешь. Если мы промедлим, не промедлят они, нам нельзя упускать времени. Завтра мы возьмем крепость. Они поймут, кто пришел сюда. И я думаю, следующие города поостерегутся закрывать передо мной ворота.

Птолемей вздохнул.

— Это так, царь. Но, как видно, немало боев придется принять нам в этой стране... Царь, посмотри, у тебя повязка

набухла кровью! Как же ты возьмешь завтра меч? Ведь ты не сможешь поднять правую руку!

— Возьму меч в левую! Уж не думаешь ли ты, что инды смогут остановить нас?

— Не думаю, что остановят... Но надо быть готовым к тяжелым битвам.

— Я знаю, Птолемей. Я к этому готов. Слава никому не дается даром.

Александр в эту ночь спал тяжело. Плечо болело, он стонал, просыпался. Забытье и усталость одолевали его, а рана будила. Филипп-Акарнанец не отходил. Александр гнал его, но Филипп менял повязку, варил какие-то снадобья, клал припарки. К утру Александр уснул, но тут же над его головой засверкали мечи. Кто? Это Бесс. Это Бесс явился убить его... И кто-то еще... Филота! В его руке кинжал, он крадется к Александру, размахивает кинжалом... Кинжал скользит мимо сердца и вонзается в плечо...

— Ох!

— Царь, выпей... Это успокаивает.

Александр открыл глаза и встретил заботливый взгляд Акарнанца. Врач держал перед ним чашу с лекарством.

— Скоро ли утро, Филипп?

— Еще только занимается заря, царь. Выпей лекарство и уснешь спокойно.

— Занимается заря! — закричал Александр и вскочил с постели.— Заря занимается — время ли мне спать?! Ступай скажи трубачам, чтобы трубили!..

Нежно-зеленое небо светилось на востоке, предвещая зарю. Царская труба разбудила лагерь. Все кругом мгновенно зашевелилось, вспыхнули костры, послышались голоса... Труба гудит — к бою, к бою! Значит, царь справился со своей раной, значит, снова в сражение, на приступ! Да они по камню разнесут эту крепость!

Разъяренное вчерашней неудачей, македонское войско с нетерпеливой яростью бросилось штурмовать крепость. Со стен летели на головы воинов стрелы, камни, раскаленный песок, валились корзины с клубками ядовитых змей. Македонцы, персы, агриане, бактрийцы, согды — все смешались сейчас у этой стены, забыв, кто варвар и кто неварвар. С криком, с бранью лезли они по штурмовым лестницам. Кто-то падал, сраженный стрелой или камнем, кто-то погибал. Но сотни, тысячи воинов поднимались все выше на стены горо-

да, и впереди всех неизменно маячили белые перья на шлеме царя.

С огромными усилиями одолели стену. Но когда взобрались на ее гребень, увидели, что за этой стеной стоит другая, еще более крепкая, еще более высокая...

Краткое замешательство прошло среди воинов. А сам Александр на мгновение растерялся.

— Идут! Наши идут! — вдруг закричал кто-то.

Александр поднял голову. И отсюда, с высоты стены, он увидел, что подходит его основное войско, идет его фаланга... Впереди фаланги шел его любимый и надежный полководец Кратер.

Воины, увидев их, радостно закричали. Те в ответ закричали тоже и с ходу бросились на помощь своим. Буря стрел взлетела над защитниками крепости. И пока те отстреливались, македонцы ставили лестницы к внутренней стене.

Вскоре аспазии поняли, что сопротивляться больше невозможно. Они старались вырваться из крепости, бежать в горы. Македонцы убивали этих несчастных без пощады.

Почти все защитники крепости были убиты. Стены города разрушены. Город сровняли с землей. И еще долго стояла над развалинами зловещая красноватая пыль...

Ужас пошел впереди Александрова войска. Соседний город аспазиев Андака, услышав, что Македонец направляется к нему, заранее открыл ворота.

Заняв город, Александр позвал к себе Кратера:

— Кратер, я оставляю тебя здесь с твоими фалангами. Я поручаю тебе завоевать все окрестные города. Потом иди через горы в долину. А я с остальным войском пойду на северо-восток, к городу Эвасиле. Мне надо попасть туда как можно скорее — там сидит царь аспазиев. Мне надо захватить его. Ты меня понял, Кратер?

— Я все понял, царь. И сделаю все, как ты приказал.

Снова македонская конница неслась вперед, будто поднятая ураганом. Царь ехал в колеснице: он не мог сидеть на коне — рана кровоточила. На другой же день, проскакав неведомо сколько стадий, конница явилась к городу Эвасиле... И опоздала. Город горел.

— Они сожгли город! — вне себя от гнева закричал Александр.— Они не захотели впустить меня!

Аспазии бежали из своего пылавшего города по всем дорогам, по всем склонам гор, бежали, спасаясь от македон-

цев. Это вызвало еще большую ярость в македонских войсках: воины убивали их и копьями и мечами, хотя те были безоружны и не защищались.

Александр двинулся вверх по течению реки. Пленные индийцы вели его к городу Аригею. Но еще издали македонцев поразило мертвое молчание этого города. И когда подошли ближе, увидели, что города нет, только черные головни и голубой пепел встретили их... Жители, увидев, что не смогут защитить его, сожгли свой прекрасный Аригей.

Александр остановил войско. Он сам на коне, со свитой, объехал окрестности. Он успевал замечать все — и необычайную пышность природы, красоту гор, силу растений, яркое оперение невиданных птиц... И видел то, что хотел увидеть,— выгодное местоположение сожженного города.

— Сожгли Аригей! — с досадой говорил он.— Сожгли такой хороший, такой нужный мне город!

Вскоре подошел со своим войском верный Кратер. В тот же вечер они сидели с царем в его царском шатре.

— Ты построишь здесь новый город, Кратер. Это очень важная позиция. Здесь проходит дорога на реку Хоасп. Так у нас будут в руках оба прохода к Хоаспу: Андака и Аригей. Заселяй местными людьми, заселяй македонцами, которые больше не могут держать оружия. И не только македонцами — всеми, кто не в силах следовать за войском...

Тихо вошел юноша, один из тех македонских юношей, что взяты к царю для личных услуг.

— Гонец привез письмо, царь.

Царь взял свиток. Милые каракули пестрели на папирусе.

«Я не видала тебя сто лет, Искандер. А я ведь здесь, в твоем лагере. У тебя много дорог, Искандер. Но ни одна дорога не приводит тебя ко мне. Я очень тоскую...»

Бедняжка! Да, он уже давно не видел Роксану. Но когда ему видеться с ней? Обоз, где едут все жены и дети воинов, где едет и царская жена, всегда далеко в тылу. А как он может хоть на один день покинуть лагерь? Страна враждебная, опасная, именно за один этот день может погибнуть всё и он сам!

— Подожди, Кратер. Мне надо написать кое-что...

Он тут же начал было писать письмо Роксане. Но сбился — перебила мысль о будущем городе. Как поставить его? Сколько ворот сделать?..

Он разорвал папирус и начал писать снова. Но вошел начальник стражи:

— Царь, на горах появились огни. Похоже на войско.

Александр еще раз разорвал папирус.

— Пошлите разведчиков в горы да позовите гонца, который привез письмо от Роксаны.

Гонец явился.

— Поезжай обратно. Скажи госпоже, что я скоро буду у нее.

Гонец поклонился, вышел. Кратер позволил себе еле заметную улыбку. Он уже столько раз слышал это «скоро». Александр метнул на него подозрительный взгляд. Он видел эту улыбку и знал, что думает Кратер. И царь и его полководцы слишком долго и слишком тесно шли рядом все эти годы и часто уже без слов понимали друг друга.

— К делу, к делу! — прикрикнул он на Кратера.— И смотри, чтобы твой город был не хуже, чем прежний!

Оставив Кратера на огромном пепелище, Александр поспешил дальше. Снова двинулась его разноплеменная армия. Она шла в глубь Индии с битвами, с тяжелыми осадами городов, с трудными сражениями в горах и долинах. Она проходила крутыми дорогами ущелий и зелеными долинами рек, через виноградники и миндальные рощи, захватывала города и деревни, осаждала и брала неприступные крепости...

Оставались нетронутыми лишь те города, которые открывали Александру ворота и приносили покорность. Он принимал покорившихся, брал их в свою армию и награждал за победы наравне с македонцами...

Но несоглашавшихся к подчинению заставлял подчиниться. И тогда земля чернела от крови, а города превращались в пожарища.

ВСТРЕЧА И ПРОЩАНИЕ

— Апа, посмотри, не вернулся ли гонец?

— Светлая моя, если бы он вернулся, он уже стоял бы перед тобою!

— Апа, тебе просто не хочется выйти на солнце. Мне нельзя, я жена царя. А тебе не хочется. Вот сидим и ничего не знаем...

Кормилица вздохнула, тяжело поднялась и вышла из шатра. И тут же вернулась:

— Гонца еще нет. А солнце такое, что готово сожрать человека. То ли дело у нас, на Скале: и тепло, и прохладно, а свежесть-то какая!

Роксана подошла к деревянной клетке, стоявшей на столе. В ней сидела перепелка — у них, в Бактрии, любят пение перепелок.

— Почему ты молчишь? — грустно спросила у птицы Роксана.— Ты не можешь петь в чужой стороне?

— Да кто же поет на чужбине! — отозвалась кормилица.— Вот и ты уже не поешь больше...

Голос Роксаны прозвучал еле слышно:

— Не пою...

В эту минуту вошла рабыня и сказала, что прибыл гонец. Роксана вскочила. Кормилица остановила ее:

— Сядь, Рокшанек! И все ты забываешь, что ты — жена Александра, царя царей. Я сама возьму письмо.

— Нет, пусть войдет!

Гонец, еле переводя дух, остановился у входа. Пот бежал струйками по его смуглому лицу, мешаясь с пылью. Потрескавшиеся губы еле смыкались...

— Давай! — Роксана протянула руку, унизанную чуть не до плеча драгоценными браслетами.

— Письма нет, госпожа,— ответил гонец.

— А где же оно?

Гонец притронулся к своей голове:

— Здесь.

Румянец исчез с нежных щек Роксаны. Она стояла белая, как весенний цветок крокуса, растущий на Скале. Слезы, готовые пролиться, остановились в глазах.

— Что же там?

— Царь сказал, что он сам приедет к тебе, госпожа.

— Приедет?! Когда?!

— Он сказал — скоро.

— О!..— Роксана улыбнулась горькой улыбкой.— Скоро! Скоро... Это значит неизвестно когда.

Вечером, когда жгучее солнце, склоняясь к горам, теряло свою силу, Роксана вышла из шатра. Кормилица следовала за нею, не отставая ни на шаг. Стража тотчас окружила жену царя щитами — ее оберегали.

А жене царя хотелось быть одной. Хоть немного побыть

— Письма нет, госпожа,— ответил гонец.

одной со своими думами, со своей печалью. Огромное небо наливалось горячим золотом зари, бледнело, угасало... Звенели цикады. И отовсюду с гор, чужих, затаившихся в своем безмолвии, наплывало одиночество.

Александр приехал неожиданно. Он вошел в шатер запыленный, в шлеме, мокрый от пота. Роксана охнула и бросилась ему навстречу, протянув руки. Его трудно было узнать — осунувшийся, загорелый до черноты, отчего глаза казались еще светлее. Он снял шлем.

— Роксана!

— О Искандер! О, наконец-то!

Она обхватила его за шею, прижалась щекой к его плечу. Оба молчали, потому что не было таких слов, какими можно выразить счастье свидания.

Несколько дней Александр отдыхал в ее шатре. Но заботы и тут не давали ему покоя. Воины сейчас рубят лес у реки, хороший лес, корабельный. Будут строить корабли, чтобы отправиться вниз по Инду... Неарх-критянин, корабельщик, следит за работами. Там же и его верные этеры.

Но Александру все нужно видеть и самому давать распоряжения. Река неизвестна, страна чужая. Мало ли неожиданностей может встретиться им в пути? А инды народ опасный, непокорный, всегда готовый к битве, к нападению...

Эти дни покоя и радости пролетели, как птицы на заре. И вот уже наступило утро, когда Александр взял в руки свой украшенный золотом и белыми перьями шлем.

— Разве тебе уже пора, Искандер?

— Пора, моя светлая, пора!

Роксана долго смотрела, как серебряное облако пыли, поднятое конным отрядом Александра, уходило по дороге. В обозе уже шла суета, обозники готовили повозки, свертывали палатки, готовились в путь. Обоз пойдет по следам армии. И Роксана поедет вслед за Александром. В глубь Индии, до Океана, до конца света.

Новые корабли Александра, пахнущие свежим деревом, плыли вниз по реке Инду. Широкая вода Инда держала в себе отражение белого от зноя неба; напористые заросли прибрежных мангровых рощ, удивлявших македонцев, подходили к самой воде. Корабли медленно шли мимо селений и городов. Индусы, коричнево-темные, с прямыми черными волосами, с белыми повязками на бедрах, толпами стояли на берегу и, молча, в изумлении и страхе смотрели на них.

Растения, животные, птицы — здесь все было другое, удивительное, сказочное...

— Смотри, какие люди скачут по деревьям! Может, это и есть пигмеи?

— Ты не слышал, что ли, что это обезьяны? Спроси у пленных.

— Как бы их ни называли, все-таки они люди. Смотри, как ловко они чистят бананы! У них же руки есть!

— Руки-то есть. Но ведь и хвосты есть. А где ты видел людей с хвостами?

— У нас-то не видел. А здесь — кто их знает? Здесь все может быть!..

Корабли шли длинной чередой, золотисто светясь на темной воде. По расчетам Александра, они скоро должны прибыть в то место, где Гефестион и Фердикка строят через Инд большой мост. Как они там? Справились ли? Река широка и быстра...

Но вот настало утро, когда расступились прибрежные заросли и над темной, полной золотых бликов водой возникло четкое очертание моста. Мост, настланный на поставленных в ряд кораблях, перекинулся с одного берега на другой, оседлав могучую реку.

Александр почувствовал, как радость хлынула ему в сердце. Мост готов, он есть, он ждет Александра. И ждет Александра его друг Гефестион.

Гефестион и Фердикка стояли на берегу, окруженные войском. Лишь показались царские корабли, воины подняли радостный крик. С кораблей ответили им. Началось ликование встречи, ведь никто не был уверен, что эта встреча произойдет. Захватывая города и пленных, македонцы и сами втайне чувствовали себя пленниками в этой заколдованной стране.

Александр, торопливо ответив на приветствия, осмотрел мост. Он прошел по настилу на другой берег, перешел обратно, придирчиво разглядывая его устройство.

Гефестион и Фердикка, инженеры и строители — все ходили с ним рядом, готовые отвечать на вопросы, которые задаст царь. А он их задаст непременно — это они знали.

Мост держали два тридцативесельных корабля. Между ними стояли малые суда.

— Как вы установили корабли?

— Сваи вколотить было невозможно, царь,— рассказыва-

ли, обступив Александра, строители,— река слишком глубокая и сильная. Вот и сделали такой — Ксеркс когда-то делал такой мост через Геллеспонт. А суда установили так: мы их пускали по реке кормой вперед. Большой корабль идет, а маленькое суденышко на веслах удерживает его, не дает уйти. А как доходит судно до моста, опускаем на дно груз, корзины большие сплели, набили камнями и опустили. Груз этот и держит корабль.

— Мы спешили, царь,— сказал Фердикка,— сделали что могли!

Царь остался доволен. Мост готов, задержки не будет.

Вечером Гефестион прошел в шатер к царю. Александр ждал его.

— Как мне не хватало тебя, Гефестион!

— Мне тебя тоже, Александр.

Это были часы умиротворяющей радости, какую дает присутствие друга...

— Гефестион, почему же ты стоял и молчал, когда другие хвалились своим усердием? Ведь руководил работами ты!

— Им надо завоевывать милость царя.

— А тебе не нужна царская милость?

— Мне нужна только дружба Александра.

В шатре было душно, они вышли. Стояла ослепительная лунная ночь.

— Неприятную новость я должен тебе сообщить, Александр...

— Что?

— Каллисфен умер.

— Почему? Из-за чего?

— Ты ведь давно его не видал... Он страшно растолстел. Нечеловечески. Думаю, что это и задушило его.

Александр задумался.

— Ну что ж, воля богов,— сказал он.— Я хотел судить его — он не дождался. Но все равно Каллисфен был бы осужден. Ты позаботился о его сочинениях?

— Да. Я собрал все.

— Воля богов. Но теперь Аристотель для меня потерян навсегда.

Не спали долго. Разговаривали о разных делах, решали дальнейшие планы. Александр хотел сразу идти через Инд в глубь Индии. Гефестион согласился: надо идти, медлить не следует.

СМЕРТЬ БУКЕФАЛА

Могущественный раджа Пор, властитель более ста городов по ту сторону реки Гидаспа [1], получил от царя македонского Александра письмо. Александр требовал, чтобы Пор встретил его и принес ему свою покорность.

Старый раджа не знал, что ему делать: смеяться или негодовать? Он со своим огромным войском, со своими боевыми слонами, на своей земле должен изъявлять покорность пришельцу? Кроме того, у раджи Пора есть надежные союзники, раджи соседних царств, особенно сильный раджа Кашмира!

— Не отнесись легко к этому противнику, царь,— сказал Пору его союзник раджа Авизар,— он прошел по всей Азии и нигде не знал поражений.

— В таком случае встретим его на Гидаспе с войском,— ответил Пор.— Так и напишем ему.

Когда индийское войско подошло к Гидаспу, Пор с высоты огромного слона, на котором сидел, увидел, что македонцы уже стоят на том берегу.

— Посмотрим, как-то они переправятся,— сказал он, прищурив черные глаза,— как-то они заставят коней выйти на берег, когда здесь стоят слоны. Ведь лошади боятся их!

А дальше началось что-то непонятное для раджи Пора. Македонец не собирался переправляться, видно, решил ждать зимы, когда река обмелеет. Но зачем же он бросается по берегу то в одну сторону, то в другую? Видно, все-таки ищет переправы? Раджа Пор следил за ним непрестанно: он тотчас посылал отряды туда, где, казалось, македонцы налаживают переправу. Но когда эти отряды приходили, там не было никого. Обман, опять обман...

— Решил не давать мне покоя! — сказал Пор.— Ну, так и пусть мечется по берегу сколько захочет. Я больше не тронусь с места.

А когда Пор перестал следить за передвижением македонских отрядов, Александр перешел реку.

Такого тяжелого дня не помнили даже старые македонские ветераны. Уже с утра воины почувствовали какое-то

[1] Гидасп — приток Инда; ныне река Джелам.

смятение и тревогу. Неожиданно сквозь жгучий зной прошла ледяная струя. Птицы перестали петь, большие черные муравьи заметались под ногами. Со всех сторон на небо полезли тяжелые, с багровым отсветом тучи, стало темно. Даже яростное индийское солнце не могло пробиться сквозь них...

Воины пугались, жались друг к другу — что будет сейчас? Гибель света, гибель земли?..

Но военачальники кричали, приказывали делать свое дело. И воины торопливо сколачивали разобранные на части суда, привезенные с Инда, набивали травой мешки из шкур, налаживали лодки.

Ветер с воем и свистом раскачивал огромные деревья; черные ветви их метались по красному небу, как в безумном сне. Ударил гром, оглушительный, грохочущий, непрерывный. Многие попадали на землю от внезапного ужаса...

Но военачальники кричали, приказывали делать то, что нужно. И воины снова брались за работу.

Потом грянул ливень. Сплошной водопад хлынул с неба, не давая перевести дух. Македонцы не знали, на каком они свете, может быть, уже в преисподней. Сплошной поток воды, пронизанный огнем молний, гремел и звенел тяжелым звоном, обливая холодом беззащитные тела. Река почернела, вздулась. Она неслась с грозным ревом, поднимая с глубокого дна коричневый ил. К реке нельзя было подступиться.

Это были муссонные дожди, о которых Александр ничего не знал. И только железная дисциплина держала воинов и заставляла делать свое дело. Возле горы, заросшей лесом, за крутой излукой реки, македонцы сколачивали корабли и опускали их в черную, бушующую воду. В грохоте ливня они готовили переправу.

Индийцы ничего не видели — завеса ливня скрывала от них действия Александра. Александр оставил на берегу половину войска. А сам со своими этерами, с отрядами Кена, с конными бактрийцами и согдами, с отрядами скифов, верховых лучников, щитоносцев и агриан ночью подошел к переправе.

К утру наступила внезапная тишина. Ливень кончился. По серебряному небу начал разливаться розовый свет широкой теплой зари.

И тут воины Пора со своих наблюдательных постов с ужасом увидели, что Македонец с войском уже на их берегу и уже идет к их лагерю, готовый к бою.

— Александр переправился? — удивился Пор.— Но его армия все еще стоит там, против нашего лагеря! Значит, он переправился с небольшим отрядом. Надо отбросить его.

Пор послал своего сына с отрядом всадников и ста двадцатью колесницами. Этого хватит, чтобы отогнать Македонца.

Александр стремительно налетел на него, разбил его отряд, угнал его колесницы. Четыреста индийских всадников остались лежать на поле боя. И вместе с ними, с копьем в груди, остался лежать на земле молодой сын раджи.

Пор понял, какую он совершил ошибку. Надо было двинуть всю армию против Македонца и сразу уничтожить его. Ведь у Пора войска в четыре раза больше! Сердце старого раджи разрывалось от горя и гнева. Как же он не поверил, когда ему говорили, что это грозный враг явился к нему на берега Гидаспа!

Пор приказал готовиться к бою. Индийская армия стояла фронтом, который был в четыре раза длиннее, чем фронт македонцев — пехота, всадники, боевые колесницы... На передней линии — несокрушимой стеной огромные боевые слоны. И на самом большом, богато разукрашенном слоне — раджа Пор.

И снова Пор совершил ошибку — он медлил, выжидал.

Но не ошибся Александр. Пока Пор выжидал, Александр бросился в атаку. Страшней всего ему были слоны, но он приказал избегать их.

Он повел войско косой линией и ударил всей силой в одну точку, в самое слабое место индийского фронта, где не было ни колесниц, ни слонов.

Кратер ждал, готовый к переправе. Увидев, что битва началась, он тотчас ринулся через реку со своими отрядами на помощь Александру. Слаженная выучкой и дисциплиной, македонская армия расстроила, спутала, смешала неповоротливое войско Пора. Александр, сражаясь, как всегда, в переднем ряду, со всей своей стремительной яростью пробивался к Пору. Он видел раджу, сидящего на слоне. Но Пор был далеко, огромные массы воинов защищали его.

Неизвестно, сколько часов бились в неистовой схватке. Ослепшие от раскаленного зноем неба, оглохшие от звона копий и щитов, македонцы не видели конца битвы. Стало совсем трудно, когда Пор двинул на них хрипло ревущую силу слонов. Лошади в ужасе, не слыша всадника, бросились от

этих чудовищ, ломая строй. Слоны врывались в гущу войска, топтали людей, били хоботом, клыками...

Но македонцы не отступали. Фаланга, разбросанная слонами, снова мгновенно соединялась и, пропустив слонов, снова шла на врага. Македонцы разбегались от разъяренных животных, но, отбежав, осыпали их стрелами или, подкравшись сзади, подрубали топорами жилы на ногах. Обезумевшие от ран, потерявшие своих вожаков, слоны с воем носились по полю, давили и индийцев и македонцев. Тяжело раненные слоны падали и умирали. Они лежали серыми глыбами среди убитых воинов, лошадей и разломанных колесниц...

Раджа Пор увидел, что проигрывает битву. Он собрал еще сорок слонов и сам на своем могучем слоне двинулся вместе с ними, чтобы сразу растоптать и уничтожить македонцев. Но это ему не удалось — он еще раз ошибся. Легкое, ловкое войско стрелков, агриан и аконтистов увертывалось от слонов, осыпая их стрелами. А в это время в одном конце поля вокруг Александра собиралась конница, строилась фаланга. А на другом конце становились в строй щитом к щиту гипасписты — щитоносцы.

Индийцы поняли, что погибли. Началось бегство. И раджа Пор повернул своего быстроходного слона.

Александр тотчас помчался в погоню. Он гнался за ним не с тем, чтобы убить его; он боялся, что старого Пора, который так отважно сражался, убьют свои же, как убили Дария. Он хотел взять Пора в плен живым,— отвага этого старого человека поразила Александра.

— Остановись! — кричал он, хотя знал, что Пор его не слышит.— Остановись, я больше не враг тебе!

И тут он вдруг почувствовал, что могучий Букефал зашатался под ним. Александр соскочил с коня:

— Что ты, друг мой? Что с тобой, Букефал?!

Конь повел на него налитыми кровью глазами, ноги его будто запутались в невидимых путах, и он рухнул на землю, весь мокрый от пота и пены.

Александр закричал, положив руку на его широкий, с белой отметиной лоб:

— Букефал! Букефал!

Конь глухо и коротко простонал. Потянулся было к Александру, но уронил голову на жесткую, затоптанную траву и затих.

Александр не хотел верить тому, что случилось.

— Букефал! — повторял Александр, стоя над ним.— Ну что же ты лежишь? Вставай! Друг мой, кто же мне заменит тебя?

Александр снял шлем. Он вытирал рукой пот, размазывая по лицу пыль. И все еще никак не верил, что Букефал уже не встанет. Александр позвал еще раз: «Букефал!» — и черное атласное ухо вздрогнуло.

— Он еще слышит меня! Позовите скорее врачей!

Но это движение уха было последнее, чем смог ответить преданный конь своему хозяину.

Индийцы бежали беспорядочной массой. Кратер со своими свежими отрядами преследовал бегущих. Увидев раджу Таксилу, Александр велел ему догнать Пора. Сам он не мог оставить своего коня.

Неистово гнал Пор своего слона, уходя от македонцев. Оглянувшись, он увидел старого, ненавистного врага раджу Таксилу. Сам раненный, изнемогающий от жажды, Пор не мог стерпеть — бросил в раджу дротик. Быстрый конь Таксилы увернулся, и Пор снова погнал слона. Александр послал других индусских раджей, своих союзников, догнать Пора. Враги, мелкие раджи, которые постоянно зависели от него, окружили старого Пора. Пор остановил слона. У него было темно в глазах от потери крови, от жажды пересохло горло. Слон стал на колени, осторожно снял Пора хоботом со своей спины и опустил на землю. Пор не мог говорить. Ему дали воды — он пришел в себя. Оглянувшись на раджей, окружавших его, на этих людей одной с ним крови, но ставших его врагами, он потребовал, не скрывая презрения:

— Отведите меня к Александру!

Александр издали увидел его. Пор шел выпрямившись, высоко подняв свои седины, красивый и величавый. Александр вместе со своими ближайшими друзьями поспешил ему навстречу. Два царя приветствовали друг друга так, будто не было здесь ни побежденного, ни победителя. Пор держался с гордым достоинством.

— Как мне обращаться с тобою, Пор? — спросил Александр, пораженный отвагой, с которой старый раджа защищал свою землю.

— По-царски,— ответил Пор.

— Я со своей стороны так и готов поступить!

Александр оставил Пору его землю и даже присоединил к нему еще одну область, которую завоевал. Только эти зем-

ли уже не были царством индийского раджи Пора, а стали сатрапией Александра, царя македонского.

Пора Александр принимал у себя как друга.

— Мало нам было персов,— вздыхали старые македонцы.— Теперь у нас уже индийцы будут! Любит наш царь варваров, любых приласкает.

Но более дальновидные возражали на это:

— Наш царь умнее, чем вы думаете. Приласкал Таксилу, приласкал и его врага Пора. Теперь они оба зависят от милости нашего царя. Ведь они-то не догадались объединиться против нас!

На берегу реки Гидаспа, там, где проходит путь, по которому пришли македонцы и где переправились в царство Пора, Александр построил большой город. Этот город он назвал Никеей — город Победы — в память победы над индийцами. Другой такой же большой город, построенный на реке Гидаспе, он назвал Букефалами — в память своего любимого коня, которого он потерял здесь.

ДОЖДИ

Ливни гремели день за днем. Изредка мощное солнце Индии, прорвавшись сквозь грозные черные тучи, пыталось опалить землю своим яростным зноем. Люди радовались, что могут согреться и обсушиться, но вскоре уже начинали изнемогать от беспощадной жары. И тут снова грохочущий гром сотрясал небо и снова ливни обрушивались сплошным гремящим потоком, пронизанным белым зловещим блеском молний. Македонцам в часы ливней в их лагерных палатках казалось, что они на дне моря и неизвестно, как им всплыть наверх.

Шум и грохот непогоды мешал слушать. И тому, кто рассказывал, приходилось повышать голос.

— За рекой Гифасис[1] самые богатые земли,— голос старого индийца звучал восторженно,— там живут очень смелые люди. У них большие, хорошо возделанные поля, богатые урожаи. И нигде во всей Индии нет таких огромных и свирепых слонов, как у них. А слонов этих у них множество!

[1] Гифасис — река в Пенджабе; ныне река Сатледж.

Александр слушал жадно и так же жадно расспрашивал: а какие там города? А какие еще реки за Гифасисом? А далеко ли до Ганга, о котором он слышал, что это — самая большая река? И правда ли, что Ганг впадает в Восточное море, где и находится край земли?

Индиец отвечал запутанно, туманно. Он больше говорил о красоте своей земли, о богатстве ее растительности, о животных, никогда не виданных македонцами.

— В Ганге есть крокодилы... Огромные.

— Крокодилы? Значит, Ганг где-то рядом с Нилом. Ведь Аристотель говорил, что их истоки близко друг от друга. В Ниле тоже есть крокодилы.

Эта ошибка Аристотеля дорого обошлась македонцам. Александр думал, что он дойдет до Ганга, а там и до истоков Нила, а по Нилу ему просто будет проплыть в Египет. Однако все оказалось неизмеримо труднее, и немало мук пришлось вынести, прежде чем македонское войско вернулось из Индии в Азию.

Александр уже видел этот полный неисчерпаемых чудес край. Он уже видел свитки с их описанием, составленные его историками и географами. Вот кончатся дожди, и он пойдет в глубь Индии, к Гангу.

Но дожди не кончались — это было их время, время муссонов. Однако не останавливать же ему из-за дождя свой поход!

— В лагере невесело, Александр,— сказал Гефестион, когда царь отпустил индийца,— воины устали.

— «Устали»! А разве я не устал? Но я дам отдых. Пусть отдохнут несколько дней. Конечно, последнее время было особенно трудно: эти дожди, эти размытые дороги, эти реки, пришедшие в бешенство... Да еще и змеи в воде... Я все это понимаю, Гефестион.

— Александр, ты сам хорошо знаешь, что дело не в размытых дорогах и змеях в воде. Не хмурься, ты знаешь правду, только пытаешься закрыть на нее глаза.

Александр угрюмо молчал. Да, он знал правду, он знал, что в войске его давно идет разлад, что все слышнее голоса недовольных.

— Куда мы идем? Зачем? Ради чего мы терпим все эти мучения? Поход наш не имеет ни цели, ни смысла!

— Царю надо дойти до края света! А к чему нам этот край света? Чтобы сложить там свои кости?

Да, в последнее время македонцам приходилось трудно. Индийские раджи, через земли которых приходилось идти, не пропускали македонцев, не сдавались на милость. Александр брал их города с боем, оставляя в них свои гарнизоны. Но как только его армия уходила дальше, в глубь Индии, покоренные раджи восставали, брались за оружие, уничтожали македонские гарнизоны.

Александру приходилось снова посылать своих военачальников с большими отрядами войска и снова покорять эти независимые племена, не желавшие терпеть рабства.

Осада большого города воинственных кафеев Сангалы была длительной и очень тяжелой. Кровавые битвы у ее стен, победа, полная ярости, жестокая расправа с побежденными... Это были мрачные, тяжелые дни даже для закаленного македонского войска.

А потом снова поход, бездорожье, переправы через реки, где приходилось бороться с бурным течением, где тонули суда, налетая на острые камни, словно клыки, торчащие под водой...

И все время дождь, ливень, проливень... Или нестерпимая, удушающая жара.

Измученная армия наконец подошла к реке. Это была река Гифасис.

— Теперь перейдем Гифасис,— стараясь ободрить воинов, говорил Александр,— а там прямо до Ганга. А за Гангом уж и край земли. И тогда — вся Ойкумена наша. Весь мир — наш. Вы слышите, македонцы? Весь мир! Границами нашего государства будут границы, которые бог назначил земле. А это не так уж мало!

Но воины угрюмо молчали, а военачальники тихо переговаривались между собой:

— Вот как! Теперь уже — весь мир. Сначала — только азиатское побережье. Потом — Персия, а теперь уже — весь мир!

— Пожалуй, это окажется гораздо дальше, чем мы ожидаем. Дорога недалека только что вышедшему в путь. И гораздо длиннее тому, кто уже прошел тысячи стадий. И прошел через битвы, неимоверные труды, болезни и лишения.

Дождь по-прежнему лил с небольшими передышками. Это утомляло больше, чем самые тяжелые походы. Это изводило душу тоской безысходности. Терпеливое, выносливое войско теряло терпение и душевные силы. Воины собирались по

нескольку человек и говорили только об одном, потому что тоска у всех была одна и та же.

— Пора возвращаться домой, пора в Македонию. Что нам еще делать здесь, на краю земли? Надо уходить отсюда, пока еще нас носят ноги. Что мы найдем здесь — богатство?

— Да, нечего сказать, мы сильно разбогатели, победив весь мир! Что было — сожгли. Что осталось — износили. Поглядите друг на друга — как роскошно мы одеты!

Они горько смеялись, показывая свои рваные одежды, изношенные в битвах. Их македонские плащи превратились в лохмотья. Чтобы укрыться от холода, от снега, от дождей, они добывали какое-нибудь азиатское платье, а когда изнашивалось и оно, сооружали себе одежду из разных кусков...

И все чаще вздыхали:

— О Македония!

В это время царь объявил, чтобы войско готовилось к походу. Они пойдут дальше через реку Гифасис до Гнага.

И тут, впервые за все время тяжелого пути, войско громко зароптало. Военачальники один за другим стали являться к царю:

— Царь, воины отказываются идти дальше. Хотят домой.

— Как! — Александр был возмущен.— Даже если я сам поведу их?

— Да, царь. Даже если ты сам пойдешь рядом с ними. Они говорят, что больше не могут следовать за тобой. Ходят слухи, которые пугают их. Рассказывают, что река Ганг в тридцать две стадии шириной, а глубиной в сто оргий [1],— у них не хватит сил переправиться через такую реку. Рассказывают, что на том берегу Ганга стоит огромное войско, так что и земли под ним не видно, тысячи боевых колесниц, тысячи боевых слонов... А у наших воинов больше нет сил.

Александр отпустил военачальников. Он глубоко и тяжко задумался. Все рушится. Все гибнет. Если он не перейдет Ганга и повернет назад уже у самой цели, все, что он сделал, чего добился несказанными трудами, превратится в ничто. Ведь он так и не дошел до Океана, до конца Ойкумены! Нет, это невозможно. Быть так близко от свершения мечты его жизни — и, не достигнув ее, уйти!

Нет, он сам поговорит с воинами. Сколько раз уже было так: войско падало духом и Александр своим красноречием снова поднимал воинов и в битвы, и в походы.

[1] Оргия — 1,850 м.

Он приказал созвать военачальников всего войска. Они явились один за другим — командиры конницы, командиры фаланг... Сквозь шум и гул ливня они входили в шатер и сбрасывали тяжелые, мокрые плащи у входа, — македонцы, персы, бактрийцы, согды, агрианы... Все они были хмуры и озабочены.

Александр встал перед ними. На его откинутых со лба кудрях светилась царская диадема.

— Я вижу, македонцы и союзники,— сказал он,— что не с прежним боевым настроением пойдете вы со мной на опасную войну. Я и созвал вас, чтобы убедить вас идти со мной дальше или убедиться вашими доводами и повернуть обратно.

Если вы считаете, что все труды, понесенные нами, были напрасными и я, ваш полководец, заслуживаю только порицания, то мне сказать вам больше нечего. Но если вы вспомните, что мы добыли и побережье Срединного моря, и Египет, и Вавилон, и все азиатское царство персов и мидян и что Инд протекает теперь по нашей земле, то убедитесь, что сделано нами не мало.

И теперь, когда осталось только перейти Гифасис и дойти до Ганга, за которым уже близок и конец Ойкумены, вы остановились. Если бы я сложил на вас все труды и опасности, я сам бы их и знать не знал! Но ведь и труды и опасности я делю наравне с вами, и награды предоставлены всем... А когда мы вернемся отсюда в Азию, то, клянусь Зевсом, я отмерю каждому добра не по его чаяниям, а сверх, с избытком. И тех, кто пожелает вернуться домой, я отошлю в родную землю или отведу их сам. А тех, кто останется, я награжу так, что ушедшие будут им завидовать!

Речь Александра была горячей, взволнованной; в ней звучало в полный голос его страстное желание увлечь своих воинов дальше, чтобы закончить поход, как он задумал. Он ждал, что сейчас они закричат, чтобы он вел их к Гангу, что они пойдут за ним, за своим царем, всюду, куда он их поведет!.. Но военачальники стояли, понурив головы. Только шум ливня за стенами шатра был ему ответом. Александр ждал, все еще надеясь.

— Я жду. Что же вы молчите? Если у вас есть возражения — выскажите их!

Молчание.

— Я жду. Я хочу выслушать вас.

Молчание.

Наконец поднялся военачальник Кен. Он так же, как и все, боялся противоречить царю. Но не хотел и обманывать его ложной покорностью.

— Царь, я отвечу тебе. Я буду говорить не о нас: мы осыпаны почестями, мы поставлены выше других и мы готовы с тобой на все. Но я буду говорить о войске. И не для того, чтобы угодить войску, а думая о твоей пользе, царь, и о твоей безопасности. Тобой, царь, и теми, кто вместе с тобой ушел из дома, совершено много великих дел, поэтому-то, думается мне, теперь надо положить предел трудам и опасностям. Ты видишь сам, сколько нас, македонцев, ушло вместе с тобой и сколько нас осталось... Одни погибли в боях, другие, уже не способные после ранений к военной службе, рассеялись по Азии. Еще больше умерло от болезней. Осталось немного, и у них уже нет прежних сил, а духом они устали еще больше. Все, у кого еще живы родители, тоскуют о них; тоскуют о женах и детях, тоскуют о своей родной земле... Мы выполнили все, что могли взять на себя смертные. Ты же хочешь своей победой осветить больше земель, чем освещает солнце. Это замысел, достойный твоего гения, но он не по нашим силам. Не веди воинов против их воли. Возвращайся сам на родину, повидайся с матерью, укрась наши храмы трофеями [1]. И тогда уже вновь снаряди поход. Другие македонцы и другие эллины пойдут за тобой — молодежь, полная сил, вместо обессиленных стариков. Они пойдут за тобой с особенной охотой, увидев, что твои старые воины ушли бедняками, а вернулись на родину богатыми и прославленными людьми. Тебе, ведущему такое войско, нечего бояться врагов. Но не испытывай и божества. Боги могут послать такую беду, от которой человеку остеречься невозможно.

Кен умолк. Невнятный говор прошел среди военачальников, и Александр слышал, что они одобряют Кена. Он увидел, что многие плачут, опустив голову и неловко утирая слезы загрубевшими руками.

Александр был горестно удивлен этой речью. Кен, его верный друг и соратник, который всегда был с ним рядом, готовый выполнить любой приказ царя... Он был рядом и в битве с трибаллами в дни ранней юности Александра, он был

[1] Трофей — столб, который ставили победители и вешали на него оружие и доспехи, взятые у неприятеля в бою. Иногда военную добычу приносили в храмы и посвящали ее богам.

рядом и при Гранике, и при Иссе. Он штурмовал вместе с Александром Тир и сражался под Гавгамелами в центре фронта, где был опасно ранен стрелой... Он преследовал по приказу царя неуловимого Спитамена и сражался здесь, на Гидаспе...

И только теперь, на Гифасисе, когда почти вся Ойкумена у них в руках, когда можно властвовать над всем миром,— Кен отказался следовать за своим царем!

Александр понял, что он бессилен против непреклонного решения своего войска вернуться домой. И понял главное: не потому они хотят вернуться, что у них не стало сил, а и потому, что они не верят в свою власть над всем миром и не видят смысла в дальнейшем походе.

Это убивало честолюбивые мечты Александра, убивало его душу.

Ночь была тяжелой. Александр не мог спать — все в нем дрожало от возмущения, от обиды, от того, что уходит из рук то, что казалось таким уже возможным... Он не знал, какая огромная земля лежит за Гангом и что вовсе не так близок тот таинственный берег туманного Океана, который он считал краем земли.

Он ложился и не мог лежать, вставал и ходил взад и вперед. Стояла тишина, ливень перестал. Александр, отстранив стражу, вышел из шатра. Ни лагеря, ни земли, ни неба. Черные тучи и сырой, тяжелый туман. Теплая земля дышала влагой.

К утру он уснул, снились печальные сны. Букефал подходил к нему и хватал за хитон мягкими губами.

«Букефал, друг мой! Друг мой!»

Александр пытался погладить коня, но рука встретила пустоту.

Он проснулся с печальным сердцем.

Вспомнив вчерашнее, Александр тяжело задумался. Что случилось? Он, царь, полководец, должен подчиняться войску? Войско отказывается повиноваться ему? Но разве не обещал Аммон отдать в его власть всю землю?

В бессильном отчаянии он ждал, что военачальники придут и скажут, что и они, и их войска готовы идти за царем, готовы идти всюду, куда он поведет их, потому что они не могут оставить его.

Но лагерь молчал. Тишина. Только буря шумела и лил не переставая дождь, с воем ветра, с грохотом грома, с полы-

ханием молний. Казалось, весь мир уже утонул в этом дожде. И лагерь молчал.

Понемногу гнев и отчаяние утихали. Александр то расхаживал по своему огромному шатру, то бросался на спальное ложе, то велел приготовить ему ванну. И на второй, и на третий день он никого не впускал к себе, даже Гефестиона. И здесь, в одиночестве, он обдумал свое положение и свои дела.

Надо ли ему идти до Ганга? Не случится ли так, что, уйдя так далеко на Восток, он потеряет завоеванные земли? Уже и сейчас отовсюду приходят гонцы с жалобами на произвол его наместников-сатрапов. А их некому наказать — царь далеко. Он дал большую власть и силу персидским и македонским вельможам, а эти люди замышляют измену...

По всем его завоеванным странам, как сухие костры, вспыхивают восстания покоренных племен. Уступив силе, они снова берутся за оружие, и никакой армии Александру не хватит, чтобы держать их в повиновении.

Александр перебирал в памяти рассказы индийских раджей Пора и Таксилы об их стране. Страна эта богата сокровищами земли и рек. Но прежде чем попадешь в глубь ее, надо пройти огромную пустыню, такую огромную, как вся захваченная им Азия. Ни дерева там, ни травы. Только песок поднимается красной тучей, знойная пыль душит все живое... Днем там смертельный зной, а ночью леденящий холод. И воды там нет. Только и найдешь кое-где узкий, глубокий колодец, но вода там плохая, от которой болеют и животные, и люди...

«Куда ты пойдешь? — говорил сам себе Александр.— Куда ты пойдешь с этим измученным войском, которое больше не хочет идти за тобой? Кого ты победишь?»

«Я не могу не победить,— упрямо возражал он сам себе,— я буду побеждать!»

«Не испытывай терпение богов. Там сильные воинственные племена. Ты не вернешься оттуда, и войско твое не вернется».

«Значит, слава моя должна погибнуть? Ведь я не совершу то, что решил совершить. Ведь это будет отступлением!»

«Иногда и отступление является победой. Бывает и так».

«Бывает и так. Но ведь я шел сюда, чтобы покорить весь мир. Весь мир! И я мог бы это сделать, мог бы! А теперь я должен отказаться от этого. Дело всей моей жизни гибнет!»

На четвертый день Александр позвал свою свиту и жрецов. Буря утихла, словно давая наконец возможность людям оглядеться и опомниться. Царь объявил, что намерен идти дальше и переправиться через Гифасис. Этеры и телохранители смущенно молчали. Они не знали, смогут ли поднять войско. Вернее, знали, что не смогут...

— Надо посмотреть, что скажут жертвы,— напомнил старый жрец Аристандр, еле живой, с белой трясущейся бородой.— Нельзя идти, не испросив соизволения богов.

Жрец принес жертву. Она предвещала беду.

Царь сам разбирался в жертвах и предзнаменованиях. Но сейчас он не подошел к жертвеннику. Ему было уже ясно, что, как бы он ни настаивал, войско дальше не пойдет.

— Друзья мои,— кротко и печально обратился он к своим этерам, людям преданным ему и верным,— боги запрещают нам идти дальше. Поэтому объявите войскам, что я решил повернуть обратно.

И, когда это решение стало известно войску, над лагерем поднялся клич радости и ликования.

— Спасибо тебе, царь, что ты только нам, македонцам, позволил одержать победу над тобой — победу над Александром!

Войско быстро собиралось в обратный путь. А на небе уже снова сгущались и сталкивались тучи, разя друг друга белыми молниями. И вот уже снова непроглядный ливень затопил все на свете... Ливень ревет, гремит, бушует вот уже семьдесят дней и семьдесят ночей. От этого можно сойти с ума. О Македония!

Войско повернуло обратно, к Гидаспу.

ПУТЬ К МОРЮ

Долина Гидаспа встретила теплом и веселым солнцем. За четыре месяца их отсутствия здесь все изменилось. Дожди кончились, река вошла в русло, по берегам счастливо бушевала сочная зелень посевов, деревья на склонах гор сверкали омытой листвой.

На Гидаспе стояли недавно отстроенные корабли; их черные борта отражались в синей, с яркими бликами воде. Отряды строителей, триерархи — македонские этеры, строив-

шие корабли, с ликованием встретили царя. Измученное войско ободрилось.

— Значит, домой отправимся на кораблях? Это полегче, чем шагать в полном снаряжении!

— На кораблях-то на кораблях. Но что там нас ожидает? Река чужая, и море чужое.

— Все равно, как, и на чем, и какой дорогой. Лишь бы домой!

Но ни одна радость не приходит без того, чтобы что-нибудь не омрачило ее. Внезапно заболел и умер военачальник Кен. Александр созвал всех врачей, что были в войске. Никто не помог. Пришлось зажигать погребальный костер.

Похоронив Кена, царь приказал немедленно снаряжать корабли в путь.

И спустя месяц наступил тот серебряный рассвет, когда царь в полном вооружении, окруженный свитой, поднялся на борт своего корабля.

Командование флотом принял критянин Неарх. В войске нашлось немало людей, понимающих морское дело,— издревле искусные моряки финикийцы, корабельщики с острова Крита, египтяне, выросшие на берегу великой реки... Весь этот пестрый экипаж занял свои места на кораблях. А на берегах Гидаспа выстроилось сухопутное войско, которое должно идти до реки Акесина, до того места, где в Акесин впадает река Гидасп. На одном берегу стоял со своими фалангами и конницей Кратер. На другом берегу стоял Гефестион со своими фалангами, конницей и двумястами слонов. Оба войска выстроились в походном порядке и ждали царского сигнала, чтобы тронуться в путь. Александр, поднявшись на корабль, бросил быстрый взгляд на один берег, потом на другой. Войска его любимых военачальников стояли с такой превосходной выправкой, с таким военным блеском, что у царя в глазах пробежали слезы. И с такой-то армией он вынужден отказаться от своей необоримой мечты. Именно эта его прекрасная армия перестала повиноваться ему.

Слез Александра никто не видел. Он сосредоточенно, отрешенно от всех стоял на высоком корабельном носу с драгоценной золотой чашей в руках. Он обращался к богам. Он просил своих родных богов, богов Эллады, сделать его путь безопасным и сохранить его войско.

Окруженный жрецами и прислушиваясь к их указаниям, он совершил возлияние богу морей Посейдону, своему пред-

ку Гераклу, Зевсу-Аммону, нереидам[1] и реке Гидаспу... Войско в молчании, вместе с царем, призывало своих богов. Кубок, сверкнув золотой звездой, упал в воду.

Царь взмахнул рукой. Грянули звонкие трубы. Корабли подняли разноцветные паруса. Дружно ударили весла. Пошли длинные военные корабли, пошли грузовые, на которых стояли лошади, пошли корабли с провиантом и боевыми припасами... Сотни кораблей двигались в строгом порядке один за другим. Македонское войско снова тронулось в путь.

А по берегам реки пошли боевые отряды Кратера и Гефестиона. Шли, как ходили в поход все эти годы,— конница, фаланги, гипасписты... Лишь одно было удивительным и непривычным: в войске Гефестиона, покачивая хоботом, покорно шагали огромные серые, удивительные животные — слоны.

Александр долго смотрел, как удалялось от берегов его сухопутное войско, отходя в глубь страны. А потом прошел на корму и еще раз мысленно простился с Кеном. Одинокая могила осталась на берегу чужой реки, в чужой земле... Тяжело, тяжело терять близких друзей, даже и тогда, когда они перестали понимать тебя и верить тебе.

Берега медленно проходили мимо, незнакомые, неизвестные... Сначала реку теснили лесистые горные отроги. Потом горы отступили, открылись светлые поля. Отовсюду к берегу бежали люди. Коричневые, полуголые, они толпились по берегам. Они никогда не видели таких кораблей, с разноцветными парусами, они не могли понять, кто эти неведомые люди, плывущие неизвестно откуда... Особенно громкие крики удивления начинались тогда, когда вслед за военными кораблями появлялись суда, на которых стояли невиданные животные — лошади.

На исходе третьего дня, при свете красного вечернего солнца, Александр увидел свои сухопутные войска. Они, как и было приказано, ждали прибытия кораблей, раскинув свои лагеря по обе стороны реки.

Здесь войска остановились. Два дня отдыхали гребцы. Неарх-флотоводец по вечерам писал в своем судовом дневнике обо всем, что произошло с того дня, как он впервые взошел на палубу, записывал свои наблюдения, полученные в чудесной стране — Индии...

[1] Нереиды — дочери морского божества старца Нерея.

Писал по приказу царя походный дневник и Аристобул, кормчий царского корабля. И если Неарх старался держаться только фактов, только виденного своими глазами, Аристобул, увлеченный рассказами туземных переводчиков, нередко давал волю домыслам и фантазиям...

За эти два дня подтянулось и остальное войско. Александр собирал свои военные силы: он получил известия, что по ту сторону устья реки Акесина, впадающего в Гидасп, их ждут опасные воинственные индийские племена маллов и оксидраков. Они уже стоят на берегу с оружием в руках, готовые встретить македонцев.

— Они не знают, против кого подняли оружие,— сказал Александр. И зловеще добавил: — Они скоро это узнают.

Маллы ждали нападения с берегов Гидаспа. Только отсюда могут напасть македонцы, потому что за спиной у маллов — пустыня, через которую нет дорог, и Александр не поведет войско через пустыню.

Александр нагрянул именно оттуда, откуда его не ждали. Он провел свое войско через пустыню, вышел прямо к главному городу маллов Агалассе и сразу окружил его. Маллы защищали свою крепость с мужеством, доходящим до отчаяния. Но не смогли защитить, и все погибли.

Теперь больше никто не вставал на пути Александра. Но он не мог уйти, не утолив свою ярость. Македонское войско раскинулось по стране, как губительный пожар. Македонцы гнали маллов, разрушали их города, переходили бурные реки, преследуя их... Маллы тысячами погибали в битвах, бежали в леса, скрывались в болотах. Ужас шел по индийской земле, и города уже сдавались без боя и открывали ворота, едва македонцы появлялись у их стен.

Александр преследовал маллов в каком-то неистовом безумии.

— Они будут помнить, как поднимать на меня меч!

Он неудержимо бросался в битву, не сознавая опасности; ему ни разу не пришло в голову, что он и сам смертен.

И вот случилось так, что из одной осаждаемой крепости Александра вынесли на его собственном щите.

Эта крепость не сдавалась. Александр кричал, приказывая немедленно штурмовать ее.

Македонцы тащили лестницы, приставляли к стенам. Но Александру казалось, что они делают это слишком медленно. Раздраженный этим, он сам схватил лестницу, приставил ее

к стене и, не оглянувшись, следуют ли за ним воины, полез наверх. Увидев это, Певкест, щитоносец, бросился следом за царем. За Певкестом поспешил телохранитель Леоннат. Рядом, по другой лестнице, карабкался воин Абрей — вот и вся свита, которая оказалась с Александром.

Добравшись до верха стены, Александр уперся щитом в зубцы и сразу начал битву с защитниками крепости, стоявшими на стене. Царь стоял против врагов один и был виден всему своему войску и всему войску маллов. Дротики и стрелы устремились на него со всех стен и со всех башен. Щитоносцы и телохранители царя, его этеры, в ужасе карабкались по лестницам, торопясь на помощь царю. Но они торопились, толкались, хотели влезть все сразу, и лестницы, то одна, то другая, рушились под ними.

Александр отбивался один. Увидев, что внутри крепости под стеной лежит горбом высокая насыпь, в азарте битвы он спрыгнул на нее прямо в гущу врагов. Став спиной к стене, он продолжал сражаться. Меч его был так смертоносен, что маллы не решались подойти близко. Они окружили его толпой и били в него дротиками, копьями, стрелами — всем, что было в руках. Царь отражал удары, увертывался и снова бил мечом... Дротики скользили по его сверкающему панцирю, не принося вреда.

Но вот ударила чья-то тяжелая меткая стрела, пробила панцирь и закачалась, вонзившись в грудь.

В эту острую минуту к нему со стены спрыгнул Певкест. И следом за ним — телохранитель Леоннат. Появился было и Абрей, но его тут же сбила стрела.

Певкест и Леоннат тотчас заслонили своими щитами раненого царя. Маллы с новым ожесточением напали на них.

Александр со стрелой в груди еще отбивался. Но скоро в глазах у него потемнело. И он упал тут же, где стоял, на свой щит...

Певкест и Леоннат сражались, насколько хватало их сил и умения, защищая царя. Стрелы гудели вокруг, ударяясь в щиты, в стены над их головой. Царь, истекая кровью, умирал.

Македонцы кричали и бесновались по ту сторону стены. Но чем больше спешили, стараясь взобраться на стены, тем хуже ладилось дело. Наконец, взбираясь и по лестницам, и по крюкам, вбитым в стену, и становясь друг другу на плечи, они начали массой валиться со стен внутрь крепости. Увидев,

что царь лежит неподвижный и окровавленный, они подняли крик и плач и с яростью бросились на маллов. Они стали тесной стеной вокруг царя, закрывая его щитами. Маллы сгрудились около них. Началась битва насмерть.

Тем временем македонцы, оставшиеся снаружи, били бревном в ворота крепости. Ворота долго держались. И когда маллы внутри крепости уже начали теснить македонцев, ворота рухнули и вместе с ними рухнула часть стены. Македонские отряды лавиной ворвались в крепость. Маллы были разбиты.

Царя вынесли из крепости без сознания, распростертого на щите. Александр был жив. Он пришел в себя, открыл глаза, увидел стрелу, торчащую в груди, и Фердикку, склонившегося над ним. Он смутно слышал, что кто-то в смятении зовет врача...

Преодолевая боль и дурноту, Александр приказал Фердикке надрезать рану и вытащить стрелу. Фердикка осторожно надрезал рану своим мечом и, крепко ухватив стрелу, выдернул ее. Кровь хлынула, заливая грудь, и Александр снова потерял сознание. Македонцы, видевшие это, опять подняли крики отчаяния: они решили, что царь умер.

Эту весть — царь умер! — из-под стен крепости маллов привезли войскам Гефестиона, стоявшим лагерем при слиянии рек Гидраота[1] и Акесина. Лагерь пришел в смятение. Встревоженный Гефестион тут же послал гонцов узнать, что случилось с царем.

— Наш царь умер! Александр убит! Умер Александр! Умер! Убит!..

Черная тень смерти шла по лагерю. Воинов охватили страх и растерянность.

— Кто поведет войско дальше?

— Как мы дойдем до Македонии из этой чужой, враждебной и такой далекой земли?

— На пути у нас реки... Как мы перейдем их без Александра?

— Как мы справимся с варварами, которые теперь нападут на нас, — ведь Александра нет, им некого уже бояться!

Но вот словно заря засветилась среди черной ночи — Гефестиону привезли письмо от Александра.

— Вот он сам пишет вам, воины, сам, своей рукой. Он жив, он скоро вернется в лагерь!

[1] Гидраот — река в Пенджабе.

И хотелось верить, и боялись верить. Обрадоваться и обмануться — это еще тяжелее. Ведь письмо могли написать и сами его телохранители... Войско по-прежнему волновалось.

Александр велел везти себя в лагерь.

Его перенесли на корабль и положили в палатку, поставив ее на корме. Александр лежал — у него не было сил встать, кружилась голова.

Весь лагерь стоял на берегу, когда подошла триера Александра. Гефестион и Неарх вышли вперед, с тревогой следя глазами за медленно идущим кораблем. Они не видели на борту Александра. Снова гул рыдания и горя прошел по войскам — везут тело царя!

Александр услышал это. Он приказал убрать палатку, чтобы все видели его. И когда триера наконец пристала к берегу, он, приветствуя войско, поднял и протянул к ним руку. Радостный вопль взорвался над берегом. Царь жив! Царь вернулся к ним!

Александр, еле передвигая ноги, вышел на берег. Щитоносцы принесли ложе, чтобы отнести царя в лагерь. Но он отказался.

— Коня!

И войско увидело его на коне. Крик торжества пронесся над рекой. Воины кричали, ликовали, били в щиты. Они шли за царем до самого шатра. Александр сошел с коня, из последних сил стараясь держаться твердо, направился в шатер. Воины ликовали. Его спасение — их спасение. Воины были убеждены, что никто, кроме Александра, не сможет привести их обратно домой из этого страшного похода.

Войдя в шатер, Александр свалился в изнеможении. Врачи приняли его, обмыли и перевязали рану, наложили целительные припарки. Успокоенный и счастливый, Александр наконец остался в благоуханной тишине шатра.

Царь тяжело болел. Но как только рана закрылась и перестала кровоточить, он уже снова сидел на коне.

Александр не торопился в обратный путь. Прежде чем уйти, он решил исследовать судоходность великой реки Инда, — эту реку он уже включил в свою необъятную державу.

Теплое февральское небо проливало золотой свет на цветущие берега Инда. Корабли подняли паруса, сразу отбросившие разноцветные отражения в ультрамариновую воду реки. Гребцы взялись за весла. Знакомый звук походной

трубы, голос приветствия тем, кто встретится, и прощания тем, кто остается.

Царь долго стоял на корме. Здесь, при слиянии пяти восточных рек, в прекрасном месте, где широкий Панджнад впадает в Инд, по воле Александра поднялся город. Еще одна Александрия. Еще одна крепость македонского царя, поставленная на завоеванной земле. Александрия на Инде... Царь задумчиво смотрел, как удаляется берег и на нем желтые, еще недостроенные городские стены, маленькие новые дома, намечающие улицы... Эллинский город. Его город.

Снова мерный плеск весел, ритмичные возгласы келевстов[1], крылатый шум парусов... Невиданной силы растительность, огромные, с многочисленными воздушными корнями странные деревья, пальмы с роскошными резными кронами, мелькающие среди темной зелени рыжие обезьянки, яркие голубые и красные птицы, взлетающие над ветвями,— все это медленно проходило перед глазами македонцев, как длительный полуденный сон.

Александр, скрывшись от зноя в тихую глубь корабля, позвал к себе флотоводца Неарха, Онесикрита — кормчего своей царской триеры, позвал географов и землемеров, которых не отпускал от себя...

На столе лежала новая географическая карта.

— Когда-то персидский царь Дарий, сын Гистаспа, как вам всем известно, послал Скилака из Карианды по этому пути,— сказал Александр.— Скилак проплыл по всему Инду, вышел в Океан, прошел в Красное море, приплыл к побережью Египта. Значит, мы сможем сделать то же самое.

— Как верить этому человеку?— возразил Неарх, сдвинув свои широкие черные брови.— Ведь он много написал всякой ерунды. Где эти одноглазые люди? Где эти одноногие, которые заслоняются своей ступней от солнца?

— Как знать?— ответил ему Онесикрит.— Может, мы просто не видели того, что он видел. Или ему рассказывали...

— Эти географы и путешественники, к сожалению, много напутали,— сказал Александр.— Вот и Гекатей пишет: население многочисленное и воинственное. Это правда. Но он же выдумал, что здесь есть муравьи почти с лисицу ростом и что они добывают из земли золотой песок!

[1] Келевст — человек, командующий гребцами. По его команде весла поднимались и опускались в такт.

— Я тоже слышал об этих муравьях! — живо возразил Онесикрит. — Царь, это такая страна, где все возможно!

— Мы достаточно глубоко прошли по этой стране, чтобы увидеть и муравьев, и одноглазых, и одноногих, — рассердился Неарх, — но мы их не видели. Ктесий, как теперь нам стало ясно, тоже немало наболтал чепухи! Мы должны сами все увидеть и написать о том, что видели. Это наше дело — прокладывать дорогу.

— Друзья мои, — сказал Александр, — вот что я думаю и что хочу осуществить. Мы идем к дельте Инда. Мы уже не можем обманываться, как раньше, руководствуясь сведениями ученых, но никогда не бывавших здесь людей. Я говорю о том, что писал Аристотель: устье Инда и устье Нила очень близки друг к другу. Все не так! Хотя в Инде, как и в Ниле, живут крокодилы.

— Далеко не так, — подтвердил Неарх.

— Если мы пройдем дельту Инда, куда выйдут наши корабли?

— В Океан... — раздались неуверенные голоса.

— И если мы пойдем по Океану, то должны прийти в Персидское море. Не так ли?

С уверенностью ответить на этот вопрос не мог никто.

— Узнаем, царь, — сказал Неарх, — когда пройдем этот путь.

— Но ведь надо знать, куда идешь, Неарх!

— Мы, царь, пока можем только предполагать.

— Я предполагаю, — после раздумья сказал Александр, — что мы выйдем в Персидское море, к устью Паситигра. А там мы дома!

В Патталах, большом городе, стоявшем у дельты Инда, Александр решил построить военную крепость. Весь нижний Инд, его дельта, будет под властью этой крепости. Паттала может быть и прекрасным торговым пунктом — водный путь с моря в Индию, а из Индии в море и дальше, в азиатские страны.

Крепость Александр поручил строить Гефестиону.

Гефестион уже немало построил и городов, и крепостей, и гаваней, и верфей. Шум стройки, звонкий перестук топоров заполнили берег, и Александр знал, что в самый короткий срок, какой возможен, у начала рукавов Инда будет стоять сильная крепость, будут гавани и будут верфи, в которых будут сколачиваться новые корабли.

Царь старательно расспрашивал индийцев из Патталы:
— Что там, если идти на восток? Какие там земли?
— Там пустыня.
— Реки, озера, какая-нибудь вода есть там?
— Там нет воды. Там нет никакой воды.
— А как же там живут люди?
— Там не живет никто.
— А если отсюда идти на запад?
— Там Гедросия. Там живет племя оритов и племя гедросов. И тоже пустыня.
— Ну, если там живут люди, то не такая уж это пустыня!
Наступила спокойная, размеренная жизнь военного лагеря с его мелкими ежедневными заботами. Строительный шум работ в Патталах. Заснувшие корабли с опущенными парусами. Вечерние беседы с друзьями, которые являлись к царю, нарядные и умащенные благовониями. Царь замечал, как они осунулись, как почернели под индийским солнцем, как много прибавилось у них морщин, а у иных и седины...
Здесь, в Патталах, к Александру неожиданно явился Оксиарт.
Александр встретил его и с радостью, и с тревогой. Он дал отдохнуть Оксиарту после такой далекой и трудной дороги и взволнованно ходил взад и вперед, ожидая его. Роксана встала перед ним со своей жемчужной красотой. Оказывается, уж очень давно он не видел ее. Куда исчезает время? Как вода из рук, как вода из рук...
Они долго сидели вдвоем за чашей вина. Оксиарт был хмур и озабочен.
— В Бактрах неспокойно, царь. В городах, которые ты основал, восстания, резня.
— Кто?
— Не разгневайся на меня, царь, бесчинствуют твои старые воины — македонцы, которых ты оставил в Бактрах. Они восстали против тебя и призвали к этому бактрийцев. А бактрийцы, ты сам знаешь, только и ждали этого! Не хотят царя македонца!..
— А чего хотят македонцы?
— Они хотят домой, царь. На родину. Выбрали себе нового царя. И если бы ты знал кого! Коновода Афинодора. Он им обещал отвести их в Македонию. Но ему позавидовал некий Викон, убил его на пиру. Воины чуть не растерзали этого Викона. А когда его стали судить, так те же воины вы-

рвали его из темницы и потребовали, чтобы он вел их на родину.

Александр слушал, опустив глаза. Гнев уже бурлил в глубине души, но печаль гасила его. Люди хотят домой. В Македонию. В ее прохладные горы, к ее чистым рекам, к ее зеленым пастбищам... О Македония!

— Пришлось усмирять эту буйную толпу силами войска, царь. Но если бы это только у нас. В сатрапии Паропамиса тоже нехорошо. Но там виноват сатрап.

— Тириасп?

— Да, царь. Он притесняет людей. Он жесток и несправедлив. Поэтому и восстания.

— Возьмешь эту сатрапию ты, Оксиарт. Я смещу Тириаспа. Но как только я вернусь, я жестоко расправлюсь с теми, кто не оправдал моего доверия. Я накажу их без жалости!

Оксиарт спешил занять новую сатрапию, да и Александр торопил его. Но едва он проводил бактрийца, как явился вестник из Арианы. Перс Ордан захватил власть и провозгласил себя царем.

Царь был раздражен. Он сам, своей рукой, немедленно наказал бы всех, кто восстает против его власти,— и он их накажет. Сам! Так же как расправлялся сам, своей рукой, с восставшими племенами.

Но Александр не мог сейчас идти в Ариану. Усмирять восстание он послал своего верного полководца Кратера. Кратер сделает все так, как прикажет Александр, и так, как сделал бы сам Александр.

Кратер пошел в Ариану уже известной дорогой — через Арахозию и Дрангиану. Этот путь не грозил непредвиденными опасностями: места, населенные мирными жителями, есть и пастбища для лошадей и вьючных животных, есть и вода. Поэтому Александр отправил с ним и обозы, и семьи, ехавшие за войском, и добычу, какая была сохранена.

С Кратером пошли фаланги, конница, слоны. И под особой охраной поехала с ним, заливаясь слезами, Роксана, царская жена.

— Жди меня в Кармании [1],— приказал Александр Кратеру.

— Жди меня в Кармании,— сказал он, прощаясь, Рокса-

[1] Кармания — область в Азии.

не.— Я не могу взять тебя с собою, потому что я пойду еще неизвестной нам дорогой. Что мы сможем вынести, то не сможешь вынести ты. Не плачь. Жди!

Войско Кратера тронулось в путь. Запылила конница, закачались сариссы фалангитов, загромыхали обозы, зашагали, помахивая хоботом, слоны...

Молча вздыхая, глядели оставшиеся вслед уходившим. Скоро ли и они пойдут по этой благословенной дороге — дороге домой?

Они еще не знали, какое тяжкое испытание готовит им Александр.

ОПАСНЫЕ ЧУДЕСА ВЕЛИКОГО МОРЯ

Снова шли дожди и хлестали ливни. Но случалось и так, что одолевало солнце, и тогда где-то близко лежащая пустыня посылала к берегу Инда свое горячее дыхание и дымку обжигающего песка...

Легкие тридцативесельные корабли, быстроходные керкуры[1] и гемиолы[2] шли по правому рукаву Инда. По берегу шагало войско, гоплиты и всадники Леонната.

Александр стоял на переднем корабле — он должен был сам осмотреть дельту Инда, сам все узнать и увидеть.

Прошел день спокойного плавания. Македонцы осторожно вели корабли, у них не было лоцмана. Индийцы разбежались, когда они хотели взять их с собой.

На второй день Инд неожиданно взбушевался. Вдруг начался сильный ветер, высокие волны разметали легкие корабли. В шуме ветра и воды слышался треск разбившихся кораблей, крики... Пришлось поспешно пристать к берегу. Люди спаслись вплавь, корабли починили, но дальше без сопровождения лоцманов, знающих реку, плыть было нельзя. Пришлось взять лоцманами индийских рыбаков, знавших реку. С ними уже поплыли спокойнее. Но это было тяжелое время — время дождей, река наливалась в верховьях и катила в море огромную массу воды. Река расширялась, затопляя прибрежные равнины. Не зная русла, легко сесть на мель.

[1] Керкура — небольшое морское судно кипрского происхождения.
[2] Гемиола — скороходный пиратский корабль.

Мутная, коричневая вода разлилась кругом стадий на двести. Лишь вдали, у горизонта, виднелись темные, плоские линии земли...

Александр не уходил с палубы с утра до вечера. Все сильнее пахло морем — это волновало. Он хотел в ту же минуту увидеть морскую даль, как только корабли выплывут из реки.

Но здесь случилось что-то непонятное! Волны Инда, вздымаясь крутыми буграми, вдруг пошли обратно. Ветер начал неистово трепать паруса, весла зарывались в волнах, не в силах противостоять бушующей реке.

Индийские лоцманы отвели флот к острову, за которым корабли укрылись в тихой воде. И отсюда Александр увидел над белым прибоем темную, сверкающую синеву Океана. Александр безмолвно глядел на эту грозную стихию воды, которая от самого горизонта гнала к берегу длинные тяжелые волны, захлестывая устье реки.

Край Ойкумены!

Александр приказал вывести в Океан лучшие суда. Это была торжественная минута — его корабли вышли на простор Великого моря.

К вечеру начался прилив. Это тоже было пугающей неожиданностью — в Срединном море таких мощных приливов не бывает. Океан подхватил и словно на огромных ладонях принес их триеры обратно к берегу. Александр, обрадованный, что корабли так благополучно вернулись в устье Инда, тут же совершил благодарственную жертву богам.

Но Великое море еще раз удивило и напугало македонцев. Они с ужасом увидели, что вода уходит из-под их кораблей, совсем уходит. И через короткое время их триеры оказались на суше, завязшими в гуще ила. Что творится в этой непонятной стране? Как теперь вытащить из этой черной грязи их корабли?

Александр был изумлен не меньше своих моряков. Как снять корабли? Это он решит. Но как решить загадку Океана, вдруг ушедшего из-под его кораблей?

— Как ты думаешь, Неарх, что это такое?

— Сам не понимаю, Александр. Посмотрим, что еще надумает сделать Посейдон.

Посейдон надумал. Так же неожиданно, как ушла, к новому удивлению воинов, вода начала прибывать и поднимать корабли. Вода поднимала их медленно, тихонько... И вот они уже снова стоят на якорях, как стояли. Но некоторые сорва-

лись с якорей, начали разбиваться друг о друга и о берег. Александр велел тотчас починить их.

Наконец все снова успокоилось. Снова тихие корабли стоят в тихом заливе на глубокой воде.

Так македонцы узнали о том, что в Великом море бывают приливы и отливы. И Неарх записал это в своем судовом дневнике.

Наутро, когда солнце только что поднялось, Александр вышел на триере в открытое море.

— Я хочу посмотреть, нет ли где поблизости земли...— сказал он.

Корабль уходил все дальше. Вот уж и совсем не видно берега. Глубокая синева с отблесками солнца и белыми гребешками волн со всех сторон окружила триеру. Александр был взволнован. Да, вот он достиг своего, он плавает по великому Океану. И это не сон, не мечта, которая так много лет мучила и звала его!..

Недалеко от берега лежали неведомые острова. Царь велел причалить к одному из них. Здесь, на пустынном песчаном берегу, омываемом океанской волной, он заколол двух быков, которых велел заранее погрузить на корабль, и опустил их в море. Это была благодарственная жертва Посейдону.

Но у него была еще одна просьба к властителю моря и потрясателю земли. Он сделал возлияние. И пока густое вино тонкой струйкой лилось в морскую воду, Александр молился:

— Бог Посейдон, будь милостив, проведи в целости мой флот, который я отправлю отсюда в Красное море, к устью Тигра и Евфрата!

И, чтобы Посейдон не забыл о его просьбе, бросил в море и золотую чашу, из которой вылил жертвенное вино, и тяжелые золотые кратеры, в которых это вино хранилось.

Заручившись милостью богов, Александр вернулся в Патталы.

И только теперь он объявил своим военачальникам, что он решил возвращаться в Азию другим путем, не тем, которым они пришли сюда. Флот пойдет по морю, вдоль берегов, на запад...

— Нам неизвестно это море, царь,— напомнил Неарх.

— Вот потому я и пошлю свой флот, чтобы это море стало нам известным,— ответил Александр,— а сухопутное вой-

ско пойдет по берегу,— продолжал он,— тоже на запад, через Гедросию, через земли оритов. И так, я полагаю, мы все придем в Карманию и встретимся там на реке Аман.

Военачальники молчали, задумавшись. Море — неизвестно. Сухопутные пути — неизвестны.

— Я объясню вам, почему я так решил,— сказал Александр, чувствуя их тревогу.— Нам сейчас очень важно проложить путь, который соединит Индию и Персию. Иначе мы потеряем индийские земли, которые с таким трудом завоевали. Этот же путь будет и нашей торговой дорогой.

Войска, назначенные во флот, приуныли. Их корабли хороши на реках. Могут плавать и во Внутреннем море от острова до острова... Но выйти на этих кораблях в Океан, где, говорят, встречаются всякие морские чудовища, да еще без лоцмана, когда только по звездам можно будет определить, где они находятся,— это идти на верную гибель... Звезды да берег, а берег часто опасен — мало ли какие враждебные племена повстречаются там!

— Но, может, царь откажется от этого?

— Нет, друзья, не откажется. Уж если что задумал, то не успокоится. Разве не знаете вы, что он посылал людей рыть колодцы вдоль берега? Зачем? Затем, что мы пойдем мимо этих берегов и нам понадобится вода.

— Он заботится о нас.

— Он заботится о том, чтобы мы были живы. А какой толк ему от нас, от мертвых?

— А может быть, все-таки он не пошлет нас туда!..

Но эти надежды таяли с каждым днем. Македонцы понимали, почему так тщательно снаряжаются их корабли, почему так заботливо проверяется оснащение, почему крепятся новые паруса... Флот готовится выйти в Океан.

— А если пошлет, то кто поведет нас? Неарх?

— Ну, друзей-то своих он побережет.

Нет, царь никогда не отказывался от того, что задумал. Но кого послать в это опасное, полное неизвестностей путешествие?

Об этом царь и посоветовался сегодня с Неархом, верным другом юности и одним из лучших своих полководцев.

— Как ты думаешь, Неарх, кто сможет провести корабли?

— О царь! У тебя много отважных военачальников.

Неарх называл имена. Царь отклонял. Этот человек не настолько мужествен, чтобы выполнить это. А этот не так уж

предан своему царю — он побоится опасностей. А тот — нет, не годится. Он тоскует о родине, ему хочется спокойной жизни, где ж ему...

— О царь!— сказал Неарх с улыбкой в лукавых черных глазах.— Пошли с кораблями меня. Я готов взять на себя начальство над флотом. И с помощью богов и людей в полной сохранности доставить его в Персию, если только море доступно для судов и если это предприятие вообще исполнимо для человеческих сил!

— Нет, нет, Неарх!— Александр движением руки отверг его предложение.— Я не могу подвергнуть такой опасности своего друга! Нет.

Однако Неарх подметил огонек радости в быстром взгляде Александра.

«Только меня ты и хотел бы послать,— подумал Неарх.— О Александр, тебе ли обмануть меня?»

— Царь,— сказал он.— Я думаю, что смогу выполнить это не хуже, чем другой. А может быть, и лучше. Доставь мне эту возможность — совершить такое великое деяние!

Царь продолжал сопротивляться. Но ему уже трудно было скрыть, что именно на помощь Неарха он и надеялся. Кому же еще, как не критянину, корабельщику, быть флотоводцем в Океане?

— Ты знаешь, Неарх, что при других обстоятельствах я бы сам повел корабли...

— Царь, кто же сомневается в этом!

— Но я хочу пройти по берегу моря, я хочу сам обследовать эту землю, а, как видно, это тоже будет нелегко, Неарх!

— Царь, я все понимаю!

Александр подошел и обнял Неарха.

— Спасибо, Неарх.— И уже деловым тоном сказал:— Останешься в Патталах до ноября. Сделаешь запас продовольствия на четыре месяца. Я выйду раньше, пойду по берегу, проложу сухопутную дорогу. На пути мы будем рыть колодцы для вас, если местность окажется безводной. И сделаем для вас запас провианта. Так мы вместе пройдем вдоль берега Океана[1], откроем новые пути от Инда до Евфрата и вернемся в Вавилон.

[1] Александр называл Океаном море, которое теперь называется Аравийским.

Моряки, услышав, что в Океан идет с ними сам Неарх, успокоились. Царь, конечно, не послал бы своего друга, если бы думал, что флот может погибнуть.

Сделав все эти распоряжения, царь со своим войском выступил в путь.

ДОРОГА СТРАДАНИЙ

Армия шла вдоль берегов Аравийского моря, по направлению к Персидскому заливу. Конница широко раскинула свои отряды, чтобы захватить как можно больше чужих, неизвестных земель. Следом, сомкнутым строем, шагала пехота.

Деревня племени оритов, встретившаяся на пути, стояла среди песков побережья зеленым оазисом. Пальмы с желтыми гроздьями фиников возвышались над убогими жилищами, вокруг деревни колосились хлеба, ходили стада овец и коз. Армия прошла через деревню — и не осталось ничего! Ни воды в реке, ни хлеба, ни стад.

Одна из таких деревень пыталась защитить свое добро. В македонцев полетели отравленные стрелы. И одну из них получил Птолемей, сын Лага. Александр, знавший противоядия, бросился к нему.

Битву закончили фалангиты без него. Жителей закидали дротиками, оставшихся в живых взяли в плен, а деревню сожгли.

Александр, не доверяя врачам, сам лечил Птолемея. Его жизнь была ему слишком дорога. Птолемей остался жить.

Войско двинулось дальше. В Рамбакии, городе племени оритов, Александр остановил войско на отдых. Место понравилось ему: если поставить здесь свою крепость, то можно будет захватить и всю землю оритов.

— Гефестион, ты останешься здесь и построишь город. Это будет Александрия Оритская.

— Да, царь.

Александр внимательно поглядел на него.

— Ты не болен, Гефестион?

Гефестион, сильно почерневший под индийским солнцем, стоял с тяжело повисшими руками и опущенной головой.

— Не знаю, Александр.

— Но кто лучше тебя построит город, Гефестион?

Гефестион не спорил. Ему приказано строить крепость. Он ее построит.

Он долго стоял на холме и смотрел вслед уходящему войску. Глядел, как скачет Александр во главе своей конной свиты, как несутся следом отряды верных агриан, гипаспистов, конных стрелков...

Вот уже и нет их, только желтое облако пыли медленно стелется на дороге. Унылая равнина Гедросии с редкой зеленью, и лиловые вершины гор вдали, и затихший лагерь...

Сойдя с холма, Гефестион снова принял спокойный и властный вид.

— Работать!

Строители энергично взялись за дело. Не первый город они строят с Гефестионом. Гефестион торопил: им некогда медлить здесь, на чужой, далекой от родных мест земле.

Он следил, как возникают стены, но казалось, что возникают они слишком медленно.

Порой нападала печаль. Может быть, начала одолевать усталость от непрерывных забот, трудов и сражений последних лет. «Сколько мне еще быть здесь! — с тоской думал он.— Скоро ли я это построю — ведь это же не дом, это город, крепость!..»

Неожиданно в лагерь явился Леоннат, телохранитель царя.

— Гефестион, собирайся в путь. Царь приказал вернуться к нему!

Гефестион не знал — верить ли?

— А как же Александрия Оритская? — спросил он, стараясь скрыть радость.

— Я буду достраивать ее.

— А как сражения? Трудно ли было?

Леоннат усмехнулся.

— А сражений не было вовсе. И ориты, и гедросы, как увидели царя, бросились перед ним на колени: «Возьми все! Возьми весь наш город, все наше имущество! Только пощади!» Ну, мы, конечно, довольны — и землю захватили, и драться не пришлось.

— А царь?

— Царь доволен больше всех. А что же еще ему надо? «Живите спокойно. Только повинуйтесь царю македонскому». А те от счастья себя не помнят. Ждали смерти, а получили жизнь.

— Значит, ты остаешься здесь, Леоннат?

— Да. Буду строить крепость. Буду ждать наших моряков. Как пойдут мимо, доставлю им провиант. Царь приказал, чтобы здешние люди давали все, что я потребую. И они выполнят, если приказал царь!

— Так же, как и мы с тобой, Леоннат!

...И вот уже конь Гефестиона шаг в шаг идет с Александровым конем. Все стало, как прежде... И только где-то еще в глубине сердца осталась печаль. Гефестион не понимал ее причины, может быть, и правда какая-то болезнь мучит его?

Несколько дней шли по плоскому песчаному берегу моря. Но постепенно путь уводил их в глубь Гедросии. Становилось все жарче, и все безотраднее пустынные пески. Палящее солнце стояло прямо над головой. Лишь изредка, словно счастливый мираж, появлялись пальмы. И люди, и животные прибавляли шагу, стремясь в их тень. Но пальмы росли небольшими группами, и тени от них почти не было.

Попадались среди этой песчаной равнины колючие кусты мирры с курчавыми листьями. Финикийские купцы, которые в чаянии богатой наживы, вместе с обозом сопровождали войско Александра, бросались к этим кустам и обдирали кору с застывшей на ней благовонной смолой. Мирра стоила дорого, и финикийцы тюками грузили душистую кору на своих верблюдов.

Попадались и места, где сандалии и сапоги воинов топтали и давили корни драгоценного нарда [1]. Войско шло сквозь их терпкий фимиам. Финикийцы с жадной торопливостью выкапывали эти корни и снова грузили тюками на своих верблюдов, подсчитывая огромные барыши и боясь верить такой легкой и богатой добыче.

Мирры и нарда было так много, что воины иногда набирали охапки их листьев и спали на них.

Аристобул в часы привалов писал свой походный дневник. Писал и о странных деревьях, которые во время морского прилива стоят в соленой воде и нисколько не страдают от этого. И о колючем кустарнике с железными шипами: если зацепишься за такую колючку, то скорей она тебя стащит с лошади, чем ты отцепишься от нее; случается, что зайцы, нечаянно попадая в эти колючки, находят здесь вер-

[1] Нард — растение, из корней которого делали дорого ценившиеся благовония.

ную гибель, там и остаются. И о деревьях, похожих на лавр, писал Аристобул, и о белых цветах, осыпавших рощу незнакомых ему деревьев. Эти цветы были похожи на левкой, только еще душистее, чем левкой.

Но шли дальше, и все пустыннее становилось кругом. Реки умирали в серых песках Гедросии. Безлюдные пространства грозили отсутствием всякой жизни. Шли по ночам. Днем как могли укрывались от жгучего солнца.

Александр был озабочен. Проводники-гедросы сказали, что есть два пути. Один—вдоль берега моря. Другой—более короткий, но более опасный путь.

Александр решил идти коротким путем.

— Царь,— напомнил Птолемей,— говорят, что когда-то именно этим путем пыталась пройти ассирийская царица Семирамида, но не смогла, вернулась. И потеряла войско.

— Царь Кир тоже хотел пройти здесь,— сказал Аристобул,— и вернулся в сопровождении всего семи человек, оставшихся от его армии.

Александр ответил спокойно и жестко:

— Они не прошли. А я пройду. И проведу войско. И еще одно побережье — побережье Великого моря — будет моим!

Но шли ночь за ночью. А когда наступало утро, то видели, что пустыня становится все беспощаднее и никакой надежды на поселения нет.

Наступило время послать провиант к морскому берегу для флота и вырыть на берегу колодцы, чтобы обеспечить моряков водой. Александр отправил с отрядом молодого военачальника Фоанта.

— Да посмотри, может, там есть жители. Возьми у них провиант, возьми все, что сможешь.

Фоант вернулся смущенный:

— О царь, это поистине жалкий край. Мы нашли на берегу поселения. Но там живут ихтиофаги[1]. У них не дома — лачуги, построены они из морских раковин. А крыши у них из рыбьих хребтов.

— Но они сеют хлеб?

— Нет, царь. Здесь не растет хлеб. Они сушат рыбу, толкут ее и пекут из этой муки хлеб.

— Но вода-то у них есть?

— Вода есть, царь. Но какая! Они руками раскапывают

[1] Ихтиофаги — рыбоеды.

песок, и там, в ямках, вода. Плохая, испорченная вода. Правда, они пьют ее.

— Ты расспросил: нет ли где больших поселений?

— Да, царь, расспросил. Говорят, там, куда мы идем, есть такие поселения. Что там есть и вода, и хлеб. Но наверное ли это? Так они слышали, и все.

Александр, когда остановились на привал, вызвал к себе людей, ведающих провиантом. Те сказали, что нехватка провианта начинает чувствоваться и что запасы необходимо пополнять.

Вечером Александр объявил, что идут дальше по тому же самому пути. Там где-то есть поселения, и они найдут их.

И снова ночной путь среди безмолвной и жестокой страны. Шла конница, шла пехота, тащились обозы, оставляя за собой широкую полосу взрытого песка.

Войско вступило на плоскогорье. С восточной стороны встали голые красные скалы. Впереди лежала мрачная, безмолвная пустыня.

Идти становилось все тяжелей, словно вступили в раскаленную печь, где нечем дышать. В воздухе висела блестящая красноватая пыль. Иногда поднимался ветер, но такой же раскаленный; не принося прохлады, он обжигал лицо. С движением ветра начинали передвигаться и песчаные холмы: опадали здесь, возникали там, меняя свои очертания, как в кошмарном сне... И люди, и животные стали терять силы.

Остановились, чтобы дождаться ночи. Ночью, как только зашло солнце, вдруг свалился ледяной холод. Днем хотелось снять всю одежду, все казалось лишним. Ночью пришлось надевать на себя все, что было... Холодная луна заливала пустыню густым белым светом, отбрасывая зловещие черные тени.

Через несколько дней продовольствие кончилось. Воду выдавали скупо. Войско уже шло вразброд, никто не соблюдал дисциплины, и никто не требовал ее. Никаких деревень не было на пути, а вместо рек — лишь пересохшие русла...

Александр молча ехал во главе конницы. Зоркие глаза его не отрывались от горизонта. Изредка он беспокойно оглядывался на Гефестиона. Александр видел, как запеклись его губы, как осунулось побледневшее лицо. Со вздохом он отводил от него глаза. И снова вглядывался сквозь красную пыль в пылающую линию горизонта.

Ничего.

Но как-то на рассвете, когда войско, измученное ночным переходом, еле тащилось за ним, Александр увидел темные купы деревьев.

— Вода!

Сразу откуда-то взялись силы. Всадники ринулись вперед, лошадей не надо было погонять — они чуяли воду. Пехота врассыпную побежала к реке. Погонщики бросили повозки, женщины, дети с криком устремились следом, соскочив с повозок...

Река медленно шла в своем глубоком русле, вытекая из ущелья красных гор. Войско как безумное припало к воде, люди лезли в воду, ложились животом на песок; чуть не захлебываясь, ловили воду пересохшим ртом... И пили, пили, пили... Пили вместе с песком, поднятым со дна реки.

И, когда почувствовали, что не могут больше пить, поспешили наполнить водой все сосуды, какие у них были. Медленно отходили от реки лошади. Люди возвращались к жизни. Но были и такие, что к жизни не вернулись,— так и остались в реке, выпив слишком много воды.

Как и предполагали проводники, на реке оказалась большая деревня. Деревню тотчас окружили и выгребли из домов все съестное. Изголодавшееся войско готово было тут же накинуться на хлеб, но Александр остановил их. Он сам разделил провиант. Часть отдал по отрядам. А остальное велел сложить в тюки и погрузить на верблюдов.

Он запечатлел тюки своей царской печатью и отправил на берег — дожидаться Неарха: ведь морякам тоже понадобится провиант.

Но едва Александр отошел со своими конными отрядами, стража, приставленная к тюкам, сорвала печати. Нестерпимо голодные люди с криком стащили с верблюдов тюки и съели тут же все, что надо было отвезти на берег. Они знали, что будут жестоко наказаны,— царь не терпел ослушания.

Но царь и на этот раз простил их.

На реке оказалось еще несколько поселений. Войско перевело дух — были и вода, и пища. Александр приказал жителям собрать как можно больше хлеба, фиников и скота. И отсюда еще раз собрал караван с хлебом и уже под надежной защитой отправил на берег для Неарха.

Войско повеселело, жизнь стала легче, пустыня уже не казалась такой страшной. Но они не знали, что самый тяжелый путь у них впереди.

Александр направлялся к главному городу гедросов. Он спешил, торопил войско, стремясь поскорей миновать это опасное место. Но люди уже были не в силах идти. Израненные ноги вязли в сыпучем, обжигающем песке. Лошади падали и больше не поднимались, и воины, сговорившись, украдкой убивали лошадей и ели их мясо. С каждым днем путь становился невыносимей. Люди начали умирать от зноя и от жажды. Больных и усталых становилось все больше. Повозок не хватало, животные уже не могли их тащить по этим глубоким, раскаленным сугробам песка... Воины шли, шатаясь от изнеможения, многие валились на ходу, из глаз, изо рта проступала кровь. Их мольбы о помощи не слышал никто, потому что те, что еще держались на ногах, сами не знали, не свалятся ли и они через несколько шагов умирать страшной смертью среди злых, беспощадных песков.

Александр видел все это. Он знал, что в прославленном дисциплиной македонском войске сейчас никакой дисциплины нет. Шли как могли, спасали свою жизнь как могли.

В самом трудном переходе, когда его оборванная пехота, задыхаясь, еле вытаскивала из раскаленного песка окровавленные ноги, Александр слез с коня и пошел пешком вместе со своими фалангитами. И воины видели, что их царь идет рядом с ними, и так же мучится, как они, и у него, так же, как у них, губы потрескались и запеклись от жажды...

Наконец ночью, во время перехода, они услышали журчанье ручья. Тут же у воды и остановились на ночлег.

Но македонцы не знали, что в это время среди горных вершин идет ливень. Ночью ручей вздулся, взбушевался, внезапно вышел из берегов и затопил лагерь. Крики ужаса, плач детей, вопли женщин, дикое ржание гибнущих мулов... Взбесившийся ручей, превратившись в бурную реку, стал беспощадным. Женщины вместе с детьми беспомощно тонули в воде. Поток захлестнул и утопил мулов. Унесло все царское снаряжение — воины прежде всего спасали свое собственное оружие. Этой ночью вода погубила много людей и животных...

Но еще не все испытания кончились. После долгих дней и ночей мучительного пути, когда, казалось, пустыня уже должна скоро кончиться, проводники вдруг объявили, что не узнают местности. Ветер все время передвигает пески, и нет ни одной приметы, чтобы угадать дорогу...

С каждым днем путь становился невыносимей. Люди начали умирать от зноя и жажды.

«Надо держать влево...— думал Александр, стараясь сообразить, в какой стороне от них море,— да, влево...»

— Дайте мне коня...

Ему подвели лучшего из оставшихся коней. Царь нахмурился.

— Почему этот, рыжий? Букефала мне! Где Букефал?

— Царь,— растерявшись, ответил конюший,— Букефал умер... еще в Индии.

— Александр,— сказал Гефестион со страхом и жалостью,— там, где умер твой конь, стоит город Букефалы.

Александр приложил руку к горячему лбу.

— Да. Да. Что же это я говорю?..

Он понял, что на несколько мгновений потерял память. Это испугало его. Тотчас овладев собой, он вскочил на рыжего коня. Приказав конному отряду следовать за ним, он поскакал туда, где ожидал увидеть море.

Александру казалось, что он мчится сквозь пламя костров. Красный туман слепил глаза. Усилием воли он заставлял себя держаться на коне, кружилась голова, и он приникал на мгновение к торчащей густой рыжей гриве... Всадники отставали один за другим. Лишь пять человек из всего отряда следовало за царем.

И они увидели море. Морская синева выпукло поднялась над белым песчаным берегом. Александр приказал копать песок — нет ли воды. Вода была. Она лежала близко, чистая, светлая, холодная вода!

Жизнь возвратилась.

В город гедросов войско Александра — всего четвертая часть его — пришло на шестидесятый день. Эти шестьдесят дней остались в памяти, как время страданий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Города и цветущие поселения Кармании казались нереальными. Вот закроешь глаза — и все это исчезнет. И снова зловещие голые скалы будут грозить сквозь красную, раскаленную дымку пыли, и пустыня огнем дохнет в лицо.

При мысли о Гедросии кровь отливала от сердца и земля уходила из-под ног. Александр потребовал колесницу.

На этот раз Александр особенно щедро приносил богам

благодарственные жертвы. Он молился и благодарил за то, что боги даровали ему победу в Индии, отдали в его власть такие обширные, невиданные земли и спасли его войско в Гедросии. Он не просто совершал торжественный обряд, но и сердце его было полно благодарности. Боги даровали ему самое драгоценное — военную славу!

И еще одну молитву приносил он эллинским богам: пусть они сохранят и вернут ему его друга Неарха и его флот; пусть сохранят и вернут ему его любимого полководца Кратера и его войско, которое идет к нему через Ариану. И пусть сохранят ему его дорогую Роксану, жену.

Жертвоприношения совершались в обрядах празднеств. В честь эллинских богов устраивались игры, состязания, театральные действа, на которые собиралось множество народа.

Но Александр был сумрачен и тревожен. Он ждал. Ждал Неарха. Ждал Кратера. Ждал Роксану.

И вот, наконец, как-то на заре город переполнился шумом входящего войска. Мерный топот, голоса команды — и вдруг рев, странный, пугающий рев животных...

Народ уже весь был на улице. Александр, накинув плащ, вышел на террасу дворца...

Это шел Кратер со своим войском,— боги услышали Александра! Александр сразу увидел Кратера, и Кратер увидел его. Движением руки они приветствовали друг друга. Кратер прошел дальше. Александр смотрел, как идет войско. Фаланги шли четко. Стройно шла конница. Никто не мог бы подумать, что эти люди сохранили свой облик, пройдя сквозь такие большие лишения, что они явились из невообразимой дали, что они были в невиданных землях... Слонов вели следом за войском. Эти громады шли, покачивая хоботом, на удивление толпы, которая окружила их и не отставала, пока они не вышли за черту города. Прошел и обоз, скрипя, колыхаясь повозками. И несколько повозок с высоким верхом, окруженные охраной воинов, свернуло к царскому дворцу. Роксана!

Роксана явилась перед ним измученная долгой, трудной дорогой. Но, увидев Александра, сразу вся словно засветилась от счастья. Александр бросился к ней, прижал ее к груди.

— О моя светлая! О моя светлая!

Эта бесхитростная девушка гор несла в себе свой мир — непостижимый мир здоровья, радости, солнечного спокойст-

вия. В ней было все, чего сейчас так не хватало Александру.

Сатрапы Александра начали собираться к царю. Каждый день являлись пышные караваны — вельможи со своей свитой и дарами, со своим войском. В Кармании становилось людно.

Праздники и трудовые заботы, чередуясь и перемешиваясь, заполняли дни. Во дворце было тесно от гостей, от их ярких нарядов, сверкающих доспехов, от шелковых плащей... Но, оставаясь один, Александр тотчас посылал кого-нибудь из своих молодых слуг:

— Узнай, нет ли вестей от Неарха?

С многочисленной свитой и войском явились к царю правители Мидии Клеандр и Ситалк, те самые, что по приказу Александра убили Пармениона. Гордо, с независимым видом, вошли они в зал. Клеандр почтительно приветствовал царя, однако глаза его глядели дерзко.

Но не успел Александр ответить им приветствием, как на улице вокруг дворца поднялся непонятный шум. Гефестион поспешил узнать, что случилось. Через несколько минут он, бледный, вошел обратно.

— О царь, ты сам должен услышать, что говорит войско этих людей!

— Что они там говорят?— сердито крикнул Клеандр.— Что они там клевещут?

— Неужели царю надо слушать, что говорят простые воины?— сказал Ситалк.

Но царь встал и вышел к войску. Тысячи жалоб и обвинения — из тысячи уст. Обвиняли Ситалка и Клеандра.

— Они творили нам всякие несправедливости!— донеслось к царю.

— Они грабили храмы!

— Они разрывали старые могилы!

Александр вернулся в зал черный от гнева.

— Разве не знали вы, что в моем государстве правители не смеют грабить моих подданных?— закричал он мидийским сатрапам.— Не оправдывайтесь. Тысячи свидетелей против вас. Вам нет оправдания.

Он позвал стражу:

— Увести и казнить. И чтобы все видели! И чтобы все знали, что сатрапам, не оправдавшим моего доверия, пощады не будет!

Заботясь о том, чтобы его сатрапы не разоряли страну,

Александр надеялся завоевать признательность подвластных ему народов. Он хотел властвовать над богатым и хорошо устроенным государством, а не над разоренной и нищей толпой, и его уже начинали тревожить неурядицы, восстания, произвол сатрапов, которым он верил... Являлась страшная мысль, что великое его государство уже теперь начинает разваливаться.

Во дворце бродил приятный шум празднеств. Звучала музыка. Веселые восклицания доносились в отдаленный покой, дымок благовоний пробирался сквозь толстые занавеси...

Царь сидел один. Тяжелая тревога снова увела его от праздничного стола. Там новые гости — сатрапы из дальних областей, дары, поздравления.

А у него болит голова. Багровый ужас пустыни не отпускает его. Он видит этот мертвый берег, его ноги снова вязнут по колено в жгучем песке, он снова чувствует, как силы покидают его, а глаза заволакивает туман...

...А они где-то там, плывут мимо этого мертвого, безводного берега. А может, и не плывут уже... Океан огромен. Так легко затеряться кораблям в его темной пучине!

— Не вернулись гонцы с побережья?

На окрик вбегает юный слуга.

— Нет, царь. Еще нет.

— Как вернутся, пусть идут прямо сюда.

И вчера, и позавчера, и все эти дни он посылает гонцов в прибрежные селенья — не слыхать ли чего-нибудь о флоте?

Гонцы приходят с одним ответом:

— Никто не видел флота. И никто ничего не слышал о нем.

По ночам вокруг Александра бушевал грозный Океан... Черные волны поднимались к небу и разбивали один за другим его корабли...

А иногда не разбивали. Измученные моряки боролись с волнами, приставали к берегу. Но это был опять тот же самый злой берег, где гибли его воины, безмолвная пустыня, затаившая смерть. Моряки выходили на этот берег, ложились на песок, умирали...

Сны были так реальны, что Александр кричал от ужаса, от тоски. Просыпался, узнавал роскошное спокойствие дворца, приходил в себя. Но тоска оставалась, угнетая сердце.

— Нет ли гонцов?

— Двое вернулись. Они здесь.

Александр вскочил:

— Что?

— Ничего, царь. Никто ничего не видел.

Но наступил день, когда к царю вошел Гефестион и сказал:

— Александр, явился здешний гипарх[1], говорит, с известием о Неархе.

— Где он?

Правитель области стоял на пороге.

— Где они?!

— О царь, Неарх благополучно пристал с флотом к берегу в устье Анаспиды... Эта река в пяти днях пути отсюда.

— Это правда?

— Это правда, царь.

— Гонцов туда! Немедленно! Неарх ведь не знает, что я здесь, в Кармании!

— Он знает, царь. Он расположился лагерем. Огородил лагерь валом и рвом. А сам собирается к тебе, царь!

У Александра отлегло от сердца. Флот остался цел. Неарх жив. Скоро явятся гонцы, а с ними и он, его флотоводец!

Но гонцы вернулись растерянные. Они не нашли лагеря Неарха. И сколько ни спрашивали, ни искали — никто не видел флота.

— Это слепые, нерасторопные кроты,— гневно сказал царь,— пошлите других гонцов. Немедленно!

Через несколько дней вернулись и эти гонцы. Они объездили весь берег: никакого лагеря там нет, и никто о нем не слышал. И еще раз послали гонцов. И еще раз. Некоторые, боясь царского гнева, не вернулись. Никто не видел флота...

Александр снова потерял надежду. Он приказал привести гипарха.

— Ты рассказал мне сказку,— крикнул Александр,— вероломную сказку ты сочинил мне! Ты осмелился шутить горем войска, горем царя!

— Я сказал правду, царь! Неарх там, на берегу!

Но царь уже не слушал его:

— Заковать в цепи этого лжеца!

Гипарха увели. Александр, бледнея, повалился на ложе. Силы уходили из его тела.

[1] Гипарх — правитель области. Не путать с гиппархом; гиппарх — начальник конницы.

И снова ночные видения — корабли, налетающие на скалы, стоны и крики тонущих... Бескрайние, темные просторы Великого моря, и среди них одинокие, затерявшиеся триеры, которым никогда не вернуться... И снова зловещая пустыня, пески, пески... И тела умерших людей на песках...

НЕАРХ

А Неарх тем временем уже шел к Александру. Его воины достраивали свой лагерь, чинили корабли. Здесь они были уже в безопасности, и Неарх мог покинуть их на время.

Он шел вместе со своим другом Архием. И еще пять человек сопровождали их.

На дороге им встретились царские гонцы. Неарх остановил их:

— Скажите, где стоит царский лагерь?

Гонцы еле взглянули на них. Но показали путь и поехали дальше.

— Неарх,— сказал Архий, осененный догадкой,— уж не нас ли они ищут? Давай скажем, кто мы такие, и спросим, куда они едут?

Неарх остановил гонцов:

— Эй, друзья, вы ищете кого-нибудь?

— Мы ищем Неарха и войско, которое прибыло на кораблях.

Неарх засмеялся:

— Ну, так я и есть тот, кого вы ищете. Ведите нас к царю.

Гонцы соскочили с колесниц, окружили моряков. Перед ними стояли странные люди — длинные, косматые волосы, косматые бороды, бледные, пожелтевшие лица, ввалившиеся глаза. Одежда в лохмотьях.

— Я — Неарх, друзья!

Да, это был Неарх. Люди, вернувшиеся из преисподней!

Гонцы закричали от радости, посадили их в свои колесницы и погнали коней обратно, к царю. Подъезжая к лагерю, несколько гонцов в нетерпении соскочили с колесниц и побежали к царскому дворцу.

— Царь, вот едут Неарх и Архия! И еще пятеро с ними!

— Неарх! Неарх...— Александр побелел, как его хитон.—

А войско?! Значит, эти несколько человек — все, что осталось от моего флота... Флот погиб!

Он нетерпеливо ждал Неарха.

— Неарх пришел, царь!

В зале появился незнакомый, заросший, оборванный, смертельно исхудавший человек. Александр смотрел на него в недоумении. Человек улыбнулся, блеснули его крупные белые зубы.

— Неарх! Это ты, Неарх!

— Это я, царь! И вот Архий со мною!

Александр поглядел на них. И вдруг слезы хлынули у него. Он теперь часто и легко плакал. Изнурительный индийский поход, страшные испытания Гедросии, тревога за Неарха и свой флот, тревога из-за грозных неурядиц в его государстве — все это безнадежно подорвало могучие нервы Александра.

— О Неарх! Я вижу тебя и Архия живыми. И мне уж не так тяжело перенести нашу потерю... Расскажи, как погиб мой флот и мое войско?

— Царь, твой флот и твое войско не погибли. Корабли стоят на реке. А мы пришли, чтобы сказать тебе об этом!

Вскоре Неарх, отдохнувший, отмывшийся, одетый в богатые одежды, выступал перед всем войском. Огромная масса людей, расположившаяся полукругом, слушала Неарха затаив дыхание. На него смотрели с жадным любопытством и удивлением: ведь он побывал в таинственном и неизвестном Великом море, он прошел с кораблями по неведомым путям... Что видели там моряки? Что испытали?

Царь и его свита сидели тут же, рядом с Неархом.

Неарх повел рассказ с того дня, как они вышли из устья Инда:

— Не сразу могли мы выйти в Океан. Пассаты, супротивные ветры, дуют все лето с моря на сушу, гонят воду вверх по реке, не дают плыть. Пришлось ждать, когда переменится ветер. Дождались, пошли. А в устье Инда оказались рифы. Волны бьют, кипят, ни один корабль не выстоит. Ничего. Прорыли канал, целых пять стадий, по каналу вышли в море. И пошли вдоль берега...

Неарх развернул перед царем карту, начерченную во время плавания.

— Вот этот берег,— Неарх водил пальцем по чертежу,— вот тут, справа, высокая гора Эйрон. А слева остров, низкая

песчаная земля. В конце острова хорошая гавань,— вот она. Я назвал ее твоим именем, царь,— гавань Александра.

— Правильно, Неарх!

— Около этих берегов нас одолел голод. Не стало сил вести корабли. Вышли на сушу, стояли двадцать четыре дня, отдыхали. Ловили рыбу. Доставали раковины, огромные раковины. А воду пришлось пить соленую. Потом пошли дальше. Вот тут, в этом месте, плыли между скал. Так тесно, что весла с обеих сторон ударялись о скалы. И, наконец, пришли к реке. Она называется Арабий. Обрадовались — река, вода!

Но хоть и река эта Арабий, а вода в ней оказалась соленая, как в море. Что делать? Вышли на берег, раскопали песок, там вода пресная. Так вот и добывали воду — останавливались, раскапывали песок, пили. Особенно тяжелое дело — это прилив и отлив. То тебя несет на скалы, на отмели. То тебя тащит куда-то в море. И так нас здесь измотало, так мы настрадались, что я решил дать воинам передышку. Корабли оставили на якорях, а сами вышли на берег. И что же? Как раз в это время Леоннат привез нам хлеб. Леоннат,— Неарх обернулся к Леоннату, который сидел за спиной царя,— ты спас нас в это тяжелое время, клянусь Зевсом! Пусть боги будут милостивы к тебе во всех твоих начинаниях.

— Я сделал это по приказу царя, Неарх!— отозвался Леоннат.

Неарх обернулся к царю:

— Ты все предусмотрел, царь! Мы тогда десять дней грузили хлеб на корабли. Это было в Пагалах, вот здесь. Тут я спихнул Леоннату со своих кораблей всех слабых, всех ленивых. А себе взял у него настоящих людей.

— Да, так и было,— отозвался Леоннат.

Неарх рассказывал долго. И о том, как велик Океан, как суровы, жарки и пустынны его берега. И о том, как попали мореплаватели к ихтиофагам, которые едят только рыбу и дома́ себе строят из рыбьих и китовых костей...

— А киты вам встречались?— спросил Александр.— Видели вы их?

— О! Еще бы!— крикнул Архий.

— Видели, царь,— продолжал Неарх.— Чудо из чудес! Задали они нам страху. Мы тронулись из Кинза — вот отсюда,— палец Неарха нашел точку на карте,— море тихое. Рассвет. Гладкая вода. И вдруг бьет струя. Да так высоко! Как

сейчас вижу — заря, море темное, а струя блестит над ним как серебро. Воины мои да и я сам испугались. Потому что непонятное что-то! Спрашиваем у индов-переводчиков: что за чудо? А это, говорят, киты. Это они, говорят, плывут и воду кверху выдувают. Глядим, уже не одна струя — несколько. У моих гребцов и весла из рук выпали. Конец! От таких чудовищ не уйти. Кончилось наше плавание!

Тогда я говорю: «Что вы, говорю, воины вы или кто? Кому и когда мы сдавались? Ну-ка, становите корабли в ряд, поверните их носами к этим китам. Давай в наступление!» И пошли на них всем фронтом. Да как закричали что есть силы, да как хлопнули все сразу веслами по воде! Да как затрубили в трубы! Глядим — они под воду! А потом снова всплыли, но уже за кормой. Так мы от них и спаслись.

— Неарх спас флот и в этом случае, и во многих других,— сказал Архий.

— А вот было еще...

Историям Неарха не предвиделось конца. Были тут рассказы о том, как взяли приступом городок на берегу ихтиофагов -- ради хлеба. И о таинственном острове, где, говорят, пропадают люди, хотя Неарх высаживался на нем и вот — не пропал. И о другом острове, где будто бы живет одна из Нереид и превращает людей в рыб, а потом кидает их в море. Но Неарх считает, что все это пустая болтовня...

— Расскажи подробней о том высоком береге, который мысом уходит далеко в море,— попросил Александр,— я вижу, у тебя на карте тут залив. Но что по ту сторону мыса?

— Хорошо, царь, расскажу, что удалось узнать. Мы стояли в море на якорях. И смотрели на этот мыс. Вдруг твой главный кормчий Онесикрит — вот он,— Неарх кивнул в сторону Онесикрита,— приказывает: плыть прямо на этот мыс. «Нечего нам терпеть всякие беды и опасности возле берегов — то приливы, то отливы, то подводные скалы!» Ну, я сказал ему: «Ты, Онесикрит, глуп! Ты глуп, Онесикрит,— повторил Неарх, услышав протестующий возглас Онесикрита,— ты глуп, говорю я, если не знаешь, с какой целью отправил царь этот флот. Он послал нас не потому, что не мог сухим путем в целости вывести все войско, но потому, что хотел точно разузнать все берега вдоль пути флота, все стоянки, острова, заливы, узнать, какие там есть приморские города, какая земля плодородна, какая пустынна. Неужели мы должны уничтожить все наше дело, когда уже подошли к

концу своих трудов? А если этот мыс уходит так далеко к югу, что мы снова попадем в пустыню, без воды, без хлеба?»[1]

— И еще раз Неарх спас флот,— как припев повторил Архий,— оттуда мы не вернулись бы.

СВАДЬБЫ

Снова Персия, знакомые, когда-то пройденные дороги, подвластная македонскому царю страна.

И тут, в Персии, сразу начались для Александра крупные неприятности. Произвол сатрапов, уверенных, что Александр погиб в Гедросии. Заговоры. Новоявленный царь мидийцев, уже надевший на себя высокую кифару персидских царей... Александр решил взять государство в железные руки. Люди, не оправдавшие его доверия, должны умереть. И он казнил каждого, кто не смог оправдаться на следствии.

— Пусть знают все, что преступники будут наказаны. И наказаны жестоко!

Но казни и заговоры — не битва с врагом на поле сражений. Это оставляет ядовитый след в памяти, омрачает душу, ожесточает сердце. И теперь уже редко видели царя веселым, он тяжело и угрюмо смотрел на людей.

Пасаргады, древний персидский город... Снова ехал Александр на коне во главе конницы этеров по знакомым улицам — по слепым, окнами внутрь дворов, улицам восточного города. Едва отдохнув, он отправился навестить гробницу Кира. Вот и луговина, и белые дорожки, ведущие к темному саду, где стоит этот небольшой зиккурат...

Смущенно, не глядя в лицо Александру встретили его маги.

Чувствуя недоброе, Александр соскочил с коня и поспешил к гробнице. Гробница была разграблена. У Александра от гнева и возмущения стало темно в глазах — осквернили гробницу Кира, которого он так почитал!

— Аристобул! Ты когда-то украшал последнее жилище этого великого царя. Попытайся еще раз войти к нему и посмотри, что там.

[1] Это был острый выступ Аравии, где македонцы действительно попали бы в пустыню.

Аристобул тогда был на несколько лет моложе. Но и сейчас он сумел подняться к куполу. Купол оказался разбитым. Крышка гроба снята, тело Кира сброшено. Все драгоценности, украшавшие гроб, золотой стол, золотая посуда, славное оружие царя — все вытащили из гробницы. Пытались унести и золотой гроб: рубили его, сплющивали, чтобы протащить в узкое отверстие, но не смогли и оставили его исковерканным...

По приказанию Александра Аристобул исправил гроб, уложил тело Кира, закрыл крышкой. Снова поставил покойному царю золотой стол и золотую посуду. Снова положил ему роскошные, шитые золотом одежды, ожерелья, золотые цепи с драгоценными камнями, украсил гробницу яркими лентами... Дверцу сделали незаметной, заложили ее камнем, замазали глиной. И в глину вдавили печать царя Александра.

Магов Александр приказал пытать — пусть назовут преступников. Маги терпели пытку, но сказать ничего не могли. Они не знали, кто разграбил гробницу.

— Спросим у Орксина,— мрачно сказал Александр,— как могло случиться в его сатрапии это злодеяние?

Войско Александра тронулось к Персеполю. Сатрап Персии Орксин встретил царя дарами и приветствиями. Лукавый перс не скупился на пышные похвалы победам Александра.

Но следствие подтвердило обвинения. Орксина повесили.

Мрачные мысли одолевали Александра. Как скоро все эти люди, которым он доверил власть, похоронили его.

Кого оставить в Персии вместо Орксина?

Телохранителя Певкеста. Человека, который доказал в войне с маллами, что готов умереть за своего царя. Певкест один из первых надел персидскую одежду. Он выучил персидский язык, чтобы не зависеть от переводчиков и быть наиболее полезным царю в управлении персидскими областями.

— Ты возлагаешь на меня тяжелую ношу, царь,— сказал Певкест,— но я приму ее, если ты этого хочешь.

Стоял февраль месяц.

Войско Александра продвигалось к Сузам. Шли медленно. Отдыхали, раскинув лагерь среди садов и полей, на берегах рек. Кони паслись в лугах, нагуливая силу.

Но царю отдыха не было. Доклады, отчеты по содержанию войска, письма из дальних сатрапий, письма из Индии —

неурядицы, вспышки восстаний... Письма, требующие немедленного вмешательства царя.

И письма из Македонии, от которых можно сойти с ума. Царица Олимпиада бушует ненавистью к Антипатру, который не подчиняется ей. Антипатр теряет терпение от этой вражды и просит оградить его от несправедливости царицы...

Что делать ему с Македонией, с его родным домом в Пелле? Он никогда не позволит ни себе, ни другим обидеть мать. Может быть, отозвать Антипатра?

В Сузах к Александру собрались все его войска. Пришел со своими отрядами Гефестион. Привел свой флот Неарх. А вскоре по улицам города прошагало в полном боевом снаряжении еще одно большое войско, при виде которого старые македонские воины изумились и вознегодовали. Шла четким шагом, вооруженная македонским оружием, построенная македонским строем, фаланга персидских юношей. Те самые тридцать тысяч юных персов, которых Александр велел обучить македонскому военному искусству. Их привел Певкест — персидский сатрап Александра.

По лагерю зашумели враждебные выкрики. Кое-где ударили в щиты. Засверкали мечи, выхваченные из ножен... Но фаланга шла, не нарушая строя, сумрачные черные глаза, глядящие из-под шлемов, грозили... И македонцы опустили оружие.

К еще большей своей обиде, македонцы увидели, как радостно, как ласково принял царь это персидское войско — как родных сыновей!

Македонцы, понурив голову, разбрелись по своим палаткам. Конечно, царь любит персов. Он набирает себе персидское войско. А они, македонские воины, прошедшие с ним все войны, царю больше не нужны!

— Чего нам ждать, если царь даже в жены себе взял азиатку!

Александру было известно, о чем говорят в войске. Но разговоры эти скоро прекратятся. Он знает, что́ ему делать.

Александр устроил большой пир для своих этеров и военачальников. И после первой чаши вина, когда гости повеселели, но еще были трезвы, царь сказал:

— Я женился на азиатке, друзья. Думаю, что будет хорошо, если и вы все женитесь на азиатках!

Друзья онемели. Чаши звякнули о столы.

— Невест много,— продолжал Александр,— дочери царя

Дария, дочери знатных персов. Для каждого найдется хорошая невеста.

Гефестион, всегда владеющий собой, смотрел на Александра с молчаливым упреком.

— И ты женишься, Гефестион, друг мой. Одна из дочерей царя Дария будет твоей женой. Разве ты откажешься от царской дочери?

Гефестион молча опустил глаза.

— Царь,— сказал, смеясь, Неарх,— а ты что же, будешь у нас сватом?

— Не только сватом,— ответил Александр,— я и сам еще раз женюсь. Женюсь на персидской царевне. У нас будут персидские дети, мы все породнимся. Вот тогда и не будет больше разговоров, кто эллин, а кто варвар. Или для вас не велика честь породниться со своим царем?

— О Александр!— упавшим голосом сказал Гефестион.— Каким испытаниям ты нас подвергаешь!

— Друг мой, Гефестион!— ответил Александр.— Я и себя подвергаю тому же. Но ведь ты знаешь, чего я хочу. Когда мы породнимся с азиатами и тысячи македонцев породнятся с ними, разлад между эллинами и варварами сам собою исчезнет. И это укрепит мою власть.

Гефестион молчал. Длинные черные кудри, упавшие на лоб, скрывали его глаза. Он понимал, что Александр надеялся этим смешением народов скрепить свое разноплеменное государство. Но жениться на персианке...

— Ты думаешь, что я очень счастлив назвать женой Статиру?— продолжал Александр.— Ошибаешься. Лишь одна женщина есть в моей жизни — Роксана.

— Я понимаю, Александр.— Гефестион улыбнулся Александру.— То, что ты решил,— правильно. Может быть, только выполнить очень трудно...

Гефестион, сын Аминтора, был чистокровным эллином, и преодолеть присущего эллинам отвращения к варварам он не мог. Он мог только скрывать его.

Такого роскошного празднества еще не видели персидские города. Пять дней шумело свадебное веселье. Женился царь. Женились его этеры, его военачальники. Женились на азиатских женщинах воины-македонцы. Когда стали считать, то оказалось, что свадеб было больше десяти тысяч. Царь всем невестам дал богатое приданое, он щедрой рукой одаривал всех новобрачных.

Кто думал о счастье? Кто ждал счастья?

Многих прельстило приданое невесты. Многие хотели угодить царю. Женщин о согласии не спрашивали. Они должны были забыть о своих отцах и братьях, погибших в битвах с македонцами, которые стали их мужьями. Но могли ли они забыть?

Александр все понимал. Злое, с прямыми чертами лицо Статиры не привлекало его. Но он веселился, пил вино, громко приветствовал певцов и флейтисток. И потихоньку, с затуманенной, захмелевшей головой, шептал себе в чашу:

— Светлая моя... Светлая моя...

Роксаны не было в Сузах. В тот же день, как узнала о том, что готовятся свадьбы, она, не простясь с Александром, уехала в Вавилон.

Александр сделал то, что хотел. Но он чувствовал, что эти свадьбы по его приказанию не принесли радости никому. Многие, получив приданое от царя, тут же покинули своих жен. Многие женщины, безропотно покорившиеся приказу царя, бежали и прятались от своих мужей, которые были им ненавистны...

Объединения не получалось. Какое-то тяжелое уныние, как похмелье после большого пира, угнетало лагерь.

Что сделать, чтобы в войске поднялось настроение? Дать денег? Александр знал, что многие воины его завязли в долгах, и он решил уплатить их долги из своей царской сокровищницы.

По всему лагерю были поставлены огромные столы. На них лежали груды золота и серебра. Глашатаи ходили по войску:

— Воины македонские, если у кого есть долги, царь заплатит их. Приходите и записывайте свои имена.

Лагерь гудел. Это неслыханно! Царь хочет уплатить их долги!

Но записываться не спешили. Царь хитроумен. Может быть, он вовсе и не собирается платить их долги, а просто хочет выяснить, кто из них живет безалаберно и тратит больше, чем имеет... А таких среди войска немало. Получили жалованье и тут же пропили или проиграли... Да ведь и кроме жалованья, было достаточно всякой добычи. Что скрывать? Грабили и города и деревни. И все-таки в руках ничего не осталось, кроме долгов. Что-то скажет им царь, когда это все всплывет наружу?

Лишь немногие внесли в списки свои имена. У них были большие семьи, и жалованья не хватало.

Царь с удивлением смотрел, что к столам никто не подходит. А когда понял, в чем дело, рассмеялся. И рассердился.

— Царь говорит только правду своим подданным,— сказал он,— и подданные должны верить своему царю!

И уже не велел записывать имен должников — пусть берут так.

Началось веселое оживление. Сначала смущенно, потом уже уверенно воины предъявляли долговые обязательства. Рабы, взятые на войне, едва успевали таскать мешки с деньгами к столам. В этот день по войску разошлось двадцать тысяч талантов.

Александр одарил и военачальников, учитывая сан и учитывая доблесть в сражениях. А лучших друзей своих за их подвиги увенчал золотыми венками — высшей наградой Эллады. Первым получил венок Певкест, прикрывший царя щитом у маллов. Потом Леоннат, который тоже, вместе с Певкестом, защитил у маллов царя и блистательно победил оритов в Индии. Затем был увенчан Неарх, проложивший морской путь по Великому морю. Получил золотой венок и Онесикрит, кормчий царского корабля. Гефестиону, много построившему и мостов, и верфей, и городов, Александр сам надел золотой венок.

Казалось, конца не будет празднествам и веселью. Но так только казалось. Александр уже обдумывал дальнейший поход и дальнейшие завоевания еще не завоеванных земель.

РАЗЛАД

Войско у Александра уже не то, что было. Много у него людей и больных, и старых, и отягченных ранами, уже не пригодных ни к битвам, ни к тяжелым переходам. Он давно думал о том, что надо отправить стариков на родину. Он думал об этом, когда видел, как идут перегруженные семьями и всяким скарбом обозы, замедляя ход армии. Он думал об этом, когда видел, как, превозмогая слабость и усталость, шагают старые македонцы... Армию надо было формировать заново.

И когда эти мысли приняли отчетливую форму твердого решения, Александр созвал войско.

К вечеру войско стояло перед царем. Оно стояло пестрое, многоликое на пылающей зноем желтой земле. В безжизненном небе висело потускневшее малиновое солнце.

Александр поднялся на возвышение.

«Как сейчас обрадуются старики! — думал он. — Как возблагодарят и царя, и богов!..»

Войско затихло. Безмолвие сузийского плоскогорья словно поглотило людей.

— Слушайте мое решение, о воины!

Войско слушало.

— Я решил отпустить домой всех, кто больше не пригоден к военной службе. По старости. Или по увечьям... Я отправлю вас на родину и каждого награжу так, что дома земляки ваши будут завидовать вам!

Царь ждал взрыва ликующих голосов. Но войско молчало. Александр с изумлением понял, что воины не обрадовались, а глубоко обиделись на своего царя. Сначала где-то вдали, в глубине отрядов, началось ворчание. Оно становилось громче, приближалось к передним рядам. Уже можно было расслышать слова.

— Конечно, мы царю больше не нужны. Много ли мы отдали ему? Всего только свою молодость и здоровье! А теперь, когда мы потеряли свои силы, — так уходи, ты не нужен!

— Разве не видите, какая одежда на нем? Персидская на нем одежда! И персидское войско ему по душе. На что мы ему?

— Уже и друзья его надели персидские столы. А мы все еще помним Македонию и отцовские обычаи.

— Какие там друзья в персидских платьях? А в чем им быть, если они персы?

— Что ж? Пойдем пасти коз в Македонию, а мечами колоть дрова. Пускай персы пользуются славой наших побед!

— Как видно, не мы, а персы ходили с ним в поход и завоевали для него царство!

И уже крики поднялись со всех сторон:

— Раз мы тебе не нужны — увольняй всех! Мы уйдем. Воюй один, если ты сын Зевса. Так вот пусть твой отец Зевс и берет для тебя города!

Александр, уже привыкший к персидской лести и земным

поклонам, онемел, слыша, как македонцы поносят его — его, своего царя! В ярости он соскочил с возвышения и бросился в гущу войска. Он заметил тех, кто особенно громко кричал и грубил, и своей рукой вытолкнул их из рядов одного за другим. Задыхаясь от негодования, он крикнул страже:

— Взять их! И казнить! Немедленно!

Стража тотчас арестовала растерявшихся людей. Войско замерло. Тринадцать человек, не промолвив ни слова, ушли со стражей, повинуясь воле царя, над которым только что глумились.

Александр, разгневанный и расстроенный, снова поднялся на возвышение.

Его речь обрушилась на воинов, как индийский ливень:

— Не за тем, чтобы удержать вас, македонцы, будет сказано мной это слово — вы можете уходить куда хотите, — но чтобы вы поняли, кем вы стали и с кем расстаетесь. Когда отец мой Филипп пришел на царство, вы были нищими. Одетые в кожухи, пасли вы в горах по нескольку штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибаллов и соседей фракийцев. Он надел на вас вместо кожухов хламиды, свел вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров, научил вас охранять себя, полагаясь не на природные твердыни, а на собственную доблесть...

Александр перечислял все, что сделал для Македонии Филипп, и воины молча кивали головами. Да, это так и было.

Напомнил, с чем вышли они в Азию. У Филиппа было долгов пятьсот талантов. Да еще сам Александр взял в долг восемьсот талантов, когда повел их из страны, которая не могла накормить свой народ досыта.

Напомнил, что сделал для них он, Александр. Он распахнул дорогу через Геллеспонт, хотя персы были тогда господами на море. Завоевал побережье Срединного моря. Богатства лидийцев, сокровища персов и индов отдал им. Он отдал им Великое море. Они уже нынче сатрапы, они — стратеги, они — таксиархи...

— А теперь я собрался отослать тех из вас, кто не годен к военной службе, и отослать так, чтобы дома им завидовали. Но вы хотите уйти все. Что ж, ступайте все. И, придя домой, объявите, что Александра, своего царя, который победил персов, мидян, бактрийцев и саков, завоевал Парфию, Хорезм и Гирканию, переправился через Инд, через который никто не смог переправиться, кроме Диониса; переправился

через Гидасп, Акесин и Гидраот; переправился бы и через Гифасис, если бы вы не остановились; проплыл по Великому морю, прошел через пустыню гедросов, где раньше никто не проходил с войском, в то время как флот шел от земли Индов в Персидское море,— и такого царя вы оставили в Сузах и ушли, бросив его под охраной побежденных варваров. Такое известие принесет вам, пожалуй, славу и милость богов. Ступайте!

Ни на кого не глядя, Александр покинул возвышение и ушел во дворец. Свита, телохранители ушли вслед за ним. Войско стояло в молчании.

Это было горькое молчание. И горькие слова могли бы сказать воины в ответ Александру:

«Да, ты провел нас победителями через всю землю. А скольким из нас зажигали погребальные костры на тех дорогах, по которым мы шли? А сколько из нас остались изувеченными ради нашей и твоей славы? А как, в какой тоске по родине будут доживать те из нас, которые остались в твоих Александриях, среди чужой земли и чужого народа? И мы, завоевавшие вместе с тобой весь мир,— разве стали мы счастливее, потеряв и молодость, и здоровье? И как же не видишь ты, отсылая старых воинов домой, как это им тяжело и обидно? У них больше нет сил носить сариссу и скакать на коне,— так пусть идут эти победители всех стран к себе в Македонию пасти коз, они тебе больше не нужны!»

Воины в растерянности разбрелись по лагерю. Солнце погасло, наступила душная тьма. Задумчиво, еле переговариваясь, сидели у костров. Некоторые шли к военачальникам.

— Как же нам быть? Уходить в Македонию?

Военачальники отвечали сдержанно:

— Царь вам разрешил.

— Так что же? Уходить?

— Можете уходить.

Много обидных слов царю было сказано и вслух, и втихомолку. Но время шло, и уже начались другие разговоры. Они — воины и привыкли жить по-военному, в походах, в военных лагерях... А теперь надо уходить домой. Но как же так — взять да и уйти? Столько лет они были с Александром вместе, столько горя вынесли вместе, столько славных побед отпраздновали! Как же им оставить его?

Нет. Пусть будет так, как велит Александр. Пусть идут старики — ведь они пойдут и с наградами, и со славой.

А зачем уходить всем? Разве Александр отсылает всех?

Наступило утро. Началась обычная лагерная жизнь. Воины ждали выхода царя.

Царь не вышел. Он закрылся в своих покоях. Даже телохранители не могли войти к нему.

Александр всю ночь пролежал без сна. Все существо его было потрясено тяжкой обидой, гневом, негодованием.

На рассвете наступило забытье. Он слышал голос Гефестиона и не знал, снится ему это или Гефестион сидит возле него.

Вошел юный слуга — ему показалось, что царь зовет его.

Александр открыл глаза. Он был один. Все вокруг было в каком-то тумане. Мелькнула страшная мысль:

«Неужели опять слепну?! Как тогда, у скифов... После удара камнем...»

Он велел принести вина. Юноша принес вино.

— Царь, пришел Гефестион.

Царь молча махнул рукой, приказав выйти. Его никто не должен видеть сейчас, таким беспомощным...

Он пил чашу за чашей, не подливая воды. Вино давало отдых мыслям, давало забвение. Он не хотел ни о чем помнить, не хотел ничего знать. Нет его. Он умер.

Шатаясь, он вернулся на ложе. Тишина. Мгла...

Опять кто-то говорит с ним. Голос далекий, еле слышный:

«Искандер, думаешь ли ты обо мне когда-нибудь?.. Ах, Искандер...»

«Роксана, моя светлая!..»

«Нет, Искандер, я уже не светлая. Одиночество иссушило мне сердце. Ведь ты не любишь меня, Искандер, ты взял себе другую жену».

«Жена моя только ты, Роксана!»

«Да, только я. Но ты оставил меня так надолго. И на все дела у тебя хватает времени — только нет времени для меня. И самая длинная у тебя дорога — это дорога ко мне. Я живу среди вавилонской роскоши, а мне душно здесь, и тоска сводит меня с ума. Этот дворец страшен... Здесь стоят каменные чудовища — крылатые быки. Внизу чужой город, чужой народ... Я хочу в горы, Искандер, там вольный воздух, там ласковое солнце, там растут крокусы... Белые крокусы... Я умру здесь, Искандер!..»

«Я скоро буду у тебя, Роксана. Скоро!»

«Я ее убью, Искандер... Потому что я уже не светлая. Я ее ненавижу. И я ее убью!..»

Александр открыл глаза. Отсвет малиновой зари лежал на полу, среди колонн. Вечер? Утро?

Александр встал. Болела голова, ныла рана в груди, из которой вырезали зазубренную стрелу. Александр и на второй день не вышел к войску.

Вечером к нему собрались этеры.

— Царь, — сказал Леоннат, — прости их. Они в смятении. И не знают, что делать.

— Как — не знают? Знают. Они сказали, что все уйдут домой. Пусть идут.

Вступился и Гефестион:

— Царь, забудь эту размолвку!

— Размолвку? Нет. Это не размолвка. Пусть идут.

— Что же ты будешь делать без войска?

— У меня есть мое персидское войско.

На третий день македонцы увидели, что во дворец едут персидские военачальники. Нисейские[1] кони играли под ними. Одежды светились золотом. Персы ехали надменно, с неподвижными лицами. Они глядели на македонцев и не видели их.

Войско насторожилось. Что это? Почему персы собираются к царю?

Вскоре военачальники объявили воинам решение царя.

Начальство над войском вручается персам. Варварское войско делится на лохи, как войско македонцев. Будет персидская агема. Отряд «серебряных щитов» будет персидским. Будет персидская фаланга. И конница этеров тоже будет персидской.

Среди македонцев сразу поднялся неудержимый шум. Отдать персам своего царя-полководца и все свои завоевания, добытые с такими мучениями, с такой кровью? Этого македонцы вынести не могли. Воины со всего лагеря ринулись к царскому дворцу. Оружие со звоном падало к царскому порогу, громоздясь грудой в знак того, что македонцы пришли как умоляющие. Они кричали, чтобы их впустили к царю.

Александр сидел над списками войск. Он не шутил.

Персидские военачальники отдавали земной поклон и,

[1] Кони из Нисейской долины, где росли обильные кормовые травы.

получив поцелуй царя, торжественно садились вокруг него. Александр распределял между ними начальство над различными частями войск.

Гул и шум за стенами дворца становился громче, настойчивей.

«Собрались уходить,— думал Александр,— пусть идут!.. Пусть идут!» — а сердце сжималось от горя. Он и сам не знал, как он вынесет, если македонцы и в самом деле уйдут. Но —«пусть идут!».

Вошел начальник дворцовой стражи:

— Царь, они никуда не хотят уходить. Они плачут!

Александр поднял голову, лицо его вспыхнуло. Растолкав персидских вельмож, царь почти бегом бросился к войску. Он остановился на верхней ступени белой лестницы, над грудой македонского оружия, брошенного к его порогу.

Воины, увидев его, снова закричали, прося прощения. Многие плакали.

— Что вы хотите, македонцы?— спросил Александр.— О чем вы просите?

Вышел вперед один из военачальников конницы этеров Каллин:

— Царь, македонцев огорчает то, что ты уже породнился с персами. Персы зовутся родственниками Александра и целуют тебя. Из македонцев же никто не удостоился этой чести!

— Всех вас я считаю своими родственниками!— закричал Александр.— И отныне так и буду вас называть!

И македонцы, помирившись со своим царем, снова взяли свое оружие, брошенное у ступеней дворца, запели пеан[1] и разошлись по своим палаткам.

Стало так, как сказал царь. Старые, увечные, больные, усталые — все ушли в Македонию. Царь щедро наградил их за службу и сверх жалованья каждому выдал по таланту.

Но детей их, рожденных в лагере, оставил у себя. Это сначала ошеломило воинов. Жены-азиатки, взятые во время похода, оказались любимыми, а дети, родившиеся здесь,— дорогими. Отцов уводили из семей...

Александр сам пришел в лагерь:

— Оставьте здесь свои семьи, македонцы. Пусть не при-

[1] Пеан — военная песня.

ходит вместе с ними в Македонию раздор. Как они помирятся с теми семьями, которые ждут вас дома? Я сам позабочусь здесь о воспитании ваших детей. Я воспитаю их по-македонски, я сделаю из них воинов-македонцев. А когда они вырастут, я сам приведу их в Македонию и передам в ваши отцовские руки!

На это нечего было возразить. Надежда на встречу облегчила горе разлуки.

«Что еще сделать для них? — думал Александр, видя, как строятся для похода его старые воины. — Чем еще утешить их?»

— Кратер, друг мой, ты пойдешь с ними и проводишь их, — сказал он своему верному полководцу. — Они увидят, что я отдаю их под твою охрану, и оценят это. Они ведь знают, что я дорожу тобой пуще глаза!

Кратер, как всегда, без возражений принял приказ. Он стоял перед царем, сдержанный, невозмутимый. Александр давно уже заметил, как поседела его борода, как осунулось его лицо, как он постарел... В суете дел, пиров, забот и замыслов Александр не видел, не замечал самых близких людей. Они здесь, рядом, — и это хорошо. Но вдруг наступал час, когда словно каким-то беспощадным лучом освещалось лицо друга, и он с удивлением видел, что человек уже не тот, что он многое потерял — силу, молодость. Александр обнял Кратера.

— Но я отпускаю тебя не только вождем уходящих войск, — сказал он, — ты доведешь их домой и возьмешь на себя управление Македонией...

— А Антипатр? — прервал Кратер в изумлении.

— Ты возьмешь на себя управление Македонией, — твердо продолжал Александр, — Фракией и Фессалией. Антипатру я уже послал приказ явиться ко мне и привести молодое войско. Но не раньше, чем ты придешь в Македонию и примешь правление из его рук.

Македонцы, молча вздыхая, провожали своих стариков. Их уходило почти десять тысяч. С ними уходил их любимый полководец Кратер...

Старики шли со своей македонской выправкой, стройно держа ряды, все дальше, все дальше уходили они по желтой равнине.

В обозе стоял плач их азиатских жен и крик их азиатских детей.

МЕСТЬ ДИОНИСА

Вот и снова Экбатаны, прохлада гор и лесов, старый дворец мидийских царей с разноцветными зубчатыми стенами.

Царь принес жертвы — они были благоприятны. В угоду богам в городе прошумели эллинские игры и состязания.

И на вечернем пиру, в кругу близких друзей, Александр под тем же внезапным лучом озарения увидел своего любимого друга Гефестиона. Гефестион молча пил. Его похудевшее лицо было желтым, под глазами лежали коричневые тени.

— Все ли хорошо у тебя, Гефестион? — негромко, со страхом спросил Александр, заглядывая ему в глаза.

Гефестион ответил улыбкой:

— Ничего плохого не случилось.

— Что же томит тебя?

— Не знаю.

— Может быть, тебе неприятна твоя жена Дрипетида?

— Я не видел ее со дня свадьбы.

Александр нахмурился, закусив губу. Он приказал жениться Гефестиону на женщине, которая ему противна.

— Она мешает тебе?

— Я не знаю, где она.

Значит, дело не в Дрипетиде. Просто, как видно, он болен. Надо послать к нему врача.

А где его, Александрова, персидская жена Статира? Он тоже ее не видит. И она не является к нему. Это хорошо, что не является. Может быть, она поняла, что он женился на ней, лишь следуя своим замыслам смешать народы. А может, просто ненавидит его — за гибель своего отца, за гибель своего персидского царства...

После пира Александр велел врачу Главкию осмотреть Гефестиона — акарнануа Филиппа уже не было в живых.

Главкия вернулся к царю в полночь. Царь стоял на крепостной стене старого дворца. Он невидящими глазами смотрел на город, спящий внизу. Огромная медная луна висела в небе. Над ней остановилось длинное темное облако, зловеще подсвеченное оранжевым светом.

— Что?

— Он болен, царь. И ему не надо пить вина.

— Опасно?

— Нет. Если будет лечиться. Думаю, что это лихорадка.

— Это опасно?

— Врач должен находиться при нем. Но с ним трудно, царь. Он не хочет ничего слушать. Я сказал, чтобы он не пил так много вина. А он отвечает, что он пьет для бодрости, что иначе у него нет сил!

— Не оставляй его. Если отлучишься, вели другому врачу остаться при нем. Он лег?

— Да, царь. Он сказал, что очень хочет спать.

Александр спать не мог.

Что же с Гефестионом? Лихорадка. Но это не такая уж страшная болезнь. Он выздоровеет. Он должен выздороветь!

Александр повторял эти слова, стараясь поверить им. Но злые предчувствия томили его, и сердце его холодело от страха.

На заре, так и не ложившись, он прошел в покои Гефестиона. Гефестион сразу открыл глаза, и Александр с болью заметил, что глаза эти полны неестественного жаркого блеска и что тени на лице еще глубже.

Александр сел рядом. Они молча смотрели друг на друга. Александру показалось, что Гефестион прощается с ним.

— Ты что? — сказал он, бледнея. — Ты что?..

Гефестион как-то неловко, словно стесняясь, что болен, усмехнулся:

— Еще не умираю.

Александр встал, заглянул в кратер, стоявший на столе. Вино блестело на самом дне.

— Клянусь Зевсом, ты опять пил, Гефестион! Тебе нельзя пить вина, разве ты не знаешь?

— Меня мучит жажда. Как в Гедросии.

О, эта Гедросия! Она живет в них, в их крови, в их мозгу... Они прошли через ее губительное дыхание, они победили ее. Но так ли это? Не мстит ли им Гедросия за эту победу?

— Нам предстоит много дел, Гефестион. Мы с тобою построим новые корабли и обогнем Аравию. Мы возьмем аравийскую землю — там большие природные богатства, недаром ведь Аравию называют счастливой. Говорят, когда плывешь мимо ее берегов, то воздух полон ароматами... Мы и там построим новый город — Александрию Аравийскую. Ты сам — клянусь Зевсом! — ты сам будешь строить ее!

— Да, да, Александр...

Темные, пылающие глаза Гефестиона глядели куда-то в пространство. Александр, увлеченный своими замыслами, продолжал:

— Я думаю, надо будет заселить берега Персидского залива — там пустынно. И острова тоже. В Персидском заливе много жемчуга. Видишь, сколько нам дел предстоит с тобою? Выздоравливай скорей, Гефестион. Сбрось с себя эту проклятую немочь, Гефестион!

— Я ее скоро сброшу, Александр.

— Скоро?

Мгновение он смотрел на Гефестиона остановившимися глазами. Александр уловил тайный смысл этого короткого слова и поспешно вышел, стараясь сдержать рыдание. Нет, боги не допустят этого!

Это была осень 324 года. Над Экбатанами сияло ясное прохладное небо. В городе пышно справлялись праздники Дионисии.

Александр приносил щедрые жертвы богам — за его военное счастье, за его удачи, за его славу... И неслышимо для окружающих шептал тайную молитву — пусть боги не отнимают у него Гефестиона!

Боевые состязания и состязания музыкантов и певцов. Состязания гимнастические и веселые, нарядные процессии в честь бога Диониса. После зрелищ — пиры. После пиров — снова на стадий... [1] И люди, и боги были счастливы.

И только Александр не мог ни пить, ни веселиться, как прежде. Совершив необходимый обряд жертвоприношений, он ушел в покои Гефестиона. Вместе с врачом Главкием, который не отходил от больного, Александр варил напиток из целебных трав, делал припарки, самозабвенно стараясь удержать друга в мире живых. Гефестион следил за ним благодарными глазами, но чувствовал, как, несмотря на все старания, жизнь уходит из его тела...

— Я не отпущу тебя, Гефестион. Нет, не отпущу. Этого не будет.

Так прошло шесть дней. Александр уже ни днем, ни ночью не покидал Гефестиона. Ему казалось, что только его присутствие удерживает друга на земле.

Гефестион то дрожал в ознобе, то сгорал от жара. И в

[1] Стадий — здесь: стадион длиной в стадий.

те минуты, когда Александр отлучался, он требовал у Главкия вина. Врач умолял не пить вино — оно губительно. Гефестион грозно приказывал дать вина, он уверял, что вино возвращает ему силы. И Главкия, тайком от Александра, подавал ему чашу с вином.

На седьмой день, рано утром, Александр вошел в покой Гефестиона и тихо остановился на пороге. Гефестион лежал спокойно. Дыхание было легким, и на лице, словно отсвет вечерней зари, горел темный румянец.

Александр неслышно подошел к его ложу, сел. Гефестион спокоен, ему лучше, смерть отступила.

Смерть! Сколько смертей видел на своем веку полководец Александр! Тысячи, десятки тысяч. Сколько людей убил он сам, своей рукой. А теперь смерть стоит у ложа человека, который ему так дорог!

Нет, боги не допустят этого. Нет, не допустят. И почему он может умереть? Умирают под копьем, под мечом, под стрелой. А во дворце, в дни праздника, среди тишины и роскоши... Как может умереть человек?

Он взял чашку, налил вина, вышел на дворцовый двор. И там, в углу, на домашнем алтаре совершил возлияние богу Дионису.

— Прости меня, о Дионис! Прости и защити моего друга!

Он так горячо каялся в преступлении, совершенном в Фивах, где он когда-то разрушил храм Диониса, и так жарко просил милости бога, что это его успокоило. Бог Дионис не может остаться глухим к его мольбам!

Пришли телохранители царя, его этеры.

— Царь, тебе надо показаться народу. Праздник без царя — не праздник. Сейчас на стадие начинается гимнастическое состязание мальчиков. Ждут тебя, чтобы начать.

Александр, приказав Главкии не отходить от Гефестиона, отправился вместе со свитой на стадий.

Это было увлекательное и радостное зрелище. Толпы людей кругом, кричащих, подбадривающих, вопящих от восторга... Тонкие, бронзовые, загорелые тела мальчиков, бегущих вокруг стадия. Как они ловки, как быстры, как мелькают их ноги!..

— Царь...

Царь кричал вместе со всеми, захваченный зрелищем.

— Царь...

— Кто меня зовет?

Юноша из свиты Гефестиона, бледный, испуганный, стоял возле него.

— Царь... Гефестиону плохо...

Александр вскочил и бросился бегом к своей колеснице. Он не помнил, как домчался, как взбежал по лестнице... Умерив шаг, чтобы не испугать больного, он вошел в его покой.

— Что с ним?

Врач молча стоял в стороне, опустив глаза.

— Что с тобой, Гефестион?!

Гефестион не ответил.

— Гефестион!

Александр взял его за руку. Рука упала. Александр глядел на него остановившимися глазами.

И вдруг понял:

— Он умер!

Будто мечом ударили прямо в сердце. Александр с криком и рыданиями упал на холодеющее тело Гефестиона. Он кричал и плакал как исступленный и укорял богов за их жестокость...

Три дня друзья не могли увести Александра от тела Гефестиона. Три дня он ничего не брал в рот и ни о чем не мог ни слышать, ни говорить...

На четвертый день он пришел в себя. Что-то сломалось в его душе. Ему казалось, что радости в его жизни больше не будет. Не может быть. Жизнь впереди, как пустынная дорога. Гефестиона нет. Нет. В эти минуты, холодный и угрюмый, Александр презирал богов — они могли спасти Гефестиона. И не спасли его.

Готовили погребальное шествие. Царь приказал не жалеть ничего для похоронного обряда — ни золота, ни драгоценностей... Распоряжаясь, приказывая, объясняя, каким надо сделать погребальный костер, он понемногу втянулся в обыденную жизнь.

ВАВИЛОН

В горах уже наступила зима. Сугробы снега засверкали в ущельях, и морщины серых скал стали белыми.

Огромное войско Александра двигалось к Вавилону. На пятый день пути македонцы увидели Евфрат. Спокойные зе-

леные воды огромной реки шли вровень с берегами. На тучной земле желтели хлеба. Поселяне снимали с финиковых пальм темно-золотые плоды.

Александр со своим отрядом этеров ехал впереди войска. Угрюмый и молчаливый, забывший, что такое улыбка, он глядел вперед, в фиолетовую даль, куда ушла, сопровождаемая Фердиккой, погребальная колесница Гефестиона, направляясь в Вавилон.

Войско осталось на берегу Евфрата, около Киса, маленького города без стен. Александр со свитой продолжал путь к Вавилону.

Очертания стен великого города уже поднимались перед глазами, когда произошла эта странная, таинственная встреча. На дороге стояли вавилонские предсказатели — халдеи. Они остановили царя:

— Царь, выслушай нас. То, что мы скажем, тебе необходимо знать.

Александр молча сошел с коня. Халдеи отвели его в сторону.

— Царь,— заговорили они все сразу,— не входи в Вавилон сегодня. Нам было предсказание от бога Бэла — для тебя будет это не к добру!

— Не входи в город, царь, глядя на запад! Не с этой стороны вступай в Вавилон, обойди город и вступи в него лицом к востоку!

Александр задумался. Может быть, так и надо сделать, как видно, халдеи что-то знают... Он спустился вниз по реке, чтобы там переправиться и войти в город с запада.

Дорога шла по широкой, изрезанной каналами долине. Вода переливалась через край, среди полей стояли темные лужи. Тяжкое, сырое дыхание низины перехватывало горло. Скоро копыта коней начали увязать в болотистой почве; дальше ехать было нельзя, нужно было сделать далекий объезд, чтобы добраться до города.

Философ Анаксарх, который не покидал свиты царя, сказал:

— Неужели, царь, ты и в самом деле веришь предсказаниям этих халдеев? Они просто не хотят, чтобы ты проехал мимо развалин храма бога Бэла, что у восточной стены. Ты приказал восстановить храм, а они этого, как видно, не сделали. Вот теперь и стараются затруднить тебе въезд в Вавилон с востока.

— Что ж, войдем с востока,— равнодушно сказал Александр и повернул коня.

То ли низкое оранжевое небо, то ли ядовитые испарения болот, окутавшие дорогу, угнетали душу неодолимо. Мысли в своем тяжелом течении возвращались к одному и тому же...

«Ахилл хоронил Патрокла[1]. Но разве не хотел бы он умереть раньше своего друга, чем потом мстить за него? И разве я не хотел бы умереть раньше Гефестиона, чем теперь хоронить его? Что же после этого надежно, на что опереться? Всю жизнь он был рядом со мной — и вот нет его. Нету. Вот так может рухнуть и земля под ногами... Что же в мире твердо и нерушимо? Ничто... Все презренно».

Стены и башни Вавилона загородили горизонт. Толпа, нарядная, пестрая, праздничная, стояла перед городом, встречая царя. Стройными рядами сверкали закатным красным огнем копья македонского гарнизона. Военачальники, вавилонские вельможи, высшие вавилонские жрецы ждали с богатыми дарами.

Подъезжая к городу, Александр поднял глаза. Над городскими стенами в золотом небе, среди башен и зиккуратов, стояло видение дворца вавилонских царей, вознесенного над городом, его крыши, колонны, темные купы деревьев висячего сада. Там Роксана...

Толпа с криком приветствий окружила царя.

Роксана ждала. Царь здесь, в Вавилоне! Но увидит ли она его? Теперь между ними — персианка. Всякий раз при мысли о персидской царевне Роксану душила ревность.

Дворец стоял на огромном холме. Этот холм насыпали, чтобы поднять царское жилище над низинами и болотами, где скапливаются нездоровые испарения и вьются ядовитые мухи. И сюда, на высоту, подняли обширные висячие сады.

Роксана беспокойно ходила из зала в зал, по галереям и переходам. Стены с непонятными письменами, кедровые колонны, украшенные золотом, статуи, ковры с изображениями странных животных и зверей... И всюду молчание, огромное молчание огромного дворца, полного сокровищ чужого народа.

Роксана по-прежнему была прекрасна. Светлые волосы, посыпанные золотой пудрой, длинными локонами падали из-под обруча на плечи. Она причесалась, как причесываются

[1] Ахилл и Патрокл — герои «Илиады» Гомера.

афинянки,— царю это будет приятно. Длинные нити розовых жемчужин, присланных из Индии, светились у нее на груди. На руках играли дорогими камнями золотые браслеты, бросая отблеск разноцветных огней на белую кожу.

Но в синих глазах Роксаны лежала печаль, давняя, устоявшаяся печаль бесконечного одиночества и напрасных ожиданий. Царь здесь, в Вавилоне,— кажется, можно умереть от радости! Но Роксана уже не могла радоваться. Ее сердце ничему больше не верило. Она видела с высокой террасы дворца, как шло по равнине македонское войско. Она различила и всадника с белыми перьями на шлеме...

Сад задыхался от терпкого запаха цветов. Кипарисы, пинии, гранатовые деревья, пальмы и высокие тополя хранили прохладу водоемов. Роксана, сверкая украшенными золотом сандалиями, спустилась к воде по белым ступеням широкой лестницы. Но и здесь, в зеленой тишине, не было покоя. Что делать?! Царь в Вавилоне, дни проходят один за другим, а она не видит его! Значит, и сегодня его не будет. С поникшей головой и застывшим сердцем Роксана снова поднялась во дворец. И здесь, в обширном зале среди крылатых черных быков, она увидела Александра. Но он ли это? Изжелта-бледный, с покрасневшими веками, с запавшими щеками, царь стоял перед ней. Обрезанные в знак траура волосы торчали надо лбом. Царь тоже глядел на нее — и тоже не узнавал в ней прежней Роксаны. Не было того простодушного цветения горской девушки, того счастливого сияния глаз, той улыбки — самозабвенно радостной. Строгая, бледная, стояла перед ним жена македонского царя.

— Роксана!— сказал Александр.— Ты ли это, Роксана?

— Это я, Искандер.

— Разве ты не ждала меня? Разве ты не рада мне?

— Я слишком долго ждала тебя, Искандер. А когда слишком долго ждешь, то уже перестаешь желать того, чего ждала.

И, прильнув лицом к его груди, заплакала. Из-за того, что в их любви что-то утрачено, из-за того, что не случилось той радости, которая должна была случиться...

— Ты совсем разлюбил меня, Искандер?

— Я не разлюбил тебя. Я люблю тебя по-прежнему.

— А как же та? На которой ты женился в Сузах?

— Что она тебе? Пусть живет.

— Зачем ты это сделал, Искандер?

— Так было нужно, моя светлая. Забудь о ней.

— Я убью ее...— прошептала Роксана в золотую кайму его пурпурного плаща.

Александр этих слов не услышал. А если бы услышал, то понял бы, что она сделает это.

Сразу стало легче, когда светлые, ласковые глаза заглянули ему в лицо. Он увидел в этих глазах и нежность, и печаль, и заботу.

— Ты не болен ли, Искандер?

— Нет, Роксана. Я просто устал. Я очень устал еще в Гедросии. Но это пройдет. Хороший отдых, хорошая ванна, хорошее вино — и все будет по-прежнему. Да и когда мне болеть?

Роксана смотрела на него, не отводя глаз. Она так ждала его. Много прошло одиноких ночей и дней. И вот наконец он пришел. Наконец она скажет ему то, что собиралась сказать все это время, ожидая встречи. Тайное, сокровенное...

— Когда мне болеть?— продолжал Александр, как-то лихорадочно торопясь, словно боялся, что не успеет сказать всего, что нужно.— Сейчас пойдем в Аравию. Я уже посылал корабли разведать берега. Первым вернулся Архий, тот, что плавал с Неархом. Архий нашел остров. Там лес. А в лесу стоит храм Артемиды. И по всему острову бродят козы, олени. Их убивают только для жертвы богине. Я хочу назвать этот остров Икаровым. Ты знаешь, кто такой был Икар?

Роксана отрицательно покачала головой.

— А, ты не знаешь. Это ведь в Элладе знают. Жил такой хитроумный человек — Дедал. Он сделал крылья из перьев и из воска, чтобы улететь из плена. Себе и сыну Икару. И улетели. Отец велел Икару держаться поближе к земле и подальше от солнца. Но Икар взлетел к самому солнцу. И крылья его растопились. И он упал на остров, там, около Эллады. Тот остров так и называется Икаровым. Я решил: пусть и тут, на Евфрате, будет Икаров остров... Мне кажется, что так Эллада будет ближе ко мне... Там есть и другой остров — Тил. Архий туда плавал... Подожди, кажется, я уже говорил тебе об этом. Клянусь Зевсом, что-то случилось с моей памятью!

«Не только с твоей памятью,—с тоской глядя на его осунувшееся, с нездоровыми красными пятнами лицо, думала Роксана,— с тобой самим что-то случилось, Искандер!»

Александр встал, потирая лоб, и мучительно старался вспомнить, что он еще хотел сказать Роксане?

— Искандер, выслушай меня...

— Ах, да! Я еще не рассказал тебе, Роксана! Я ведь послал к Каспию Гераклида, сына Аргея. Ты не знаешь его? Я дал ему отряд плотников, они рубят там лес и строят корабли. Потом привезут их сюда в разобранном виде. Здесь мы их соберем. И кроме того, я велел Гераклиду как следует исследовать это море. Нет ли там прохода на север? Не соединяется ли оно с Меотидой? Когда мы были там, то никак не могли этого понять. А может, оно соединяется с Океаном и оттуда — с Индией? Но я не об этом хотел... О чем же? Да. Вот о чем. Я задумал поход против скифов. Мы еще пять лет тому назад договаривались с царем хоразмиев. Завоевать скифов... Мы ведь собрались с Гефестионом... с Гефестионом...

Речь его прервалась, он с трудом перевел дыхание.

— Мне пора,— еле слышно сказал он.

— Как! Ты уже уходишь, Искандер?

— Да, моя светлая, меня ждут дела. Ты ведь знаешь.

— Но когда же я тебя еще увижу, Искандер? Мне надо сказать тебе... Выслушай меня.

— Хорошо, хорошо, Роксана. Я скоро буду у тебя. Скоро. Я же теперь здесь, с тобой, в Вавилоне!

И он торопливо зашагал к выходу.

— Но, Искандер, выслушай, что я скажу тебе!

— Потом, потом, Роксана! А сейчас, прости, я... не могу.

Ковер, закрывавший вход, еще покачивался, а шаги Александра уже затихли в глубине дворцовых покоев. Роксана беспомощно уронила руки. Медленными шагами подошла к большому медному диску, служившему ей зеркалом. Глаза, полные слез, отчаяния и негодования, смотрели на нее оттуда. Высокая, стройная, вся в жемчугах, стояла там дочь бактрийца, жена царя македонского...

Ушел, не выслушал! А ведь она хотела сказать ему, что у нее будет сын!

Роксана с яростью сорвала с себя жемчуга, сдернула с рук один за другим драгоценные браслеты и с рыданием упала на свое золоченое ложе.

— Что мне твои острова, и твой Икар, и твоя Аравия! — кричала Роксана, заливаясь слезами.— Что мне все твои завоевания, если они отнимают у меня тебя?!

КОСТЕР ГЕФЕСТИОНА

Злые пророчества, предчувствия, приметы — все грозило бедой. Теперь Александр стал особенно суеверным: он не обходился без прорицателей. Жрецы всюду сопровождали его. Он уже не мог скрывать своего страха перед чем-то грядущим, надвигающимся, как мрак...

А зловещие предсказания следовали одно за другим. То сатрап Вавилонии Аполлодор рассказывал ему о жертве, в которой не нашли счастливых примет,— и это грозит несчастьем Александру. То во время одной его поездки по реке ветер сорвал с его головы диадему — и это не сулило добра. Его пугали халдеи, которые вдруг появлялись во дворце, предрекая какие-то беды, таящиеся в Вавилоне.

Все чаще являлось воспоминание об индийском «святом»— Калане.

Отчетливо вставал перед глазами золотистый день, когда Александр проходил с войском по зеленой долине. Рядом с ним ехал индийский раджа Таксила. Это было в Индии. На открытой поляне он увидел странных людей. Они стояли под жгучим солнцем совсем голые, черные, будто из бронзы. Раджа объяснил, что это святые.

«Святые», увидев Александра и его войско, вдруг начали топать ногами. Александр приказал переводчикам:

«Спросите у них, что это значит?»

И вот что «святые» велели передать ему:

«Каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у него сейчас под ногами. Ты такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому, ты прошел много земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь, и тебе достанется ровно столько земли, сколько хватит для твоего погребения».

Один из этих «святых», Калан, ушел с Александром. Он следовал за ним всюду и был другом царю.

В Персии Калан заболел — впервые в жизни, а ему было больше семидесяти. И, заболев, тут же потребовал для себя погребальный костер. Он сгорел живым.

Александр мысленным взором снова видел сейчас, как он, закутавшись покрывалом, поднимается на костер. И прощается с друзьями, с военачальниками... Только не с Александром.

«Что же ты не прощаешься со мной, Калан?!»
«А с тобой, царь, мы встретимся в Вавилоне!»
«Встретимся в Вавилоне!..»
Да, надо скорей уходить из Вавилона!

На берегу Евфрата, среди влажной зелени садов и рощ, царю поставили шатер. И он каждый вечер переплывал на своем корабле черный, полный звезд Евфрат, удаляясь из Вавилона на ночь. Лишь бы поменьше оставаться в этом городе.

Тяжкие испытания похода, болезнь, которая уже проникла в его кровь, смерть Гефестиона, с которой он не мог примириться,— все это убило его стойкое жизнелюбие.

Он задумывал огромные дела, готовил флот, собирал и распределял войско. Он был еще более деятелен, чем всегда, он пил и веселился на пирах. И никто не знал, что тоска не покидает его сердце.

Наступило время строить погребальный костер Гефестиону.

По приказу Александра снесли часть вавилонской стены и на десять стадий расчистили площадь для костра. Костер строили, как дом, из душистых бревен кедра, с основанием из камня и кирпича.

Александр готовил печальное торжество с неугасающей душевной болью. Он хотел сделать костер таким красивым и таким роскошным, каких еще не было даже у царей. Александр был уверен, что Гефестион видит и слышит его.

Костер построили в форме зиккурата в пять уступов — в пять этажей. Каждый уступ был украшен богатой резьбой. Яркие, дорогие ткани, пурпурные ковры, расшитые полотнища свешивались по сторонам. Из стен нижнего уступа высовывались золотые носы пентер — по шестьдесят с каждой стороны, и в каждой пентере стоял, преклонив колено, серебряный стрелок. По всем пяти этажам светилось золото и серебро — серебряные статуи воинов, золотые львы и быки, золотые факелы с висящими на них золотыми венками, золотые, с распростертыми крыльями орлы... На самом верху, вонзаясь в серое, пасмурное небо, стояло оружие македонское и персидское. Македонское — как знак победы, и персидское — как знак поражения...

На торжество погребания съехалось в Вавилон множество народа. Посольства, дары, стада жертвенных животных...

Прибыли и послы из Эллады, из всех эллинских городов.

Эллины вошли к царю с венками на головах, как феоры[1], пришедшие к божеству. Они поклонились Александру как сыну Зевса, они называли его своим царем-богом и друг перед другом посвящали ему золотые венки... Афинские послы, в числе других молитвенно склонив головы, стояли перед ним.

Вот та минута, которой столько лет ждал Александр,— Эллада признала его и почтила самыми высокими почестями, как почитала только богов!

Но где же та радость, то ликование, которое должно было бушевать в его сердце?

Не было радости. Не было чувства победы. Не было ничего.

Дождались послов-феоров, посланных царем в Аммоний. Царь вопрошал божество: может ли он чествовать Гефестиона как бога? Феоры вернулись и сказали, что божество разрешает чествовать Гефестиона только как героя.

«Хорошо,— мстительно подумал Александр,— так и будет. Но герою Гефестиону будет столько жертв, как не было и божествам!»

Пошли траурные процессии. Протяжно полились скорбные погребальные напевы. К костру поднесли огонь.

В кирпичном фундаменте, в камерах, были заложены легковоспламеняющиеся вещества и сухие благовонные травы. Костер вспыхнул мгновенно, густое пламя охватило его сразу со всех сторон. Взвились пурпурные ковры и расшитые ткани, золотые и серебряные изваяния начали плавиться, понемногу опускались распростертые крылья золотых орлов. Желтые, оранжевые, белые языки огня с неистовым гулом уносили в небо все, чем с такой щедростью и любовью украшал костер Александр...

Александр напряженно смотрел, как исчезает в пламени вместе с костром тело Гефестиона. Гефестион ушел, теперь уже ушел совсем. Земля опустела.

Когда костер догорел, Александр подошел и первым совершил возлияние герою Гефестиону.

Долго еще длились праздники и жертвоприношения. Царь пригласил на погребальный пир все свое войско. Для этого пира закололи десять тысяч быков.

[1] Феоры — члены посольства, которых государство отправляло, чтобы принести жертвы богу или оракулу.

КОНЕЦ ПУТИ

В саду вавилонских царей, поднятом на высокую насыпь, круглый год что-нибудь цвело. Красные, желтые, лиловые цветы украшали темную зелень. Среди неподвижных деревьев стоял густой знойный аромат.

Здесь, наверху, еще можно было дышать. Испарения болот не доносились к высоким террасам сада. Иногда пролетал идущий поверху ветер. Широкие кроны лип и серебряных тополей заслоняли от безудержно палящего солнца.

Александр сидел в саду на золотом троне, в порфире и в диадеме, во всей пышности своего царского сана. Его придворные — этеры, военачальники, македонские и персидские вельможи — расположились по обе стороны царя на креслах с серебряными ножками; их кресла были несколько ниже, чем царский трон. За спиной царя полукругом стояли евнухи в белых индийских одеждах, скрестив на груди руки. Так полагалось у персидских царей, и теперь так же полагалось у царя македонского.

Мимо царя и его военачальников проходили недавно завербованные войска — персидские, мидийские, отряды из Карии, из Лидии, отряды с побережья... Походным строем, в полном снаряжении, воины проходили перед царем мерным шагом, стараясь показать свою отличную выправку,— царь строг, его зоркий глаз видит все, и никакая оплошность не пройдет мимо него.

Царь хмуро оглядывал воинов. И тут же распределял их по фалангам. Много персов попадало в македонские фаланги. Персы принимали его приказы с низким поклоном. Македонцы терпели и молчали.

Это длилось уже несколько дней. Вавилон был набит войсками. Долина вокруг Вавилона превратилась в сплошной военный лагерь. Корабли Неарха уже стояли под парусами на Евфрате. Александр готовился выступить и по суше, и по воде. Аравия велика — ему нужно много войска. И потоки военных отрядов без конца проходили один за другим под хмурым, внимательным взглядом царя.

Александр устал. Но он искал усталости. Заботы, распоряжения и замыслы — огромные, неслыханные замыслы: покорить земли, лежащие по берегам Срединного моря, поко-

рить Аравию и Африку, построить дорогу через пустыню и прорыть на всем ее протяжении колодцы, углубить русло Евфрата и сделать Вавилон морским портом. Все это не оставляло царю свободных минут, но он и боялся этих минут — сразу наваливалась тоска, от которой не было защиты. Лишь только неотложные дела отступали от него, перед глазами являлось мраморное, застывшее лицо, черные полумесяцы ресниц, плотно закрывшие угасшие глаза, неподвижное тело, из которого ушла жизнь. Это было труднее всех дел и всех забот. Это было невыносимо.

Ветер замер. Неподвижный воздух навалился густым зноем. Александр не выдержал. Он вдруг поднялся, сбросил одежду и скорым шагом направился к бассейну, где, пронизанная золотыми искрами, прохладно голубела вода. Невысокие кудрявые кусты окружали бассейн, белая лестница вела прямо к воде.

Свита последовала за Александром. Так полагалось у персидских царей. Так теперь полагается и у него, царя македонского. Нагревшаяся под солнцем вода не дала свежести. Александр, не вытираясь, надел хитон. Мокрые, уже отросшие волосы торчали над белым округлым лбом.

Тем же скорым шагом царь поднялся по белым ступеням на зеленую террасу, где проходил смотр войска,— и в ужасе остановился. На его троне, в его царской одежде и с диадемой на голове неподвижно сидел какой-то чужой человек. Евнухи кричали и плакали, били себя по лицу, рвали на себе одежду,— неизвестный сел на царский трон, что предвещает ужасное несчастье, а они, евнухи, не смогли помешать этому: персидский обычай запрещал им прикасаться к трону царя.

Телохранители тотчас грубо сорвали с неизвестного царское одеяние и диадему.

— Кто ты? Что тебе здесь нужно?

Странный человек тупо смотрел перед собой и молчал. А когда наконец его заставили заговорить, он ответил все так же тупо и ни на кого не глядя:

— Я — Дионисий из Мессены. Я был обвинен. Меня привезли сюда в цепях. Теперь бог Серапис освободил меня. Он приказал мне надеть диадему и смирно сидеть здесь.

Больше он ничего не мог сказать, хотя ему грозили смертью. Казалось, что он был не в полном рассудке. Его увели.

Все остались в тяжелом недоумении. Александр отпустил военачальников:

— Продолжим завтра.

Ему стало страшно. Он снова почувствовал себя больным.

Флот Неарха стоял на якорях, готовый к отплытию. Он должен был выступить раньше, чем сухопутное войско. Снова в неизвестный путь, снова неизвестные земли, страны, народы... Новые страдания и лишения. Но кто, испугавшись их, откажется от громкой славы пройти вокруг неведомых берегов Аравии?

Уже был назначен и день отплытия. Царь всегда перед походом старался умилостивить богов. Нынче он приносил обильные жертвы и Зевсу, и Посейдону, и всем богам, отвращающим несчастье. А кроме того, принес жертву Счастливому успеху — так посоветовали ему жрецы. Жертвенное мясо понесли в лагерь по лохмам, по сотням. В лагере начался пир — и мяса, и вина было достаточно.

Вечером и Александр созвал к себе друзей. Он давал прощальный пир Неарху. Было весело, оживленно. Вспоминали прошлые походы, предугадывали события похода предстоящего. Больше всего было разговоров об Аравии.

— Я слышал, что арабы чтут только двух богов,— сказал Александр нетвердым голосом, он уже сильно захмелел, хотя выпил немного,— небо и Диониса. Что они чтут небо — это понятно. Небо светит нам лунною ночью, на небе находится солнце, которое не только светит нам, но и согревает землю. А что касается Диониса, то я совершил не меньшие подвиги, чем он!

Друзья переглянулись — царь опять начал хвастаться. И не трогал бы он Диониса, на свою беду!

— И поэтому,— продолжал Александр,— я достоин того, чтобы и меня арабы чтили как бога. Я буду у них третьим богом — и это будет вполне справедливо!

— Вполне справедливо, царь,— подтвердил преданный ему Певкест,— если признать богом Диониса, то почему не признать богом сына Зевса?

Персы, бывшие среди этеров царя, горячо поддержали сатрапа Персии Певкеста. Но македонцы молчали.

— Так и будет,— сказал Александр,— я завоюю Аравию. Но я не буду навязывать арабам свою волю. Пусть они управляются сами, по своим законам. Так же, как инды. Но царство их уже будет моим царством!

— Ты, царь, диктуешь законы арабам, как будто Аравия уже в твоих руках! — сказал Неарх, засмеявшись.

— Конечно, Аравия в моих руках, — ответил Александр, — если ты, Неарх, уже направляешь туда корабли! Иди, иди, захватывай море. А я выйду на кораблях следом. Если я взял столько стран, почему же я не возьму Аравию?

Было уже за полночь. Александр вдруг замолчал.

— Болит голова... — тихо, словно самому себе, сказал он. — Опять болит голова... — Александр встал. — Простите, друзья, я пойду и лягу.

Телохранители последовали за ним. Но в зал вошел фессалиец Мидий, один из друзей Александра.

— О царь! — удивился он. — Неужели ты идешь спать? А я пришел за тобой. У меня собрались хорошие люди и столы накрыты. Я очень прошу тебя — почти нас своим присутствием, выпей с нами вина!

Александр любил Мидия: этот человек, вместе с фессалийскими войсками, много помогал ему в его завоеваниях. Александру хотелось лечь, он чувствовал, что силы покидают его. Но Мидий так просил... И по лицам друзей, стоявших кругом, он видел, что им тоже очень хочется пойти к Мидию. И он согласился.

Пирушка была веселой. Царь и сам развеселился, тоска словно растаяла, и голова перестала болеть.

Во дворец он вернулся на рассвете. Ему было нехорошо. Все тело полыхало жаром.

Он выкупался в прохладном водоеме. Нехотя поел. Но когда лег, жар снова охватил его. Начала бить лихорадка.

Он уснул тяжким сном. Он снова шел в пустыне Гедросии, увязая в раскаленном песке; он снова томился смертельной жаждой, и губы у него засыхали и трескались... Проснувшись, он едва поверил себе, что лежит во дворце, в прохладной спальне, и что амфоры с водой и вином стоят на столе — много воды, много вина...

Александр хотел встать, чтобы принести жертву, которую приносил ежедневно. Но голова закружилась, и он снова упал на подушки. Слуги увидели, что он болен. Попросили разрешить им позвать врачей. Александр не позволил:

— Ничего. Это пройдет. Я просто устал. Отнесите меня к алтарю.

Его прямо на ложе отнесли к алтарю, на котором приносили жертвы богам. Он встал, положил на алтарь мясо...

С помощью слуг добрался до большого тронного зала и лег — здесь легче дышалось. Обеспокоенные этеры царя, его военачальники толпились в соседних покоях. Посылали к царю врачей — он гнал их. Он не болен. Он просто устал.

Но Александр был уже тяжело болен. Он лежал неподвижно до самых сумерек, еле прикоснувшись к еде. Туман заволакивал его сознание. Снова возвращался и мучил его нестерпимым жаром кошмар пустыни. Воин подносил ему воду в шлеме; он хотел пить, язык прикипел к гортани... Но он выливал эту воду в песок. Красная, раскаленная пыль душила его.

В сумерки Александр открыл глаза. Сад дышал весенней прохладой, полной запаха цветущих деревьев. Он приказал позвать военачальников.

Испуганные, встревоженные, стараясь прятать свою тревогу, они собрались к его ложу.

— Выслушайте мои распоряжения,— сказал царь голосом слабым, но непреклонным,— готовьте войско к походу. Сухопутные войска выступят через четыре дня. Флот, с которым пойду и я, отплывет через пять дней.

Движением руки он отпустил их. Они вышли безмолвные, омраченные.

— Надо врачей...— уже выйдя из зала, шепотом переговаривались они.

— Как пришлешь врачей? Он гонит их.

Врачи находились тут же, во дворце. На все вопросы телохранителей они отвечали, что это несомненно лихорадка, которую излечивать они не умеют. Только сильный организм может победить ее. А царь очень изнурен, у него уже нет жизненных сил...

Мрачные фигуры халдеев появлялись то в садах, то в дальних покоях дворца. Появлялись и исчезали. Македонцы подозрительно следили за ними — не они ли напустили эту болезнь на царя своим колдовством?

А на женской половине дворца, откуда женщине не разрешено выходить, безутешно плакала Роксана:

— Искандер, Искандер! Почему ты не выслушал меня! Искандер, о Искандер, мое сердце знает, что я не увижу тебя больше,— почему же ты не позовешь меня? Как же я буду жить, если ты меня покинешь? Ты сказал, что придешь скоро... Хоть не скоро, но приди. Хоть когда-нибудь, я готова ждать. Только не уходи совсем!

Кормилица и сама утирала слезы. Но все пыталась утешить ее:

— Все люди болеют. И выздоравливают. Если боги пощадили его в боях, может ли он умереть от болезни? Такой молодой! Ему же всего тридцать третий год!

Ночью Александр стал задыхаться. Его отнесли прямо на ложе к реке. Помогли взойти на корабль. В небе висела красная ущербная луна. Он велел переправиться на другой берег Евфрата, где густо темнели весенние сады. Там он надеялся найти прохладу, которая умерила бы жар его тела. Черная, широко струившаяся река охватила его сырым дыханием. Он видел, как зеленые, синие, красные фонари лодок и плотов, шедших по воде, отражались и дробились в волнах. Скоро пойдет и его флот, и так же отразятся в многоводном Евфрате разноцветные паруса... Неарху посчастливилось: он столько опасностей преодолел, увидел столько невиданного. А теперь и Александр сам отправится с ним по неведомым морским путям.

Сад охватил его душным и влажным запахом роз и лавра, от которого сразу закружилась голова. Снова захотелось окунуться в прохладную воду. После купания стало легче. Александр лег. Сейчас уснет, усталость исчезнет, и он снова возьмется за свои дела.

Но утро не принесло отдохновения. Он опять потребовал, чтобы его отнесли к водоему. Выкупался. Потом, едва удерживаясь на ногах, принес положенные жертвы. И снова лег. Усталость не проходила.

Телохранители, друзья его, в растерянности дежурили у его покоев. Мидий решился и вошел к Александру. Александр улыбнулся. Казалось, он был рад ему. Но опять началась лихорадка, и беседа оборвалась. Царь приказал, чтобы военачальники явились к нему завтра на рассвете. Ему уже лучше, и завтра он сможет встать.

Мидий вышел от царя с поникшей головой. Он не узнал Александра. Перед ним лежал изнуренный, с пожелтевшим лицом человек, с багровыми пятнами на щеках... В его глазах сверкали горячечные огни.

— Плохо,— вздохнул он.

Этеры взволновались:

— Что-то надо делать!

— Но что? Врачи бессильны. Лекарства не помогают.

— Может быть, перенести его в храм?

Так бывало в Элладе. Больного относили под покровительство божества, и больной выздоравливал. Об этом должны знать жрецы.

— Прежде чем отнести царя в храм, надо испросить у божества совета,— сказал Аристандр,— а так нельзя.

— Посмотрим, как будет завтра.

На другой день на рассвете военачальники вошли к Александру. Он не мог дождаться этого часа — лихорадка мучила его всю ночь. Он опять вымылся: все казалось, что он смоет водой и жар и усталость. И принес утреннюю жертву, как всегда. Но сил по-прежнему не было. Распоряжение было коротким.

— Неарху и всем военачальникам, кто пойдет с флотом, быть готовыми к отплытию через три дня... К тому времени я встану,— добавил он.

Неарх хриплым от слез голосом ответил, что через три дня его флот будет готовым к отплытию и с поднятыми парусами будет ждать царя.

Многие вышли со слезами и рыданиями. Все уже видели, что жизнь покидает Александра.

— Говорят, что его отравили!..— сдавленным голосом прохрипел Неарх.— Ему дали яд!

Все молчали. Они тоже слышали эти разговоры.

— Но кто?..

— Ему дали яд с вином. Виночерпий Иолай, сын Антипатра, вполне мог это сделать.

Да, эта догадка имела основание. Антипатр мог встревожиться — почему царь вызывает его к себе? Может быть, так же поступит, как с Парменионом?

И может быть, не напрасно Олимпиада твердила все время, что он хочет захватить Македонию?

Но откуда у Иолая взялся этот медленно действующий яд?

Ответ простой. Только что из Македонии приехал старший сын Антипатра — Кассандр. Разве не мог Антипатр прислать с ним той самой ядовитой воды, которую хранят только в лошадином копыте, потому что никакая посуда его не выдерживает.

Черные слухи проникли в войска. Тревога и страх становились все напряженней.

В эту ночь этеры Александра решили отправиться в храм бога Сераписа, чтобы узнать: не лучше ли принести больного царя под его защиту? Пошли Пифан, Аттол, Демофонт и

Певкест. У порога храма их догнали Клеомен, Менид и Селевк. Они все легли спать в храме, чтобы получить прорицания. Под утро, когда луна скатилась с неба, в храме раздался голос:

— Не надо приносить Александра. Ему будет лучше там, где он есть.

Этеры вернулись. Они надеялись, что уже наступило облегчение.

Военачальники не уходили из дворца — ждали, что сбудется изречение бога. Ему будет лучше здесь... Но ему не лучше! Опять мылся, опять приносил жертвы. А болезнь съедает его еще сильнее!

— Царь зовет вас!

Снова они стояли у ложа Александра. Он глядел на них запавшими глазами.

— Так смотрите же, чтобы все было готово к отплытию!

И еще раз они заверили его, что все будет готово.

На ночь он опять захотел вымыться — он страдал от липкого пота, который выступал на теле. После купания стало еще хуже. Врачи старались унять лихорадку. Она мучила и томила его всю ночь.

Утром Александр приказал поставить его постель у водоема. Ему было плохо, но он все еще не понимал, что умирает. Мысли только об одном — как он взойдет на корабль и как они с Неархом отправятся открывать и завоевывать новую землю — Аравию.

— Позовите военачальников.

Военачальники пришли.

— Так не забудьте — завтра отплываем. Чтобы все было готово!

— У нас все готово к отплытию, царь!

Наступил еще день. Александр недоумевал — болезнь не оставляет его. Он еле смог совершить жертвоприношение.

Он приказал, чтобы стратеги не уходили из дворца, чтобы они ждали его в соседних покоях. И чтобы военачальники всех сухопутных войск ждали его во дворце. Приказ был выполнен, военачальники немедленно собрались к царю.

Но когда самые близкие друзья вошли к Александру, он беспомощно глядел на них и ничего не смог сказать — у него пропал голос...

Тревога давно нарастала в лагере. Теперь она уже зашумела. Не видя царя столько дней и не слыша его, воины

поднялись всей массой и окружили дворец: откуда-то появилась весть, что царь уже умер, а военачальники скрывают это.

Македонцы, прошедшие с Александром все походы и битвы, подступали к дверям с криками, требуя впустить их к царю. Их впустили. Они чередой проходили мимо его ложа, громко прощались с ним, призывали богов и умоляли спасти их царя, их полководца!.. Александр видел и слышал их, но не мог им ответить, не мог проститься с ними. Он только приподнимал голову, он пожимал их руки слабеющей рукой, он прощался глазами, пока они не угасли...

— Кому же ты оставляешь царство? — видя, что Александр уходит, в смятении спросили друзья.

— Наилучшему... — прошептал Александр. — И добавил совсем еле слышно: — Вижу, что будет великое состязание над моей могилой...

С этими словами дыхание оставило его.

...Солнце склонялось к закату. В жарких сумерках поздней весны дышали терпким ароматом затихшие сады Вавилона. На Евфрате, готовый к далеким плаваниям, стоял македонский флот, безнадежно опустив паруса.

Подходил к концу месяц даисий триста двадцать третьего года до нашей эры, десятый месяц по македонскому исчислению лет.

Тело царя еще лежало на смертном ложе, а огромная империя его, добытая мечом, уже разваливалась и рушилась вместе с его мечтой о мировом господстве.

Если бы и не умер сейчас Александр, он бы увидел крушение своих замыслов при жизни, потому что народы, подчинившись насилию, никогда не смиряются со своим порабощением.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

В советской исторической беллетристике сюжет об Александре Македонском и его восточных походах уже получил художественное воплощение. Можно упомянуть повесть В. Яна «Огни на курганах» и исторический роман Я. Ильясова «Согдиана». Однако как повесть Яна, так и роман Ильясова затрагивают лишь один период жизни македонского полководца, а именно: период борьбы среднеазиатского населения против македонского нашествия.

Книги Л. Ф. Воронковой «Сын Зевса» и «В глуби веков» отличаются от всех предыдущих работ этого жанра прежде всего тем, что они ставят своей целью охватить всю восточную эпопею Александра — от ее истоков до ее логического конца. Кроме того, писательница стоит ближе других писателей к непосредственным источникам, и поэтому изложенный ею материал имеет не только художественную и познавательную ценность, но и известную историческую достоверность. Этот исторический роман читается с неослабевающим интересом, его литературно-художественные достоинства значительны. Выразительно обрисованы государственные и военные деятели Македонии, Греции и Персии, батальные сцены, обычаи и нравы Востока.

В центре всего повествования стоит Александр — знаменитый полководец, политик и государственный деятель. И это вполне закономерно. Потому что его жизнь и деятельность оставили в истории неизгладимый след. С эпохой Александра К. Маркс связывает «высочайший внешний расцвет Греции».

Писательница в своих книгах прослеживает жизнь Александра от колыбели до последнего часа, показывает в сложных обстоятельствах его неутомимый дух исканий и жажду подвигов. Она, главным образом, обращает внимание на полководческий гений Александра, подчеркивает его отвагу и неустрашимость, его стремление к «великим делам», какими считает он свои захватнические походы.

Александр действительно был блестящим полководцем. Изучив военный опыт своих предшественников, он и его соратники умело организовали военные силы, отказались от устаревших военных способов борьбы, овладели новым тактическим мастерством, искусно применяя его в различных ситуациях. Александр сумел овладеть разными тактиками боя; воевал зимой, доказав преимущество зимних кампаний. До него ни один из древних полководцев не пробовал этого сделать.

Александром в военном деле был введен метод активного достижения врага и немедленной атаки, без отдыха. Сам он говорил, что в своем успехе обязан тому, что никогда ничего не откладывал. Он предпочитал быстрые наступательные операции. Скорость движения его армии была чрезвычайна. На марше одно подразделение имело все, что необходимо было для преодоления возникавших препятствий, другое — шло налегке. Когда же должно было наступить сражение, вся армия соединялась вместе. Принцип Александра: «Идти раздельно, но воевать вместе». Преследованию противника до конца он придавал большое значение.

Военные действия Александра восхищают своей смелостью и размахом. Сам он был храбр и отважен; во время боя сражался как простой солдат, быстро принимал решение и переходил к действию; лишения и трудности переносил стойко, умел поднимать дух воинов в самых трудных условиях. Он имел железную волю и сильный характер.

Однако не только эти качества характеризовали Александра. Его личность была очень противоречива. Эта сторона в повести очерчена не в полную меру всех сложностей, уживавшихся в его характере. Между тем в нем переплетались качества талантливого, волевого и отважного полководца с жестокостью, коварством и безмерным честолюбием властелина. Его жестокость особенно проявилась после подавления восстания в Фивах, во время взятия города Газы, в Индии, когда македоняне по приказу Александра безжа-

лостно расправлялись с населением, не щадя даже женщин и детей.

От коварства Александра страдали не только его противники, но даже близкие и преданные ему люди. Его гнев и раздражительность приводили к ужасающим преступлениям: разрушались города, в пламени погибали дворцы, гибли старые, преданные ему друзья и военачальники. Тщеславие его не знало предела. Свои неудачи он был склонен приписывать воле божества и подчеркивал, что никогда не отступал перед людьми, а только перед богом.

Александр был образованным человеком своего времени. Он хорошо знал литературу, любил поэмы Гомера, перечитывал их перед сном, клал под подушку рядом с мечом. Как лучший ученик знаменитого греческого ученого Аристотеля, он был сведущ в философии, медицине и других науках. Вместе с тем он оставался суеверным и мнительным. В повести приведено достаточно примеров этой двойственности натуры Александра, когда его подлинный интерес к науке и культуре сочетался с его примитивными, варварскими привычками, суеверием и невежеством.

Александр мог одновременно быть нежным другом, горько оплакивающим смерть Гефестиона, и коварным врагом; любящим сыном и бесцеремонным убийцей родственников; новатором в области военного искусства и угнетателем свободы. Несмотря на его талант и большие способности, по образу жизни, по своим идеям и целям, по сути своей он оставался сыном своей эпохи, крупным македонским рабовладельцем.

Правильное понимание всей сложности характера Александра и эпохи, в которой он жил, невозможно без тщательного выяснения исторических предпосылок его восточных походов, без проникновения в сущность тех социально-экономических изменений, которые эти походы произвели на огромном пространстве Востока и Запада, без рассмотрения сил, способствующих и противоборствующих этому важному историческому процессу.

Следует отметить, что греко-македонское вступление в Азию не было сумасбродной затеей честолюбивого полководца. Оно явилось предприятием большой экономической и политической важности. В нем заинтересованы были как греки, так и македоняне.

Греческие города-государства в то время переживали эко-

номический и политический кризис. Они были ослаблены многочисленными войнами. Резко сократился приток рабов, разорение мелкого крестьянства подрывало военную мощь, а усиление борьбы внутри городов между бедными и богатыми еще больше ослабляло Грецию. Все более росло число неимущих, представлявших серьезную угрозу рабовладельцам. Полис уже не смог держать в повиновении растущую массу рабов и бедноты.

В тех условиях выход из кризиса мог быть только в новых завоеваниях, которые дали бы рабов, богатства, новые земли, рынки. Богатые греческие рабовладельцы сами призывали македонского царя возглавить этот поход на Восток.

В первой части романа Л. Ф. Воронковой «Сын Зевса» хорошо показано, как усилилась к этому времени Македония, как ее могучая армия-фаланга смогла за короткий срок не только захватить соседние земли, но и покорить ослабевшую Грецию. Македонский царь Филипп II надеялся в результате восточных походов усилить могущество македонского государства, расширить его границы за счет малоазийских земель.

Персидская держава, созданная ее царями — Киром, Камбизом и Дарием,— силою оружия, коварством и обманом, была очень большой. Она простиралась от Индии до Эгейского моря, от Кавказа до Нила.

К началу восточных походов Персия занимала территорию в 50 раз большую, чем Македония, имела население в 25 раз многочисленнее, имела большие сокровища даже при расстроенных финансах, обладала финикийским флотом, господствовавшим в Средиземном море. Но, безжалостно эксплуатируя многочисленные народы, персидские цари должны были беспрерывно бороться с восстаниями, которые поднимали эти угнетенные народы. В этой борьбе слабели силы персов, слабело их государство. Завоевание Персии предвещало легкую наживу и большие богатства.

В 337 году до н. э. Филипп II собрал конгресс греческих городов в городе Коринфе. На этом конгрессе было решено начать наступательные действия против персов. Командование греко-македонскими войсками в этом походе поручалось македонскому царю. Получив неограниченные полномочия, он приложил все силы, чтобы тщательно подготовить этот поход на Восток. Но когда воинские части греческих государств были собраны, а ядро македонского войска под начальством лучших полководцев — Пармениона и Аттала —

уже выступило в Малую Азию, Филипп был убит своими политическими противниками. Осуществить эти завоевательные планы, во много раз расширив их, выпало на долю его талантливого сына — Александра Македонского.

Исторический роман «В глуби веков» начинается с того важного события, когда ранней весной 334 года до н. э. македоно-греческая армия, выступила в поход. Она состояла из трех частей: собственно македонской армии, греческих отрядов и наемников. Ядром армии были македонские крестьяне и знать. Первые служили в пехоте, вторые составляли конницу.

В количественном отношении армия была сравнительно небольшой — около 35 тысяч человек, но зато она была технически хорошо оснащена, проверена и испытана в боях.

Армия Александра имела также интендантскую и медицинскую службы. Была и служба информации, которая собирала сведения о маршрутах, местах лагерей, переходах. Их записи, проверенные Александром, долгое время служили основой для изучения географии Азии. Сюда же относилась группа ученых, которая не только изучала информацию и образцы собранных коллекций, но должна была описывать все действия Александра и различными способами восхвалять его.

В армии была и разведка. Вперед посылались небольшие группы разведчиков и наблюдателей в каждом направлении, чтобы все разузнать о той стране, которую предстояло завоевать, разведать дороги, строившиеся мосты, возможные препятствия и определить позицию вражеских сил и других источников опасности. За армией следовала военная техника — метательные и осадные орудия.

Во главе всего войска стоял Александр. Он постоянно находился при сухопутной армии, его сопровождали царские пажи, набиравшиеся из молодежи македонской знати. Штат из десяти командиров составлял его военный совет. Имелись также и телохранители, и гвардия.

Эта армия была основной опорой в многочисленных завоеваниях Александра. Пока она ему была послушна, пока она беспрекословно шла за ним, он не знал поражений.

Однако весь драматизм сложной личности Александра заключается в том, что свой талант, свои незаурядные способности он посвятил делу, которое было обречено на провал. Он мечтал создать мировое государство и стать владыкой мира. Его мечта простиралась до огромных размеров. Он

говорил, что хочет проникнуть во все страны до конца Вселенной, где море омывает последний берег и где уже никто не сможет стать на его пути.

Мечта о мировом господстве возникла у него не сразу, а постепенно, по мере успехов его оружия на Востоке. В первоначальных планах восточных походов она отсутствовала вовсе. Завоевание Персидского царства, ставшее возможным после значительных побед над персами в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах, влекло за собой господство над Азией. Отчетливую форму миродержавническая идея приняла во время индийского похода, где были очерчены конкретные границы, которых предстояло достигнуть, а затем приобрести и исследовать.

На начальном этапе восточных походов Александр тщательно скрывает и маскирует свои захватнические планы. Он всюду распространяет слух, что идет освобождать греков от персидского ига. Такие слова с радостью воспринимались в Малой Азии, где жило большое количество греков, которые находились под персидским господством. Характерно, что даже после завоевания малоазийских земель, накануне битвы при Иссе, Александр произносит речь не перед всем войском, а только перед командным составом. В этой речи он подчеркивает, что, в отличие от битвы при Гранике, где борьба шла с сатрапами Дария, здесь, при Иссе, под руководством самого персидского царя соберутся народы, населяющие Азию и подчиненные им. Этим сражением завершится покорение Азии и будет положен конец походам. Здесь подчеркнута мысль о том, что этим событием и завершатся завоевания.

Но после того как Александр одержал блестящую победу при Иссе, персы потерпели поражение на Средиземном море, а Дарий бежал в коренные области своего государства, положение греко-македонских войск изменилось. Теперь, когда Александр осаждал Тир и к нему прибыло посольство Дария с предложениями о мире, он уже назвал себя владыкой всей Азии, требовал, чтобы персидский царь обращался к нему не как к равному, а считал его своим господином. Персидскому посольству он ответил, что как при двух солнцах Вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при двух царях мир не может пребывать в мире.

Еще более отчетливо эти слова прозвучат перед битвой у Гавгамел, когда Александр объявит, что в этом сражении

воины будут бороться за всю Азию и битва решит, кто должен ею править. И в данном случае Александр также высказывает эти мысли не войску, а своим военачальникам, которые должны ободрить подчиненных, подготовить их к решающей битве. И здесь, чтобы не отпугивать македонян, Александр подходил к идее о мировом господстве очень осторожно. Ему было выгодно как можно дольше скрывать это от воинов. Он это скрывает даже после последней битвы с Дарием. Даже сожжение царских дворцов в Персеполе было им представлено как месть за обиды Греции, как наказание за невзгоды, которые когда-то принесли персы грекам.

Лишь пребывание Александра в Средней Азии и особенно поход в Индию расширили круг его представлений и отчетливо оформили его идею стать владыкой мира. Во время раскрытия «заговора пажей» Александр в своей речи против заговорщиков указывал, что он пришел на Восток с целью покорить весь мир. Сам поход в Индию был предпринят для осуществления этого плана. Индийский поход был конечной целью Александра, решающим содержанием дела его жизни. Там, с его точки зрения, самая восточная часть земли. Только в Индии, после того как он победил Пора на Гифасисе, Александр, по-видимому, впервые во всей полноте открыл войску существо своих намерений, и то после того, как он наткнулся на непреклонное сопротивление своих воинов, отказавшихся следовать дальше за ним в неизвестность.

В армии уже давно происходили сложные внутренние процессы, проистекавшие из ее социальной и этнической неоднородности. Далеко не все воины одинаково относились к завоеваниям на Востоке. Наряду с теми, кто слепо верил в судьбу Александра и шел за ним, были такие, которые в ходе завоевания умственно прозревали и становились противниками дальнейших походов. В Индии это прозрение охватило всю армию — македонян и союзников.

Нельзя, конечно, отрицать того факта, что трудности пути, тропические ливни, идущие в течение семидесяти дней, невыносимая жара и лихорадка истощили физические и духовные силы войска. Но не они, как это верно показано в романе, были основной причиной нежелания воинов идти дальше. Войска еще понимали смысл в завоевании Персии, но после того как захватили Персию — перестали понимать, что делают и куда идут.

Ни уговоры, ни угрозы Александра не помогли. Воины

отказывались идти дальше. Не нашел он поддержки и в своем командном составе. Именно это насторожило, удивило и заставило его после больших внутренних колебаний прекратить поход. Будучи побежденным своей армией, Александр при общем одобрении воинов, после сооружения памятника в честь похода, отдал приказание вернуться обратно.

Командный состав македонской армии, начав восточные походы в полном единстве, в ходе завоеваний разделился на два противоборствующих лагеря: на соратников Александра и на противников его восточной политики и его мirодержавнических устремлений.

Наличие двух противоборствующих сил в командном составе создавало напряжение и трудности при решении не только военных, но и политических проблем и усложняло решение тех задач, которые поставил перед собой Александр.

В книге Л. Ф. Воронковой хорошо показаны некоторые соратники Александра, особенно Гефестион, а также его противники. Среди последних были Парменион и его сын, брат кормилицы Александра Клит, историк Каллисфен, группа молодых воинов, так называемых пажей, наместник Македонии Антипатр и его сыновья. Все это были люди из непосредственного окружения царя.

Одним из самых близких его сподвижников был Парменион. Этот выдающийся военачальник ушел на Восток вместе с тремя своими сыновьями. Никто из них не вернулся на родину. Младший сын Гектор нелепым образом погиб в Египте на Ниле; второй сын Никанор, командовавший эллинским флотом при Милете, а при Иссе и Гавгамелах — подразделениями пехоты и щитоносцами, скончался в Средней Азии от болезни. Старший сын Филота командовал всей македонской конницей и после царя и своего отца занимал самое выдающееся положение в войске. Он был обвинен как соучастник заговора, предан войсковому суду македонян и приговорен к смерти, хотя вина его, по существу, не была доказана. Его убили за то, что он резко высказывался против политики Александра.

Нет ни одного указания о том, что в заговоре был замешан Парменион, который вместе со своими сыновьями принимал активное участие во всех основных сражениях, выполнял ответственные поручения царя. Он брал города, захватывал важные стратегические пункты, прокладывал

путь победоносным македонским войскам, охранял захваченную огромную добычу у Дария. Тем не менее Александр отдал приказание убить своего главного полководца.

У Пармениона действительно были разногласия с царем по военным вопросам. Но разногласия эти были не главными. В общем, Александр очень высоко ценил полководческий талант своего первого генерала. Их пути столкнулись в политике, в разном подходе к целям завоеваний, к конечным их результатам. На этой почве выросла оппозиция, среди которой все определеннее вынашивалась мысль о физическом устранении царя. Последний предупредил удар.

Спустя два года после гибели Филоты жертвой ярости Александра стал Клит, который за критику политики царя был им в гневе убит копьем. Не одобрял эту политику и историограф, племянник Аристотеля — Каллисфен. Его обвинили в участии в заговоре, раскрытом весной 327 года до н. э. незадолго до начала индийского похода, известным под названием «заговор пажей», и убили вместе с другими заговорщиками.

Александр надеялся этими мерами укрепить свое положение и устои своей огромной империи. Он хорошо понимал шаткость государства, основанного при помощи оружия, и искал средства для его укрепления. Прежде всего ему казалось, что он сможет укрепить свою власть, заставить в нее верить подвластные народы при помощи обожествления своей особы. Для этого он предпринимает трудную, полную опасности экспедицию через пустыню в храм бога Аммона. Он широко воспринимает восточные обычаи и приближает к себе азиатов; он стал носить восточную одежду, перенял персидский придворный церемониал, персидские звания и титулы. Он требовал, чтобы ему, по восточному обычаю, все кланялись до земли.

Вместе с внедрением восточных обычаев практиковалось привлечение персов к управлению государством. Богатые персы, полководцы и управители отдельных сатрапий стали помощниками Александра и незаметно оттеснили от него македонских ветеранов. Мероприятие это было вызвано практическими соображениями. Оно диктовалось необходимостью управления огромным государством и укрепления завоеванных территорий. Персидская и местная знать стали также занимать важные командные посты в армии.

Последним из мероприятий Александра в его восточной

политике было заключение брачных союзов с представителями восточных народов, чтобы путем смешения крови соединить победителей и побежденных. Первый пример показал сам Александр. Он женился на Роксане — дочери бактрийца Оксиарта. Несколько лет спустя по его приказанию восемьдесят близких его друзей женились на дочерях из самых знатных домов Персии. Эти браки также были совершены по персидским обычаям и одновременно. Женились на азиатских девушках и многие македонские воины. Когда были составлены поименные списки, их оказалось более десяти тысяч человек.

Есть еще другая сторона дела. Она заключается в том, что наряду с оппозиционными силами внутри лагеря Александра, его преследовала борьба племен и народов, выступивших против македонских захватчиков. Эта борьба, в которой четко выделяются три периода, велась в районе Средиземноморья, в Средней Азии и в Индии на протяжении всего времени восточных походов.

Первый период характерен антимакедонским выступлением на Балканском полуострове: во Фракии, Греции, восстанием на Крите под руководством спартанского царя Агиса, выступлением племен и народностей против Александра в Малой Азии, на Ближнем и Среднем Востоке.

По существу антимакедонское движение началось сразу же после того, как войско Александра переправилось через Геллеспонт. Учитывая это положение, Александр перед походом для обеспечения спокойствия на Балканах, охраны македонских границ и отпора возможной высадки персидского десанта оставил на родине 14 тысяч солдат под руководством македонского наместника Антипатра в качестве стратегического резерва. То, что в Македонии было оставлено почти половина войск той армии, которая отправлялась на Восток, свидетельствует о реальной опасности антимакедонских выступлений, которую Александр всегда учитывал, и старался сделать все возможное, чтобы ее избежать. Об этом говорят также предпринятые им два важных мероприятия в Малой Азии: он отправил почти весь свой флот и значительный контингент солдат в Македонию для ее защиты от намерений персидского главнокомандующего Мемнона перенести театр военных действий на территорию противника.

Массовое выступление против Александра имело место в Средней Азии, на территории современного Узбекистана,

Таджикистана и Туркмении. Эту мужественную освободительную борьбу возглавил талантливый и опытный военачальник Спитамен; ему посвящены несколько глав в этом романе. В борьбе с нашествием Александра Спитамен проявил героизм, волю, исключительную маневренность и военное мастерство. Его большие и малые операции отличались сочетанием воинского расчета со смелостью и неиссякаемой находчивостью. Основа его военной тактики зиждилась на принципах партизанской борьбы. Полукочевой, не всегда постоянный состав его конных отрядов, хорошо знавших местные особенности, был способен организовать засады, быстрые и внезапные нападения и притворные отступления. Нападения Спитамена обычно были неожиданными для неприятеля, а притворные отступления всегда приносили врагу много трудностей. Осведомленный о каждом движении врага, отступая, Спитамен всячески изматывал силы македонян; то притворялся бегущим, то внезапно появлялся во фланге или в тылу македонских войск, наводя на них панику, уничтожая отдельные отряды этих войск стрельбой из лука.

Жестокое сопротивление со стороны воинственных племен встретил Александр и в Индии. Ассакены подняли целое восстание. Храбрые и смелые маллы и оксидраки ринулись в бой. В борьбе с Александром местные племена проявили исключительную храбрость: зажигали свои города и бежали в горы, чтобы там продолжать сопротивление. Инды отравляли свое оружие змеиным ядом, действие которого было ужасным: раненый сразу впадал в оцепенение, вскоре начинались жестокие боли, судороги и дрожь сотрясали все тело, кожа становилась холодной и синей, из раны текла черная пена, и начиналась гангрена. Одинаковая судьба ожидала и тех, кто получал большие раны, и тех, кого случайно и слегка поцарапало.

Все это говорит о том, что путь Александра отнюдь не был усеян розами, что македонской армии приходилось преодолевать большие препятствия при завоевании восточных земель. Для борьбы с этими враждебными силами Александр использовал свою более совершенную военную организацию, отсутствие единства у восставших, разрозненность и неодновременность их движения. Он натравливал одно племя на другое, один народ на другой, перетягивал на свою сторону податливых людей, а потом натравливал их против своих же соотечественников.

Все это делалось для достижения одной цели: завоевания мира. Идея создания мирового государства не покидала Александра даже и после его неудач в Индии. Но именно там выяснилось, что его представления о том, как велик мир, были далеко не ясными. Поэтому, возвратившись из индийского похода, уже в последние годы своей короткой жизни он предпринял ряд мер по организации экспедиций, в обязанность которых входило уточнить тот путь, по которому ему предстояло пройти, и определить те земли, которые должны войти в его мировое государство. В связи с этим встал вопрос об овладении морями для связи с различными частями его империи. Для осуществления этой цели были организованы морские экспедиции, которые Александр или предпринимал сам, или они проводились по его заданию. Так, в последний год его жизни была подготовлена разведывательная экспедиция для исследования Каспийского моря, и три экспедиции одновременно были посланы с флотом для исследования Аравийского полуострова. Эти экспедиции мыслились Александром только как начало для присоединения Запада. Предполагалось сооружение флота из тысячи кораблей в Финикии, Сирии, Киликии и на Кипре, проведение дорог от Ливии до Геркулесовых столбов по побережью, переселение людей из Европы в Азию и из Азии в Европу. Готовился поход против Карфагена.

Предполагаемый поход в Западное Средиземноморье требовал изменения старого состава македонского войска, не разделявшего миродержавнических идей своего царя. Поэтому в Описе, на Тигре, Александр решил отделаться от своих ветеранов, выставив невинный предлог — усталость воинов. Последние быстро разгадали маневр Александра. Раздраженные тем, что он не изменил своих решений, огорченные окончательной невозможностью примирить его интересы с интересами Македонии и македонян, воины кричали, что «пойдут домой все, пусть он воюет один». Забыв о всякой дисциплине, они заявляли, что никуда отсюда больше не пойдут, кроме как на родину. Среди воинов были не только те, кто должен был уйти в Македонию, но и те, с кем Александр намерен был продолжать поход. Все жаловались, все были недовольны. Александр в гневе стал осыпать их упреками, приказал схватить подстрекателей и вести их на казнь. Он замышлял новые походы и новые завоевания. По словам древнего историка Арриана, Александр не усидел бы

спокойно на месте, довольствуясь приобретенным, если бы даже прибавил к Азии Европу, а к Европе — острова бреттанов (современная Англия). За этими пределами он стал бы искать еще неизвестное и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой.

Уже будучи больным, Александр в 323 году до н. э. объявил военачальникам свои распоряжения относительно выступления в поход: сухопутные войска должны быть готовы к выступлению через четыре дня, а флот, где будет находиться он, отплывает через пять. В последующие дни, когда болезнь быстро прогрессировала и трагический исход был уже предрешен, Александр не переставал отдавать приказания и распоряжения своим командирам о начале грандиозного похода. Только преждевременная смерть помешала ему устремиться на завоевания новых земель в Средиземноморье, а его преемники тотчас же поспешили порвать с его несбыточной мечтой о мировом господстве.

Преждевременная смерть... Все древние авторы без исключения говорят о насильственном устранении македонского царя. Одни показывают свою осведомленность об этом, но считают это выдумкой (Арриан, Плутарх); другие передают известие со слов иных писателей, но сами вполне допускают возможность отравления (Курций, Диодор); третьи принимают эту версию как действительно совершившийся факт (Юстин).

Юстин весьма определенно заявляет, что дело здесь не в какой-то тяжелой форме восточной лихорадки, а в коварном убийстве, гнусность которого сильным и влиятельным преемникам Александра удалось скрыть. Эта мысль отчетливо проводится и у других историков.

Александр умер в результате нового политического заговора, во главе которого стояли на этот раз наместник Македонии Антипатр и его сыновья. Цель этого заговора была такая же, как и прежних неудавшихся заговоров: изменить ход событий путем физического устранения Александра. Но если до этого заговоры были своевременно раскрыты, заговор Антипатра удалось осуществить. Наместник Македонии выступал против основ восточной политики Александра, отверг его обожествление, относился без сочувствия к мерам по приближению к управлению персов, усматривая в этом принижение своего народа и собственного положения. Кроме того, гибель Филоты и Пармениона заставила многих содрог-

нуться. Парменион был старым боевым другом Антипатра, и его ничем не оправданная смерть усилила неприязнь македонского наместника к царю. К этому прибавилась почти одновременная жестокая казнь зятя Антипатра, Линкестийца. Тогда же Александр послал полководца Кратера в Македонию в качестве наместника, а Антипатру приказал с новым контингентом войск прибыть к нему в Вавилон. Получив такой приказ, старый полководец убоялся расправы — участи Пармениона. Поэтому он принял меры предосторожности и первым нанес удар руками своих сыновей и единомышленников. По всем данным, Александр умер от яда, который послал Антипатр со своим сыном Кассандром в посуде из конского копыта. Тот в свою очередь передал яд своему младшему брату Иоллаю, царскому виночерпию. Иоллай вместе с участником преступления фессалийцем Мидием разбавляли вино, которое обильно пил македонский царь, этой сильнодействующей отравой. Организм Александра, ослабевший от болезни, не выдержал, и в июне месяце 323 года до н. э. его не стало.

Прожил Александр очень мало — 32 года и 10 месяцев. Многие буржуазные историки указывают, что, если бы он мог прожить хотя бы еще 10—15 лет, его обширное государство стало бы крепким и надолго могло пережить своего создателя. Только ранняя его смерть, по их мнению, дала другой оборот событиям. Но это глубокое заблуждение.

Если бы даже он прожил еще столько, сколько жил, ему все равно не удалось бы осуществить своей мечты о завоевании мира и установлении мирового господства. Путь к достижению этой цели преградили бы свободолюбивые народы, которые никогда не терпели иноземных захватчиков и поднимались на решительную и беспощадную борьбу с ними.

Итак, Александр не достиг цели, к которой стремился, и не мог ее достигнуть. Такова судьба любого завоевателя в прошлом и настоящем, как бы велик он ни был.

Но если идея создания всемирной монархии потерпела крушение, то сами восточные походы не прошли бесследно. Они имели важные последствия как для самой Македонии, так и для завоеванных стран.

Несмотря на то что походы на Восток были предприняты с целью расширения македонских позиций на Балканах, на деле они привели к ослаблению самой Македонии. Систематические войны истощили силы Македонии. Они уничто-

жили большое количество населения, преимущественно тружеников — крестьян и ремесленников, что не могло не сказаться на развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли. Вместе с тем нельзя не отметить, что восточные походы увеличили количество рабов в македонском хозяйстве. Как усиление рабовладения, так и богатства, перемещенные с Востока на Балканы, способствовали укреплению хозяйственных устоев страны.

Что касается стран Азии и Африки, то македонские завоевания открыли к ним путь грекам и македонянам, где последние оседали в городах, основывали новые, захватывали огромное количество плодородных земель и заставляли работать на себя местное трудовое население.

В то же время проникновение греков и македонян на Восток способствовало развитию торговых связей между европейскими и восточными странами, оживлению хозяйства, росту городов, в которых развивались наука и искусство. Путем слияния богатой греческой культуры с не менее богатой восточной культурой возникла новая оригинальная культура.

Исторический роман Л. Ф. Воронковой вводит нас в гущу событий этого интересного и важного исторического периода и силой художественного проникновения раскрывает перед нами яркие картины далекого прошлого. Этот роман юный читатель прочтет с большой пользой для себя.

Следует сказать несколько слов о языке повести. Он отличается ясностью, сжатостью и простотой. Автор, как правило, избегает терминов, которые были чужды античной эпохе. Нам только хочется сделать для читателей одно разъяснение, которое касается термина «македоняне». Л. Ф. Воронкова на протяжении повести употребляет слово «македонцы». Такое написание в литературе встречается. Однако правильнее было бы сказать «македоняне», в отличие от другого этнического типа — македонцев, возникшего в конце VI — начале VII вв. н. э. в результате слияния и ассимиляции местного македонского населения с пришедшими на Балканы славянами.

Доктор исторических наук,
профессор А. С. Шофман

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Начало далеких путей . . . 3
На земле Илиона 7
Мемнон 13
Граник 19
Сарды 27
Милет 30
Царица Ада 39
Опять Мемнон 43
Линкестиец 50
Море отступило 60
Гордиев узел 63
Царь Дарий Кодоман 68
Река Кидн 75
Персы идут 81
Битва при Иссе 88
Парменион везет сокровища . 93
Письмо Дария и ответ Александра 101
Город Тир 104
Страна, которая снилась . . . 112
Покорение страны чудес . . 116
Александрия 122
Сын Зевса 127
Красавица Антигона 133
«Хлев верблюда» 139
Сокровища персидских царей 149
Пламя над Персеполем . . . 152
Город Кира 159
Погоня 164
Смерть Дария 170

Часть вторая

Спитамен 175
Царский поцелуй 184
Измена 191
Суд войска 199
Смерть Пармениона 204
Последняя встреча с Бессом . 210
Вольнолюбивая страна . . . 215
Клит 224
Роксана 232
Голова Спитамена 239
Крылатые воины 247
Любовь 251
Каллисфен 259
«Пусть горит все!» 266
Ворота в Индию 274
Встреча и прощание 281
Смерть Букефала 287
Дожди 292
Путь к морю 300
Опасные чудеса Великого моря 311
Дорога страданий 316
Возвращение к жизни . . . 324
Неарх 329
Свадьбы 333
Разлад 338
Месть Диониса 346
Вавилон 350
Костер Гефестиона 356
Конец пути 359
А. С. Шофман. Александр Македонский и его время . . 368

Для среднего и старшего школьного возраста

Воронкова Любовь Федоровна

В ГЛУБИ ВЕКОВ

Исторический роман

Ответственный редактор *С. М. Пономарева.*
Художественный редактор *Н. И. Комарова.*
Технический редактор *С. Г. Маркович.*
Корректоры *В. И. Дод* и *Е. И. Щербакова.*

Сдано в набор 12/IX 1972 г. Подписано к печати 9/III 1973 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 22,32. (Уч.-изд. л. 22,3). Тираж 75 000 экз. ТП 1972 № 449. А09067. Цена 97 коп. на бум. типогр. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 4775.

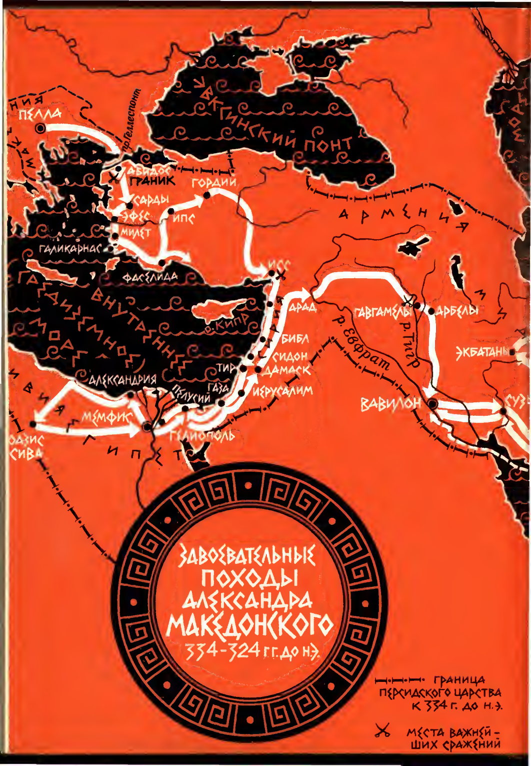
Воронкова Л. Ф.

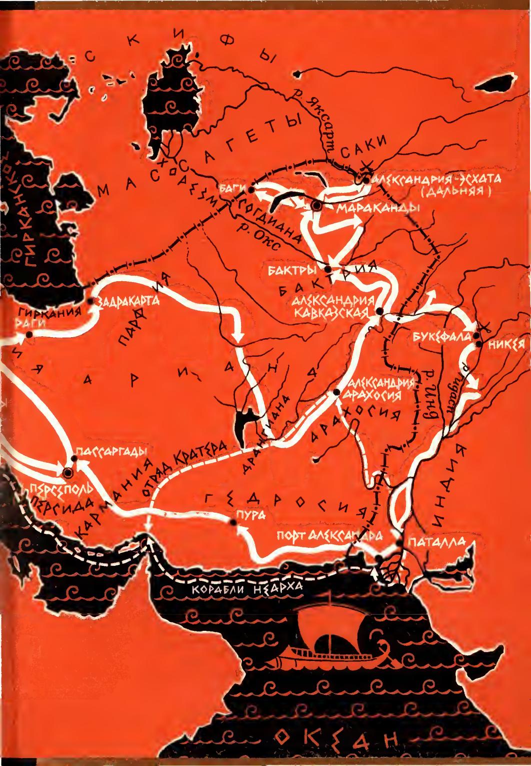
В75 В глуби веков. Исторический роман. Рис. И. Ильинского. М., «Дет. лит.», 1973.

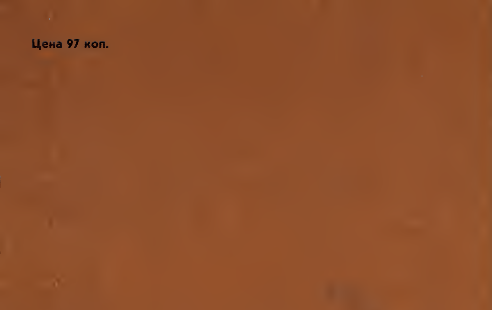
382 с. с ил.

Исторический роман о жизни и завоевательных походах Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.). Книга первая, «Сын Зевса», выходила в 1971 году. Роман завершает послесловие «Александр Македонский и его время» доктора исторических наук, профессора А. С. Шофмана.

Р2

ПЕЛЛА
р.Геллеспонт
ЭВКСИНСКИЙ ПОНТ
АБИДОС
ГРАНИК
ГОРДИЙ
САРДЫ
ЭФЕС
ИПС
МИЛЕТ
АРМЕНИЯ
ГАЛИКАРНАС
ИСС
ФАСЕЛИДА
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
о.КИПР
АРАД
ГАВГАМЕЛЫ
АРБЕЛЫ
р.Евфрат
р.Тигр
БИБЛ
СИДОН
ДАМАСК
ТИР
ЭКБАТАНЫ
АЛЕКСАНДРИЯ
ГАЗА
ПЕЛУСИЙ
ИЕРУСАЛИМ
ВАВИЛОН
МЕМФИС
ГЕЛИОПОЛЬ
ОАЗИС СИВА
ЕГИПЕТ
ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
334-324 гг. до н.э.
граница персидского царства к 334 г. до н.э.
места важнейших сражений

СКИФЫ
р. Яксарт
МАССАГЕТЫ
САКИ
ХОРЕЗМ
АЛЕКСАНДРИЯ-ЭСХАТА (ДАЛЬНЯЯ)
БАГИ
СОГДИАНА
МАРАКАНДЫ
р. Окс
ГИРКАНСКОЕ
БАКТРЫ
БАКТРИЯ
АЛЕКСАНДРИЯ КАВКАЗСКАЯ
ЗАДРАКАРТА
ГИРКАНИЯ
РАГИ
ПАРФИЯ
АРИАНА
БУКЕФАЛА
НИКЕЯ
АЛЕКСАНДРИЯ АРАХОСИЯ
АРАХОСИЯ
р. Инд
р. Гидасп
ДРАНГИАНА
ПАССАРГАДЫ
ОТРЯД КРАТЕРА
КАРМАНИЯ
ПЕРСЕПОЛЬ
ПЕРСИДА
ГЕДРОСИЯ
ИНДИЯ
ПУРА
ПОРТ АЛЕКСАНДРА
ПАТАЛЛА
КОРАБЛИ НЕАРХА
ОКЕАН

Цена 97 коп.